

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ЗАПИСКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
АКАД. Б. Д. ГРЕКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1949

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Академик *Б. Д. Греков* (ответственный редактор),
В. Д. Мочалов, член-корреспондент АН СССР *С. Д. Сказкин*

Ответственный секретарь *М. К. Рожкова*

Н. Я. ИВАНОВ

ИЗ ИСТОРИИ РАЗГРОМА КОРНИЛОВЩИНЫ

В конце августа 1917 года генерал Корнилов и стоявшие за его спиной руководящие круги русской и международной контрреволюции приступили к реализации давно подготовлявшегося ими заговора против назревавшей в России социалистической революции.

Корниловский заговор имел своей целью установление в стране террористического режима военной диктатуры, расправу с большевиками, разгром Советов и различных массовых организаций (фабзавкомов и профсоюзов, солдатских и крестьянских комитетов), восстановление монархии. «Заговор Корнилова» есть заговор империалистической буржуазии против революционных классов России, против пролетариата и крестьянства», — писал И. В. Сталин.¹ По определению В. И. Ленина, Корнилов — «русский тип буржуазного Кавеньяка».²

Корниловский заговор готовился постепенно, исподволь. Он был подготовлен всей контрреволюционной политикой буржуазии с марта по август 1917 г. Его руководящим идейно-политическим центром была партия кадетов — эта, по выражению В. И. Ленина, «главная корниловская партия».³ Важнейшим условием оформления заговора была «луиблановщина» меньшевиков и эсеров, т. е. их обман масс посредством революционных фраз и бесконечных обещаний, их сговор с буржуазией, добровольная передача ей всей полноты власти.

Крупнейшую роль в подготовке заговора сыграли англо-французские и американские империалисты. С их стороны это было первым шагом в развертывании антисоветских заговоров, не прекращающихся вплоть до наших дней. К середине августа 1917 г. Корнилов получил в антантовских кругах широкую популярность. Американский империализм стремился обеспечить торжество Корнилова с помощью своих миллиардов, соглашаясь на предоставление России новых займов и кредитов только при условии установления в стране «сильной власти», т. е. военной диктатуры. Английский империализм оказал корниловскому заговору прямую военную помощь. Известно, что в арьергарде корниловских войск, наступавших на Петроград, двигался находившийся на русском фронте английский бронедивизион. Кроме того, империалисты готовились с помощью обмана и насилия бросить на подавление русской революции чехословацкий и польский корпусы, формировавшиеся на территории России на их средства.

Корниловские заговорщики действовали по прямому сговору с контрреволюционным правительством «социалиста» Керенского. Однако оформившийся было сговор Керенского и Корнилова о совместном

¹ И. Сталин. Соч., т. III, стр. 349.

² В. И. Ленин. Соч., т. XXII, стр. 458.

³ В. И. Ленин. Соч., т. XXI, стр. 202.

удушении революции, как известно, в последний момент неожиданно расстроился. Причины этого заключались в том, что переход к военной диктатуре казался эсеро-меньшевистским руководителям возможным лишь через ряд промежуточных мер насилия, широко прикрываемых различными формами «демократического» обмана масс.

В этой связи с большой остротой встал вопрос о политическом руководителе подготовкой и осуществлением заговора. Керенский, идя на сговор с Корниловым, надеялся, что руководящая роль будет сохранена за ним и что он, а не Корнилов, возглавит правительство военной диктатуры. Требование Корнилова об отставке всех министров Временного правительства, не исключая и министра-председателя, и о предоставлении верховному главнокомандующему неограниченных полномочий на сформирование нового правительства привело Керенского к убеждению, что для спасения заговора и для него лично лучшим исходом было объявить Корнилова мятежником против Временного правительства, создать видимость борьбы против него и тем самым попытаться упрочить свой падающий авторитет. Затем Керенский рассчитывал спровоцировать петроградский пролетариат на стихийное неорганизованное выступление с целью под крики о «спасении революции» учинить над рабочими кровавую расправу силами юнкеров и корниловских же войск. Далее последовала бы постепенная реализация корниловской же программы удушения революции во всем ее объеме.

«Керенский был и остается самым опасным корниловцем», — писал В. И. Ленин.⁴

Но в то время, когда Керенский и Корнилов повели между собой бумажную войну, а лидер партии кадетов Милуков, генерал Алексеев, английский посол Бьюкенен и другие корниловцы тщетно пытались примирить их, в события властно вмешался истинный хозяин положения — народные массы России — рабочие, солдаты, матросы и крестьяне, организованные и руководимые большевистской партией.

В современной международной обстановке, когда империалистическая реакция, напуганная и озлобленная великими успехами социализма и демократии, проявляет особую склонность к военно-террористическим методам подавления стремлений народа, замечательный опыт большевистской партии по организации разгрома корниловской контрреволюции в 1917 г. приобретает особенно большое поучительное значение. Этот опыт учит умелому и своевременному раскрытию тайных планов врагов революции. Он обязывает к последовательному и беспощадному разоблачению предателей революции типа меньшевиков и эсеров, являющихся верной опорой империалистической буржуазии, подготавливающих ее насилие над народом. Этот опыт показывает, что только подлинно революционная боевая партия пролетариата — партия большевиков, опирающаяся на массовые организации, пользующаяся поддержкой широких народных масс, — способна с успехом отразить любой натиск сил контрреволюции и привести массы к полной победе над буржуазией.

I

Большевики задолго до выступления Корнилова предвидели опасность организации буржуазией заговора против революции и повели энергичную подготовку масс в целях защиты революции. «Сила марксистско-ленинской теории состоит в том, — учит товарищ Сталин, — что она дает партии возможность ориентироваться в обстановке, понять

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. XXI, стр. 292.

внутреннюю связь окружающих событий, предвидеть ход событий и распознать не только то, как и куда развиваются события в настоящем, но и то, как и куда они должны развиваться в будущем». ⁵

Уже при первых известиях о Февральской революции В. И. Ленин в своих «Письмах из далека» и в других выступлениях этого периода предостерегал об опасности, грозящей пролетариату со стороны мобилизующихся сил буржуазно-помещичьей контрреволюции. Буржуазия, разъяснял Ленин, изо всех сил ведет подготовку к установлению своей диктатуры.

Прямое указание на опасность появления в обстановке революционной России русского буржуазного Кавеньяка было сделано партией на Всероссийской апрельской конференции РСДРП(б) в резолюции по докладу Ленина «Об отношении к Временному правительству». В резолюции говорилось: «...партия пролетариата обязана со всей энергией сказать народу, что необходима организация и вооружение пролетариата, теснейший союз его с революционной армией, разрыв с политикой доверия Временному правительству для предотвращения серьезно грозящей опасности таких массовых расстрелов пролетариата, как в июньские дни в Париже в 1848 г.» ⁶

В заметке «Ищут Наполеона», опубликованной в «Правде» 10 мая 1917 г., В. И. Ленин с гениальной проницательностью разгадал начавшиеся в это время поиски буржуазией кандидата в военные диктаторы. В настоящее время известно, что в мае 1917 г. кадетские круги действительно склоняли генерала Алексеева, а затем — Брусилова возглавить расправу с революцией. Немного позднее буржуазия намечала к этой роли Керенского, Колчака, пока, наконец, не остановила своего выбора на генерале Корнилове.

В статье «Из какого классового источника приходят и «придут» Кавеньяки», опубликованной 16 июня 1917 г. в «Правде», В. И. Ленин дал один из замечательнейших примеров марксистского предвидения событий. Отмечая принципиальное сходство расстановки классовых сил после Февральской революции в России и в ходе революции 1848 г. во Франции, Ленин пришел к выводу о наличии в России «объективной исторической почвы», на которой появился «французский кадет, генерал Кавеньяк». Эта историческая почва заключалась в наличии «луиблановщины» меньшевиков и эсеров. «Было бы болото, а черти найдутся, — писал Ленин. — Была бы шаткая, колеблющаяся, боящаяся развития революции мелкая буржуазия, — появление Кавеньяков обеспечено... именно слабость, шаткость, доверчивость к буржуазии со стороны Луи Бланов родили Кавеньяка, дали ему успех». ⁷

Свою замечательную статью Ленин закончил боевым мобилизующим выводом: «Исключительно от стойкости и бдительности, от силы революционных рабочих России зависит, победа или поражение ждет русских Кавеньяков...» ⁸

Огромное значение в мобилизации масс на борьбу с контрреволюцией, в разоблачении каждого ее нового шага имели боевые статьи И. В. Сталина, опубликованные в большевистской печати в 1917 г. Вместе с Лениным товарищ Сталин шаг за шагом разоблачал кадетов, как главную опору контрреволюции, раскрывал перед массами контрреволюционный характер Временного правительства, срывал маску с предателей революции — меньшевиков и эсеров.

⁵ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 339.

⁶ ВКП(б) в резолюциях и решениях. Ч. 1, Политиздат, 1940, стр. 229.

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. XX, стр. 538.

⁸ Там же.

После событий 3—5 июля в Петрограде Ленин, как известно, вынужден был скрываться в подполье. Основная тяжесть руководства ЦК партии большевиков и его печатным органом «Правда» легла на плечи товарища Сталина. Товарищ Сталин уверенно вел партию и народ к победе социалистической революции по пути, указанному Лениным. «Свержение диктатуры империалистической буржуазии,— говорил товарищ Сталин на VI съезде партии,— вот что должно быть теперь очередным лозунгом партии.

Мирный период революции кончился. Наступил период схваток и взрывов».⁹

В середине августа 1917 г. Временное правительство, в целях создания видимости «всенародного» одобрения его контрреволюционной политики, созвало в Москве Государственное совещание. В нескольких замечательных статьях об этом совещании товарищ Сталин с неумолимой логикой сорвал с него маску, выставив его действительную сущность, как центра подготовки заговора против революции. «Коронация контрреволюции — вот результат Московского совещания», — писал товарищ Сталин.¹⁰

В связи с угрозой сдачи немцам Риги, высказанной генералом Корниловым на Московском совещании, товарищ Сталин опубликовал три статьи о причинах поражения русских войск на Юго-западном фронте в начале июля 1917 г. На основании неопровержимых фактов он показал провокационную роль в этом поражении контрреволюционного генералитета и всей буржуазии. Когда Корнилов осуществил свою угрозу и 21 августа, в целях создания благоприятной морально-политической обстановки для введения военной диктатуры в стране, сдал немцам Ригу, товарищ Сталин опубликовал свою замечательную статью «Полоса провокаций». Напоминая в ней о предательстве контрреволюционных генералов под Тарнополем и Черновицами, когда «измена была разыграна, как по нотам, по заранее обдуманному, рассчитанному плану», товарищ Сталин писал: «Теперь дошла очередь до Риги», контрреволюционные генералы и буржуазия «исполняют какой-то план». «Не ясно ли, — указывал товарищ Сталин, — что этот план, как две капли воды, похож на другой план, разыгранный у Тарнополя и Черновиц?»¹¹

Разоблачение чудовищного предательства корниловцев под Ригой имело первостепенное значение в подготовке всенародного отпора их наглому выступлению против революции.

Большевистская партия проявляла острую бдительность к связям корниловских заговорщиков с международным империализмом. Ярким примером этой бдительности были статьи товарища Сталина «Американские миллиарды» и «Союз желтых», опубликованные 19 и 25 августа 1917 г.

Благодаря большевистской партии и ее вождям Ленину и Сталину корниловщина не застала массы врасплох.

Когда корниловский заговор выплыл наружу, товарищ Сталин выступил в центральном органе партии. «Рабочий»¹² с рядом своих коротких боевых статей, в которых с предельной ясностью вскрыл смысл генеральской авантюры, как логического завершения всех предшествовавших происков контрреволюции, и четко определил задачи партии, рабочих и солдат в борьбе с заговором. В первой из этих статей — «Мы требуем» — он с замечательной пронизательностью и точностью опре-

⁹ И. Сталин. Соч., т. III, стр. 177.

¹⁰ Там же, стр. 216.

¹¹ Там же, стр. 242, 243.

¹² Под таким названием выходила в это время большевистская «Правда».

делил действительный характер столкновения Керенского и Корнилова. «В происходящей теперь борьбе между коалиционным правительством и партией Корнилова выступают не революция и контрреволюция,— писал он,— а два различных метода контрреволюционной политики, причем партия Корнилова, злейший враг революции, не останавливается перед тем, чтобы, сдав Ригу, открыть поход против Петрограда для того, чтобы подготовить условия для восстановления старого режима». ¹³

В статье «Заговор продолжается», опубликованной в этот же день в экстренном выпуске «Рабочего», товарищ Сталин выступил с дальнейшим разоблачением вдохновителей и организаторов заговора — кадетов и «общественных деятелей», выставляя при этом жалкую роль меньшевиков и эсеров, вчера еще лобызавшихся с этими «живыми силами» страны. Товарищ Сталин разгадывал тайное намерение корниловцев открыть фронт, сдать врагу Петроград, вступить с ним в соглашение, «думая идеей сепаратного мира увлечь за собой измученных войной солдат и потом двинуть их против революции». ¹⁴

Большая заслуга товарища Сталина состояла в быстром и четком определении тактической линии партии в борьбе с корниловским заговором. Новое в тактике партии в этот момент состояло в том, что большевики, мобилизуя массы на борьбу с Корниловым как главной непосредственной опасностью для революции, вместе с тем ни на минуту не ослабляли борьбу с Керенским, лишь видоизменив форму борьбы против него, т. е., требуя от Керенского, прежде всего, развития активной, истинно революционной войны против заговора, тем самым раскрывая перед массами его слабость и шатания, его тайную приверженность к корниловщине.

В. И. Ленин, как только до его финляндского подполья дошли вести о заговоре, немедленно отозвался директивным письмом в ЦК партии, написанным 30 августа в Гельсингфорсе. Это письмо подробно освещало тактику партии в борьбе с заговором. В постскриптуме к этому письму Ленин указал, что, прочитав после его написания шесть номеров «Рабочего», он убедился в полном совпадении его точки зрения на тактику партии в борьбе с заговором с тем, что уже было выражено на страницах ЦО партии. «Приветствую ото всей души превосходные передовицы», ¹⁵ — писал Ленин. Автором этих передовиц был товарищ Сталин.

В своем письме в ЦК Ленин, рассматривая восстание Корнилова, как «прямо-таки невероятно крутой поворот событий», выдвинул задачу пересмотра и изменения тактики партии, предупреджая при этом, что, «как со всяким пересмотром, надо быть архи-осторожным, чтобы не впасть в беспринципность». ¹⁶ Беспринципность, указывал Ленин, грозит тем, кто в борьбе с заговором даст увлечь себя потоку событий и будет скатываться до поддержки Временного правительства.

Изменение тактики большевистской партии в связи с восстанием Корнилова, разъяснял Ленин, состоит в видоизменении формы борьбы с Керенским. «Ни на йоту не ослабляя вражды к нему, не беря назад ни слова, сказанного против него, не отказываясь от задачи свержения Керенского, мы говорим: надо *учесть* момент, сейчас свергать Керенского мы не станем, мы *иначе* теперь подойдем к задаче борьбы с ним, именно: разъяснять народу (борющемуся против Корнилова) *слабость*

¹³ И. Сталин. Соч., т. III, стр. 258.

¹⁴ Там же, стр. 264.

¹⁵ В. И. Ленин. Соч., т. XXI, стр. 120.

¹⁶ Там же, стр. 116.

и шатания Керенского. Это делалось и раньше. Но теперь это стало *главным*: в этом видоизменение». ¹⁷

Далее Ленин пояснял, что видоизменение тактики состоит также в том, что «теперь *главным* стало: усиление агитации за своего рода «частичные требования» к Керенскому: арестуй Милюкова, вооружи питерских рабочих...» и т. д. Ленин подчеркивал вместе с тем, что эти требования должны быть обращены «не столько к Керенскому... (ибо он их все равно не исполнит.— Н. Я.), сколько к рабочим, солдатам и к крестьянам, увлеченным ходом борьбы против Корнилова». ¹⁸

Ленин указывал далее, что теперь, в связи с восстанием Корнилова, большевики «чрезвычайно приблизились» к завоеванию власти пролетариатом, но приблизились к нему «не прямо, а со стороны». Решение этой задачи будет достигнуто тем скорее, чем полнее и энергичнее партия использует новые тактические приемы борьбы с Керенским. И тут же снова Ленин настойчиво призывал партию: «И агитировать надо *сию минуту* не столько прямо против Керенского, сколько *косвенно* против него же, но косвенно, именно: требуя активной и активнейшей истинно революционной войны с Корниловым. Развитие этой войны одно только может *нас* привести к власти...» ¹⁹

Теоретическую разъяснительную работу партия большевиков всегда соединяла с практической работой по организации масс. Так было и в дни борьбы с корниловской авантюрой. Определив свою тактическую линию, партия большевиков немедленно развернула кипучую деятельность по мобилизации масс на разгром заговора.

Товарищ Сталин поднял на ноги всю петроградскую организацию большевиков. В 7 часов вечера 27 августа, т. е. сразу после объявления Керенского о выступлении Корнилова, было созвано экстренное заседание Петроградского Комитета РСДРП (б-ков), на котором был заслушан доклад представителя ЦК партии о текущем моменте. На этом заседании был намечен план немедленных действий. Он предусматривал установление непрерывной связи Петроградского Комитета партии с Междурайонным совещанием районных Советов столицы, Центральным советом фабрично-заводских комитетов, профсоюзами, крупнейшими предприятиями города, частями гарнизона. Решено было установить круглосуточное дежурство членов партии на всех важнейших объектах города, мобилизовать все силы партийной организации на агитационную работу, печатание и распространение листовок и т. д. ²⁰

Согласно этому решению тысячи петроградских большевиков уже поздним вечером 27 августа устремились на предприятия, где работали ночные смены, в солдатские казармы, в здания, где размещались массовые рабочие организации. Начались митинги и собрания, создавались первые Ревкомы.

С наступлением ночи по указанию состоявшего при ЦК партии Всероссийского бюро военных организаций большевиков в назначенное место собрались представители почти всех воинских частей петроградского гарнизона. С ними под руководством Я. М. Свердлова было проведено совещание по вопросу о роли солдат гарнизона в борьбе с заговором. Было решено в соответствии с тактикой партии повсеместно на солдатских митингах потребовать от Временного правительства вооружения рабочих, разгона важнейших очагов буржуазной контрре-

¹⁷ В. И. Ленин. Соч., т. XXI, стр. 119.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Первый легальный Петроградский Комитет большевиков в 1917 г. ГИЗ, 1927, стр. 237.

волюции, ареста всех заговорщиков с преданием их смертной казни и т. п. Вместе с тем решено было оказать всемерную помощь в вооружении и военном обучении петроградских рабочих.²¹

Большевики, сознавая свою популярность в массах столичного пролетариата и солдат гарнизона, предложили вечером 27 августа на расширенном заседании солдатской секции Петроградского Совета передать все дело защиты города от корниловских войск в руки большевистского Всероссийского бюро военных организаций при ЦК партии. Однако эсеро-меньшевистским руководителям секции удалось уговорить большинство рядовых ее членов ждать создания ВЦИК'ом руководящего органа по борьбе с Корниловым, куда-де войдут и большевики. Лидеры соглашательских партий панически боялись всякого открытого проявления силы большевистского влияния на массы, понимая, что это обнаруживает их собственное бессилие. Они стремились к таким совместным действиям с большевиками, при которых за ними оставалась бы руководящая роль, а у масс складывалось бы впечатление, что они, а не большевики, организуют борьбу с контрреволюцией.

Но факты упрямо показывали, что меньшевики и эсеры не способны к революционной войне с Корниловым. Яркой иллюстрацией этого явилось созванное поздно вечером 27 августа пленарное заседание ВЦИК и Исполкома Совета крестьянских депутатов.

Это заседание, продолжавшееся всю ночь, свелось в основном к бесконечным выступлениям эсеро-меньшевистских ораторов, призывавших на разные лады к сплочению всех сил вокруг Временного правительства и его главы Керенского. Этим речам ораторов вторил соглашательский орган «Известия», в передовице которого, посвященной заговору, писалось: «Единственное лицо, которое в данное время может сконцентрировать власть — это Керенский... На него и на Временное правительство направлен удар, и если погибнут они, погибнет дело революции».²²

А между тем в дни борьбы с корниловским заговором, как указывал В. И. Ленин в статье «О компромиссах», снова сложилась благоприятная обстановка для перехода всей власти в руки Советов, т. е. — новая возможность (как в донюльские дни) мирного развития революции. Однако ход событий показал, что меньшевики и эсеры не способны ни к какой революционной инициативе. Ленин, учитывая это, писал в послесловии к своей статье, что «те несколько дней, в течение которых мирное развитие было *еще* возможно...», прошли.²³

На заседании 27 августа большевистская фракция ВЦИК огласила свою резолюцию о политическом моменте, написанную товарищем Сталиным. Но боевая истинно-революционная позиция большевиков не нашла поддержки у соглашателей. Они, в частности, дружно запротестовали против содержавшегося в резолюции призыва использовать благоприятную ситуацию для перехода власти в руки Советов, предпочитая продолжать свою линию сговора с корниловцем Керенским.

Единственным практическим результатом этого заседания было создание так называемого Комитета народной борьбы с контрреволюцией, большинство членов которого составили меньшевики и эсеры. Бессилие этого Комитета было очевидно для большевиков, но тем не менее они приняли приглашение послать в Комитет своих представителей, исходя из необходимости использовать всякую легальную возможность для мо-

²¹ Солдат, экстренн. выпуск, 29 августа 1917 г.

²² Известия Петроградского Совета Р. и С. Депутатов, экстренн. выпуск, 28 августа 1917 г. (в дальнейшем Известия).

²³ В. И. Ленин и Соч., т. XXI, стр. 136.

билизации масс на борьбу с заговором. Условием своего участия в Комитете большевики поставили немедленное вооружение рабочих и легализацию находившихся в подполье отрядов рабочей Красной Гвардии. Действительной же опорой большевиков в организации всенародного отпора корниловщине были массовые организации — Советы (в Петрограде и Москве — Райсоветы), фабзавкомы, профсоюзы, возникшие в ходе борьбы Ревкомы, солдатские комитеты.

С утра 28 августа пришли в движение все силы большевистской партии, поднимавшие массы на борьбу с заговором. Междурайонное совещание Райсоветов Петрограда, созданное большевиками в июне 1917 г. для противовеса соглашательскому Исполкому Петроградского Совета, объявило себя бесперывно действующим на весь период борьбы с корниловщиной. Большую активность стали проявлять петроградские фабзавкомы, еще с мая 1917 г. руководимые большевиками. Бурный политический подъем наблюдался в наиболее массовых организациях — профсоюзах.

Главные усилия большевики направили на создание вооруженных сил рабочего класса. На первом же заседании Комитета народной борьбы с контрреволюцией они потребовали принятия официального постановления о вооружении рабочих. Соглашатели вынуждены были уступить требованию большевиков. В принятом постановлении говорилось: «признать желательным вооружение отдельных групп рабочих для охраны рабочих кварталов, фабрик и заводов, под ближайшим руководством районных Советов и под контролем Комитета». ²⁴ При этом эсеро-меньшевистские руководители Комитета поспешили оговорить, что рабочим должно быть выдано не более 7 тысяч винтовок.

Однако это с трусливой осторожностью сформулированное решение Комитета дало большевикам формальное основание для настоящей работы по вооружению масс. Военная организация при ЦК партии большевиков, опираясь на свои связи с частями гарнизона, Арсеналом и Петропавловской крепостью, сумела в этот же день раздобыть для рабочих около 20 тысяч винтовок, патроны и некоторое количество пулеметов. ²⁵ Один из представителей большевиков в Комитете — Ф. Э. Дзержинский, в эти дни щедро раздавал представителям районов наряды на получение оружия.

Огромное значение в мобилизации масс на борьбу с заговором имела пламенная большевистская агитация — устная и печатная. Под руководством большевиков проводились многочисленные рабочие и солдатские митинги и собрания, распространялись по городу сотни тысяч большевистских листовок. В воззвании ЦК партии — «Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда!» — под которым подписались также Петроградский Комитет партии, Военная организация при ЦК, Центральный совет фабзавкомов и большевистская фракция Петроградского и Центрального Совета Р. и СД., говорилось:

«Контрреволюция надвигается на Петроград. Предатель революции, враг народа — Корнилов, ведет на Петроград войска, обманутые им. Вся буржуазия во главе с партией кадетов, которая непрерывно сеяла клевету на рабочих и солдат, теперь приветствует изменника и предателя и готова от всего сердца аплодировать тому, как Корнилов обогрится улицы Петрограда кровью рабочих и революционных солдат, как он руками темных, обманутых им людей задавит пролетарскую крестьянскую революцию».

²⁴ Известия, № 156, 29 августа 1917 г.

²⁵ Контрреволюция в 1917 г., 1924, стр. 166.

янскую и солдатскую революцию... Торжество Корнилова — гибель воли, потеря земли, торжество и всевластие помещика над крестьянином, капиталиста — над рабочим, генерала — над солдатом.

Временное правительство распалось при первом же движении корниловской контрреволюции... Поиски соглашения с буржуазией ослабили демократию, разожгли аппетиты буржуазии, дали ей смелость решиться на открытое восстание против революции, против народа.

Спасение народа, спасение революции — в революционной энергии самих пролетарских и солдатских масс...

Население Петрограда! На самую решительную борьбу с контрреволюцией зовем мы вас! За Петроградом стоит вся революционная Россия!

Солдаты! Во имя революции — вперед против генерала Корнилова! Рабочие! Дружными рядами оградите город революции от нападения буржуазной контрреволюции...!

Во имя интересов революции, во имя власти пролетариата и крестьянства в освобожденной России и во всем мире — дружной семьей, сплоченными рядами, рука об руку, все как один человек, встретьте врага народа, предателя революции, убийцу свободы!

Вы смогли свергнуть царизм, — докажите, что вы не потеряете господства ставленника помещиков и буржуазии — Корнилова». ²⁶

ЦК партии большевиков явился подлинным штабом борьбы с корниловщиной не только в столице, но и во всей России. Следуя его указаниям, кипучую деятельность развернули большевистские организации Москвы, Минска, Костромы, Ярославля, Иваново-Вознесенска, Воронежа, Царицына, Луганска, Самары и многих других городов. Всюду, даже где не было непосредственной опасности выступления корниловцев, большевики сплывали массы под своими знаменами для отпора заговору, использовали сложившуюся ситуацию для вовлечения в революционную борьбу новых отрядов трудящихся, подготавливали их к завоеванию власти пролетариатом в союзе с крестьянской беднотой. Лучшие представители большевистской партии руководили местными силами в борьбе с заговором. Так, В. В. Куйбышев фактически возглавил самарский губернский Комитет спасения революции, созданный 28 августа по решению местного Совета. Этот Комитет в корниловские дни сосредоточил в своих руках полноту гражданской и военной власти в губернии. ²⁷ Руководителем луганского Комитета по борьбе с контрреволюцией, сыгравшего крупную роль в ликвидации донского очага корниловщины, стал другой выдающийся большевик — К. Е. Ворошилов. В районе Иваново-Вознесенска борьбу с корниловщиной возглавил только что прибывший туда с Западного фронта М. В. Фрунзе, в Нарве его руководил замечательный сын эстонского народа большевик Кингисепп, в Гатчине — большевик Огородников. Большевики Кронштадта, Гельсингфорса, Балтийского флота были душой мощного революционного подъема, охватившего в эти дни моряков.

Эти примеры могут быть дополнены многими другими. «Наша партия не была еще правящей партией, но она действовала в дни корниловщины, как настоящая правящая сила, ибо ее указания выполнялись рабочими и солдатами без колебаний». ²⁸

²⁶ Рабочий, № 8, 30 августа 1917 г.

²⁷ Центр Гос. Архив Октябрьской революции (в дальнейшем ЦГАОР). ф. 3, оп. 1, л. 72, 1917 г., л. 44.

²⁸ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 193.

II

Боевая активность большевиков в корниловские дни привела в движение могучие силы пролетарского Петрограда. Грандиозные митинги, возглавленные большевиками, повсеместно заканчивались принятием политически острых резолюций, показывавших высокую революционную зрелость питерского пролетарского авангарда. При всем обилии и разнообразии этих резолюций не было среди них ни одной, где бы не подверглась самому суровому осуждению соглашательская политика меньшевиков и эсеров, развязавшая силы корниловщины. Вместе с тем, как справедливо отмечал орган большевиков «Рабочий Путь» — «не было за 3 бурных дня организации отпора контрреволюции ни одного собрания рабочих и революционеров, которое не потребовало бы возвращения в ряды революции ее передовых арестованных и преследуемых борцов», т. е. — большевиков.²⁹

Обращает на себя внимание еще одна коренная особенность противокорниловских резолюций петроградских рабочих. Почти все они, за редким исключением, содержали требование перехода власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства, что являлось наиболее ярким выражением политической зрелости рабочих столицы.

Рабочие понимали, что разгромить Корнилова и вырвать власть у буржуазии можно только силой оружия. Поэтому — через все резолюции красной нитью проходит требование оружия.

В большевистском органе «Рабочий» было помещено следующее описание отклика питерского пролетариата на корниловский заговор: «В рабочих районах все пришло в движение. Рабочие вооружаются! Создана правильная связь с партийными и революционными центрами. Решимость питерского пролетариата защищать дело революции не знает пределов. Бурю негодования вызвало известие о том, что ЦИК снова затеял канитель соглашательства с буржуазией, высказавшись за сохранение коалиционного правительства. С предателями, говорят рабочие, не братаются, с ними борются».³⁰

На другой день, продолжая печатать информацию о положении в пролетарских районах столицы, «Рабочий» сообщал: «Здесь внешне царит полное спокойствие. Но там, в глубинах рабочих масс, совершается колоссальная работа. Среди всеобщего предательства рабочий класс не потерял головы, он бодрствует, организуется и вооружается всеми средствами революционной защиты и нападения... По районам идет усиленная организация боевых рабочих отрядов. Стоят целые хвосты чающих стать в ряды боевой гвардии рабочего класса. Начались инструкторские занятия ружейным приемом и правилам боевой стрельбы...»³¹

Исключительно важное значение в борьбе с корниловщиной сыграли Районные Советы столицы, в большинстве своем руководимые большевиками. ВЦИК приложил немало усилий к тому, чтобы парализовать активность этих подлинно массовых организаций. Так, 28 августа, в самый тревожный день, по всем Райсоветам была разослана следующая демобилизующая телефонограмма: «Корниловские войска высадились в Луге, но почти все локализовано. Нужно быть на местах. Рабочих заводов успокаивать и не принимать никаких мер».³²

²⁹ Рабочий Путь, № 9, 13 сентября 1917 г.

³⁰ Рабочий, № 5, 28 августа 1917 г.

³¹ Рабочий, № 7, 29 августа 1917 г.

³² Гос. Архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области, ф. 47, св. 1, д. 2, 1917 г., л. 19.

Не считаясь с этой предательской директивой, Междурайонное совещание, по указанию Петроградского Комитета РСДРП (б-ков), в этот же день — 28 августа — приняло постановление, содержавшее программу немедленных боевых действий Райсоветов. Это постановление предписывало Районным Советам приступить к формированию отрядов рабочей Красной Гвардии, руководствуясь особой инструкцией Междурайонного совещания, создать по районам комендатуры, возложив на них руководство вооруженными силами рабочего класса и поддержание революционного порядка, учредить районные комиссариаты в составе комиссара и двух его заместителей, поручив им функции политического контроля. Постановление требовало немедленного создания «летучих отрядов», для задержания контрреволюционных агитаторов.³³

Большевистская партия придавала особое значение сохранению классовой чистоты рабочей Красной Гвардии. В соответствии с этим специальная инструкция Междурайонного совещания требовала от Райсоветов строжайшего отбора желающих с оружием в руках бороться с корниловщиной. В инструкции указывалось: «Не теряя ни минуты, Исполнительные Комитеты обязаны приступить к составлению списков революционных рабочих, достойных полного доверия на случай возможности вооружения их. Списки эти должны составляться со всей строгостью и осторожностью через фабрично-заводские и партийные комитеты. Против фамилии каждого записываемого обязательно должно быть указано — кто его рекомендует: какая партия, какой завод, комитет или Совет... При малейшем сомнении в личности предлагаемого кандидата, в списки не вносить...»³⁴

Ведущая роль районов столицы принадлежала, как всегда, твердые большевизма — Выборгской стороне. Здесь не только Советами, но и районной думой руководили большевики.

Выборгский районный Совет в дни борьбы с корниловщиной фактически сосредоточил в своих руках всю полноту местной власти. Правительственные чиновники и заправилы ВЦИК даже не решались появляться здесь. Райсовет установил силами Красной Гвардии образцовую охрану общественного порядка, взял под свой контроль промышленные предприятия, правительственные учреждения, лавки и магазины, типографии и т. п. Постановления и указания Совета выполнялись беспрекословно. Дисциплина и порядок, благодаря высокой революционной сознательности и организованности рабочих района, были образцовыми.

Все это имело неопределимое принципиальное значение, ибо на примере Райсовета Выборгской стороны (как и многих других руководимых большевиками Советов) массы убеждались, что Советы, став большевистскими, превращаются в подлинные органы революционной власти, что они имеют все основания стать решающим звеном нового могучего аппарата пролетарской государственности.

Главное внимание Выборгский районный комитет большевистской партии и руководимый им Райсовет обратили на вооружение и военное обучение рабочих. Необходимо было полностью использовать легализацию Красной Гвардии. В корниловские дни рабочие отряды были созданы почти на всех 32 крупных предприятиях района, насчитывая в общей сложности свыше 5 тысяч бойцов. На тех предприятиях, где работали по преимуществу женщины, были созданы отряды

³³ Известия, № 159, 29 августа 1917 г.

³⁴ Гос. Архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области, ф. 47, л. 1. д. 2, 1917 г., л. 23.

красных сестер. Непосредственное руководство военной стороной дела осуществлял районный штаб Красной Гвардии, тесно связанный с Военной организацией при ЦК большевистской партии.

Большие трудности представляло вооружение рабочих. Однако большевики Выборгской стороны сумели полностью вооружить Красную Гвардию района. По специальным удостоверениям Выборгского Райсовета завком Сестрорецкого оружейного завода выдал району 1300 винтовок.³⁵ Существенна была помощь расквартированного в районе Московского гвардейского полка, а также Шлиссельбургского порохового завода.

Эпизод с прибытием помощи от шлиссельбургских рабочих заслуживает особого внимания. Когда рабочие порохового завода узнали об опасности, грозящей Петрограду со стороны корниловских войск, они постановили немедленно отправить на помощь питерским рабочим весь свой хорошо вооруженный отряд Красной Гвардии в количестве 600 человек и, вместе с ним, баржу, нагруженную 32 тысячами пироксилиновых шашек, 40 тысячами капсюлей к ним и несколькими мотками бикфордова шнура. Шлиссельбуржцы полагали, что шашки будут использованы для минирования подступов к столице. По прибытии в Петроград они первоначально обратились к руководителям ВЦИК, предложив свой драгоценный груз в распоряжение Комитета народной борьбы с контрреволюцией, но вместо благодарности встретили здесь надменно холодный прием. Председатель Исполкома Петроградского Совета меньшевик Чхеидзе прочитал им длинную нотацию за самовольное прибытие в столицу и приказал немедленно отправляться обратно с боевым грузом. Возмущенные шлиссельбуржцы направились в Выборгский Комитет большевистской партии, зная наверняка, что здесь оценят по достоинству их поступок.

Выборгский Комитет дал указание районному штабу Красной Гвардии принять боевой груз шлиссельбуржцев и разместить их отряд. На другой день пироксилиновые шашки поступили в распоряжение отрядов Красной Гвардии не только Выборгской стороны, но и других районов.³⁶ Так, грузовик с пироксилиновыми шашками был доставлен на Путиловский завод.³⁷

От Выборгской стороны не отставала в боевой революционной активности другая пролетарская окраина столицы — Петергофский и Нарвский районы. Здесь располагались такие гиганты промышленности, как Путиловский завод, Северная Судостроительная верфь, Треугольник и др., насчитывавшие в общей сложности многие десятки тысяч рабочих.

На совместном заседании Исполкома Петергофского райсовета и представителей фабзавкомов 28 августа был заслушан доклад члена Петроградского Комитета РСДРП(б) о корниловском заговоре и задачах массовых пролетарских организаций в борьбе с ним. В итоге заседания было принято решение: «1) Создать Красную Гвардию или боевую дружину из рабочих, которая вооружается. Все товарищи принимаются в состав Красной Гвардии и вооружаются под строгим контролем и только по рекомендациям заводских комитетов и партийных организаций. 2) Для руководства Красной Гвардией создать Революционный центр при Совете рабочих и солдатских депутатов Петер-

³⁵ Пролетарская революция, № 7 (42), 1925, стр. 138.

³⁶ Там же, стр. 137—138.

³⁷ М. Мительман. 1917 год на Путиловском заводе. Л., 1939, стр. 138.

гофского района». ³⁸ На этом же заседании Райсовет принял текст воззвания к населению района.

Созданный Революционный центр (или Ревком, как он вскоре стал называться), совместно с районной комендатурой Красной Гвардии немедленно приступил к организации находившихся в подполье красногвардейских отрядов, формировал новые отряды, изыскивал оружие, организовал охрану района и наблюдение за общественным порядком, вылавливал с помощью летучих отрядов (2—3 вооруженных красногвардейца) корниловских агитаторов, возглавил огромную работу по сооружению блиндажей, проволочных заграждений, рытью окопов на южных и юго-западных подступах к столице, а также в черте города — в Екатерингофском саду.

По указанию Ревкома в районе были созданы домовые комитеты по борьбе с корниловщиной, вокруг которых организовалась значительная часть рабочих и членов их семей. Так, домком дома № 23/2 по Нарвскому проспекту возглавил 2400 жильцов, принимавших участие в сооружении баррикад, в дежурствах, в борьбе с корниловскими агитаторами, с распространителями провокационных слухов и др. ³⁹

Подобно Райсовету Выборгской стороны Петергофский Райсовет стал в районе в корниловские дни фактически единственной властью, авторитет которой был непререкаем. Подчиняя всю свою деятельность решению главной задачи — организации разгрома корниловщины, — Райсовет вместе с тем умел соединить это главное с решительной защитой повседневных интересов трудящихся. Так, по продовольственному вопросу Исполком Райсовета на заседании 30 августа вынес постановление: «в целях пресечения наглого вздувания цен на продукты питания лавочниками и торговцами поручить Ревкому своей властью установить твердые цены и решительными мерами прекратить это мародерство». ⁴⁰ На этом же заседании Райсовет постановил организовать общественные столовые в районе для солдат и красногвардейцев, вступивших против корниловских войск. ⁴¹ На следующем заседании Райсовет решил взять под свое управление завод Бренера, брошенный его хозяином. ⁴²

Эти и другие решения Райсовета вскрывали перед массами огромную, освобожденную от эсеро-меньшевистских пут революционную энергию, творческую инициативу, таившуюся в Советах, как органах власти.

Крупнейшую роль в подъеме петроградского пролетариата на борьбу с корниловским заговором играл, как всегда, славный в истории русского рабочего движения Путиловский завод. Душой путиловцев был заводский комитет большевистской партии. Комитет руководил многотысячными митингами рабочих, волной прокатившимися по цехам гигантского завода, возглавил формирование и вооружение отрядов Красной Гвардии.

Мобилизация рабочих на борьбу с контрреволюцией шла на заводе под лозунгом: «Все на борьбу с Корниловым!». Общая численность рабочих-путиловцев, вступивших в ряды Красной Гвардии, составила 8 тысяч человек. ⁴³ Крупный отряд путиловцев, вооруженный винтов-

³⁸ Гос. Архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области, ф. 101, св. 1, д. 3, 1917 г., л. 81.

³⁹ Там же, ф. 101, св. 2, д. 30, 1917 г., л. 14 и д. 31, 1917 г., л. 51.

⁴⁰ Там же, ф. 101, св. 1, д. 3, 1917 г., л. 82.

⁴¹ Там же, ф. 101, св. 2, д. 2, 1917 г., л. 14.

⁴² Там же, л. 45.

⁴³ М. Мительман. Указ. соч., стр. 137.

ками, 4 станковыми пулеметами и 5—6 легкими полевыми орудиями, занял фронт между Пулковым и Дудергофом, соорудив здесь линию обороны. Сюда же выступил женский санитарный отряд, наскоро обученный правилам оказания первой помощи при ранениях. Другой отряд путиловцев, также располагавший пулеметами и орудиями, отправился для отражения корниловских войск под Лугу. Всего в течение трех суток с завода выступило более десяти отрядов.⁴⁴

Те из рабочих завода, которые не оказались в составе отрядов, выступивших на позиции, выполняли в эти дни не менее важное дело. Они изготовляли грозное оружие для обороны революционного Петрограда — артиллерию.

«Работы на Путиловском заводе, — сообщал «Рабочий», — в полном ходу. Производится сборка пушек для сформированных рабочих артиллерийских дивизионов». ⁴⁵ О значении этой работы можно судить по следующим данным: 30 августа завком Путиловского завода сообщил Комитету народной борьбы с контрреволюцией, что в результате круглосуточной напряженной работы рабочие завода на последние три дня закончили сборку более 100 пушек разных типов и отремонтировали несколько бронемашин. ⁴⁶ Это превышало среднемесячный выпуск пушек заводом. Таковы были плоды самоотверженного труда во имя спасения революции.

В ногу с Выборгской стороной и Петергофско-Нарвским районом шел другой крупный пролетарский район столицы — Александро-Невский. На 39 заводах и фабриках района было занято около 50 тысяч рабочих. Здесь были такие заводы-гиганты, как Обуховский (14 тысяч рабочих), Невский Судостроительный (7 тысяч), Александровский Механический завод (5 тысяч), фабрика Торнтон и др. Руководимый большевиками Райсовет развернул кипучую деятельность по мобилизации масс. В течение трех дней в отряды по борьбе с корниловщиной вступило до 10 тысяч рабочих района. ⁴⁷ Многие из этих отрядов немедленно выступили на позиции. Так, левый фланг (в районе с. Рыбацкого) быстро намечавшейся линии фронта под Петроградом прикрыл многочисленный и хорошо вооруженный отряд рабочих Обуховского завода. ⁴⁸

Несколько крупных рабочих отрядов выступило также из района за Московской заставой.

Большую энергию в мобилизации масс на борьбу с корниловщиной проявил также Райсовет 2-го Городского района, возглавлявшийся большевиками. Его важнейшей опорой были индустриальный гигант — Франко-Русский Судостроительный завод и преданные революции Кексгольмский полк, 1-й автоброневой дивизион, 2-й флотский экипаж.

Большевистская печать отмечала также боевую активность Колпинского, Порховского, Охтенского, Петроградского, Василеостровского Райсоветов столицы. ⁴⁹

Наряду с Райсоветами выдающаяся роль в борьбе с корниловщиной принадлежала фабзавкомам и профсоюзным организациям Петрограда. ⁵⁰

Фабзавкомы, являясь первичными организациями рабочего класса по предприятиям, были важнейшей опорой большевистской партии.

⁴⁴ М. Мительман. Указ. соч., стр. 137.

⁴⁵ Рабочий, № 8, 30 августа 1917 г.

⁴⁶ ЦГАОР, ф. 1235, д. 236, 1917 г., л. 9.

⁴⁷ Там же, ф. 472, д. 71, 1917 г., л. 182.

⁴⁸ Известия, № 157, 30 августа 1917 г.

⁴⁹ Рабочий, №№ 7 и 8, 29 и 30 августа 1917 г.

⁵⁰ Фабзавкомы и профсоюзы в 1917 году существовали раздельно.

Именно при их ближайшем участии партия и руководимые ею Райсоветы могли осуществить быстрое создание рабочих отрядов, обеспечить их вооружение и военное обучение, развернуть огромную агитационную работу. На пленарном заседании Центрального Совета фабзавкомов 29 августа, на котором присутствовали представители районов и предприятий, были даны, согласно директивным указаниям ЦК большевистской партии, подробные инструкции о задачах фабзавкомов в борьбе с заговором. Заседание прошло под знаком острого разоблачения рядовыми рабочими-ораторами саботажнического поведения меньшевиков и эсеров в деле вооружения Красной Гвардии и организации настоящей революционной войны против Корнилова.⁵¹

Весьма важное значение имела резко возросшая в корниловские дни роль фабзавкомов как органов рабочего контроля над производством и распределением. Они наладили тщательную охрану предприятий, парализовав этим деятельность корниловских диверсантов, решительно пресекали отдельные попытки капиталистов остановить производство и объявить локаут. Завком Путиловского завода возглавил отмеченную выше огромную работу по производству оружия для Петрограда и взял под свой контроль всю готовую продукцию. Фабзавкомы заставили капиталистов оплатить время, затраченное рабочими на строительство оборонительных сооружений, ибо, как характерно указывалось в решении завкома Франко-Русского завода, «...заговор Корнилова является заговором контрреволюционной буржуазии и, таким образом, труд рабочих по рытью окопов является результатом политики имущих классов, а потому — потребовать плату за труд с тех, кто является виновником этого труда».⁵² Фабричный комитет «Скорохода» заставил правление выдать сапоги красногвардейцам фабрики, а также сполна выплатить им заработную плату не только за корниловские дни, но и за первую половину сентября.⁵³ Таких примеров решительного натиска фабзавкомов на капиталистов было много.

Революционную активность проявляли в эти дни и профсоюзные организации. Роль авангарда, как всегда, играл издавна руководимый большевиками Петроградский союз металлистов. Совет профсоюза на заседании 28 августа постановил принять всемерное участие в формировании и вооружении рабочих отрядов. Помимо этого решено было ассигновать крупную сумму денег из профсоюзных средств в распоряжение органов борьбы с контрреволюцией и предоставить в их распоряжение весь обширный штат работников союза.

Профсоюз шоферов и автомобильных техников предоставил для борьбы с Корниловым все наличные автомашины и ремонтные мастерские, обеспечив их обслуживанием. В резолюции общего собрания членов союза указывалось: «Всякие контрреволюционные выступления могут быть успешно ликвидированы лишь при условии перехода власти в руки органов революционного пролетариата и крестьянства».⁵⁴

Профсоюз булочников принял все необходимые меры для увеличения выпечки хлеба и бесперебойного снабжения им населения.

Большая заслуга в борьбе с заговором принадлежала союзу печатников. Он установил свой контроль над типографиями города, срывая выход наиболее реакционных буржуазных газет, не дал кадетской партии отпечатать заранее заготовленную листовку, полную злобных кле-

⁵¹ ЦГАОР, ф. 472, д. 4, 1917 г., л.л. 34—39.

⁵² Там же, ф. 472, д. 71, 1917 г., л. 154.

⁵³ Профессиональное движение в Петрограде в 1917 г. Л., 1928 г., стр. 139.

⁵⁴ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 33, д. 21-а, 1917 г., л. 31.

ветнических выпадов против большевиков. Одновременно печатники в несколько часов организовали выход экстренных выпусков и дополнительных тиражей большевистских газет, а также — выпуск сотен тысяч большевистских листовок.

Неоценимой была в эти дни заслуга железнодорожников, организованных вокруг своих профорганизаций и дорожных комитетов. Они осуществили разборку путей на подступах к столице, установили свой контроль над переговорами по телефону и телеграфу, организовали наблюдение за передвижением корниловских войск, создали свои многочисленные вооруженные отряды.

Поведение железнодорожников изобиловало актами героизма. Так, дома и личное имущество многих из них корниловцы в отместку за разборку путей подвергли уничтожению. Нередки были случаи расстрела железнодорожников.⁵⁵ Но ни опасность расстрела, ни генеральские и офицерские окрики, ни открытый переход на сторону Корнилова высшего железнодорожного начальства — ничто не могло сломить волю паровозных машинистов, сцепщиков, стрелочников, путевых обходчиков, рабочих депо, телеграфистов, проводников. Все они решительно отказались служить палаческим целям контрреволюционных заговорщиков. Не помогла Корнилову и его неуклюжая попытка купить революционную совесть железнодорожников и почтово-телеграфных служащих обещанием выплатить им 100-рублевую прибавку к месячному жалованию начиная с 1 апреля 1917 года в том случае, если они помогут ему притти к власти.⁵⁶ В десятках гневных резолюций железнодорожники, телеграфисты и почтовые служащие с презрением отвергли это наглое домогательство. «С негодованием отбрасываем обращение Корнилова к железнодорожным комитетам, так как считаем оскорблением самую мысль о возможности поддержки Корнилова» — говорилось в одной из этих резолюций.⁵⁷

Итак, корниловский заговор вызвал огромный революционный подъем среди петроградского пролетариата. В огне развернувшейся острой классовой борьбы сгорали последние мелкобуржуазные иллюзии. Меньшевики и эсеры, окончательно потерявшие доверие в столице в дни 3—5 июля, не могли уже вернуть его ни своими трескучими противокорниловскими воззваниями, ни своей показной активностью в борьбе с заговором. Без сомнений и колебаний сплывались массы под большевистскими знаменами. Закреплялись на большевистских позициях массовые рабочие организации столицы — фабзавкомы и профсоюзы. Боевая революционная активность Райсоветов пролетарских окраин столицы подготавливала и ускоряла исторический поворот Петроградского Совета в сторону большевиков.

Особого внимания заслуживает замечательная работа большевиков в корниловские дни по созданию вооруженных сил рабочего класса. По сообщению «Известий», в течение трех дней в отряды Красной Гвардии вступило 25 тысяч рабочих.⁵⁸ Помимо этого большевики воспользовались легализацией Красной Гвардии для быстрого восстановления красногвардейских отрядов, находившихся после событий 3—5 июля в подполье. Эсеровский орган «Дело народа» определил общую численность красногвардейцев, готовых к бою с корниловскими войсками, в 40 тысяч человек.⁵⁹ Кадетская «Речь» в это время тоже сквозь

⁵⁵ Известия, № 158, 31 августа 1917 г.

⁵⁶ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 33, д. 231, 1917 г., л. 3.

⁵⁷ Там же, ф. 1235, оп. 33, д. 41, 1917 г., л. 156.

⁵⁸ Известия, № 162, 5 сентября 1917 г.

⁵⁹ Дело народа, № 141, 30 августа 1917 г.

зубы признавала, что Петроград располагает армией рабочих бойцов в 40—45 тыс. человек.

Огромный революционный подъем среди петроградского пролетариата в корниловские дни нашел полную поддержку у солдат гарнизона и у тесно связанных с Петроградом моряков Балтийского флота.

Солдатские делегаты упомянутого выше совещания в ночь на 28 августа, созванного Военной организацией при ЦК партии большевиков, разойдясь по частям гарнизона, развернули кипучую деятельность. Всюду были проведены солдатские митинги, прошедшие под знаком решительного преобладания влияния большевиков. Ненависть солдат к наглой генеральской аванюре и готовность дать ей сокрушительный отпор были безграничными. Гневно осуждая в своих резолюциях соглашательскую политику меньшевиков и эсеров, солдаты требовали развития против Корнилова настоящей революционной войны до полного разгрома сил контрреволюции. Вслед за рабочими они во многих резолюциях указывали на необходимость перехода власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства, как на единственное радикальное средство решения проблемы власти.

За волной митингов последовала большая работа армейских большевиков и группировавшегося вокруг них актива из членов солдатских комитетов по подготовке выступления частей на противокорниловский фронт. Все приказания Штаба округа и корниловца Савинкова, назначенного Временным правительством на бутафорскую должность петроградского генерал-губернатора, являлись лишь бумажным оформлением того, что уже выполнялось солдатами и их комитетами по указаниям Военной организации большевиков.

Один за другим солдатские комитеты принимали постановления о выступлении на фронт. Так, на заседании полкового и батальонных комитетов гвардии Литовского полка в ночь на 29 августа было решено выставить против корниловских войск сводный отряд из рот полка и выделить 35 солдат для военного обучения рабочих Александро-Невского района.⁶⁰ В это же время объединенное заседание ротных и командных комитетов запасного батальона гвардии Преображенского полка единогласно постановило: «Немедленно приступить к сборам в поход, оставив минимальное количество людей для караульной службы и не оставив даже для них смены».⁶¹

Днем 29 августа сводные отряды Литовского и Преображенского полков при большом воодушевлении солдат выступили на позицию в районе Царского Села. В этот же день после митинга, закончившегося принятием чисто большевистской по характеру резолюции, выступил на фронт в составе двух батальонов (1500 штыков) Кексгольмский полк.⁶²

С крайней ненавистью отнеслись к корниловскому заговору солдаты запасного батальона гвардии Павловского полка, обезоруженного накануне и предназначенного по требованию Корнилова к отправке в числе других 7 полков гарнизона на окопные работы. «Мы готовы отдать все силы на борьбу с Корниловым», — заявили павловцы. Батальонный комитет постановил: «Принять энергичные меры к тому, чтобы на каждого солдата была винтовка и 500 штук патронов. Имеющиеся гранаты равномерно распределить по ротам и командам».⁶³

⁶⁰ ЦГВИА (Ленинградский филиал), ф. 11, кор. 330, д. 3873, 1917 г., л. 5—6.

⁶¹ Там же, д. 3863, 1917 г., л. 15.

⁶² Там же, д. 3882, 1917 г., л. 46.

⁶³ Там же, д. 3874, 1917 г., л. 21.

В архивных материалах упоминается о выступлении на противокорниловский фронт под Петроградом сводных отрядов Гренадерского, Московского и Измайловского гвардейских полков, 1-го и 3-го стрелковых резервных полков, 176 запасного стрелкового полка, Гвардейского запасного артиллерийского дивизиона, 1-й запасной автомобильной роты, запасного электротехнического батальона и др.

«Военная организация снова могла торжествовать свою победу. Со всех сторон шли к ней донесения, что такой или такой полк выступает против Корнилова, выступает под пролетарскими коммунистическими лозунгами в защиту революции», — вспоминает один из руководителей Военной организации при ЦК большевистской партии, Н. И. Подвойский.⁶⁴

Общая численность войск гарнизона, выступивших на фронт против Корнилова, определяется одним из архивных документов в 12 тысяч солдат,⁶⁵ что, следует отметить, превышало численность корниловских войск под Петроградом.

С не меньшей энергией и организованностью поднялись на борьбу с загвором матросы Балтийского флота.

При первом известии о выступлении Корнилова, на базах флота — в Гельсингфорсе, Кронштадте, Ревеле, Або — все пришло в движение. В Гельсингфорсе было спешно созвано совместное заседание Совета депутатов армии, флота и рабочих, ЦК Балтийского флота (Центробалт), Областного Комитета Финляндии, Совета крестьянских депутатов и представителей судовых и полковых комитетов для обсуждения создавшегося положения и принятия плана действий.

Заседание с первых же выступлений ораторов превратилось в суд над всей соглашательской политикой меньшевиков и эсеров. «Настоящая контрреволюция, опасная для завоеванных свобод, — говорил один из ораторов, матрос, — имеет гнездо в самом Временном правительстве и в наших центральных советских органах — в их кадетствующих кругах. Корнилов на Московском совещании сделал смотр контрреволюционным силам и получил там свое утверждение. Контрреволюция сказала ему: Корнилов, действуй!.. Вся буржуазия идет против нас и поддерживает Корнилова... Наша первая задача теперь, это окончательная расправа с Корниловым, но не языком Керенского... Вторая наша задача это то, чтобы у нас была власть не коалиционная, а пролетарская. Долой коалиционное правительство, которое хочет посадить Ленина в тюрьму, а негодяям и мерзавцам позволяет гулять на воле! Долой репрессии против левых!»⁶⁶

Заключительные слова оратора были покрыты громом аплодисментов.

Речь члена ВЦИК меньшевика Соколова, пытавшегося с помощью обычной соглашательской демагогии сбить большевистское настроение участников совещания, прерывалась смехом и выкриками с мест: «псалмопевец!» Выступивший вслед за ним оратор под единодушное одобрение присутствовавших говорил: «Мы должны воспрянуть от спячки. Нас все время тревожат эти псалмопевцы, которые приезжают сюда и сбивают с толку товарищей. Они все время указывали нам налево, налево и налево, как на опасность для революции, а направо никогда не указывали».⁶⁷

⁶⁴ Красная Летопись, 1923 г., № 8, стр. 10.

⁶⁵ ЦГАОР, ф. 472, д. 4, 1917 г., л. 31. Протокол пленарного заседания Центр. Совета фабзавкомов 29.VIII 1917 г.

⁶⁶ Там же, ф. 929, оп. 1, д. 10, 1917 г., л. 92. Протоколы заседания Гельсингфорского Совета депутатов 2-го созыва.

⁶⁷ Там же, л. 95.

В итоге заседания был создан Ревком из 25 человек, к которому в эти дни перешла вся полнота военной и гражданской власти на кораблях, базах флота и в Финляндии. Ревком обратился к матросам, солдатам и рабочим с воззванием о напряжении всех сил для скорейшего разгрома корниловской авантюры, издал приказ по вооруженным силам Балтики и Финляндии о неисполнении ни одного приказа командования, не санкционированного Ревкомом, взял через своих комиссаров под контроль всю службу связи, штабы и управления, прекратил выход в Финляндии и на базах флота буржуазных газет и других буржуазных изданий, учредил революционные суды, потребовал от всех офицеров подписки о непричастности к заговору. Ревком связался с ревельской базой флота и помог создать здесь местный Революционный комитет, который развернул энергичную деятельность.

Благодаря действиям гельсингфорсского и ревельского Ревкомов удалось арестовать ген. Долгорукова в то время, когда он с инструкциями от Корнилова пытался пробраться из Ревеля в Финляндию в распоряжение подчиненного ему 1-го кавалерийского корпуса. Этот корпус, особенно его 5-я кубанская дивизия, должен был по замыслу заговорщиков сыграть одну из главных ролей в захвате Петрограда. Энергичными действиями гельсингфорсского Ревкома была также пресечена попытка корниловски настроенного командования 42-го армейского корпуса, расположенного в Финляндии, использовать части корпуса для поддержки заговора.

В целях оказания непосредственной военной помощи Петрограду, Ревком выслал из Гельсингфорса три миноносца, которые 30 августа бросили якорь в устье Невы, а также — сводный отряд из Выборга. Ревком готовился в случае необходимости двинуть на помощь столице еще более могучие боевые средства, которыми располагал Балтийский флот.

Весьма велик был революционный подъем также в Кронштадте. 28 августа Кронштадтский Совет, в составе которого большевики имели полное преобладание, телеграфировал в Петроград о готовности гарнизона крепости со всеми наличными средствами выступить на защиту столицы. «Рабочий» писал по поводу этой телеграммы: «В Кронштадте все приведено в полную боевую готовность. Совет взял на себя организацию дела борьбы с контрреволюцией».⁶⁸

На первом же своем заседании Кронштадтский Совет постановил «выслать пятитысячный отряд в Петроград, усилить гарнизон форта «Красная Горка» и выслать отряд в район Ораниенбаум — Петергоф».⁶⁹

Руководители ВЦИК были явно напуганы размахом боевых приготовлений кронштадтцев. Они упрашивали их не предпринимать «самочинных действий» без указаний ВЦИК. В конечном счете страх перед Корниловым заставил их просить Кронштадт о присылке в Петроград отряда моряков. Однако Кронштадтский Совет менее всего был склонен считаться с указаниями Церетели, Чхеидзе и К°. Он действовал по указаниям настоящего хозяина положения в эти дни — ЦК большевистской партии. Согласно директиве ЦК, переданной кронштадтцам Я. М. Свердловым, 29 августа в 9 ч. утра на набережной Васильевского острова в Петрограде началась высадка первого 2-тысячного отряда моряков. В этот же день, позднее, здесь высадилось еще два крупных отряда. Одновременно из Кронштадта прибыл специальный пароход с грузом снарядов для крейсера «Аврора», стоявшего в устье Невы.⁷⁰

⁶⁸ Рабочий, № 7, 29 августа 1917 г.

⁶⁹ И. Колбнн. Балтийский флот в 1917 г., Л. 1933, стр. 29.

⁷⁰ Известия, № 158, 31 августа 1917 г.

Появление в Петрограде вооруженных матросов еще больше воодушевило рабочих и повергло в уныние буржуазию, жаждавшую прихода корниловских войск. Кронштадтцы взяли на себя охрану столицы. Их караулы разместились во всех важнейших правительственных зданиях, на вокзалах, около мостов. Они патрулировали город, произвели ряд обысков и арестов, в том числе в гостинице «Астория», где проживало много офицеров, переброшенных в Петроград корниловской ставкой.

В результате усилий большевистской партии в течение трех дней удалось создать мощную революционную армию, способную разбить корниловские войска под Петроградом в открытом бою, если бы в этом возникла необходимость. Эта армия состояла из отрядов рабочей Красной Гвардии, солдат гарнизона и матросов Балтийского флота. Она насчитывала в своих рядах в общей сложности не менее 60 тыс. беззаветно преданных революции бойцов и имела единый руководящий центр в лице Военной организации при ЦК большевистской партии. Корнилов, включая офицеров, сосредоточенных в Петрограде, не располагал и третьей частью этих сил.

Эсеро-меньшевистские заправилы ВЦИК и Исполкома Петроградского Совета (Дан, Чхеидзе, Богданов), а также Верховский и корниловец Филоненко грубо лгали, когда с целью умаления сил революции упорно распространяли версию о якобы полной незащитности Петрограда в корниловские дни, версию о том, что для захвата его было достаточно одной кавалерийской дивизии и т. п.

Революция показала свое превосходство над контрреволюцией не только в быстрой мобилизации необходимых военных сил. Она обладала также огромным превосходством в военных резервах. Те 5—6 дивизий, которые корниловцы рассчитывали увлечь за собой обманом и силой, тонули в море 10-миллионной русской армии, смертельно ненавидевшей Корнилова. В эти дни в Петроград поступили десятки телеграмм от армейских, корпусных и дивизионных комитетов с заявлениями об их готовности снять с фронта часть войск для разгрома военных сил заговорщиков.

В. И. Ленин с гениальной проницательностью уловил в разгроме корниловщины прообраз грядущей победы рабочих и крестьян, взявших власть в свои руки, в гражданской войне против объединенных сил белогвардейцев и иностранных интервентов. В своей замечательной статье «Русская революция и гражданская война» Ленин, рассматривая корниловский заговор как фактическое начало гражданской войны со стороны буржуазии, писал: «...начало гражданской войны со стороны пролетариата обнаружило силу, сознательность, почвенность, рост и упорство движения. Начало гражданской войны со стороны буржуазии никакой силы, никакой сознательности масс, никакой почвенности, никаких шансов на победу не обнаружило». ⁷¹

Быстрое создание большевиками революционной армии вызвало страх и озлобление у буржуазии и ее эсеро-меньшевистских прислужников. Питерский пролетариат боролся в эти дни, как отмечала большевистская печать, — «в обстановке всеобщего предательства». Эсеро-меньшевистские лидеры прилагали все усилия к тому, чтобы сорвать вооружение рабочих.

Когда создание мощной Красной Гвардии для борьбы с Корниловым стало совершившимся фактом, меньшевики и эсеры начали добиваться сокращения ее численности до 8 тысяч бойцов и превращения ее в придаток к обычной буржуазной милиции. Этим целям служило принятое

⁷¹ В. И. Ленин. Соч., т. XXI, стр. 205.

5 сентября Комитетом борьбы с контрреволюцией так называемое «Положение о рабочей милиции», с которым, однако, петроградский пролетариат не пожелал считаться.

Почти неприкрыто предательски вели себя в эти дни все официальные органы военной и гражданской власти с Временным правительством во главе. Так, рабочие организации своевременно разоблачили чудовищный план сдачи Петрограда Корнилову, выдвинутый корниловцами из штаба Петроградского военного округа. Штабисты, утверждая, что с наличными силами гарнизона отразить корниловские конные дивизии в полевых условиях боя невозможно, предлагали, ссылаясь на доводы от военной науки, впустить их в город и здесь, пользуясь якобы непригодностью конницы для ведения уличных боев, «уничтожить» ее действием из-за баррикад и из засад.⁷²

Предательская сущность этого плана настолько очевидна, что не требует особых пояснений. Отметим, только, что многие тысячи явных и тайных корниловцев, наводнявших Петроград, только и ждали вступления в город войск Корнилова, чтобы выйти из своих нор и устроить большевикам и питерскому пролетариату «варфоломеевскую ночь».

На собрании представителей полковых комитетов 4 сентября 1917 г. солдаты сообщили многочисленные факты, разоблачавшие предательское поведение корниловцев из штаба округа. Так, сообщалось об отказе соответствующих ведомств выдать частям, отправлявшимся на фронт против Корнилова, винтовки, патроны, пулеметы, минометы, походные кухни, автомобили, шанцевый инструмент для оборонных работ и т. д. Все это пришлось раздобывать иными путями, помимо военных властей.

Позиции, занятые войсками гарнизона по указанию Штаба округа, рассказывали делегаты собрания, в случае сражения могли быть выгодны только корниловским войскам: местность намеренно выбиралась ровная, что и требовалось для действий корниловской кавалерии, фланги войск оставались незащищенными.

В то же время, когда войска гарнизона испытывали острую нужду в оружии, в Гатчине, Красном Селе, Колпино и др. пунктах, находившихся под ударом корниловских войск, было сосредоточено в бездействии большое количество авиации, артиллерии, броневых автомобилей, всевозможного стрелкового оружия и боеприпасов. Цель штабистов, указывали ораторы, — передать все это Корнилову.⁷³

О направлении всего планирования Штабом округа «борьбы» с корниловскими войсками можно судить уже по одному тому, что оно, как показывал Савинков следственной комиссии по делу Корнилова, проходило при постоянной консультации с заведомым корниловцем ген. Алексеевым.⁷⁴

Что касается Временного правительства, оно вначале, когда угроза захвата корниловскими войсками столицы была реальной, пугливо пряталось за спину большевиков. Днем 28 августа Керенский отдал распоряжение о передаче охраны Зимнего дворца команде крейсера «Аврора», патетически заявив затем, что отдает себя под охрану товарищей большевиков. Свидетельством паники, охватившей в это время Керенского и его эсеро-меньшевистских друзей в правительстве, является сохранившийся в архиве текст переговоров по прямому проводу ВЦИК с лицом, которое нам не удалось выяснить. В тексте говорится: «...по полученным во Временном правительстве сведениям, в Петрограде имеется значительное количество сторонников ген. Корнилова. В ре-

⁷² ЦГАОР, ф. 929, оп. 1, л. 10, 1917 г., л. 96, а также ф. 472, д. 4, 1917, г., л. 32.

⁷³ Известия, № 162, 5 сентября 1917 г.

⁷⁴ ЦГАОР, ф. 9, д. 27, 1917 г., л. 37.

шительную минуту они могут попытаться арестовать Временное правительство для того, чтобы облегчить задачу войск Корнилова. Вот почему некоторые из министров упорно настаивают на том, чтобы в случае значительного приближения войск ген. Корнилова к Петрограду Временное правительство переехало в Кронштадт, где бы оно могло быть в безопасности, так как весь флот на стороне Правительства и Советов...»⁷⁵

Следовательно, перетрусившие министры-«социалисты» искали защиты у большевистской твердыни — Кронштадта. В свете приведенного документа, видимо, имеет основание утверждение Деникина о том, что после разрыва Керенского с Корниловым «некоторые представители верховной власти торопливо запасались уже заграничными паспортами...»⁷⁶

Но по мере того, как разрастался возглавленный большевиками всенародный отпор корниловскому заговору и выявлялась в связи с этим неминуемость его провала, страх Керенского перед Корниловым уступил место злобной ненависти к революционному народу. Сговариваясь с корниловцами и руководителями ВЦИК, он стал лихорадочно искать путей реализации того же самого заговора, только без Корнилова. «Керенский — *корниловец*, — писал Ленин, — рассорившийся с Корниловым случайно и продолжающий быть в интимнейшем союзе с другими корниловцами».⁷⁷

29 августа в 18 часов, когда героические железнодорожники и солдаты Луги сдерживали попытки корниловской 1-й Донской дивизии прорваться к Петрограду, Керенский телеграммой за № 8688 в адрес Лужского Совета приказал пропустить эшелоны корниловских войск к столице якобы для дальнейшего их следования в Нарву. Это приказание было скреплено подписями членов ВЦИК.⁷⁸

Предательский характер этого приказа Керенского был столь очевидным, что Лужский Совет взял его под сомнение и отменил.

Но Керенский не намеревался отказаться от своего плана использования корниловских войск для расправы с питерцами. Весьма выразительное разоблачение этого дает в своих мемуарах ген. Краснов, вступивший в командование 3-м конным корпусом. Он сообщает, как 2 сентября Керенский приказал ему сосредоточить 1-ю Донскую дивизию в районе Павловск — Царское Село и Уссурийскую дивизию в районе Гатчино — Петергоф. Вслед за тем, сообщает Краснов, ему было пояснено, что указанная дислокация войск имела в виду подготовку разгрома Петроградского Совета и гарнизона.⁷⁹

Одновременно в корниловские дни Керенский лихорадочно готовил к выступлению против большевиков и Советов петроградские юнкерские училища. По сведениям, поступившим в Комитет по борьбе с контрреволюцией, к выступлению готовились Николаевское кавалерийское, Михайловское и Константиновское артиллерийские училища и многие другие. Юнкерам по приказанию из Штаба округа был выдан полный комплект оружия и боеприпасов. Во дворе Константиновского артиллерийского училища стояли в полной готовности две батареи скорострельных пушек. В Павловском училище юнкерам было выдано 200 тысяч патронов, минометы, пулеметы, ручные гранаты.⁸⁰

План Керенского был слепком с плана Корнилова. Керенский жаждал неорганизованных стихийных выступлений питерских рабочих и

⁷⁵ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 33, д. 222, 1917 г., л. 34.

⁷⁶ Деникин. Очерки русской смуты. Т. II, Париж, 1922, стр. 57.

⁷⁷ В. И. Ленин. Соч., т. XXI, стр. 212—213.

⁷⁸ ЦГАОР, ф. 1235, д. 222, 1917 г., л. 64.

⁷⁹ Мятеж Корнилова. Из белых мемуаров. Л., 1928, стр. 104.

⁸⁰ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 33, д. 43, 1917 г., л. 4—5, д. 236, 1917 г., л. 10; Известия. № 166, 9 сентября 1917 г.

солдат, намереваясь использовать для разгрома питерского революционного авангарда корниловские же войска. Характерно, что, как показали последующие разоблачения большевистской печати, Керенский заимствовал у Корнилова даже план инсценирования «большевистского восстания» силами переодетых юнкеров. в том случае, если бы не было стихийных выступлений самих масс.

Большевистская партия быстро разгадала тайные планы врагов. Она звала массы к величайшей революционной бдительности и соблюдению строжайшего революционного порядка и организованности, дабы парализовать усилия провокаторов из лагеря Корнилова — Керенского.

2 сентября 1917 г. Центральный и Петроградский Комитеты большевистской партии опубликовали в газете «Рабочий» воззвание к рабочим и солдатам Петрограда. В нем говорилось: «Кто-то стоящий за спиной Керенского — старые знакомые, милюковцы — хочет вызвать нас на бой сегодня, сейчас же, чтобы воспользоваться близостью корниловских войск, пролить кровь питерских рабочих, кронштадтских и Выборгских матросов... Будем бдительны, будем осторожны, но не поддадимся на провокацию, примем бой не тогда, когда этого хотят наши враги... Мы победим, мы победим тем скорее и вернее, чем больше хладнокровия мы сохраним теперь. Всякий призыв к немедленному выступлению на улицу наша партия считает провокационным...»⁸¹

Петроградский пролетариат строго следовал указаниям своей партии. Попытки Керенского немедленно реализовать корниловский план разбились о несокрушимую силу большевистской сознательности и организованности питерских рабочих и солдат.

III

В то время, когда под руководством большевиков происходила описанная выше мобилизация петроградских рабочих, солдат гарнизона и матросов Балтики, на подступах к столице развернулись события, обеспечившие быстрый провал генеральско-кадетской авантюры.

К моменту выступления Корнилова основная ударная военная сила заговорщиков — Кавказская туземная дивизия (развертывавшаяся в корпус) и 3-й конный корпус (в составе 1-й Донской и Уссурийской казачьих дивизий) были сосредоточены на станции Дно, в Пскове и в районе Великих Лук.

27 августа началась лихорадочная переброска этих войск к столице по трем направлениям: Донской дивизии предстояло быстро выйти к окраинам Петрограда, следуя по направлению Псков — Луга — Гатчина; Кавказской туземной дивизии — по направлению Дно — Царское Село; Уссурийская дивизия должна была двигаться через Псков — Гдов — Нарву — Красное Село, а частью эшелонов — через Псков — Валк — Везенберг — Нарву.

Проследим ход событий на каждом из этих направлений движения корниловских войск.

Вечером 27 августа на станцию Луга прибыли первые три эшелона 1-й Донской дивизии, при которых находился и штаб войск, брошенных на Петроград, во главе с их главнокомандующим ген. Крымовым.⁸²

⁸¹ Рабочий, № 11, 2 сентября 1917 г.

⁸² Последующее описание событий под Лугой главным образом основано на показаниях комиссара Булычева и ген. Дитерихса и др. данных Чрезвычайной следственной комиссии по делу Корнилова (ЦГАОР, ф. 9, оп. 3, д. 44, 1917 г., л. 107—115), а также на газетных отчетах.

К этому времени Лужский Совет при самой энергичной помощи со стороны железнодорожников и солдат местного гарнизона уже принял все необходимые меры к задержанию корниловских войск. Все станционные пути были забиты вагонами, наличные паровозы угнаны или приведены в негодность, в районе следующей станции на пути к столице — Преображенской шла интенсивная разборка путей и мостов. Железнодорожники и солдаты Луги твердо решили повторить 1 марта 1917 г., когда здесь было задержано 26 эшелонов войск, двинутых с фронта для подавления восстания в Петрограде.

Из 20 тысяч солдат лужского гарнизона оружие имели лишь 800 чел. пехоты и 200 кавалеристов. Кроме того, гарнизон располагал 12 легкими полевыми орудиями и небольшим запасом снарядов к ним. Донская дивизия насчитывала свыше 4 тысяч хорошо вооруженных казаков при 2 батареях артиллерии. Несмотря на очевидное неравенство сил, солдаты Луги твердо решили вступить в бой с казаками в случае их попытки движения к столице походным порядком.

Ген. Крымов, вызвав к себе прибывшего в Лугу в качестве комиссара от ВЦИК Булычева и руководителей местного Совета, потребовал немедленной отправки казачьих эшелонов на Петроград. Однако запрошенные об этом железнодорожники категорически отказались выполнить требование генерала, ссылаясь на неисправность паровозов и повреждение пути.

Тем временем в Лугу один за другим прибывали новые эшелоны дивизии. Одновременно из Петрограда стали прибывать десятки (а позднее — сотни) агитаторов, посланных навстречу корниловским войскам большевистской партией, Советами, частями гарнизона столицы, рабочими отдельных предприятий. Питерские агитаторы при самой деятельной поддержке лужских железнодорожников, солдат и актива местных массовых организаций устремились к казачьим эшелонам. Они щедро наделяли казаков листовками, последними номерами петроградских газет, вступали с ними в беседы. Началось великое дело бескровной ликвидации корниловской авантюры.

При первом же соприкосновении казаков с агитаторами стала рассеиваться паутина лжи, с помощью которой корниловское командование надеялось удержать в повиновении свои войска. Казаки со слов офицеров говорили о якобы имевшем место в Петрограде большевистском восстании под лозунгом «да здравствует Германия», об аресте восставшими Временного правительства, о совершаемых в столице массовых убийствах и грабежах и т. п. Все эти грубо состряпанные корниловскими офицерами фальшивки были опровергнуты очень быстро, и агитаторы могли направить свои усилия на самое главное — на разоблачение контрреволюционных целей Корнилова.

Горячее и правдивое большевистское слово агитаторов оставляло глубокий след в сознании казаков, являвшихся в своей подавляющей массе фронтовиками, прошедшими тяжкие испытания трех лет войны. Вместе со словами правды агитаторы принесли в корниловские эшелоны настроение безграничной решимости рабочих и солдат столицы отстаивать с оружием в руках дело революции. И это настроение действовало на обманутых солдат Корнилова не менее сильно, чем слова агитаторов. Они видели выражение народной ненависти к Корнилову в бесстрашном поведении железнодорожников, в решимости солдат лужского гарнизона преградить оружием путь на Петроград и во многих других проявлениях народного героизма в дни борьбы с заговором. Все это не могло не убеждать корниловские войска в справедливости того дела, которое отстаивал народ, не могло не втянуть их в общий

поток революционного подъема. И ни командные окрики офицеров, ни их угрозы расстрелом за общение с агитаторами не могли уже остановить начавшегося воздействия революционных идей на корниловские войска.

В середине дня 28 августа ген. Крымов, получивший новое приказание из Могилева от Корнилова о продвижении на Петроград во что бы то ни стало, приказал казакам осмотреть и исправить железнодорожный путь за Лугой. Одновременно он приказал занять телеграф, телефон и правительственные учреждения в городе. Но революционная агитация к этому времени уже настолько сильно захватила казаков, что они решительно уклонялись от какого-либо столкновения с лужанами.

Крымов, уловив это настроение казаков, поспешил изолировать их от дальнейшего воздействия петроградских и местных агитаторов. Около 8 часов вечера этого же дня (28 августа) он приказал отвести казаков, разгрузившихся из вагонов, в деревни Заозерье и Стрешнево, отстоявшие на 10—12 км южнее Луги. Но эта мера не дала ожидавшегося результата, т. к. множество агитаторов проникло в эти деревни вслед за казаками и в течение всей ночи, а особенно — днем 29 августа, агитаторы вели здесь свою работу. В результате в полках и сотнях начались митинги, часто завершавшиеся принятием резких противокорниловских резолюций.

Тем временем Корнилов прислал повторное приказание Крымову «быстро двинуться к Петрограду и неожиданно занять его». Приказ этот лишний раз отражал авантюризм корниловского похода на столицу и неспособность его руководителей учесть реальную обстановку и трезво оценить силы отпора затеянной ими авантюре.

В целях оказания на казаков морально-политического воздействия, Крымов объявил по 3-му конному корпусу свой приказ № 128, в котором прибегнул к новой заведомой лжи. В заключительной части приказа говорилось: «Сегодня ночью из ставки Верховного и из Петрограда я получил сообщение о том, что в Петрограде начались бунты. Голод увеличивается еще и от того, что обезумевшие от страха люди, при видедвигающихся к Петрограду своих же войск, разрушили железные дороги и тем прекратили подвоз продовольствия к столице... Получены сведения, что хотят взорвать пороховые заводы вблизи Петрограда, начинаются бунты, и это в то время, когда враг у ворот нашей столицы, имеющей большое количество заводов, работающих на оборону. Теперь, как никогда, в столице должен быть порядок. Для поддержания этого порядка мы и посылаемся».⁸³

Приказ этот, прочитанный во всех сотнях, батареях и командах дивизии, не произвел впечатления на казаков. Настоящая правда о целях Корнилова и его соучастников, сообщенная питерскими агитаторами, совершенно заслонила в сознании казаков неубедительные, искусственно притянутые доводы приказа.

Тем не менее Крымов решил действовать. Он приказал Донской дивизии в ночь с 29 на 30 августа овладеть Лугой, а затем, к 31 августа выйти на соседнюю Витебскую железную дорогу в район ст. Вырица для соединения здесь с частями Кавказской туземной дивизии и для последующего удара по столице.

Согласно этому приказу в 1 час ночи на 30 августа 10-й и 13-й Донские казачьи полки начали наступление на Лугу. Однако при соприкосновении с заставами лужского гарнизона в 4 км от города казаки

⁸³ ЦГАОР, ф. 9, оп. 2, д. 6, 1917 г., л. 78—79.

остановились и дальше наступать категорически отказались. Затем сотня за сотней они вернулись в деревни Заозерье и Стрешнево.

Крымов приказал провести во всех частях дивизии митинги, в ходе которых офицеры пытались уговорить казаков исполнить приказ генерала о наступлении на Лугу. Казаки хмуро, не проявляя никаких признаков воодушевления, выслушивали призывы и заклинания офицеров.

Пока шли приготовления ко второму наступлению на Лугу, наступило утро.

В 7 ч. 30 мин. утра 30 августа 13-й Донской полк через свой комитет заявил командованию о категорическом отказе принимать участие в каких-либо военных операциях против Луги. При этом две казачьи сотни, рота сапер и мотоциклетная команда заявили, что они вообще больше не признают командование дивизии. Через некоторое время заявления об отказе наступать на Лугу поступили от остальных двух полков. Революционное настроение охватило всю дивизию. Начались новые митинги, организованные самими казаками, в которых уже открыто участвовали прибывшие в большом числе солдаты лужского гарнизона и петроградские агитаторы.

Сознавая свое бессилие перед лужским заслоном, Крымов около 9 ч. утра приказал полкам конным строем двигаться по проселочной дороге в обход Луги к ст. Оредеж (Витебской ж. д.). В это время в дер. Заозерье, где помещался штаб Крымова, прибыла делегация от Исполкома Лужского Совета. Казаки обступили ее, заявляя, что теперь они окончательно убедились в преступных целях Корнилова и всех его сообщников, и просят дать им приказ властей об аресте Крымова и его штаба.

В то время как казаки дивизии, растянувшись длинной лентой, по узкому проселку, двигались к ст. Оредеж, в Лугу в 5 часов вечера прибыл на автомобиле представитель Временного правительства полковник Самарин. Вызвав к себе Булычева и членов Исполкома Совета, он заявил им в форме выговора, что «вообще в Луге создано слишком много шума в связи с прибытием войск Крымова». ⁸⁴

Затем, выехав в дер. Заозерье, где все еще находился Крымов, Самарин передал ему просьбу Керенского прибыть вместе с ним в Петроград, что и было исполнено генералом беспрекословно, ибо, в противном случае, его ожидал неминуемый арест со стороны своих казаков или Лужского Совета. Вечером 30 августа Крымов вместе со своим начальником штаба ген. Дитерихсом прибыл в Петроград.

Тем временем казаки Донской дивизии устроили на ст. Оредеж совместное совещание полковых и сотенных комитетов, на котором, после обстоятельного разбора предательских действий командования, было принято решение о посылке в Петроград делегации для заверения правительства и Советов в непричастности дивизии к контрреволюционным замыслам корниловских заговорщиков.

Так революционные рабочие и солдаты без вооруженной борьбы лишили Корнилова одной из его, казалось бы, наиболее надежных дивизий.

Не лучше обстояло дело у корниловских авантюристов с Кавказской туземной дивизией («дикой дивизией»). ⁸⁵

⁸⁴ ЦГАОР, ф. 9, оп. 3, д. 44, 1917 г., л. 115.

⁸⁵ Последующее описание событий, связанных с «дикой дивизией», главным образом основано на показаниях генералов Багратиона, Гагарина, офицера Данилова и др., данных Чрезвычайной следственной комиссии по делу Корнилова (ЦГАОР, ф. 9, оп. 3, д. 44, 1917 г., л. 121—130), на стенограмме беседы автора 26.2.1940 г. с б. урядником 1-й сотни Татарского полка дивизии т. Хаджи Муратом Дзарахоховым и на газетных отчетах.

Согласно приказанию из Ставки погрузка эшелонов дивизии на ст. Дно началась с утра 27 августа.

«Когда нас отправляли в Петроград,— вспоминает Хаджи Мурат Дзарахохов,— в поезде офицеры стали проверять, у кого сколько патронов, и дали каждому по два патронташа, то-есть боевую выкладку. И предупреждали: «если с вами в пути будут заговаривать, и в случае агитации — вы не отвечайте, говорите, что по-русски не понимаете. Кто бы что ни сказал — не отвечайте. Заметим что — расстреляем».

При объяснении целей движения корпуса офицеры прибегли к обычному в корниловских войсках грубому обману солдат. Полковым и сотенным комитетам было объявлено, что Временное правительство арестовано, Петроград захвачен большевиками и подготавливается сдача его немцам.

На вагонах приказано было вывесить красные аншлаги с надписью: «Едут защитники демократической республики».

Однако на ст. Дно и на промежуточных станциях по пути к Петрограду в эшелоны дивизии проникли листовки с текстом объявления Керенского о мятеже Корнилова. Русская часть солдат, составлявшая все команды технического назначения, сразу же заняла резкую антикорниловскую позицию. Это настроение нашло быстрый отклик среди политически развитых горцев, представлявших в основном комитетский актив. Главная же масса горцев, придавленная свирепой дисциплиной, царившей в «дикой дивизии», крайне слабо развитая политически и находившаяся в плену всевозможных национальных и родовых предрассудков, отказалась подчиняться корниловскому командованию только после встречи с мусульманской делегацией, а также под впечатлением той всенародной ненависти к Корнилову, проявление которой горцы видели на каждом шагу по мере продвижения к Петрограду.

В 4 ч. дня 28 августа эшелоны головного Ингушского полка «дикой дивизии» достигли ст. Вырица (61 км от Петрограда). Дальнейшее движение оказалось невозможным в связи с разборкой и загромождением железнодорожниками пути между впереди лежащими станциями Сусанино и Семрино.

Посланные для осмотра пути кавалерийские разъезды ингушей вечером этого дня приблизились к позициям, занятым войсками петроградского гарнизона, при этом завязалась бескровная для обеих сторон перестрелка. Это был единственный отмеченный случай вооруженного столкновения между защитниками столицы и корниловскими войсками.

Командование дивизии приказало ингушам приступить к восстановлению железнодорожного пути, для чего им потребовалось более суток. Тем временем в Вырице и на других близлежащих станциях и полустанках скопилось множество эшелонов. Кавалерия, выгрузившись из вагонов, в поисках продовольствия и фуража разбрелась по окрестным деревням.

Так же как и под Лугой, и здесь появились в большом числе питерские агитаторы. Они вели энергичную устную агитацию, используя для этого горцев, знавших русский язык, распространяли десятки тысяч прокламаций на кавказских и русском языках.

Весьма большую помощь агитаторам оказывали служившие в «дикой дивизии» русские солдаты и матросы. Это были главным образом солдаты Запасного электро-технического батальона, входившего в состав петроградского гарнизона, и матросы 2-го флотского экипажа. Они же первыми начали переход на сторону питерцев. Так, 29 августа, 104 русских солдата Татарского полка, составлявших команды связистов и пулеметчиков, перешли со ст. Владимирская в Гатчину, в рас-

положение петроградских войск, прихватив с собой значительный обоз (150 лошадей, 4 пулемета, телефонные аппараты) и уничтожив при уходе 26 км линий связи в районе расположения корниловских войск.⁸⁶

Вслед за русскими солдатами на сторону защитников Петрограда стали переходить группами и в одиночку горцы. Первым среди них был Хаджи Мурат Дзарахохов. За ним в Гатчино и Царское Село перешло до 350 всадников из разных полков «дикой дивизии». Позднее все горцы-перебежчики явились в Московско-заставский район столицы, отдав себя в распоряжение районного штаба Красной Гвардии. Около 200 всадников не пожелали вернуться в «дикую дивизию» и после разгрома корниловщины остались в составе вооруженных сил рабочего класса вплоть до Октябрьского вооруженного восстания.⁸⁷

В деле разъяснения горцам преступных целей Корнилова важное значение имела посылка навстречу «дикой дивизии» мусульманской делегации из Петрограда. Она, как известно, была послана по инициативе С. М. Кирова, являвшегося в это время крупнейшим большевистским организатором на Северном Кавказе. В ее состав по указанию Центрального Комитета горских народов были включены наиболее видные участники происходившего в Петрограде мусульманского съезда и, в том числе, внук знаменитого Шамиля — Зехид Шефит. Хотя эта делегация и не представляла мусульман-трудящихся, однако участники ее были настроены демократически.

Вечером 28 августа делегация выехала из Петрограда, но добиться встречи с земляками ей удалось только на другой день, когда солдаты дивизии, узнав о прибытии делегации, заставили свое командование пропустить ее в Вырицу.

На созванном заседании дивизионного комитета члены делегации сделали доклад о политическом моменте и призвали горцев отказаться от участия в корниловской аванюре. Выступления делегатов произвели сильнейшее впечатление. Командование, учитывая это, приказало офицерам арестовать делегацию, но горцы не позволили привести приказание в исполнение.

В то время, как в Вырице выступали мусульманские делегаты, на ст. Чолово (45 км южнее Вырицы) сошлись 4 эшелона дивизии. Солдаты, уже достаточно распропагандированные железнодорожниками, агитаторами из Петрограда, листовками, сошлись на общий митинг и постановили: эшелоны остановить, послать делегатов во все другие части дивизии с разъяснением намерений Корнилова, требовать немедленного созыва совещания всех полковых и сотенных комитетов дивизии для обсуждения создавшегося положения.⁸⁸

Революционное настроение полностью захватило «дикую дивизию». 30 августа повсеместно началось братание конных разъездов горцев с солдатами петроградского гарнизона. Целыми группами направлялись всадники в гости к царскосельским стрелкам.⁸⁹

На ст. Чолово солдаты с утра 30 августа водрузили красный флаг на крыше дома, где разместился штаб Кавказского корпуса. Когда один полковник приказал сорвать флаг, он был немедленно арестован возмущившимися солдатами.

В этот день на ст. Чолово явилась мусульманская делегация в сопровождении многочисленных представителей частей петроградского

⁸⁶ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 33, л. 152, 1917 г., л. 3.

⁸⁷ Из рассказа тов. Хаджи Мурата Дзарахохова.

⁸⁸ ЦГАОР, ф. 9, оп. 3, л. 44, 1917 г., л. 121—122.

⁸⁹ Известия, № 158, 31 августа 1917 г.

гарнизона. Перед зданием штаба, над которым продолжал развеиваться красный флаг, был проведен многолюдный митинг. В ходе митинга было оглашено переданное по телеграфу из Владикавказа воззвание от горского населения Кавказа к солдатам «дикой дивизии», в котором была выражена угроза предать их всеобщему проклятию, если они будут идти за Корниловым. Воззвание это произвело огромное впечатление на всадников.

После митинга команда связи, захватив паровоз, отправила агитаторов по всей линии дороги для объяснения каждому эшелону создавшегося положения.⁹⁰

Командующий Кавказским корпусом ген. Багратион, получив сведения о повсеместном бурном росте антикорниловского настроения среди горцев, решил дать отбой. Он приказал созвать вечером 30 августа на ст. Чолово совещание с участием представителей всех комитетов корпуса. На это совещание была также приглашена мусульманская делегация.

Совещание, в котором участвовало 170 делегатов, было очень бурным. Рядовые его участники — русские солдаты и горцы — выступили с резкими обвинениями по адресу командования. Ген. Багратиону пришлось потратить много усилий в попытках оправдаться и успокоить их возмущение.

В итоге совещания было решено прекратить движение корпуса на Петроград и отправить в столицу делегацию. При составлении делегации командованию корпуса удалось обеспечить в ней полное преобладание офицеров.

31 августа делегация Кавказского корпуса прибыла в Зимний дворец. Керенский окружил ее усиленным вниманием, стараясь привлечь на свою сторону реакционное офицерство. В этой связи характерен следующий эпизод: когда один солдат, попавший в состав делегации, в взволнованном тоне обратился к министру-председателю от лица корпуса с требованием о смещении с должностей и о примерном наказании изменников-командиров, Керенский прервал его словами: «Ваше дело теперь повиноваться вашему начальству, а все, что нужно, мы сделаем сами».⁹¹

Керенскому нужна была в это время «дикая дивизия» для подготавливавшейся им той же самой корниловской расправы с питерским пролетариатом.

Полный провал постиг корниловцев и в попытках использовать в своих целях Уссурийскую дивизию (в составе пяти казачьих полков и одного артдивизиона).

В ночь на 28 августа эшелоны головных — Нерчинского и Амурского — полков дивизии прибыли в Нарву и здесь были задержаны в связи с разрушением железнодорожниками пути на Петроград.

Местные агитаторские силы, прекрасно организованные председателем Исполкома Нарвского Совета большевиком Кингисеппом, начали энергичную агитацию среди войск прибывших в Нарву эшелонов.

Пытаясь избежать революционного воздействия на казаков, командир дивизии ген. Губин приказал, не задерживаясь здесь, пробиваться дальше на Петроград. Командир Амурского полка подполковник Полковников показывал следственной комиссии, что, преодолевая решительное сопротивление железнодорожников и непрерывно исправляя путь своими средствами, ему с большим трудом удалось продвинуть эшелоны

⁹⁰ Известия, № 158, 31 августа 1917 г.

⁹¹ Известия, № 159, 1 сентября 1917 г.

до Ямбурга, но к этому времени полк находился уже целиком под влиянием революционных агитаторов.⁹²

Скопившиеся в Ямбурге 2 тысячи казаков Уссурийской дивизии начали прежде всего митинговать, чтобы политически осмыслить создавшееся положение и принять необходимые решения. Так, полковой комитет Амурского полка на заседании 30 августа постановил: «Быслушав обвинения против офицеров от казаков полка, собравшихся на митинг, Комитет признает необходимым арестовать следующих лиц: командира полка подполковника Полковникова...,⁹³ дабы пресечь их вредную деятельность в пользу Корнилова». ⁹⁴

Не лучше для корниловцев обстояло дело в полках дивизии, тянувшихся в арьергарде. Они находились под не меньшим влиянием агитаторов, чем те части, которые принимали в Ямбурге противокорниловские резолюции. Так, ген. Краснов, обгонявший в ночь с 29 на 30 августа между ст. Дно и Псковом эшелоны Приморского драгунского полка, с нескрываемой злобой писал: «...и почти всюду мы видели одну и ту же картину: где на путях, где в вагоне, на седлах, у склонившихся к ним головами вороных и караковых лошадей сидели и стояли драгуны и среди них — юркая личность в солдатской шинели». ⁹⁵

Работу агитаторов деятельно дополняли железнодорожники. Тот же Краснов сообщает: «Иногда по чьему-то никому неизвестному распоряжению к какому-нибудь эшелону прицепляли паровоз, и его везли два, три перегона, сорок, шестьдесят верст, и потом он оказывался где-то в стороне, на глухом разъезде без паровоза, без фуража для лошадей и без обеда для людей». Краснов признает, что железнодорожники «запутывали положение корпуса до невозможного». ⁹⁶

30 августа Уссурийская дивизия окончательно ушла из рук корниловцев. Собравшееся в этот день в Нарве объединенное совещание полковых и сотенных комитетов дивизии резко заклеямило корниловский заговор, постановило прекратить движение на Петроград и послать в столицу делегацию.

Таким образом полностью вскрылся авантюризм корниловского заговора против революции. Потребовалось только несколько дней борьбы, чтобы отнять у Корнилова все его войска. Насилие и обман солдат, с помощью которых корниловцы рассчитывали осуществить свой план расправы с революцией, оказались несостоятельными. Вся система грубого принуждения и обмана солдат стала, как угар, рассеиваться при первом же проникновении в корниловские эшелоны большевистской правды, принесенной питерскими агитаторами.

Мощный революционный подъем масс захватил в эти дни даже оторванных от общерусской демократии казаков и горцев Кавказа.

«Разгром корниловщины одним ударом вскрыл и осветил соотношение сил между революцией и контрреволюцией. Он показал обреченность всего контрреволюционного лагеря от генералов и кадетской партии до запутавшихся в плену у буржуазии меньшевиков и эсеров. Стало очевидным, что политика затягивания непосильной войны и вызванная затяжной войной хозяйственная разруха окончательно подорвали их влияние среди народных масс». ⁹⁷

⁹² ЦГАОР, ф. 9, оп. 3, д. 44, 1917 г., л. 120.

⁹³ Далее следует длинный перечень фамилий офицеров, подлежащих аресту.

⁹⁴ ЦГАОР, ф. 9, д. 44, 1917 г., л. 119.

⁹⁵ Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. Октябрьская революция, ГИЗ, 1926, стр. 24.

⁹⁶ Там же, стр. 26.

⁹⁷ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 193.

IV

Петроград был важнейшим, но не единственным местом организации отпора корниловщине. Мобилизация масс на борьбу с заговором происходила всюду, где была хотя бы отдаленная опасность выступления корниловцев. Большевики широко использовали сложившуюся благоприятную обстановку для вооружения и военной организации масс, для вовлечения в борьбу с властью буржуазии новых отрядов трудящихся.

Борьба с корниловщиной приобрела крупный размах в Москве. Здесь, как и в столице, душой всех боевых приготовлений рабочих и солдат стали большевики.

Московский Комитет большевистской партии сразу после получения известий о выступлении заговорщиков собрался на экстренное заседание, на котором был принят конкретный план действий. Затем было создано совещание представителей Райсоветов, фабзавкомов и профсоюзов.⁹⁸ Главные усилия большевики Москвы направили на вооружение рабочих. В решении этой задачи большая роль принадлежала Военному бюро при Московском Комитете РСДРП(б), виднейшими руководителями которого были тт. Ем. Ярославский и А. Шкирятов.

Московские большевики развернули в корниловские дни весьма энергичную агитацию и пропаганду в духе тактических установок ЦК партии. По городу в огромном количестве распространялось обращение Московского Комитета РСДРП(б), содержавшее пламенное разоблачение контрреволюционных целей Корнилова и призывавшее отстоять с оружием в руках дело революции.⁹⁹ Орган московских большевиков «Социал-Демократ» из номера в номер разоблачал перед массами механику подготовки корниловского заговора, показывал закулисный стговор Керенского с заговорщиками и его нежелание вести против Корнилова настоящую революционную войну. Немало крепких ударов нанесла в эти дни печать московских большевиков также по меньшевикам и эсерам.

Преодолевая всевозможные препятствия со стороны представителей властей и эсерово-меньшевистского руководства Совета, московский пролетариат, возглавленный большевиками, вооружался, обучался военному делу, изживал последние соглашательские иллюзии, готовился к штурму власти буржуазии.

Весьма важное значение имела активная мобилизация сил пролетариата на борьбу с заговором в городах и рабочих поселках, тяготевших к области Войска Донского, ибо на Дону находился один из самых крупных очагов заговора, возглавленный ген. Калединым. Особо следует отметить деятельность воронежского и царицынского Ревкомов, созданных в корниловские дни по решению местных Советов. Они установили тесную связь между собой, а также с Ревкомами Ростова н/Дону, Саратова, Луганска и крупных узловых станций прилегающего района. В Воронеже и Царицыне были отпечатаны сотни тысяч листовок, разоблачавших Корнилова и его агента Каледина. Листовки эти распространялись среди солдат, казаков, по донским станицам и на линиях железных дорог. Ревкомы этих и других ближайших городов отправили сотни агитаторов во все места скопления казачьих войск, с помощью железнодорожников сорвали начатую Калединым переброску казачьих частей на север, задерживали вагоны с оружием и боеприпасами.¹⁰⁰

⁹⁸ Социал-Демократ, №№ 144, 145, 28 и 29 августа 1917 г.

⁹⁹ Листовки Московской организации большевиков. 1914—1920 гг. ОГИЗ, 1940, стр. 88.

¹⁰⁰ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 33, д. 232, 1917 г., л. 61—67, 109 и др.

Ревкомы часто брали в свои руки всю полноту власти на местах, создавали многочисленные вооруженные отряды из рабочих, развертывали в большом масштабе революционную агитацию. Душой деятельности Ревкомов были почти во всех случаях большевики.

В результате боевой революционной активности рабочих и солдат Донбасса, Воронежа, Царицына, Ростова-на-Дону и других городов калединское движение потерпело поражение. Казаки отказались выполнить приказ о продвижении на север — к Москве и Петрограду, повсеместно принимая резолюции, направленные против Корнилова и Каледина.

В этой обстановке Каледин вынужден был 3 сентября в телеграмме Временному правительству заявить о своей капитуляции, прося лишь не предпринимать против него «мер насилия» до разбора его дела на заседании войскового круга.¹⁰¹

Энергичная борьба с корниловским заговором развернулась также в месте нахождения Ставки — Могилеве и во всех близ расположенных городах, местечках и железнодорожных станциях.

Могилевский Совет, ушедший в эти дни в подполье, наладил печатание в городе противокорниловских листовок, систематически информировал Советы Орши, Витебска, Гомеля и других городов о всех подаваемых на наблюдению действиях заговорщиков. Большевики Могилева сумели повести успешную агитацию среди корниловских войск в Ставке. В результате этой агитации георгиевский батальон уже 29 августа заявил о своей готовности с оружием в руках выступить против Корнилова, а из состава корниловского ударного полка вышло разными путями свыше ста солдат.¹⁰²

Орша, Витебск, Минск, Гомель стали пунктами сосредоточения войск, готовившихся к вооруженному разгрому гнезда заговорщиков в Могилеве. Так, в Орше был сформирован крупный сводный отряд, двинутый затем на Ставку. В его состав входило 5 тысяч пехотинцев, эскадрон кавалерии, 3 батареи артиллерии, отряд пулеметчиков с 12 станковыми пулеметами, отряд бронемашин из 12 машин и группа летчиков с 4 аэропланами.¹⁰³

Ревкомы упомянутых городов задержали несколько корниловских частей, продвигавшихся в направлении Петрограда, а также эшелоны с продовольствием и боеприпасами. Гомельский Ревком вечером 27 августа задержал мчавшиеся в Ставку автомашины с английскими офицерами.¹⁰⁴

Результатом деятельности Ревкомов района могилевского очага заговора было установление почти полной блокады Ставки. На железных и шоссейных дорогах, на телеграфных и телефонных линиях — всюду Ставка встречала организованное противодействие рабочих, железнодорожников, солдат, служащих связи, четко выполнявших указания своих революционных центров.

Быстро и решительно был подавлен один из главных очагов корниловщины, образовавшийся на Юго-Западном фронте. Командующий фронтом ген. Деникин и его нач. штаба ген. Марков давно готовили здесь разгром сил революции. Они намеревались дерзкими и решительными действиями покончить силами казачьих частей и офицеров с местными большевистскими организациями и солдатскими Комитетами, а затем обманом и силой двинуть части фронта на Киев, Одессу, Петроград, Москву.

¹⁰¹ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 33, д. 43, 1917 г., л. 10.

¹⁰² Известия, № 159, 1 сент. 1917 г., а также ЦГАОР, ф. 9, д. 44, 1917 г., л. 53.

¹⁰³ Известия, № 161, 3 сент. 1917 г.

¹⁰⁴ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 33, д. 232, 1917 г., л. 7; Известия № 157, 30 авг. 1917 г.

Однако заговорщики явно недооценили революционную энергию, таившуюся в, казалось, умерших солдатских Комитетах. При первом известии о заговоре жизнь в них забила ключом. Огромную роль в этом сыграли большевики. Под их руководством Комитеты почти всех частей фронта начали боевые приготовления к разгрому заговора. Некоторые части начали немедленное продвижение к Бердичеву, где располагалась ставка командования фронтом. В их числе оказался отряд бронепоездов, пулеметная и артиллерийская части и один бронепоезд. Решимость солдат раздавить контрреволюцию была столь велика, что, как описывает один очевидец, нестроевые команды фронта обращались к своим Комитетам с настойчивыми просьбами выдать им оружие и дать возможность выступить против корниловцев.¹⁰⁵

Для разгрома заговора на Юго-Западном фронте потребовалось менее суток. Уже 28 августа в 3 ч. дня вся власть здесь перешла в руки фронтового Комитета, а генералы-заговорщики были арестованы, что спасло их от самосуда солдат.¹⁰⁶

Большую революционную энергию в борьбе с заговором проявили также солдаты Западного и Северного фронтов.

Всенародный характер борьбы с корниловщиной вскрыл авантюризм контрреволюционного выступления генеральско-кадетских заговорщиков. Против заговора выступило все живое и активное в миллионных массах трудящегося народа. Рабочие всей страны поднялись против Корнилова, создав бесчисленные красногвардейские отряды, железнодорожники парализовали все военные перевозки заговорщиков, почтово-телеграфные служащие лишили их внешних связей, печатники срывали контрреволюционную агитацию корниловцев. Стеной непримиримой ненависти и организованности отпора окружили рабочие и солдаты все очаги корниловского заговора.

Против корниловцев со всей силой поднялась яростная солдатская ненависть 10-миллионной армии фронта, дивизии которой горели в эти дни желанием выступить с оружием в руках на подавление заговора.

При сложившемся положении революционные рабочие и солдаты легко отняли у корниловцев те немногие дивизии, которые они увлекли за собой обманом и насильем. Заговорщикам, оказавшимся в роли генералов без армии, оставалось только капитулировать.

Подлинным организатором и вдохновителем разгрома корниловщины явилась партия большевиков. Она дала идейно-политическое направление всей борьбе с заговором и обеспечила ее практическую организацию. В борьбе с корниловщиной большевики дали блестящий образец умелого использования массовых революционных организаций — Советов, фабзавкомов, профсоюзов, солдатских Комитетов — для вовлечения широких масс рабочих и солдат в активную политическую борьбу с властью буржуазии.

«Разгром корниловщины показал... что большевистская партия выросла в решающую силу революции, способную разбить любые происки контрреволюции».¹⁰⁷

Значение корниловского заговора и его разгрома состояло прежде всего в ускоряющем воздействии этого события на созревание условий для победы социалистической революции в нашей стране. Корниловские заговорщики капитулировали в уверенности, что они останутся безнаказанными, ибо «судить» их должно было Временное правительство,

¹⁰⁵ Известия, № 160, 2 сент. 1917 г.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 193.

являвшееся прямым соучастником заговора. Однако корниловцам и всем стоявшим за их спиной буржуазно-помещичьим кругам не удалось уйти от ответственности. Суд над ними состоялся. Это был настоящий суд — суд народных масс, принявших твердое решение покончить с тем общественным строем, который способен порождать заговоры, подобные корниловскому.

«Корниловщина была последним жестоким уроком, в большом размере уроком, дополняющим тысячи и тысячи уроков мелких...», — писал В. И. Ленин.¹⁰⁸ Она окончательно вскрыла всю ту систему эсеро-меньшевистского обмана народа, с помощью которой буржуазия держалась у власти, она навсегда похоронила остатки «доверчиво-бессознательного» отношения народа к буржуазии. «Историческое значение восстания Корнилова состоит именно в том, — писал В. И. Ленин, — что оно с чрезвычайной силой открыло массам народа глаза на ту истину, которая была прикрыта и прикрывается до сих пор соглашательской фразой эсеров и меньшевиков, именно: помещики и буржуазия с партией к.-д. во главе и стоящие на их стороне генералы и офицеры организовались, они готовы совершить и совершают самые неслыханные преступления, отдать Ригу (а затем и Петроград) немцам, открыть им фронт, отдать под расстрел большевистские полки, начать мятеж, повести на столицу войска с «дикой дивизией» во главе и т. д. — все это ради того, чтобы захватить всю власть в руки буржуазии, чтобы укрепить власть помещиков в деревне, чтобы залить страну кровью рабочих и крестьян».¹⁰⁹

Важнейшим следствием корниловского заговора был решительный поворот масс в сторону большевиков. Революция, неоднократно указывал еще К. Маркс, растет и крепнет в схватках с контрреволюцией. Корниловщина, подхлестнув силы революции, ускорила решение важнейшей задачи большевистской партии, т. е. завоевание большинства народа.¹¹⁰

Самым ярким выражением поворота масс в сторону большевиков явилась начавшаяся большевизация Советов. «Борьба с корниловщиной оживила захиревшие было Советы рабочих и солдатских депутатов, освободила их из плена соглашательской политики, вывела их на широкую дорогу революционной борьбы и повернула их в сторону большевистской партии».¹¹¹ Именно Советам и созданным по их решениям Ревкомам принадлежала крупнейшая роль в разгроме генеральско-кадетского заговора.

В ночь на 1 сентября 1917 г. свершился исторический переход на большевистские позиции ведущего в стране Петроградского Совета. Впервые за полгода своего существования столичный Совет принял большевистскую резолюцию по вопросу о власти. Через пять дней его примеру последовал Московский Совет. Это положило начало большевизации Советов во всей стране и дало возможность партии большевиков снова поставить на повестку дня временно снятый после событий 3—5 июля лозунг «Вся власть Советам!» уже как лозунг восстания Советов против власти Временного правительства.

В борьбе с корниловщиной большевизация армии и флота приняла бурный характер. Подобно Советам ожили замершие было солдатские Комитеты. Начался быстрый процесс их большевизации. Ко второй

¹⁰⁸ В. И. Ленин. Соч., т. XXI, стр. 221.

¹⁰⁹ Там же, стр. 138—139.

¹¹⁰ Там же, стр. 196.

¹¹¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 193.

половине сентября полностью перешел на большевистские позиции Балтийский флот.

Весьма многому научила корниловщина также и крестьян. Они поняли, что «помещики и генералы, разгромив большевиков и Советы, насядут потом на крестьянство». ¹¹² Крестьянская беднота тесно сплотилась вокруг большевиков. За беднотой, преодолевая свои колебания, потянулись к большевикам середняки. Сентябрь и октябрь 1917 года прошли под знаком резкого усиления борьбы крестьянской массы против помещиков, втягивания ее в общее русло революционной борьбы за свержение власти Временного правительства.

Буржуазия с тревогой наблюдала за все более широко развертывавшейся подготовкой большевиками штурма капитализма. Она изо всех сил старалась обогнать революцию в подготовке к решающей схватке. В сентябре — октябре 1917 г. руководящие круги русской буржуазно-помещичьей контрреволюции при активной поддержке союзных империалистов развернули лихорадочную подготовку второго корниловского заговора. Временное правительство Керенского, кадеты, меньшевики и эсеры, монархисты и реакционные генералы, объединенные общей смертельной ненавистью к надвигающейся социалистической революции, делали все зависящее от них, чтобы подготовить новое выступление сил контрреволюции. Не последнюю роль в подготовке этого выступления играли так называемые «быковские узники», т. е. находившиеся в «заключении» в помещении женской гимназии г. Быкова генералы Корнилов, Деникин, Лукомский, Марков и другие участники первого заговора. В их распоряжении был весь услужливый аппарат Ставки во главе с ген. Духониным. «Быковские узники» разрабатывали военно-техническую сторону нового заговора.

Ленин и Сталин, настойчиво разъясняя массам уроки корниловского заговора, проявляли величайшую революционную бдительность к новым приготовлениям буржуазных заговорщиков. Гений В. И. Ленина сумел своевременно разгадать подготовку буржуазией второй корниловщины. Товарищ Сталин в статьях «Контрреволюция мобилизуется — готовьтесь к отпору» и «Штрейкбрехеры революции» выступил с исключительно ярким ее разоблачением. Ссылаясь на весьма удачно подобранные убедительные факты, товарищ Сталин писал: «Сомнения невозможны. В противовес фронту революции складывается и крепнет фронт контрреволюции, фронт капиталистов и помещиков, правительства Керенского и предпарламента. Контрреволюция готовит новую корниловщину... Советы и Комитеты должны принять все меры к тому, чтобы второе выступление контрреволюции было сметено всей мощью великой революции». ¹¹³

Буржуазии и ее эсеро-меньшевистским пособникам не удалось реализовать второй корниловский заговор, так же как и первый. Рост сил революции снова решительно обогнал рост сил контрреволюции. Массы, наученные величайшим в истории опытом классовой борьбы с февраля по октябрь 1917 г., освободившиеся от пут мелкобуржуазных иллюзий, благодаря большевикам, были подготовленными к победе над буржуазией.

Победоносное пролетарское восстание смыло корниловских заговорщиков. Это был тот настоящий, подлинно народный суд над злейшими врагами народа, к которому звали, к которому готовили массы Ленин и Сталин.

Победа Великого Октября спасла нашу родину от кошмара гене-

¹¹² История ВКП(б). Краткий курс, стр. 193.

¹¹³ И. В. Сталин. Соч., т. III, стр. 362—363.

ральско-кадетской военной диктатуры, от распродажи ее по частям германским, англо-французским и иным империалистическим хищникам мира, от восстановления залившей себя кровью монархии Романовых, от террористического режима господства помещиков, капиталистов, кулаков, от вопиющего бесправия и беспросветной нищеты народа.

Дон и Кубань стали местом слета жалких осколков разбитой в октябре 1917 г. корниловской контрреволюции. Здесь началась новая полоса ее активности. Формируя белогвардейские армии, вступая в постыдные сделки с германскими и антантовскими империалистами, творя дикие насилия над рабочими и крестьянами в собственном тылу, корниловцы повели бешеную борьбу против молодой Советской республики. Но раз начавшееся дело социалистической революции было уже непобедимо. Корниловщина, перевоплотившаяся в колчаковщину, деникинщину и другие белогвардейские движения против Советской республики, была навсегда уничтожена вооруженной мощью победившего народа — его доблестной Красной Армией.

П. Г. СОФИНОВ

РОЛЬ ЮЖНЫХ РАЙОНОВ В СНАБЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ ЛЕТОМ 1918 ГОДА¹

К лету 1918 г. Советская республика, окруженная со всех сторон врагами, стала испытывать острые продовольственные затруднения.

29 мая 1918 г. Совет народных комиссаров принял постановление о делегировании товарища Сталина в качестве общего руководителя продовольственным делом на юге России. Прибыв 6 июня в Царицын, И. В. Сталин развил энергичную деятельность по заготовке хлеба. В предельно сжатые сроки он установил твердую продовольственную диктатуру на Кубани, в Ставрополье, в Саратовской и Астраханской губерниях, укрепил продовольственный аппарат, наладил систематический товарообмен и заготовку хлеба.

В результате принятых мер в течение июня заготовка хлеба на юге была увеличена в четыре раза по сравнению с маем.

Одним из самых сложных вопросов продовольственной работы на юге летом 1918 г. являлся вопрос транспортировки продовольственных грузов в центральные губернии. Еще по пути в Царицын, наблюдая за скоплением эшелонов на станциях, товарищ Сталин пришел к убеждению, что без решительных мероприятий по улучшению работы железнодорожного транспорта, без строительства новых веток, которые дали бы выход грузам к водным путям, своевременная доставка хлеба по назначению немыслима, так как царицынская линия не могла выдерживать большой нагрузки. Указывая на это обстоятельство, товарищ Сталин в телеграмме В. И. Ленину, написанной по пути в Царицын 4 июня 1918 г., просил прислать в его распоряжение путейских инженеров и дельных железнодорожных рабочих, а также дать специальный приказ организациям торгового флота на Волге и Каспии о беспрепятственном исполнении распоряжений Сталина.²

Состояние железнодорожного транспорта полностью подтверждало обоснованность опасений товарища Сталина.

Железнодорожные линии Тихорецкая — Царицын Владикавказской дороги и Царицын — Грязи Юго-восточной дороги были однопутными, с небольшим числом разъездов и запасных путей. Само по себе это обстоятельство при нормальной постановке работы не могло бы оказать заметного влияния на движение грузов. Но в мае — июне организация работы на царицынской линии не была в удовлетворительном состоя-

¹ Публикуемая статья представляет собой главу из подготовленной к печати монографии «Борьба за Юг и Каспий летом и осенью 1918 года».

² Документы о героической обороне Царицына в 1918 г. Госполитиздат, 1942, стр. 44. Дата написания телеграммы уточнена нами на основе отпуски телеграммы (ЦГАКА, ф. 25896, оп. 1, д. 17, л. 1).

нии. Прежде всего, отсутствовало единое административное управление. Путевым хозяйством, подвижным составом, службой движения ведали коллегии, комиссары, ревкомы и многочисленные командующие «фронтами», «армиями», отрядами, причем наибольшее влияние имели именно эти командующие. Они захватывали вагоны, превращали их в казармы и забивали эшелонами все запасные пути. Не считаясь с железнодорожными правилами, отряды прямо на станциях устраивали бани, прачечные, кухни, оставляя здесь же отбросы и помои.

Таким образом, сотни вагонов и десятки паровозов без пользы гонялись со станции на станцию. А между тем железнодорожный транспорт испытывал острый недостаток в подвижном составе. Из-за отсутствия паровозов линия Тихорецкая — Царицын могла продвигать не более пяти-шести поездов в сутки, а линия Царицын — Грязи — не больше одного поезда.³

По данным доклада комиссара царицынского узла, к началу июня в его распоряжении имелось только пять паровозов, из которых два предназначались для перевозки нефти, а три — для остальных грузов. По заявлению комиссара, царицынский узел не в состоянии был пропустить даже двух эшелонов в сутки.⁴

Общий развал на железнодорожном транспорте усугублялся халатностью служащих, не только не проявлявших какой-либо инициативы для упорядочения дела, но недобросовестно выполнявших свои обычные служебные обязанности. «Железнодорожный транспорт, — сообщал И. В. Сталин Ленину 7 июня, — совершенно разрушен стараниями множества коллегий и ревкомов». ⁵ В другой телеграмме, от 10 июня 1918 г., товарищ Сталин отмечал: «Поезда и отдельные группы вагонов с продовольственным грузом стоят на станции без движения ввиду разгильдяйства служащих или вмешательства отрядов, без толку заполняющих запасные пути». ⁶

В целях быстрее продвижения продовольственных грузов товарищ Сталин 7 июня назначил уполномоченных для наведения порядка на станциях. В первые дни в распоряжении товарища Сталина было только четыре таких уполномоченных: по водному транспорту в районе Волги и Каспия и железнодорожному сообщению Петровск — Гудермас, Кизляр — море; по водному и железнодорожному транспорту в районе Царицына; по железнодорожному транспорту в районе Северного Кавказа и юга России до Москвы; по восстановлению разрушенных и прокладке новых железнодорожных веток в районе Северного Кавказа.⁷ Среди уполномоченных товарища Сталина по транспорту были член ЦК партии т. Артем (Сергеев) и партийный работник Котов. Информировав В. И. Ленина о назначении уполномоченных по транспорту, И. В. Сталин подчеркивал, что этих сил явно недостаточно для того, чтобы «бороться с хаосом, одновременно на всех станциях огромной линии». ⁸ Поэтому товарищ Сталин потребовал принятия решительных мер по упорядочению транспорта со стороны военного и железнодорожного ведомств. По линии военного ведомства необходимо было издать телеграфное распоряжение всем воинским частям и эшелонам, базировавшимся на Южных железных дорогах, — не противодействовать рас-

³ ЦГАКА, ф. 1, оп. 2, д. 11/с, л. 106.

⁴ ЦГАОР, ф. 2046, оп. 3, д. 106, л. 14.

⁵ И. В. Сталин. Соч., т. IV, стр. 116.

⁶ Документы о героической обороне Царицына в 1918 г., стр. 49.

⁷ ЦГАКА, ф. 26896, оп. 1, д. 5а, л. 357.

⁸ Документы о героической обороне Царицына в 1918 г., стр. 49.

поряжениям товарища Сталина и его уполномоченных по части продвижения продовольственных грузов. Наркомпуть должен был срочно обязать всех комиссаров округов и узлов, начальников станций, а также железнодорожные комитеты по линии Рязань — Козлов — Балашов — Поворино — Царицын — Сарепта — Тихорецкая — Торговая — Екатеринодар — Кавказская — Армавир — Георгиевск исполнять распоряжения товарища Сталина и его уполномоченных по части составления маршрутных поездов, подачи паровозов, продвижения грузов. «Чем скорее исполните требование,— заканчивал телеграмму И. В. Сталин,— тем скорее получите хлеб».⁹

Штабу Северо-Кавказского военного округа товарищ Сталин лично дал указание о немедленной разгрузке станции Тихорецкой и возвращении паровозов, захваченных эшелонами.

Одновременно с посылкой цитированной выше телеграммы Ленину Сталин 10 июня телеграфировал в Москву коллегиям Южных и Юго-Западных железных дорог, требуя выслать для работы в Царицыне паровозные и кондукторские бригады, техников, инженеров, конторщиков, дорожных артельных, старших рабочих, слесарей и осмотрщиков, всего до 60 человек.¹⁰

12 июня из Москвы и Царицына выехала группа активных технических работников в количестве 60 человек.¹¹ Вскоре прибыли также товарищи, командированные наркомпродом Цюрупой из числа сибирских и уральских продработников. И. В. Сталин выбрал из них наиболее энергичных и настойчивых для руководящей работы на транспорте, а остальных использовал на практической работе по продвижению грузов.

На наиболее важные железнодорожные узлы 16 июня были направлены особо-уполномоченные «по срочному упорядочению железнодорожного транспорта в целях быстрого продвижения продовольственных грузов в Северные губернии». В район Армавира было командировано два человека, в район станции Тихорецкая — два, в район Минеральных Вод — два, в район станции Торговая — один.¹² Несколько дней спустя были командированы особо-уполномоченные в район Рязано-Уральской железной дороги и в район Балашов — Поворино.¹³

Товарищ Сталин предписал всем рабочим и служащим, всем железнодорожным агентам, ревкомам, советским учреждениям, комиссарам и эмиссарам содействовать особо-уполномоченным, как представителям центральной власти, в исполнении возложенных на них задач.

Уже в самом начале работы в различных тупиках царицынского узла было обнаружено несколько бездействовавших паровозов. Товарищ Сталин был крайне обрадован этим открытием. 7 июня он сообщал В. И. Ленину о том, что посланные им уполномоченные «открывают кучу паровозов в местах, о существовании которых коллегия не подозревают».¹⁴ Однако ближайшее ознакомление с паровозами показало, что все они — дровяного отопления, а добыть дрова в Царицыне в условиях июня 1918 г. было чрезвычайно трудно. Следовательно-

⁹ Там же, стр. 49. В сборнике ошибочно напечатано: Казань... вместо Рязань.— П. С.

¹⁰ ЦГАКА, ф. 25896, оп. 1, д. 5а, л. 271.

¹¹ Там же, л. 23.

¹² ЦГАКА, ф. 25896, оп. 1, д. 17, лл. 401—404.

¹³ Там же, л. 409, ЦГАОР, ф. 130, оп. 13, д. 26, л. 54.

¹⁴ И. В. Сталин. Соч., т. IV, стр. 116.

но, появилась совершенно непредвиденная необходимость в переводе паровозов на нефтяное отопление. Но для этого потребовались материалы, которые также отсутствовали в Царицыне.

9 июня И. В. Сталин запросил Наркомпуть и Управление железнодорожного округа в Воронеже о наличии нефтяных форсунок и баков для отопления паровозов. Для того чтобы перевести паровозы на нефтяное отопление, необходимо было сто форсунок и пятьдесят баков.¹⁵ 10 июня аналогичные телеграммы были посланы в Ставрополь и другие железнодорожные узлы Северного Кавказа.¹⁶ Но поиски форсунок и баков для переоборудования дровяных паровозов на нефтяные оказались безрезультатными. Нефтяных же паровозов ни в Воронеже, ни на узлах Рязано-Уральской железной дороги в достаточном количестве не оказалось. Тогда, посоветовавшись со специалистами, товарищ Сталин решил потребовать угольные паровозы, с тем чтобы вместо угля (которого в Царицыне также не было) использовать жмых. 15 июня товарищ Сталин сообщал Ленину: «Нужны 40 угольных паровозов, у нас уголь есть. Я дважды обращался в коллегии пяти. Воронеж не отвечает, между тем там целая куча лишних паровозов. Примите меры». ¹⁷ Из Москвы пообещали выслать 10 паровозов и 20 паровозных бригад. Прошло еще девять дней, но паровозы не прибыли.

24 июня, сообщая Цюрупе об отправлении из Царицына четырех маршрутных поездов, товарищ Сталин добавляет: «Больше не могу отправить в день за недостатком паровозов и паровозных бригад. Вы обещали прислать 20 паровозных бригад и по крайней мере 10 угольных паровозов, но не прислали. От вас зависит усиление подвоза...» ¹⁸

26 июня пришла, наконец, телеграмма из Воронежа. Комиссар округа путей сообщения запрашивал, на какую дорогу предполагается отправить требуемые паровозы с тем, чтобы определить тип паровозов и род отопления.¹⁹ И. В. Сталин немедленно ответил: «Мне нужны угольные паровозы, так как для перевода на нефть (имеются в виду дровяные паровозы.— П. С.) не хватает приспособлений, между тем как уголь в виде жмыхов, вполне заменяющих уголь, имеется у нас в миллионах пудов». ²⁰

Упоминание об использовании жмыхов для отопления паровозов вызвало переполох в Комиссариате путей сообщения. Старые специалисты сочли такой шаг нарушением всяких теоретических норм (хотя использование жмыхов в паровозных топках широко применялось на Северном Кавказе). Наркомпуть решил воздержаться от посылки угольных паровозов в Царицын и предложил обменять имевшиеся в Воронеже угольные паровозы на нефтяные, взяв их с других дорог. Пока происходил обмен паровозов, прошло еще 10 дней, и только в начале июля в Царицын было направлено 10 нефтяных паровозов. ²¹

В конце июня царицынский узел начал испытывать острые затруднения в топливе. В наличии имелось 47 тыс. пудов нефти и 120 погонных сажень дров, при месячной потребности в 900 тыс. пудов нефти и 1 800 погонных сажень дров. Поскольку Царицын должен был снаб-

¹⁵ ЦГАКА, ф. 25896, оп. 1, д. 5а, л. 265.

¹⁶ Там же, л. 270.

¹⁷ Документы о героической обороне Царицына в 1918 г., стр. 54.

¹⁸ Там же, стр. 71.

¹⁹ ЦГАКА, ф. 25896, оп. 1, д. 17, л. 69.

²⁰ Документы о героической обороне Царицына в 1918 г., стр. 71.

²¹ ЦГАКА, ф. 25896, оп. 1, д. 17, л. 74.

жать топливом все депо до Воронежа, постольку запасов горючего могло хватить только на несколько дней. 29 июня Царицынский революционный комитет Юго-Восточных железных дорог обратился за содействием к товарищу Сталину в приобретении топлива, так как ревком не имел в своем распоряжении денег.²² К тому же царицынский совнархоз всячески тормозил приобретение нефти на месте. И. В. Сталин собрал по этому вопросу специальное совещание при совнархозе и потребовал снабжения железнодорожного транспорта горючим из местных запасов нефти.²³ Только после решительного вмешательства товарища Сталина царицынский узел получил топливо, позволявшее двигать маршрутные поезда на север.

Таким образом, борьба за упорядочение железнодорожного транспорта проходила в весьма сложных и трудных условиях. В течение всего июня отправка хлеба в центральные губернии производилась только тем подвижным составом, который товарищу Сталину удалось мобилизовать в самом Царицыне. Тем не менее, несмотря на трудности, работа железнодорожного транспорта была улучшена коренным образом. Уже 14 июня И. В. Сталин телеграфировал в Наркомпрод: «Дело с железнодорожным транспортом улучшается. Несмотря на отсутствие минерального топлива и трудность перевода паровозов на нефтяное отопление ввиду недостатка баков и форсунок, несмотря на захват многих десятков паровозов эшелонами, Царицынский узел благодаря экстренным мерам теперь уже в состоянии отпустить 150 вагонов по 30 в поезде, всего пять поездов ежедневно».²⁴

Практически царицынский узел в нормальные дни отправлял на север не менее четырех поездов в день. Если мы вспомним, что до приезда товарища Сталина в Царицын железнодорожный узел мог пропускать на север только один поезд в день, то результаты огромной работы по упорядочению железнодорожного транспорта станут совершенно очевидными.

Выше мы отметили трудности доставки хлеба, вызванные бесхозяйственностью на железных дорогах и отсутствием налаженного паровозного парка. Но существовало еще одно чрезвычайно важное обстоятельство, которое оказывало самое непосредственное влияние на ход транспортировки хлеба в голодающие губернии: несмотря на значительное количество советских войск, опирающихся на железную дорогу Поворино — Царицын — Торговая, движение грузов по этой линии было связано с риском ежедневных нападений со стороны белоказаков. Ни один поезд нельзя было выпускать без надежной вооруженной охраны. Однако поездная охрана не могла, разумеется, в полной мере прекратить разрушения железнодорожного полотна и нападения на поезда. Мелкие группы казаков свободно пробирались к линии железной дороги, разбирали рельсы, резали провода, обстреливали прохо-

²² ЦГАКА, ф. 25896, оп. 1, д. 5а, л. 438.

²³ ЦГАОР, ф. 2046, оп. 3, д. 106, л. 9.

²⁴ Документы о героической обороне Царицына в 1918 г., стр. 51—52. В отпуске, хранящемся в ЦГАКА, ф. 25896, оп. 1, д. 17, последняя фраза читается так: «...отпустить 240 вагонов по 30 в поезде, всего 8 поездов ежедневно», что совпадает с данными, которые сообщал товарищ Сталин в телеграмме от 7 июня: «Исследование показало, что в день можно пустить по линии Царицын — Поворино — Балашов — Козлов — Рязань — Москва восемь и более маршрутных поездов» (И. В. Сталин. Соч., т. IV, стр. 116). В данном случае трудно допустить возможность ошибки телеграфа. Очевидно, еще раз проверив мощность царицынского узла, товарищ Сталин перед отправкой телеграммы от 14 июня сам исправил цифры в подлиннике, сданном на телеграф, а в отпуске цифры остались неисправленными.

дившие мимо поезда. Очень часто продотрядам, сопровождавшим маршрутные поезда, приходилось вступать в перестрелку с бандами. Во время одной из таких стычек был убит начальник маршрутного поезда Копис и ранено несколько человек из команды. В другой раз казаки подожгли эшелон, шедший на север со скотом и сеном. Только благодаря героическим усилиям команды, сопровождавшей поезд, удалось отстоять от огня большую часть вагонов, но три вагона все же сгорело.²⁵

В отчете, представленном в Информационный отдел Продармии, один из начальников продовольственных отрядов, сопровождавший поезд в Царицын и из Царицына, следующим образом описывает свою поездку: «Отряд сопровождал в г. Царицын груз 22 вагона с земледельческими машинами... От ст. Поворино до Царицына ехать было трудно. С обеих сторон железной дороги казаки делали набег, взрывали ж. дор. пути, от которых (казаков.— П. С.) приходилось отстреливаться. Не доезжая ст. Раковка, в 2 часа ночи, наш маршрутный поезд, который сопровождался в Царицын, сошел с рельс ввиду того, что были подложены казаками под рельсы пироксилиновые шашки, и тут же открылась стрельба со стороны казаков по поезду, но благодаря броневикам казаки были перебиты. Мы простояли на этом месте целый день. В этот день отправились дальше в путь по назначению, проехали две станции, на разъезде Калинин в 12 часов ночи были задержаны, потому, что на ст. Липки, в 13 верстах от разъезда, было наступление казаков.

Я высадил отряд, оцепил с обеих сторон поезд, вытащил пулемет и пять человек послал вперед в разведку. Бой был до 7 часов утра. После боя мы отправились, и до Царицына препятствий никаких не встречали, груз был доставлен в исправности и целости. Из Царицына мы получили для сопровождения 30 вагонов рыбы в Москву, в адрес «Заготосель». Целые сутки ехали благополучно. Когда прибыли на ст. Филоново, в ночь на 2 июля, казаки в это время со всех сторон окружили станцию и с криками «ура» хотели ее взять. Бой шел с 1 часу ночи до 11 часов утра. Впереди ими был разобран путь на протяжении трех верст. Из моего отряда оказалось двое раненых, убитых нет. Одного раненого отправили в лазарет в г. Тамбове, другой пришел с отрядом в Москву. После этих приключений до Москвы мы доехали благополучно, груз оказался весь в целости».²⁶

Описанный эпизод относится к концу июня — началу июля, но аналогичные «приключения» имели место почти со всеми маршрутными поездами. При этом в течение лета было несколько случаев, когда железнодорожное сообщение с Москвой прерывалось на несколько дней.

Первый такой случай относится к середине июня. К этому времени (12—16 июня) линию железной дороги от ст. Поворино до ст. Панфилово занимали эшелоны дивизии внеочередного формирования Киквидзе, прибывшие из Тамбова в распоряжение штаба Северо-Кавказского военного округа, и отряды Петрова, направлявшиеся в Баку. Части Киквидзе, расположившись на железнодорожных станциях, не имели постоянной связи друг с другом, не вели разведки и не несли достаточного сторожевого охранения. Небольшой белоказачий отряд хорунжего Дудакова ночью 13 июня ворвался на ст. Алексиково и отрезал

²⁵ ЦГАОР, ф. 2046, оп. 14, д. 30, л. 167.

²⁶ ЦГАОР, ф. 1943, оп. 1, д. 115, л. 120. Отчет был опубликован в «Правде» (№ 152 от 23 июля 1918 г.) под заголовком «История кусочка хлеба».

1-й Кавалерийский Орденский полк дивизии Киквидзе, стоявший в Поворино, от остальных частей дивизии.

Сам Киквидзе был в это время в Царицыне в штабе СКВО. Начальник штаба Носович, разоблаченный впоследствии как предатель, приказал Киквидзе, оставив один полк в Арчеда, один батальон в Себряково, один батальон с батареей в Филоново, двинуть остальные силы на Алексиково и Урюпино. Приказание Носовича закрепляло, таким образом, линейное расположение дивизии. Части расплылись на значительном пространстве и не могли в случае необходимости оказывать друг другу поддержку. Отряды базировались только на станциях, и станционные сооружения могли беспрепятственно подвергаться артиллерийскому обстрелу. Исполняя приказание Носовича, Киквидзе с отрядом в 900 человек двинулся на север и 14 июня к вечеру выбил казаков со ст. Алексиково. Утром 15 июня он продолжал преследовать противника в сторону станицы Урюпинской и в середине дня занял ее.

Когда в Царицыне было получено сообщение о восстановлении железнодорожной связи с севером, товарищ Сталин 15 июня телеграфировал Ленину об отправлении в Москву 500 тыс. пудов хлеба. «Сегодня,— писал И. В. Сталин,— отправляю в Москву и на север 500 тысяч, полмиллиона, пудов хлеба. Из них 100 тысяч идут между Арчедой и Филоново, остальные выходят из царицынских вокзалов».²⁷

Сообщение об отправке такой значительной партии хлеба из одного заготовительного района было радостной вестью для голодающего населения северных губерний. Оно было опубликовано во всех столичных газетах. Петроградская газета «Северная коммуна» извещала своих читателей:

«Москва 19 июня. Председателем Совета народных комиссаров тов. Лениным получена телеграмма, что по распоряжению комиссара Сталина со станции Царицын через Алексиково, Поворино, Козлов на Москву и северные губернии отправлено 500 000 пудов хлеба. Комиссар путей сообщения немедленно телеграфировал по всем Юго-восточным железным дорогам о принятии мер для скорейшего и успешного продвижения названных хлебных грузов».²⁸

Однако пока это сообщение передавалось в Петроград и набиралось в типографии, положение в районе ст. Алексиково резко изменилось. Маршрутные поезда не успели проскочить на север. В 6 часов вечера 16 июня И. В. Сталин телеграфировал В. И. Ленину о резком изменении положения в районе ст. Алексиково, где казачья кавалерия сняла нашу пехоту и вновь прервала путь. Уполномоченным, сопровождавшим маршрутные поезда, удалось, однако, защитить грузы от разграбления и вернуть 12 эшелонов с продовольствием в Царицын. Товарищ Сталин выразил уполномоченным горячую благодарность от имени советского правительства.²⁹

Что же произошло в районе станции Алексиково?

Отряд Киквидзе, увлекшись преследованием казаков, после сорокаверстного перехода попал 15 июня в ловушку. Киквидзе полагал, что после боя под Урюпино казаки разбиты, но дело обстояло не так. Ловким маневром казаки ушли в лес, не понеся серьезных потерь. В Урюпине они оставили только небольшой заслон, который привлек к себе всю пехоту Киквидзе. Пока шла перестрелка на улицах Урюпи-

²⁷ Документы о героической обороне Царицына в 1918 г., стр. 53—54.

²⁸ Цит. по кн. А. Беркевич. Петроградские рабочие в борьбе за хлеб. Л., 1941, стр. 54.

²⁹ ЦГАКА, ф. 8, оп. 7, д. 121, л. 192 об. и 193.

но, казачья кавалерия перестроилась и ударила с фланга по кавалерии Киквидзе. Удар был неожиданным, и 4-й эскадрон, который первым принял удар казаков, был смят, потеряв 50% убитыми и ранеными. Принудив кавалерию Киквидзе к отступлению, казаки бросились в атаку на батарею. Батарея встретила их пулеметным и картечным огнем, отбив три атаки. Для спасения положения Киквидзе бросился в станицу и вывел оттуда пехоту, но она сейчас же попала под удар. Пехота дралась героически. Особенно отличился отряд чехов. Видя, что на них несутся с обнаженными шашками казаки, чехи заняли круговую оборону и встретили всадников плотным огнем. Половина атакующих была уничтожена, но остальные прорвались к отряду и полностью его изрубили.

Бой длился около четырех часов на узком пространстве, где смешались и кавалерия, и пехота, и артиллерия. К вечеру казаки были отбиты, но и отряд Киквидзе, потеряв 412 человек, вынужден был отойти к ст. Алексиково.

К этому времени в Алексиково прибыл военрук Снесарев. Киквидзе доложил ему о положении дел и просил прислать помощь. Вместо того чтобы трезво разобраться в обстановке, выяснить реальные силы противника, Снесарев, не приняв никаких мер, уехал в Царицын. В оперсводках штаба СКВО появилась мифическая цифра — 4 тыс. казаков, оперирующих в районе ст. Алексиково.

Киквидзе со своим отрядом в тот же день отошел к Поворино. Станция Алексиково осталась без охраны, и ночью 16 июня казаки вновь ее заняли, не встретив никакого сопротивления.

Анализируя события в районе станции Алексиково в свете материалов штаба Донской армии Краснова и оперативных донесений штаба СКВО, можно определенно сказать, что налет казаков на железнодорожную линию представлял собой обычный бандитский налет, имевший целью разрушение железнодорожного полотна. Для серьезного закрепления на железнодорожном полотне белоказачьи не располагали достаточными силами. Их успех в районе ст. Алексиково был возможен только потому, что штаб Северо-Кавказского округа саботировал охрану дороги, намеренно распылил силы дивизии Киквидзе. Неразбериха в самой дивизии, отсутствие разведки, склонность к преувеличению сил противника могли привести к неожиданным результатам, как это видно на примере боя в Урюпине.

Поскольку штаб СКВО не имел в своем распоряжении никаких точных данных о положении в районе Алексиково — Поворино, товарищи Сталин и Орджоникидзе 17 июня направили туда своего уполномоченного с заданием тщательно ознакомиться с системой охраны железнодорожной линии.³⁰

Одновременно товарищ Сталин предложил штабу Снесарева принять решительные меры к очищению Алексиково от белоказачьих. С этой целью части дивизии Киквидзе, отрезанные от основных сил дивизии, были подчинены командующему Себряковским участком Миронову и усилены Титовским полком, направленным из Царицына. Три батальона так называемой армии Петрова, также отрезанные от своих частей, были реорганизованы в 3-й стрелковый полк (около 700 человек), снабжены оружием и боеприпасами и временно приданы Себряковскому участку. Всем этим частям было дано задание движением с юга добиться очищения от белоказачьих железнодорожной линии в районе Алексиково.

³⁰ ЦГАКА, ф. 25896, оп. 10, д. 9, л. 10.

Наступлением советских войск на Алексиково с севера руководили Воронежский и Саратовский советы. Из Воронежа прибыло два бронепоезда, из Балашова, по указанию Саратовского губисполкома, прибыл отряд во главе с военкомом. 19 июня силой двух батальонов, при поддержке бронепоездов, казаки были отогнаны от Алексиково. Вся железнодорожная линия от Алексиково до Филонова полностью была очищена к 21 июня. Части из дивизии Киквидзе и отряда Петрова вновь были объединены и сосредоточены на Поворинском участке фронта.³¹

Накануне вышеописанных событий Высший совет издал приказ о создании на юге двух крупных боевых участков с самостоятельным военно-административным управлением: 1) Воронежского участка отрядов Завесы (военрук Чернавиц) и 2) Северо-Кавказского военного округа (военрук Снесарев). Разграничительная линия между ними проходила южнее Поворино, в районе станции Косарка (приказ № 7 от 13 июня).

Войскам Северо-Кавказского военного округа Высшим военным советом давались следующие задания:

1. Удержание Царицына и пути по Волге от Царицына вверх и выше до Каспийского моря.

2. Удержание Грязи-Царицынской дороги и дороги от Царицына на Тихорецкую.

3. Прочная оборона района Поворино — Царицын с целью не допустить прорыва противника из Донской области.³²

Таким образом, на войска округа возлагались оборонительные задачи. Но даже эти оборонительные задачи исполнялись штабом Северо-Кавказского военного округа из рук вон плохо, о чем свидетельствуют события в районе Алексиково — Филоново. Уполномоченный И. В. Сталина, знакомившийся с постановкой охраны Грязи-Царицынской дороги, докладывал 20 июня товарищу Сталину: «Мне пришлось убедиться, что войсковые части большей частью расположены на станциях и не занимают определенной позиции. Линия железной дороги почти на всем протяжении Царицын — Филоново охраняется ненадежно и, что хуже всего, не обеспечена от артиллерийского обстрела со стороны донских контрреволюционеров».³³

Доклад уполномоченного только подтверждал правильность наблюдений и выводов, сделанных товарищем Сталиным. 28 июня, в телеграмме В. И. Ленину, он дал следующую общую оценку деятельности штаба Снесарева: «...Еялость и халатность военных специалистов беспредельны. Линия не охраняется ночью. Ночные набеги казаков на линию остаются безнаказанными. Речное сидение солдат и штабов в вагонах убивает всякую оборону. Обилие штабов и отсутствие единства действий превращают фронт в кашу. Без экстренных и решительных мер нечего и думать об охране линии и продовольственных грузов».³⁴

Вся обстановка на юге диктовала товарищу Сталину необходимость взять в свои руки военное управление, что и было им в конце концов сделано.

³¹ В конце июля по ходатайству товарища Сталина Высший военный совет дал указание об отпуске частей из отряда Петрова в Баку для присоединения к основным силам отряда (ЦГАКА, ф. 4, оп. 2, д. 1/с, л. 137—138).

³² ЦГАКА, ф. 25896, оп. 9, д. 15, л. 18.

³³ ЦГАКА, ф. 25896, оп. 10, д. 9, л. 10—11.

³⁴ Документ о героической обороне Царицына в 1918 г., стр. 72. В публикации документ датирован временем получения телеграммы в Москве — 29 июня 1918 г.

Вернемся, однако, к вопросу о транспортировке хлеба. Мы уже отметили, что в связи с событиями на ст. Алексиково все маршрутные поезда были возвращены обратно в Царицын. Сколько времени могла продлиться заминка у Алексиково, никто не знал. Задержку же грузов на неопределенный срок в Царицыне товарищ Сталин допустить не мог. 17 июня было решено отправить хлеб на север Волгой. Доставка хлеба водой была связана с рядом новых трудностей: нехватало пароходов и барж, приходилось два раза перегружать хлеб — в Царицыне и Саратове, так как пароходы дальше Саратова нельзя было пускать ввиду чехословацкого мятежа в Среднем Поволжье. Помимо удлинения срока самой перевозки, трудностей перевалки, вследствие отсутствия рабочих рук, двойная перегрузка хлеба значительно увеличивала накладные расходы. Тем не менее иного выхода не было.

Первый вопрос, с которым пришлось столкнуться при организации перевозки хлеба водой, был вопрос о транспортных средствах. Товарищ Сталин еще 13 июня отмечал в телеграмме Цюрупе, что дела с водным транспортом обстоят не особенно хорошо «ввиду задержки пароходов в связи с выступлением чехословаков. Пароходы ходят мало; команды принимают грузы больших и малых мешочников охотнее наших». ³⁵ За первые десять дней июня удалось отправить по Волге только четыре парохода с хлебом и одну баржу со скотом (191 тыс. пудов хлеба и 399 голов скота). Для перевозки полумиллиона пудов хлеба требовалось, разумеется, значительно большее количество пароходов и барж.

В течение 17 июня к царицынской пристани были стянуты все свободные транспортные средства. Весь день до глубокой ночи товарищ Сталин провел на берегу Волги, лично наблюдая за ходом мобилизации барж. В 12 часов ночи он направил с пристани на телеграф для передачи в Москву Ленину следующую записку: «Передать срочно: ввиду перерыва железнодорожного сообщения севернее Царицына мы решили весь груз направить водой, стянуть все баржи. Отправляем полмиллиона пудов, главным образом пшеницы, тысячу пятьсот голов скота. Несколько десятков тысяч пудов хлеба уделили Туркестану, Баку. Погрузку начинаем утром, кончим в два дня и направим весь караван. Укажите срочно по прямому проводу, а не телеграммой, ибо телеграммы запаздывают, укажите, куда направить груз, на какую пристань. Подробности сообщим завтра дополнительно». ³⁶

Ответ из Москвы пришел через 50 минут. Цюрупа указывал на Саратов, как на пункт, где можно было произвести перегрузку хлеба для отправки по железной дороге на Москву. Вместе с тем он интересовался сортами хлеба, руководителями каравана, тем, насколько Царицын обеспечен баржами. И. В. Сталин сообщил по этому поводу:

«Я уже сообщал вам, что баржами мы себя обеспечили. Весь караван направим [через] Саратов на Москву. Дополнительно о руководителе, о сортах хлеба и прочем могу сообщить только завтра. Караван будет сопровождать усиленный отряд. Погрузка продлится два дня. Все рабочие порта поставлены на ноги». ³⁷

На другой день товарищ Сталин направил в Деловой совет Управления речным флотом предписание, требовавшее немедленно предоставить в распоряжение Чокпрода необходимое количество барж для отправки хлеба и скота в Саратов на нужды северных губерний. ³⁸

³⁵ Документы о героической обороне Царицына в 1918 г., стр. 52.

³⁶ Э. Генкина. Борьба за Царицын в 1918 г. Политиздат, 1940, стр. 87.

³⁷ Там же.

³⁸ ЦГАКА, ф. 25896, оп. 1, д. 5а, л. 315.

В тот же день Чокпрод заключил соглашение с Волгопродом о регулярной перевозке хлебных грузов водой.³⁹ Таким образом, вопрос о транспортных средствах был разрешен положительно.

Несколько сложнее обстояло дело с погрузкой хлеба на баржи. Поставив всех рабочих порта на ноги, товарищ Сталин надеялся закончить погрузку в два дня. Однако первый же день погрузки показал, что грузчики работают медленно и неохотно. Пришлось прибегнуть к угрозе применить силу, для того чтобы несколько ускорить погрузку хлеба в баржи. По этому поводу И. В. Сталин писал 19 июня Ленину, что погрузка хлеба идет, несмотря на преступный саботаж и вялость грузовых рабочих.⁴⁰ 21 июня товарищ Сталин предупреждал Ленина и Цюрупу: «Погрузку первого каравана можно кончить не ранее 22 июня, когда и двинем груз на север».⁴¹ В этой же телеграмме указывалось, что ввиду событий в Самаре, в Хвалынске задержались посланные 10 июня четыре парохода с хлебом: «Андижан» — 47 вагонов, «Зевеке» — 33 вагона, «Рубин» — 27 вагонов и «НР 5» — 84 вагона, всего — 191 вагон хлеба, а также одна баржа с 399 головами скота. Товарищ Сталин просил срочно отправить эти баржи в Саратов для погрузки на Москву.⁴²

21 июня была закончена погрузка хлеба на малоходные баржи. В этот день И. В. Сталин утвердил «Правила» отправки продовольственных грузов, следующих на Саратов по адресу Народного комиссариата продовольствия в Москве. В «Правилах» говорилось:

«1. Малоходные баржи с хлебом и скотом отправляются 21-го со специальным отрядом во главе.

2. Упомянутые баржи останавливаются в Камышине в ожидании следующих барж с продовольственным грузом с тем, чтобы, выстроившись в единый караван, отправиться дальше до места назначения во главе со специальным вооруженным пароходом.

3. Прием пассажиров и частных грузов на баржи безусловно воспрещается.

4. Отряды, сопровождавшие грузы, принимаются на годный пароход лишь с разрешения и по указанию Наркома Сталина».⁴³

К утру 23 июня закончилась погрузка остальных барж. Всего на воду было перегружено свыше 500 вагонов хлеба, главным образом пшеницы, 180 вагонов жмыхов, 400 голов скота, 49 вагонов рыбы. Караван в 13 барж под охраной вооруженного парохода и отряда в 100 бойцов медленно отошел от Царицына. Во главе каравана товарищ Сталин поставил председателя Чокпрода Якубова, поручив ему проследить в Саратове за ходом перевалки груза с воды на железную дорогу. Извещая Ленина и Цюрупу об отправке каравана и о том, что груз прибудет в Саратов числа 25-го, товарищ Сталин просил дать распоряжения Главводу, Саратовскому деловому совету, профессиональному союзу грузчиков в Саратове о срочной перевалке хлеба на железнодорожную линию, а также дать распоряжения железнодорожным агентам об очистке узлов и о снабжении паровозами и бригадами линии Саратов — Москва.⁴⁴

³⁹ ЦГАКА, ф. 2046, оп. 3, д. 15, л. 343.

⁴⁰ Документы о героической обороне Царицына в 1918 г., стр. 70—71. Дата уточнена по отпуску в ЦГАКА, ф. 25896, оп. 1, д. 9/с, л. 12 и об.

⁴¹ Документы о героической обороне Царицына в 1918 г., стр. 68.

⁴² Главводом по этому поводу было отдано соответствующее распоряжение в Нижний-Новгород и Саратов (ЦГАКА, ф. 25896, оп. 1, д. 9/с, л. 60).

⁴³ ЦГАКА, ф. 25896, оп. 1, д. 5а, л. 304.

⁴⁴ ЦГАКА, ф. 25896, оп. 1, д. 17, л. 30.

В настойчивых и подробных рекомендациях, кому и какое распоряжение послать, сказывался огромный практический опыт И. В. Сталина, умение его заранее предусмотреть все детали, которые могли совершенно неожиданно затормозить большое дело. 25 июня товарищ Сталин прибыл в Камышин. Помимо работы по укреплению продовольственной диктатуры и организации заградительного кордона И. В. Сталин выяснил здесь возможность организации перевалочного пункта для отправки продовольствия в голодающие губернии по железнодорожной линии Камышин — Балашов — Тамбов.

Осмотр пристаней и железнодорожной станции не принес ничего утешительного. Три камышинские пристани были не подготовлены к серьезной нагрузке. Нижние и верхние плоскости дебаркадеров имели плохое оборудование, а подъемные машины при них были стары, с весьма слабой передачей. Подвижные провода с переносными электролампочками отсутствовали, что затрудняло организацию круглосуточной работы. Этому же препятствовало отсутствие достаточного количества рабочих в машинных отделениях.

Станция Камышин была завалена артиллерийскими и другими военными грузами. Запасные пути были загромождены большими вагонами, которых насчитывалось свыше 700. Депо располагало только одним свободным паровозом для составления маршрутных поездов. Таким образом, отправление продовольственных грузов из Камышина было связано с большими трудностями. И. В. Сталина не смущали трудности. Он знал, что перевалка направленного в Саратов полумиллиона пудов хлеба, в силу такой необычной нагрузки, будет производиться крайне медленно. Перегрузка части хлеба с барж на железную дорогу в Камышине облегчила бы перевалку в Саратове, а главное — ускорила бы поступление продовольствия в голодающие губернии. По этой причине товарищ Сталин решил организовать в Камышине перевалочный пункт.

К моменту приезда И. В. Сталина в Камышин здесь уже стояли три баржи с хлебом из числа 13 барж, посланных из Царицына. Вызвав к себе работников Чокпрода, товарищ Сталин дал им указание немедленно приступить к перегрузке хлеба на железную дорогу. В помощь уполномоченным он предоставил отряд красноармейцев.⁴⁵ 25 июня товарищ Сталин телеграфировал из Камышина Ленину и Цюрупе: «Пришлось приехать по делу в Камышин. Ввиду вашей тревожной телеграммы насчет вероятного перегружения саратовской перевалки мы решили задержать в Камышине три баржи для отправки по линии: Камышин, Балашов, Козлов, Рязань. Этим путем получите 160 вагонов хлеба, 46 вагонов рыбы. Остальное через Саратов».⁴⁶

За погрузкой первого маршрутного поезда товарищ Сталин следил лично сам. Это была тяжелая работа. Мешки не выдерживали двойной перегрузки и лопались. Пшеница рассыпалась по земле. Срочно отыскивались иголки и шпагат, красноармейцы сшивали мешки и вновь нагружали их зерном. К вечеру погрузка первого эшелона была закончена. Возвратившись в Царицын, товарищ Сталин сообщил 26 июня в Москву, что 25 июня из Камышина вышел первый маршрутный поезд под литерой «А» — в составе тридцати четырех вагонов. В этой же теле-

⁴⁵ ЦГАОР, ф. 2046, оп. 14, д. 60, л. 9.

⁴⁶ «Ленинский сборник», XVIII, стр. 195—196. В «Ленинском сборнике» и в сб. «Документы о героической обороне Царицына» (стр. 71—72) телеграмма датирована временем ее получения в Москве — 26 июня 1918 г.

грамме товарищ Сталин сообщал, что из Камышина в ближайшие дни будет отправлено еще пять поездов с хлебом.⁴⁷

Помимо устных указаний, которые дал товарищ Сталин уполномоченному Чокпрода, 26 июня он направил ему письменное распоряжение, в котором предписывал направлять хлеб на Москву маршрутными поездами под литерами, давать телеграммы по линии о том, что поезда отправляются по указанию Наркома Сталина. Литеры каждого поезда товарищ Сталин просил немедленно сообщать ему в Царицын.⁴⁸

Одновременно было послано уведомление в Саратов Якубову о задержании трех барж в Камышине.

Начиная с 25 июня из Камышина ежедневно направлялось на север по одному маршрутному поезду. 30 июня уполномоченный известил товарища Сталина: «Сегодня 8 часов отправился маршрутный 16063, литера «У» — 39 вагонов хлеба и масла Компрод Москва. Завтра отправляю последний поезд с рыбой».⁴⁹

Согласно первоначальным указаниям И. В. Сталина, после отправления всех грузов, снятых с трех барж, уполномоченный по перевалке должен был возвратиться в Царицын. Однако в конце месяца стало очевидным, что перевалочный пункт крайне необходим и в будущем. Поэтому распоряжение о возвращении уполномоченного в Царицын было отменено. Камышинский перевалочный пункт, созданный вначале как временный филиал Чокпрода, просуществовал до 20 августа, т. е. почти два месяца.

За этот период через Камышин в центральные губернии было отправлено:

Хлебных грузов	150 вагонов	152 079 пудов
Разных продуктов (масло, овощи, консервы и т. д.)	71 вагон	50 072 »
Фуража (сено, жмыхи)	59 вагонов	39 083 »
Хлопка	1:0 »	56 922 »
Рогатого скота 1538 голов . .	176 »	32 000 »
Рыбы	1171 вагон	886 773 »
Соли	218 вагонов	217 600 »

Всего . . . 1975 вагонов 1 434 529 пудов⁵⁰

Кроме выполнения своих прямых задач по транспортировке грузов, работники перевалочного пункта и красноармейский отряд, оставленный товарищем Сталиным, способствовали укреплению советской власти в Камышинском уезде: дважды восстанавливали железнодорожную линию, ликвидировали контрреволюционный мятеж в немецких колониях и выполняли ряд других поручений местного Совета.

Перегрузка хлеба в Саратове проходила более слабыми темпами. 29 июня товарищ Сталин известил Ленина, что Саратову послано распоряжение о плане распределения продовольственных грузов, часть которых должна была быть направлена в Москву на Компрод.⁵¹

Давая распоряжение об обезличении большей части грузов, И. В. Сталин ставил своей целью облегчить и без того трудную работу

⁴⁷ ЦГАКА, ф. 25896, оп. 1, д. 17, л. 31, то же см. ЦГАОР, ф. 130, оп. 13, д. 26, л. 58. В последнем источнике выход поезда под литерой «А» датируется 26 июня.

⁴⁸ ЦГАКА, ф. 25896, оп. 1, д. 5а, л. 337, то же см. ЦГАОР, ф. 2048, оп. 5, д. 6, л. 178.

⁴⁹ ЦГАКА, ф. 25896, оп. 1, д. 5а, л. 97.

⁵⁰ ЦГАОР, ф. 2046, оп. 14, д. 60, л. 4—5.

⁵¹ Документы о героической обороне Царицына в 1918 г., стр. 72. ЦГАКА, ф. 25896, оп. 1, д. 8/с, л. 328.

по перевалке грузов. Предупреждение товарища Сталина о необходимости своевременной посылки указаний в Саратов, сделанное еще 22 июня, оказалось не напрасным. В Саратове, как и предполагал И. В. Сталин, не оказалось достаточного количества рабочих-грузчиков, пунктов для выгрузки хлеба было мало, помосты были плохо оборудованы. Первый маршрутный поезд из Саратова удалось пустить только 28 июня, на третий день после прибытия каравана. В последующие дни удалось все же отчасти наверстать упущенное. Согласно данным Якубова, с 28 по 30 июня из Саратова было отправлено четыре поезда с хлебом и два поезда со скотом. Якубов обещал закончить перевалку в ближайшие июльские дни.⁵²

Пока шла погрузка хлеба на баржи, железнодорожная связь Царицына с севером была восстановлена. Товарищ Сталин тотчас же отправил маршрутный поезд в Москву, но не по линии Поворино — Балашов — Козлов — Рязань, а по линии Поворино — Борисоглебск — Грязи, желая проверить возможность отправки хлеба этим путем. 24 июня И. В. Сталин получил телеграмму от своего уполномоченного: «Проехал благополучно, грузы провез. Считаю отправку продовольствия через Борисоглебск возможным, если будут сопровождать поезда выдержанные, распорядительные люди».⁵³

После этого удачного опыта грузы от Поворино направлялись в центр двумя путями: через Балашов и Борисоглебск.

24 июня из Царицына на север железнодорожным путем было направлено четыре маршрутных поезда под литерами «Н», «С», «П» и «Р» — всего 100 вагонов хлеба и 200 голов скота.

25—26 июня из Царицына вышло пять поездов под литерами «С», «Т», «У», «П» и № 211 — всего 84 цистерны бензина, 10 вагонов хлеба, 27 вагонов жмыхов и других продовольственных грузов.

27 июня отправки не было из-за порчи пути под Алексиково.

28 июня было отправлено шесть маршрутных поездов под литерами «Х», «Ф», «Ч», «П», «Ш», — всего 1140 голов скота, 73 вагона хлеба, 18 вагонов бензина.⁵⁴

После восстановления железнодорожной линии до конца июня на север удалось отправить 15 маршрутных поездов, по преимуществу с продовольственными грузами. В результате энергичных мер, принятых И. В. Сталиным для упорядочения работы царицынских железнодорожного и водного узлов, все основные запасы хлеба, заготовленного и свезенного в течение июня в Царицын, к началу июля были отправлены в голодающие губернии.

Одна из трудностей вывоза хлеба с Северного Кавказа в центральные губернии заключалась в том, что северокавказские грузы имели только один выход на север — через Царицын. Любая заминка на линиях Тихорецкая — Царицын или Царицын — Грязи приводила к приостановке движения грузов. Это обстоятельство учитывалось советским правительством, когда рассматривался вопрос о делегировании товарища Сталина в качестве общего руководителя продовольственным делом на юге России. Тогда же был решен вопрос о восстановлении разрушенной железнодорожной линии Хасав-Юрт — Петровск и строительстве новой линии Кизляр — Брянская.

Значение указанных железнодорожных линий, как линий, давших

⁵² ЦГАОР, ф. 2046, оп. 3, д. 24, л. 180.

⁵³ ЦГАКА, ф. 25896, оп. 1, д. 17а, л. 50.

⁵⁴ Эти данные впервые были опубликованы Э. Генкиной в ее книге «Борьба за Царицын в 1918 г.», Политгиздат, 1940, стр. 90—91.

выход северокавказскому хлебу к водным путям, было исключительно велико.

Порт Петровск являлся единственным портом на западном берегу Каспийского моря, удобным для принятия больших грузов на морские пароходы. Хотя элеваторов в Петровске не было, но рядом с пристанями имелся склад на 500 тыс. пудов, куда и можно было направлять грузы для перевалки. Ежедневно Петровский порт мог пропустить до 600 тыс. пудов хлеба.

Несмотря на эти удобства, порт в Петровске не использовался, так как железнодорожная линия на участке Хасав-Юрт — Петровск была полностью разрушена чеченцами. Ни одного жилого помещения, ни одного железнодорожника нельзя было встретить на протяжении всего пути. Чеченцы полностью сожгли большую станцию Гудермес, поселок при станции и депо, остались только стены и трубы.

Предстояла огромная работа по восстановлению пути и по его охране от бандитских набегов.

Значительно спокойнее в этом отношении являлся путь Кизляр — море, хотя здесь никогда до этого не прокладывались рельсы. Наиболее удобным и кратчайшим путем от Кизляра к морю (около 75 верст) был путь к станции Старотеречной. В Старотеречной имелась естественная гавань, защищенная с юга и востока Астраханской Косой, с северо-востока — островом Чечень, а с севера — подводной косой, разбивающей моряну. В гавань могли свободно входить суда с осадкой 13—14 футов. Местность, по которой должна была пройти железнодорожная ветка, представляла собой равнину, что облегчало земляные работы. На всем протяжении пути необходимо было построить только один небольшой мост через старое русло Терека.

Несмотря на то, что дорога предполагалась как временная (военно-полевого типа), она, по приблизительным подсчетам, могла вполне обеспечить перевозку миллиона пудов хлеба в месяц.

Постройка ветки Кизляр — Старотеречная дала бы выход к морю, а оттуда по Волге — в центр хлебным грузам Терской области и Ставропольской губернии. Особенно большое значение имела бы дорога для Ставрополя, которое при значительных запасах хлеба не имело развитой железнодорожной сети.

Прибыв в Царицын, товарищ Сталин немедленно приступил к практическому осуществлению плана постройки Кизлярской ветки. Общим руководителем работ он назначил бывшего председателя Совнаркома Донецко-Криворожской республики, члена ЦК партии и члена ВЦИК т. Сергеева (Артема). В мандате, выданном т. Артему, говорилось:

«Член Центрального комитета партии коммунистов (большевиков), член Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов т. Федор Андреевич Сергеев (Артем) во исполнение декрета Совета народных комиссаров от 31 мая назначается особо-уполномоченным по урегулированию водного и железнодорожного транспорта в районе юга России, Волги и Каспия. На него же возлагается специальная задача восстановления железнодорожного пути между Петровском и Гудермесом. Все областные и местные совнаркомы, советы и ревкомы, начальники вооруженных сил, железнодорожные и почтово-телеграфные организации, организации речного и морского транспорта комиссары и эмиссары обязываются содействовать исполнению всех распоряжений тов. Сергеева. Противдействие тов. Сергееву будет караться по всей строгости закона».⁵⁵

⁵⁵ ЦГАКА, ф. 25896, оп. 1, д. 17, л. 395.

8 июня Ф. А. Сергеев выехал в Кизляр. Вместе с ним выехали специалист-железнодорожник В. А. Новосельский, в качестве особо-уполномоченного по проведению новых железнодорожных веток и по восстановлению разрушенных железнодорожных участков в районе Северного Кавказа, и помощник командира волжского парохода «Верблюд» Белов, которому товарищ Сталин поручил организацию водного транспорта по Тереку.

10 июня И. В. Сталин направил в Кизляр находившемуся там уполномоченному Чокпрода директиву, в которой потребовал быстрее двигать дело постройки ветки, чтобы закончить ее в один месяц. Товарищ Сталин подчеркивал, что Совнарком готов на все материальные жертвы, только бы ветка была выстроена поскорее.⁵⁶

Одновременно И. В. Сталин известил председателя Терского совнаркома т. Буачидзе о посылке в Кизляр и Петровск представителя Совнаркома, специалистов по ремонту и прокладке железнодорожных линий.

Товарищ Сталин просил срочно сообщить о политическом положении в районе Червленая — Петровск и о возможности восстановления железнодорожного сообщения на этом участке.⁵⁷

Буачидзе вскоре ответил, что Терский совнарком приступает к исправлению дороги Хасав-Юрт — Петровск собственными силами и что «дорога скоро будет исправлена».⁵⁸ Еvidу этого товарищ Сталин сосредоточил основное внимание на строительстве Кизлярской ветки.

18 июня И. В. Сталин получил из Кизляра подробную информацию о ходе подготовки к строительству железной дороги. Так как в строительстве были кровно заинтересованы Бакинский и Терский совнаркомы, к работам удалось привлечь крупные технические силы. Небольшую ветку в 70 верст длиной взялись строить старые, опытные специалисты, принимавшие участие в строительстве ряда железнодорожных линий в России. В заключение уполномоченный Чокпрода писал: «Обеспечив, таким образом, дорогу первоклассными техническими силами, которые, весьма вероятно, при других условиях и не согласились бы работать вместе, я очень прошу в случае, если придется прикомандировать к постройке лиц с чрезвычайными полномочиями по техническим вопросам, выбирать для этой цели первоклассные силы».⁵⁹ В этих словах чувствуется явное опасение, как бы уполномоченные, посланные из Царицына, сгоряча не заняли неправильную линию по отношению к уже имевшемуся руководящему техническому персоналу строительства.

Но опасения оказались необоснованными. Ф. А. Сергеев, побывав в Петровске и выяснив все, что было необходимо для исправления линии, прибыл в Кизляр.⁶⁰ Он сразу же взял правильный тон и, несмотря на свои чрезвычайные полномочия, предложил свои услуги в помощь работавшим инженерам. Это импонировало старым специалистам и необычайно подняло авторитет т. Артема. Когда возник вопрос о необходимости обеспечения охраны грузов, которые должны были перевозиться морем, Ф. А. Сергеев предложил перебросить десятка два моторных лодок из Черного моря в Каспийское. Всем было ясно, что подобное мероприятие чрезвычайно трудно осуществимо, но т. Артем взялся его выполнить лично. В конце июня он выехал в Туапсе и, погрузив там

⁵⁶ ЦГАКА, ф. 25896, оп. 1, д. 17, л. 269.

⁵⁷ Там же, л. 250.

⁵⁸ ЦГАКА, ф. 25896, оп. 1, д. 5а, л. 19.

⁵⁹ ЦГАКА, ф. 25896, оп. 1, д. 8/с, л. 167.

⁶⁰ ЦГАКА, ф. 25896, оп. 1, д. 5а, л. 26.

на платформы флотилию в составе 20 моторных лодок и двух истребителей вместе с необходимым количеством обслуживающего персонала, выехал в Кизляр.⁶¹ Развитие военных действий на Северном Кавказе не позволило ему довести свой груз до места назначения, и лодки были оставлены, повидимому, в Минеральных Водах.

В Кизляре между тем были закончены изыскательные работы, и дело тормозилось только отсутствием необходимых материалов, главным образом рельс. Самые энергичные поиски рельс в Закавказье и по Северо-Кавказским дорогам не привели к положительным результатам. В Царицыне также не было рельс. Товарищ Сталин послал в Старотеречную все, что мог разыскать. 9 июля, по его приказанию, Царицынский завод Донецко-юрьевского металлургического общества направил железо для строительства дороги.⁶² 19 июля, в дополнение к ранее выданным средствам, И. В. Сталин распорядился выдать строительному комитету из средств Чокпрода 1 500 тыс. руб.⁶³ На эти деньги удалось приобрести в Астрахани лес для постройки Старотереченской пристани и шпалы для дороги. Костыли, крепления, путевой инструмент собирались в Царицыне и направлялись в Старотеречную. Однако не хватало главного — рельс.

Товарищ Сталин неоднократно обращался в центр с просьбой прислать рельсы. 5 июля он телеграфировал в Наркомпуть и ВСНХ: «Необходимо срочно продолжить ветку Кизляр — море. Несмотря на энергичные поиски — рельсов достать не можем. Есть... технический персонал, есть строительные рабочие. Порт строится, скоро будет готов, можно было бы в несколько недель продолжить ветку, но нет рельс. Сообщите срочно, где можно достать рельсы 70 верст. Шлите экстренно рельсы Царицын, или укажите где их достать. Сами привезем. Ждем срочного ответа».⁶⁴

В ответ на требование И. В. Сталина Комитет по делам металлургической промышленности ВСНХ (Расмеко) сообщил 9 июля, что им сделано срочное распоряжение Уралпроизводству выслать 70 верст рельс в Царицын водой и по железной дороге. Расмеко просил выслать на Урал уполномоченного из Царицына для ускорения отправки рельс.⁶⁵

Сообщение Расмеко было мало утешительно, ибо доставка рельс с Урала на юг была не простым делом, а главное — она была связана с затратой длительного времени. Но хорошо было и то, что одно из управлений ВСНХ признало необходимость направления рельс для дороги Кизляр — Старотеречная. А другие управления, в частности Управление по сооружению новых дорог, сочло вообще ненужным постройку такой дороги. Сообщая в Царицын об отказе в присылке рельс, начальник этого Управления добавлял: «Аналогичен взгляд Совета продовольственных дорог».⁶⁶ Действительно, Совжелпрод, возглавлявшийся в тот период замаскированным предателем Брюхановым, прислал 12 июля товарищу Сталину следующую телеграмму:

⁶¹ ЦГАОР, ф. 2046, оп. 3, д. 131, л. 91. Флотилия состояла из следующих судов: «Александр II», «Аврора», «Трапезунд», «Метеор», «Аскольд», «Черномор», «Ривьера», «Тамар», «Крыница», «Рыбак», «Шелк-нитка», «Генерал Рузский», «Александр I», «Батум», «Керчь № 1», «Керчь № 2», «Генерал Брусиллов», «Доставщик», «Буревестник», «Антипаразит», «Кавказ», «Мюсера». При каждом было по шкиперу и мотористу (ф. 2046, оп. 14, д. 50, л. 2—8).

⁶² ЦГАОР, ф. 2046, оп. 14, д. 30, л. 283 об.

⁶³ Там же, оп. 3, д. 82, л. 35.

⁶⁴ Э. Генкина. Борьба за Царицын в 1918 г. Политиздат, 1940, стр. 97.

⁶⁵ ЦГАКА, ф. 25896, оп. 1, д. 17, л. 88.

⁶⁶ Там же, л. 197.

«Совет не признал важного продовольственного значения дороги Кизляр — Каспийское море, причем Совету не было известно, что порт уже строится и скоро будет готов... Рельсы могут быть отпущены по признанию Советом продовольственного значения дороги». ⁶⁷

Товарищ Сталин был поражен неосведомленностью Совжелпрода о строительстве ветки Кизляр — море, о которой было известно и Совнаркому и ВСНХ.

В ответной телеграмме И. В. Сталин писал, что продовольственного значения дороги при создавшихся условиях не могут признать лишь люди неосведомленные или живущие на луне. ⁶⁸

Несмотря на все настойчивые требования, центральные организации, ведавшие постройками железных дорог, так и не прислали в Царицын ни одного километра рельс. Вновь пришлось обходиться местными ресурсами. С огромным трудом к 27 июля на одном из складов в Астрахани удалось разыскать старые рельсы и погрузить их на пароходы «Канкум» и «Сережа» для отправки в Старотеречную. ⁶⁹ Но военнополитическая обстановка в районе Кизляра к этому времени резко изменилась в результате контрреволюционного мятежа Бичерахова в Терской области.

Продовольственные отряды, работавшие в районе Кизляр, Брянская, Старотеречная, были мобилизованы на оборону города Кизляра и Каспийского побережья. Строительство дороги не удалось довести до конца.

Таковы были те объективные условия, в которых приходилось налаживать железнодорожный и водный транспорт и продвигать продовольственные грузы в голодающие губернии. Тем не менее, несмотря на эти совершенно исключительные условия, в течение июня Советская республика получила с юга огромное количество хлеба и другого продовольствия.

На вопрос, сколько же хлеба было отправлено из Царицына в июне 1918 г., впервые попыталась ответить Э. Б. Генкина, в своей книге «Борьба за Царицын в 1918 г.». Она приводит цифру 2 379 вагонов хлеба, отправленного в течение июня. В силу того, что в то время, когда Э. Б. Генкина работала над своим исследованием, ряд источников по этому вопросу не был известен (в частности, не был еще приведен в порядок важнейший фонд Чокпрода), ей не удалось получить более подробных данных. Поэтому мы считаем необходимым продолжить начатую Э. Б. Генкиной работу по подсчету количества продовольствия, отправленного из Царицына в голодающие губернии.

В фонде Чокпрода имеется значительный, но крайне разноречивый материал по этому вопросу. Для иллюстрации того, насколько различны сведения, зафиксированные в отчетных документах Чокпрода, сопоставим данные трех документов об отправлениях из Царицына пяти основных видов хлебных грузов в течение июля (в вагонах). ⁷⁰

Как видно из сравнительной таблицы (см. стр. 57), ни по одному виду хлебных грузов показатели не совпадают.

Такие же противоречивые данные получаем мы и при сравнении сведений об отправке хлебных грузов по отдельным губерниям. ⁷¹

⁶⁷ ЦГАКА, ф. 25896, оп. 1, д. 17, л. 143.

⁶⁸ Там же, л. 143.

⁶⁹ Там же, оп. 1, д. 5а, л. 245.

⁷⁰ Телеграмма Якубова см. ЦГАОР, ф. 1943, оп. 1, д. 196, л. 180—181. Сводка Транспортного отдела Чокпрода — ЦГАОР, ф. 2046, оп. 2, д. 40, л. 15—21. Отчет Якубова Наркомпроду от 28 декабря — ЦГАОР, ф. 2046, оп. 14, д. 30, л. 162 и об. Данные об отправлениях в Баку и Туркестан исключены из всех трех источников ввиду того, что в последнем документе дана общая цифра отправленных туда грузов без разделения на отдельные виды хлеба.

⁷¹ В третьем документе — отчете Якубова — отсутствуют погубернские данные.

	Согласно телеграмме Якубова в Наркомпрод от 11 июля, использованной Э. Б. Генкинсь	Согласно сводке транспортного отдела Чокпрода от 10 декабря	Согласно отчету Якубова Нарксмпроду от 28 декабря
Пшеница	689	612	377
Ячмень	238	212	196
Рожь	31	32	4
Мука	70	90	96
Хлеб разный	133	102	76

	Пшеница	Ячмень	Мука
Петроградская губ.			
По данным телеграммы Якубова . .	51	35	1
По данным Транспортного отдела .	52	34	2
Московская губ.			
По данным телеграммы Якубова . .	175	91	60
По данным Транспортного отдела .	164	79	50
Нижегородская губ.			
По данным телеграммы Якубова . .	112	6	3
По данным Транспортного отдела .	74	5	9

Допустимо предположение, что при подведении итогов отправки хлеба в центральные губернии разные сотрудники Чокпрода по-разному объединяли виды хлебных грузов: хлеб, адресованный одной губернии, относили к другой губернии и т. д. Такое предположение вполне вероятно, так как часто в одном вагоне отправлялись пшеница, рожь, крупа и другие хлебные грузы. При подсчете один бухгалтер мог отнести этот вагон в графу «пшеница», а другой — в графу «хлеб разный». Широко практиковавшаяся система переадресовки грузов могла оказать влияние на показатели хлебных отправок по отдельным губерниям. Но в таком случае общий итог отправленных грузов должен быть все же одинаков. Между тем и общие итоги различны.

Согласно показаниям трех рассматриваемых нами документов, общий итог отправленных продовольственных грузов (исключая рогатый скот) выражается в следующих цифрах:⁷²

Телеграмма Якубова	1918 вагонов
Сводка Транспортного отдела	1779 »
Отчет Якубова	1770 »

Таким образом, итоговые данные двух последних документов приблизительно совпадают. Однако если сводка Транспортного отдела Чокпрода утверждает, что 1779 вагонов продовольствия были отправлены из Царицына в течение июля, то отчет Якубова указывает, что 1770 вагонов — результат отправки хлебных грузов в течение мая,

⁷² Из первой и второй цифр исключено количество вагонов с рогатым скотом, так как в третьем документе счет отправленного скота ведется в головах, а не в вагонах.

июня и первой половины июля. При наличии нескольких документов с разноречивыми данными, естественно, возникает вопрос о том, который из источников наиболее авторитетен.

Телеграмма Якубова от 11 июля является наименее надежным источником, ибо сама разновидность документа (телеграфная лента) внушает опасения в правильности приводимых в нем цифр. Можно допустить, что при передаче по телеграфу отдельные цифры были зафиксированы неточно, а проверить их не представляется возможным ввиду отсутствия в телеграмме итоговых показателей.

Два других документа по своей делопроизводственной разновидности заслуживают большего доверия. Сводка Транспортного отдела является официальным документом, составленным на основе данных первичных транспортных документов. Отчет Якубова от 28 декабря представляет собой уже более общую статистическую обработку первоначальных данных Транспортного отдела в бухгалтерии Чокпрода. Однако наличие между этими документами расхождений, при отсутствии у нас данных о методах статистической обработки первоначальных показателей, заставляет нас с осторожностью отнестись и к этим двум источникам.

Осторожное отношение ко всем итоговым показателям, встречающимся в отчетных материалах Чокпрода, оправдывается также общим неудовлетворительным состоянием учета в Чокпроде. До 21 мая учета вообще не существовало. С 21 мая Транспортный отдел стал фиксировать в особых ведомостях все отправлявшиеся вагоны, но систематического подведения итогов по видам отправленного хлеба, по адресатам, способу транспортировки и т. п. попрежнему не было. В необходимых случаях Транспортный и Финансово-счетный отделы Чокпрода торопливо подводили итоги, причем часто полученные путем такого подсчета итоговые данные не совпадали с первоначальными учетными данными и противоречили предыдущим итоговым подсчетам. Уполномоченный Центротранспорта, ознакомившись с постановкой учета в Транспортном отделе, сообщал в свой Главк: «Сведения Транспортного отдела об отправлениях совершенно неудовлетворительны». ⁷³ Сам Якубов в конце июня следующим образом объяснял причины посылки в Наркомпрод отрывочных сведений: «Сведения даю отрывочные потому, что до сего времени нет по транспорту дельных людей. Работают областники (т. е. представители областных продовольственных органов.— П. С.), но при первой возможности — сменяю». ⁷⁴

В силу указанных выше причин нам пришлось отказаться от использования уже обработанных статистических данных и обратиться к первоначальным данным учета отправки продовольствия. Мы имеем в виду месячные погубернские записи отправленного груза, хранящиеся в фонде Чокпрода. ⁷⁵ В этих записях зафиксировано: наименование груза, количество его в пудах (или головах — для скота), станция отправления и назначения, время отправления, номер накладной, по которой следовал груз, номер вагона, номер поезда или название парохода (баржи, шхуны), с которым был отправлен груз. Каждая такая ведомость заверена подписью ответственного работника Чокпрода. Погубернские месячные ведомости дают возможность достаточно точно установить не только количество отправленных вагонов, но и пудов по каждому грузу в отдельности. Кроме того, они дают возможность установить соотношение железнодорожных и водных перевозок.

⁷³ ЦГАОР, ф. 2046, оп. 3, д. 21, л. 20.

⁷⁴ Там же, д. 8, л. 8.

⁷⁵ Там же, д. 37.

В нескольких случаях графа ведомостей о количестве грузов осталась незаполненной. Поскольку в вагоне обычно провозилось от 900 до 1070 пудов хлеба, мы брали в этих случаях среднюю цифру — 1000 пудов. В тех случаях, когда в одном вагоне провозилось одновременно несколько сортов хлеба (пшеница, ячмень, рожь и т. п.), мы относили эти грузы в графу «разные хлебные грузы». Этот же метод применен и в отношении других мелких продовольственных грузов, которые объединены в графе «прочие продовольственные грузы». Данные об отправке рогатого скота, поскольку он не исчислялся в пудах, выделены в особую таблицу, где сообщаются также сведения о фураже (сено, солома), без которого, как известно, невозможна была отправка скота.

Помимо продовольственных грузов в использованных нами ведомостях имеются данные об отправлениях из Царицына нефти, бензина, машинного масла, железа и т. п. грузов. При подсчете продовольственных грузов все, что не имело к ним отношения, естественно, не принималось во внимание.

В результате статистической обработки месячных погубернских ведомостей удалось установить, что в течение июня в различные районы страны было отправлено из Царицына 1890 вагонов продовольственных грузов весом в 1 817 639 пудов (не считая рогатого скота).

По отдельным видам продуктов отправленные грузы распределяются следующим образом:

Пшеница	710 вагонов	708 161 пуд,	29 фунт.
Рожь	31 вагон	27 539 »	06 »
Ячмень	222 вагона	221 266 »	23 »
Овес	6 вагонов	4 473 »	15 »
Мука	91 вагон	84 888 »	11 »
Крупа	3 вагона	8 445 »	20 »
Разные хлебопродукты	71 вагон	68 533 »	13 »

Итого хлебных грузов . . . 1140 вагонов 1 121 357 пуд. 36 фунт.

Картофель	24 вагона	21 060 пуд.	15 фунт.
Семя разное	48 вагонов	46 368 »	20 »
Жмыхи (макуха)	340 »	373 632 »	— »
Мясопродукты	6 »	2 643 »	18 »
Жиры	151 вагон	100 567 »	20 »
Соль	7 вагонов	7 000 »	— »
Сахар	5 »	4 753 »	— »
Рыба	97 »	77 734 »	10 »
Сухие фрукты	43 вагона	33 585 »	22 »
Прочие продукты	29 вагонов	28 938 »	— »

Итого других продгрузов . . . 750 вагонов 696 281 пуд. 25 фунт.

Всего хлебных и других прод-
грузов . . . . . 1890 вагонов 1 817 639 пуд. 21 фунт.

Соотношение хлебных и других продовольственных грузов показывает, что основное внимание в июне товарищ Сталин уделял заготовке и отправке в голодающие губернии хлебных грузов. Хлеб занимает 61.7% всего продовольствия, отправленного из Царицына.

Распределение продовольственных грузов по отдельным губерниям видно из следующей таблицы:⁷⁶

⁷⁶ При подсчете погубернских итогов для упрощения и без того громоздкой таблицы нами не фиксировались фунты, поэтому в итоговых показателях таблицы по каждому виду продовольственных грузов имеется незначительное расхождение (от 1 до 9 пудов) с таблицей, приведенной в тексте на стр. 59, в которой подсчет произведен с точностью до фунта.

Наименование губерний	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес	Мука	Крупа	Разный хлеб	Картофель	Семя разное
Астраханская	11 843	—	—	—	28	—	—	—	—
Бакинская	12 015	—	—	—	2 030	—	6	7 581	—
Витебская	1 004	—	—	—	—	—	—	—	—
Владимирская	28 764	5 825	9 495	—	4 236	4 080	5 287	—	700
Воронежская	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Иваново-Кинешем. р-н .	12 079	—	10 419	—	997	—	—	—	—
Калужская	31 209	—	15 255	—	—	—	1 002	1 000	—
Казанская	—	—	—	—	—	—	—	—	3 229
Костромская	16 407	2 495	800	—	700	—	2 918	—	17 144
Курская	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Московская	168 038	1 906	76 489	2 971	51 171	2 195	100	9 277	3 017
Нижегородская	81 251	9 373	3 344	—	2 127	—	18 628	—	1 693
Новгородская	15 231	1 965	5 962	—	—	—	5 195	3 202	—
Орловская	3 207	—	789	—	—	—	—	—	—
Пензенская	20 672	—	1 913	—	1 093	—	6 768	—	—
Петроградская	51 787	2 000	34 812	—	1 255	—	6 818	—	—
Псковская	12 081	1 305	19 130	—	—	—	—	—	—
Рязанская	23 478	668	2 017	—	—	—	1 151	—	—
Самарская	—	—	—	—	—	—	—	—	5 677
Саратовская	1 029	—	—	—	—	—	—	—	4 677
Симбирская	23 630	—	4 902	—	2 865	1 057	5 981	—	610
Смоленская	24 699	—	5 053	—	—	—	—	—	—
Тамбовская	1 970	—	—	—	—	—	—	—	—
Тверская	18 472	—	1 014	788	—	—	1 691	—	—
Тульская	29 210	—	—	—	—	—	—	—	—
Туркестан	65 511	—	7 662	—	10 (53)	—	738	—	9 000
Хоперский округ	32 525	2 001	4 392	—	—	—	9 746	—	620
Ярославская область . . .	17 041	—	16 822	—	25	—	—	—	—
Железнодорожным ор- ганизациям	5 019	—	1 003	713	8 303	1 162	553	—	—
Итого	708 152	27 539	221 263	4 472	84 886	8 445	66 582	21 060	46 367

Помимо грузов, вошедших в приведенную выше таблицу, из Царицына на север было отправлено около 3.5 тыс. голов скота и 83 вагона фуража. Распределение скота по губерниям выражено в следующей таблице:

Наименование губерний	Скот			Фураж		
	Голов	Вагонов		Пудов	Вагонов	
		железной дорогой	водой		железной дорогой	водой
Иваново-Кинешемский район	360	20	16	5346	8	—
Костромская	200	25	—	—	—	—
Московская	2 183	222	4	30 761	62	—
Петроградская	490	50	—	7 938	13	—
Ярославская	240	—	24	—	—	—
Итого	3 473	317	44	44 045	83	—

Жижики (макуха)	Мясopro- дукты	Жиры	Соль пова- ренная	Сахарный песок	Рыбопро- дукты	Сухофрукты	Прочие продукты	Всего		
								пудов	вагонов	
									желез- ной дорогой	водой
11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
—	—	—	—	—	—	—	—	11 871	—	12
—	—	1 841	—	—	—	—	—	23 473	—	25
—	—	—	—	—	750	—	—	1 754	—	5
5 000	—	5 879	—	—	—	—	—	69 216	19	53
—	—	—	2 000	—	9 522	—	—	11 522	13	—
20 682	—	1 621	—	—	—	—	—	45 798	3	42
—	—	—	—	—	—	—	—	48 466	44	4
—	—	—	—	—	—	—	—	3 229	—	2
—	—	—	—	—	—	—	—	40 465	11	32
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
320 250	1 694	81 507	—	4 753	20 072	9 346	28 938	781 724	385	439
27 700	—	612	—	—	—	4 715	—	149 423	13	116
—	—	416	—	—	—	—	—	31 971	8	24
—	—	—	3 000	—	33 382	—	—	40 378	20	29
—	—	—	—	—	—	—	—	30 446	7	29
—	—	4 185	—	—	—	6 326	—	107 183	20	92
—	—	—	—	—	—	—	—	32 516	1	32
—	—	—	—	—	987	4 548	—	32 849	16	19
—	—	—	—	—	—	8 647	—	14 324	—	17
—	—	—	—	—	—	—	—	5 706	—	6
—	—	857	—	—	—	—	—	39 902	8	32
—	—	—	—	—	—	—	—	29 752	10	19
—	—	—	—	—	6 090	—	—	8 060	8	1
—	—	—	—	—	—	—	—	21 965	3	19
—	—	—	—	—	5 321	—	—	34 531	38	—
—	—	—	—	—	—	—	—	92 956	—	93
—	—	856	2 000	—	1 610	—	—	53 750	57	—
—	—	—	—	—	—	—	—	33 888	8	26
—	949	2 790	—	—	—	—	—	20 492	5	20
373 632	2 643	100 564	7 000	4 753	77 734	33 582	28 938	1 817 626	697	1 193

Всего, следовательно, из Царицына Чокпродом было отправлено 2 334 вагона различных продовольственных грузов, причем 53% вагонов было отправлено из Царицына водой, с последующей перегрузкой на железную дорогу в Камышине и Саратове. Высокий процент отправки грузов водой свидетельствует о том, какое огромное значение имела своевременная организация товарищем Сталиным перевалочных пунктов и мобилизация транспортных средств на Волге.

Данные о способах транспортировки продовольственных грузов показывают, что такие грузы, как рогатый скот, жиры, мясопродукты, рыба, в большей части отправлялись железнодорожным путем. Это объясняется необходимостью сохранить мясо, рыбу, жиры от порчи, а скот — от похудания во время длительного пути по Волге. Только в исключительных случаях, когда не было возможности использовать железнодорожный путь, скот отправлялся водой. Что же касается мясных и рыбных продуктов, то водой отправлялись главным образом засоленная рыба и мясо, копченые окорока и т. п.

Мы привели выше таблицы, в которых зафиксированы грузы, отправленные в различные губернии Советской республики непосредственно из Царицына. Но кроме отправок через Царицын, хлеб для

Баку, Астрахани и Туркестана отправлялся непосредственно с Северного Кавказа. Определенное количество хлеба и других продуктов питания было передано царицынским продовольственным организациям и царицынской армии. Следовательно, для того чтобы получить общий итог, нам необходимо учесть и эти грузы.

В июне через Кизляр и Баку было отправлено 158 477 пуд. хлеба.⁷⁷ Сведений об отправке в Туркестан и Астрахань непосредственно с Северного Кавказа нам обнаружить не удалось, но полагаем, что мы сделаем небольшую ошибку, если примем для обоих пунктов цифру, приблизительно равную вывозу в Баку — 150 тыс. пудов.

Городу Царицыну и войскам в течение июня—июля было передано:

Пшеницы	вагонов	82, пудов	81 759
Ячменя	»	13 »	11 295
Ржи	»	12 »	11 893
Муки	»	10 »	7 358
Хлеба разного	»	5 »	3 133
<hr/>			
Итого хлебных грузов . . .	вагонов	122, пудов	115 438
<hr/>			
Семена разного	вагонов	64, пудов	40 180
Жмыхов	»	1 »	1 000
Картофеля	»	18 »	16 750
Жиров	»	10 »	9 430
<hr/>			
Всего	вагонов	215, пудов	182 806

Кроме того, Царицыну и войскам было за тот же период передано 10 вагонов (100 голов) рогатого скота.

Если мы отнесем к июню хотя бы половину этих грузов, то это составит 91 403 пуда и 50 голов рогатого скота.⁷⁸

Теперь для подведения общих итогов отправки продовольственных грузов в весовом отношении нам необходимо соответствующим образом расценить вес рогатого скота. В среднем каждое животное весило 20 пудов. Поскольку из Царицына, как правило, отправлялся рогатый скот, причем на дорогу он снабжался фуражом, мы можем положить эту среднюю цифру в основу наших расчетов. Рогатый скот, отправленный из Царицына в июне, составит в весовом выражении 69 460 пудов, а переданный Царицыну и войскам — 1 тыс. пудов.

Таким образом, мы получаем следующие итоговые данные:

1. Отправлено из Царицына в центральные и южные губернии разного продовольственного груза (считая фураж и скот) 1 931 144 пуда.

2. Отправлено в Баку, Туркестан, Астрахань непосредственно с Северного Кавказа 308 477 пудов.

3. Передано Царицыну и войскам (считая и рогатый скот) 92 403 пуда.

Всего 2 332 024 пуда.

Два миллиона 300 тысяч пудов продовольственных грузов, отправленных с юга в течение одного месяца, представляют собой неоценимый вклад в дело снабжения трудящихся Советской республики.

⁷⁷ ЦГАОР, ф. 2046, оп. 11, д. 17, л. 5.

⁷⁸ Фактически на июньскую передачу падает значительно больший процент продовольствия. По некоторым данным, в июле Царицыну и войскам было передано только 5 вагонов, 3977 пуд. продовольствия (см. ЦГАОР, ф. 2046, оп. 3, д. 52, л. 3), но цифры эти внушают недоверие, поэтому мы остановимся на 50%.

* * *

В конце июня объединенные силы Донской и «Добровольческой» армий начали наступление против советских войск и прервали железнодорожную магистраль Царицын — Тихорецкая.

Прекращение железнодорожного сообщения с югом сразу же самым отрицательным образом отразилось на всем ходе продовольственной работы, в частности резко сократился приток хлебных грузов в голодающие губернии. Но отправка продовольствия с юга в центральные районы Советской страны не прекратилась и в этот период, хотя заметно изменился удельный вес отдельных продовольственных грузов, изменились районы заготовки и пункты, откуда шли грузы. Непосредственно из Царицына в июле — августе 1918 г. было отправлено только 16 вагонов хлеба (17 207 пуд.) и 522 вагона других продовольственных грузов (321 664 пуда).

Общая картина отправки продовольственных грузов непосредственно из Царицына в этот период выражается в следующих цифрах:

Пшеница	вагонов	2	пудов	2 047
Рожь	»	4	»	5 163
Ячмень	»	4	»	3 999
Ранние хлебопродукты	»	5	»	6 000
<hr/>				
Итого хлебных грузов	вагонов	16,	пудов	17 207
Картофель	вагонов	1,	пудов	807
Семя разное	»	5	»	3 090
Жмыхи (макуха)	»	1	»	1 000
Мясопродукты	»	4	»	2 132
Жиры	»	5	»	2 464
Соль	»	60	»	59 913
Р ба	»	251	»	211 088
Скот рогатый	»	181	»	33 580 (1 679 голов) ⁷⁹
Фураж	»	14	»	7 600
<hr/>				
Итого других продовольственных грузов	вагонов	522,	пудов	321 664
Всего продовольственных грузов	вагонов	538,	пудов	328 871

Из общего количества 538 вагонов, отправленных из Царицына в июле — августе, на август падает только 123 вагона (22.8%), среди них уже не было ни одного вагона с хлебом.

Хлебные грузы по отношению к остальным грузам июля — августа составляют 4.9%, рыба и скот — 72.4%, а если прибавить к данным об отправке скота сведения о фураже, то процент поднимется до 75. Указанное нами соотношение наглядно вскрывает основную линию продовольственной работы на юге после перерыва сообщения с Северным Кавказом.

В сравнении с июнем отправка продовольственных грузов непосредственно из Царицына в июле — августе в общем уменьшилась на 82.8%. Особенно резко заметно уменьшение отправки хлебных грузов, которая

⁷⁹ Для августа по отправкам скота и рыбы имеются только данные в вагонах. Подсчет количества отправленной рыбы произведен из расчета 900 пудов на один вагон. Подсчет количества рогатого скота сделан из расчета 10 голов на один вагон. В весовом отношении перевод сделан по методу, изложенному выше. Данные за июль, как и за июнь, извлечены из ЦГАОР, ф. 2046, оп. 3, д. 37. Данные за август — ЦГАОР, ф. 2046, оп. 2, д. 40, л. 10.

с 1 121 357 пуд. упала до 17 207 пуд., т. е. на 98,5%. Падение наблюдается также и по всем другим продовольственным грузам, за исключением рыбы, вывоз которой увеличился с 77 734 пуд. до 211 038 пуд. (на 63,2%), и соли — с 7 тыс. пуд. до 59 913 пуд. (на 88,3%).

Летом 1918 г. Царицын стал, как известно, центром военной борьбы за весь юг и Каспий. И хотя отправки продовольственных грузов непосредственно из Царицына резко сократились, он попрежнему играл решающую роль в вывозе продовольствия с юга, так как обеспечивал вывоз продуктов из Саратова, Астрахани, Камышина и других районов.

Прежде чем приступить к подведению общих итогов вывоза хлеба из южных районов в центральные губернии Советской России, мы должны рассмотреть уже имеющиеся в литературе данные по этому вопросу.

В сборнике «Документы о героической обороне Царицына в 1918 году» впервые опубликованы сведения об общем количестве продовольствия, отправленного из Царицына с июня по ноябрь.

Сведения эти дают следующую картину:

Июнь	2 379 вагонов	
Июль	585 »	
Август	557 »	(с 1 по 20 августа)
Сентябрь	72 вагона	(с 10 по 30 сентября)
Октябрь	806 вагонов	
Ноябрь	638 »	

Всего . . . 5 037 вагонов ⁸⁰

В подстрочном примечании к таблице составители указывают, что «подсчет количества отправленного из Царицына продовольствия в июне — ноябре 1918 г. составлен на основании ведомостей Чокпрода, хранящихся в Архиве Октябрьской революции». ⁸¹

Нет необходимости говорить об исключительном значении научно обработанных статистических данных. К сожалению, данные, опубликованные в рассматриваемом сборнике, не могут нас удовлетворить.

Составители сборника (проф. Э. Б. Генкина и ст. научный сотрудник Н. С. Трусова) ссылаются на дела — 37,38 и 128 б фонда 2046 (Чокпрод). Однако в этих делах нет данных о том, что в июне из Царицына было отправлено 2379 вагонов продовольствия. Указанную цифру составители сборника извлекли не из дел Чокпрода, а из телеграммы Якубова в Наркомпрод от 11 июля 1918 г. (ф. 1943, оп. 1, д. 19 б, лл. 180—181). О неточности показателей отправки продовольствия в июне, приводимых в телеграмме Якубова, мы уже говорили, когда анализировали этот источник (см. стр. 57—58).

Рассмотрим теперь сведения сборника за другие интересующие нас месяцы (июль — ноябрь) и установим степень их достоверности. Знакомство с источниками, из которых были извлечены вышеприведенные цифры, показывает, что составители сборника использовали различные по своему характеру и назначению ведомости Чокпрода. Так, например, данные об отправке из Царицына в июле 585 вагонов продовольствия составители сборника взяли из транспортных ведомостей Чокпрода, ⁸² но они не обратили внимания на то обстоятельство, что в эту цифру входят не только продовольственные грузы. В транспортных ведомостях, кроме вагонов с продовольствием, учтены вагоны, отправленные на север с нефтью, железом, мазутом, гудроном, смазочным

⁸⁰ Документы о героической обороне Царицына в 1918 г., стр. 73.

⁸¹ Там же.

⁸² ЦГАОР, ф. 2046, оп. 3, д. 37, л. 110.

маслом, пустыми бочками и т. п. грузами. Из общего количества 585 вагонов, отправленных в июле из Царицына, на долю этих грузов приходится 190 вагонов.

Сведения об отправлениях в августе взяты уже не из транспортных ведомостей, а из отчета Камышинского перевалочного пункта, т. е. из источника совершенно иного характера. Через Камышинский перевалочный пункт шли грузы не только из Царицына, но и из Астрахани. В отчете, использованном для характеристики вывоза из Царицына, нет ни одного царицынского груза. Здесь зафиксированы только грузы, прибывшие из Астрахани, и грузы, отправлявшиеся из самого Камышина (из числа реквизируемых у мешочников).⁸³ Следовательно, данные об отправлениях через Камышинский перевалочный пункт не могут служить показателем отправки из Царицына; вместе с тем они не могут служить и показателем отправки из Астрахани, ибо астраханские грузы шли не только через Камышин, но и через Царицын и Саратов. Таким образом, сведения Камышинского перевалоч-

Наименование груза	Отправлено из Царицына в различные районы страны в июне пудов	Отправлено из Кизляра в Баку, Туркестан и Астрахань в июне пудов	Передано г. Царицыну и войскам в июне—июле пудов	Отправлено из Царицына в различные районы страны в июле—августе пудов	Отправлено из Святого Креста в Москву в августе пудов	Отправлено из Саратовской губернии в августе пудов	Всего пудов
1	2	3	4	5	6	7	8
Пшеница	708 161	308 477	81 759	2 047	16 210	383 280	1 509 934
Рожь	27 539	—	11 893	5 161	—	715 115.3	759 708.5
Ячмень	221 266	—	11 295	3 999	1 124	2 696.5	240 808.5
Овес	4 473	—	—	—	—	87 632.5	92 105.5
Мука	84 888	—	7 358	—	—	138 655.5	230 901.5
Крупа	8 445	—	—	—	—	5 476	13 921
Разный хлеб	66 583	—	3 133	6 000	—	52 086.5	127 772.5
Итого хлебных грузов	1121 355	308 477	115 438	17 207	17 334	1 394 912.5	2 974 723.5
Картофель	21 060	—	16 750	807	—	—	38 617
Семя разное	46 368	—	40 188	3 090	—	—	89 646
Жмыхи (макуха)	373 632	—	1 000	1 000	—	—	375 632
Мясопродукты	2 643	—	—	2 132	—	—	4 775
Жиры	100 567	—	9 430	2 464	—	—	112 461
Соль	7 000	—	—	59 913	—	72 000	138 913
Сахар	4 753	—	—	—	—	—	4 753
Сухие фрукты	33 585	—	—	—	—	—	35 594
Рыба	77 734	—	—	211 038	—	549 900	838 672
Скот рогатый	69 460	—	2 000	33 580	—	—	105 040
Фураж для скота	44 045	—	—	7 600	—	—	51 645
Прочие продукты	28 938	—	—	—	—	12 000	40 938
Итого других продовольственных грузов .	809 785	—	69 368	321 664	—	633 900	1 834 717
Всего . .	11 931 140	308 477	184 806	838 871	17 334	2 028 812.5	4 809 440

⁸³ ЦГАОР, ф. 2046, оп. 3, л. 38, л. 148—199.

ного пункта характеризуют деятельность самого пункта и ни в коей мере не могут определить размеры вывоза продовольствия из Царицына.

Сведения за сентябрь, октябрь и ноябрь извлечены составителями сборника из однородных источников.⁸⁴ Однако и здесь не принималось во внимание конкретное содержание отправленных грузов, в результате чего шерсть, овчины и т. п. грузы были засчитаны, как продовольственные. В сентябре — ноябре из Царицынского района отправлялся в центральные губернии главным образом скот. Между тем, составители не учитывали этого обстоятельства и механически переводили количество вагонов в пуды, исходя из расчета 1 тыс. пуд. на вагон, тогда как этот прием можно применить только к хлебным грузам. Помимо отмеченных выше дефектов, составители сборника «Документы о героической обороне Царицына» включили в таблицу только грузы, отправленные непосредственно из Царицына. Между тем, для того чтобы установить размеры продовольствия, вывезенного с юга летом 1918 г., нельзя ограничиваться учетом отправок только из Царицына, необходимо также учесть вывоз продовольствия непосредственно с Северного Кавказа, из Астрахани, Саратова, а также передачу продовольствия царицынской армии и населению г. Царицына.

Приводимая на стр. 65 таблица представляет собой сводку данных, методы исчисления которых уже сообщены выше.

Таким образом, в течение летних месяцев с юга России было отправлено в потребляющие районы 4 809 440 пудов продовольственных грузов, из которых 2 974 723 пуда приходится на хлеб.

При рассмотрении таблицы бросается в глаза незначительное количество отправки рыбы и скота. Это объясняется тем обстоятельством, что заготовкой рыбных и мясных продуктов занималась специальная организация — Заготсель. С конца июня товарищ Сталин обратил особое внимание на улучшение работы этой организации, послав туда своих уполномоченных. Для полноты картины мы, разумеется, должны учесть и все мясо-рыбные грузы, отправленные с юга.

По данным Наркомпрода, с юга России в течение июня — августа поступило 5 086 348 пудов рыбы и 41 907 пудов мяса.⁸⁵ К сожалению, мы не располагаем сведениями, вошли ли в это количество мясные и рыбные грузы, отправленные из Царицына и Саратова Чокпродом. Если они не учтены, то общее количество отправленной в центральные губернии рыбы повысится до 5 925 020 пудов, а мяса — до 46 685 пудов. Но если мы даже допустим, что рыбные и мясные грузы, отправленные в июне — августе из Царицына и Саратова, вошли в данные Наркомпрода, то и в этом случае общее количество продовольственных грузов, отправленных с юга в потребляющие губернии, составит цифру 9 094 278 пудов.

Удельный вес продовольствия, заготовленного на юге, в общем количестве продовольствия, заготовленного по всей стране, исключительно велик.

По данным Наркомпрода, за последнюю четверть заготовительного сезона 1917/18 г., т. е. за май, июнь и июль 1918 г., по всей Советской республике (за исключением Северного Кавказа) было заготовлено 740 810 пудов хлеба и зернового фуража.⁸⁶ В течение августа было

⁸⁴ ЦГАОР, ф. 2046, оп. 3, д. 128, л. 3 и сл.

⁸⁵ Использованы данные статистического сборника ВСНХ «Учет и снабжение». М., 1919, вып. 1 и 2.

⁸⁶ Четыре года продовольственной работы. Статьи и отчетные материалы. П., 1922, стр. 127.

заготовлено 365 518 пудов (не считая Саратовской губернии).⁸⁷ Таким образом, с мая по сентябрь, т. е. в самое тяжелое время, когда еще не был собран новый урожай, на всей территории Советской республики, свободной от интервентов и белогвардейцев (за исключением юга России), удалось заготовить 1 106 328 пудов хлеба и зернового фуража. За тот же период на юге под руководством И. В. Сталина было заготовлено 2 974 723 пуда хлеба — почти в три раза больше, чем по всей стране. Иными словами, 72.8% хлеба, заготовленного в стране летом 1918 г., падает на южные районы.

Такая же крупная роль принадлежит югу России и в деле снабжения пролетарских центров рыбой и мясом.

Приводимая ниже сравнительная таблица, составленная нами на основе месячных статистических данных Наркомпрода, наглядно показывает удельный вес юга России в заготовке этих жизненно необходимых продуктов питания.⁸⁸

	Рыба			Мясо		
	Всего заготовлено в стране	Из них заготовлено на юге	% к общей заготовке	Всего заготовлено в стране	Из них заготовлено на юге	% к общей заготовке
	в пудах			в пудах		
Июнь	2 357 572	2 357 572	100	30 948	22 427	72.44
Июль	1 621 472	1 621 472	100	13 110	11 574	88.27
Август	1 107 284	1 107 284	100	10 457	7 906	75.60
Итого	5 086 323	5 086 328	100	54 515	41 907	76.87

Из этой таблицы следует, что вся рыба, полученная в июне — августе в потребляющих губерниях, была заготовлена на юге, а из общего количества мяса 76.87% приходится на долю южных районов страны.

В свете этих данных становится совершенно очевидным, что подавляющее количество продовольствия в самые тяжелые для Советской республики месяцы было доставлено под непосредственным руководством И. В. Сталина с юга.

Огромное значение для укрепления Советского государства имел не только самый факт доставки в голодающие губернии 9 млн. пудов продовольствия, но и то обстоятельство, что это продовольствие было заготовлено революционными методами. Советская власть отбросила капитулянтские предложения замаскированных врагов народа Рыкова и Томского, объявила войну кулачеству и решительно повела курс на проведение в жизнь социалистической продовольственной политики. Итоги военно-продовольственной работы на юге России полностью подтвердили правильность продовольственной политики партии Ленина — Сталина.

Деятельность товарища Сталина на юге России по установлению хлебной монополии и твердых цен на хлеб, по ликвидации сепаратистских, антигосударственных тенденций местных советских и хозяйственных организаций, по упорядочению транспорта и укреплению продо-

⁸⁷ Учет и снабжение, М., 1919, вып. 2, стр. 3, 7. Сводка данных о состоянии снабжения на 1 сентября 1918 г.

⁸⁸ Учет и снабжение. Вып. 1 и 2.

вольственного аппарата являет собой превосходные образцы решения важнейшего экономического вопроса социалистическими методами.

В мае и июне 1918 г. Ленин неоднократно подчеркивал, что основная задача советской власти в этот период заключалась в том, чтобы спасти трудящихся страны от голодной смерти, продержаться до нового урожая. В тезисах по текущему моменту Ленин набросал план войны за хлеб на три месяца: июнь — август.⁸⁹ В плане борьбы за хлеб южные районы страны, естественно, занимали основное место. Совет Народных Комиссаров в воззвании ко всем трудящимся по поводу белогвардейского мятежа на Волге и в Сибири, опубликованном в начале июня, писал: «...взять измором революцию русским, французским и чехо-словацким империалистам не удастся. На помощь голодающему северу идет юго-восток. Народный комиссар Сталин, находящийся в Царицыне и руководящий оттуда продовольственной работой на Дону и в Кубани, телеграфирует нам об огромных запасах хлеба, которые он надеется в ближайшие недели переправить на север... Как ни тяжело положение страны, но уморить себя голодом Советская Россия не даст».⁹⁰

Эти надежды полностью оправдались. Сталинские маршрутные поезда с продовольствием поддерживали голодающие промышленные центры в самые критические месяцы.

⁸⁹ См. «Ленинский сборник», XVIII, стр. 93—95.

⁹⁰ «Правда» № 116 от 11 июня 1918 г.

С. М. ДРАБКИНА

КРАХ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНСКИХ ИМПЕРИАЛИСТОВ НА УКРАИНЕ

(февраль — июль 1918 года)

План захвата Украины возник в Германии задолго до мировой войны 1914—1918 гг. Уже с середины XIX в. украинский вопрос как политическая проблема занимал известное место как в немецкой публицистике, так и в планах правительственных кругов Германии. Знакомство с немецкой политической литературой второй половины XIX и начала XX в. показывает, что, несмотря на различные оттенки и вариации, основное содержание ее составляет не что иное, как политическая и экономическая подготовка той программы, которая была предъявлена Германией в Брест-Литовске. Литература периода войны 1914—1918 гг. систематически пропагандировала аннексии на Востоке, и захват Украины был одним из существенных моментов в планах Германии, которые она попыталась осуществить во время первой мировой войны.

В период брест-литовских переговоров германскому правительству и военному командованию казалось, что наступил момент, когда эти планы могут претвориться в действительность. Лозунг «Drang nach Osten» теперь превратился в актуальную политическую программу. Первым шагом в осуществлении этой программы и был договор германского блока с украинской Центральной радой, заключенный в Брест-Литовске 9 февраля 1918 г.

Каковы же были основные цели Германии, которых она стремилась достигнуть с помощью этого договора?

Непосредственной целью в этот момент было получение хлеба и сырья из Украины. Но получение хлеба было далеко не единственной целью, которую преследовало германское правительство, подписывая договор с Центральной радой.

Характеризуя цели германских империалистов в 1918 г., товарищ Сталин подчеркивал, что они имели в виду не только захват хлеба, но и главным образом свержение Советской власти на Украине. «Это значит, что немцы не только хотят выкачать из Украины миллионы пудов хлеба, но пытаются еще обесправить украинских рабочих и крестьян, отобрав у них кровью добытую власть и передав ее помещикам и капиталистам».¹

Договор с Центральной радой своим острием был направлен против Советской России.

По замыслу германских империалистов, захват Украины должен был явиться первым звеном в их планах расчленения России, культиви-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. IV, стр. 46.

ровавшихся десятилетиями и официально провозглашенных в программе пангерманского союза во время войны. Согласно этим планам, Советская Россия должна была быть окружена кольцом мелких государств, которые как в политическом, так и экономическом отношении являлись бы вассалами Германии. Эта программа и легла в основу требований, предъявленных Германией Советскому правительству в Брест-Литовске об аннексии Польши и Прибалтики. Отторжением Украины от Советской России немцы рассчитывали нанести ей двойной удар: отрывом хлебных и промышленных районов юга причинить большой ущерб хозяйственной жизни Советской России, усилившись самим за счет этих производящих районов, и одновременно создать на Украине контрреволюционную базу для борьбы с Советской властью.

Таким образом, политика Германии в Бресте была ясна — Украина ей нужна была как поставщик хлеба и сырья и как база для организации контрреволюционных сил в борьбе с Советской Россией.

В нашествии немцев на Украину предательскую роль сыграла Центральная рада.

Центральная рада была центром мелкобуржуазной контрреволюции на Украине. Еще до Октябрьской революции Рада стремилась к полному отделению Украины от России и фактическому превращению ее в «буферное» государство и колонию иностранного капитала. Летом 1917 г. Центральная рада вела переговоры с Францией. В Киев была послана французская военная миссия генерала Табуи. 17 декабря Центральная рада подписала с генералом Табуи соглашение, по которому обязалась продолжать войну против Советской России при финансовой поддержке французского правительства. По этому же соглашению, Рада предоставляла Франции контроль над железными дорогами Украины и приоритет при получении концессий.

Предательскую роль Центральной рады, заключившей союз с агентами Антанты и Калединым, разоблачил товарищ Сталин в статье «Что такое Украинская Рада?». Товарищ Сталин характеризовал Раду как «правительство изменников социализма, называющих себя для обмана масс социалистами», как буржуазное правительство, борющееся с Советами в союзе с Калединым и англо-французскими капиталистами. Центральная рада в борьбе против украинских Советов помогала Каледину оттягивать войска на Дон и мешала Советской власти направить необходимые военные силы для подавления калединского мятежа. «Теперь мы знаем, — писал товарищ Сталин, — почему протестует Рада против «вмешательства» Совета Народных Комиссаров во внутреннюю жизнь Украины: фразами о невмешательстве она старается прикрыть действительное вмешательство французского правительства в жизнь Украины и всей России в целях ликвидации завоеваний революции».²

17 декабря 1917 г. Советское правительство в манифесте к украинскому народу, написанном В. И. Лениным, потребовало прекращения этой контрреволюционной деятельности Рады. Совет Народных Комиссаров, заявляя о своем признании Народной Украинской Республики, обвинял Раду в том, что она ведет двусмысленную буржуазную политику, которая выражается в непризнании Советской власти на Украине, дезорганизует фронт, оказывает поддержку кадетско-калединому заговору в восстании против Советской власти и приступила к разоружению советских полков и рабочей Красной Гвардии на Украине.

² И. В. Сталин. Соч., т. IV, стр. 20, 21.

Еще до конференции в Брест-Литовске Центральная рада вела закулисные переговоры с германскими и австрийскими империалистами. Перед началом переговоров в Бресте Рада послала своих представителей в Вену для заключения секретного соглашения с австрийским правительством. Имеются также данные о том, что в этот период Рада вела переговоры с Германией «по вопросам экономической политики, торгового договора и монополии на некоторые продукты». ³

Дело заключалось в том, что Рада уже тогда вела переговоры о вводе германских войск на Украину. Она заранее приняла меры, чтобы обеспечить себя германской вооруженной помощью, и до начала переговоров в Бресте заключила соглашение с германским военным командованием о том, что в случае ее свержения украинским народом она будет поддержана силой немецкого оружия.

Отношение Советского правительства к Раде ясно и четко было сформулировано товарищем Сталиным: «С Киевской радой, окончательно связавшей себя с Калединым и ведущей изменнические переговоры с австро-германскими империалистами за спиной народов России,— с такой Радой Совет Народных Комиссаров считает возможным вести лишь беспощадную борьбу до полной победы Советов Украины». ⁴

Но 10 января 1918 г., на заседании мирной конференции в Брест-Литовске, Троцкий, предавая интересы Советской Республики, признал делегацию Центральной рады. Германские империалисты не замедлили воспользоваться предательством Троцкого, и делегация Рады была допущена к мирным переговорам.

В эти же дни Центральная рада была свергнута восставшими рабочими и крестьянами Украины. 8—11 января Красная Гвардия овладела промышленными районами Екатеринослава и Донбасса. Советское правительство Украины объявило Генеральный секретариат Рады врагом украинского народа и обратилось с призывом к трудящимся об оказании поддержки советским войскам в борьбе с Радой и Калединым. 19 января Красная Гвардия разгромила войска Центральной рады в Полтаве, установила там Советскую власть и продолжала наступление на Киев.

Прибывшая в Брест делегация Украинской Советской Республики 21 января заявила об отказе украинского народа признать решения Центральной рады. Однако, несмотря на это заявление, германское командование в лице генерала Гофмана отказалось вступить в мирные переговоры с делегацией Украинской Советской Республики. «Союз с мертвецами, союз со свергнутой и изгнанной Киевской радой оно предпочло мирному договору с признанным украинским народом Народным секретариатом»,— писал товарищ Сталин. ⁵ Было ясно, что политика германских империалистов сводилась к тому, чтобы, номинально признав Украину «независимым» государством, фактически превратить ее в продовольственно-сырьевую базу, которую можно было бы использовать для дальнейшей борьбы на Западе. Другим моментом договора с Центральной радой (как уже указывалось) было то, что он имел целью приостановить поставки хлеба из Украины в Советскую Россию; немцы стремились также отрезать революционные центры России от южных

³ ЦАРУ, переписка с Генеральным секретариатом, д. 4, л. 77. Цит. по статье Е. Н. Городецкого «Центральная рада — олотт всероссийской контрреволюции», «Историк-марксист», кн. 8—9, М., 1935 г., стр. 126.

⁴ И. В. Сталин. Соч., т. IV, стр. 28.

⁵ Там же, стр. 46.

угольных и железорудных районов, которые питали ее промышленность. Кроме того, Германия надеялась, что она сможет использовать украинский хлеб для борьбы с нарастающим революционным кризисом в Германии и Австро-Венгрии.

Между тем, на Украине шла народная война против Рады. 8 февраля 1918 г., за 24 часа до подписания договора в Брест-Литовске, киевские рабочие при помощи петроградских и московских красногвардейцев изгнали Раду из Киева. Рада бежала в Житомир. На всей Украине победила Советская власть. За несколько дней до своего бегства из Киева Центральная рада на своих заседаниях 30 и 31 января 1918 г. вынесла постановление об отправке официальной ноты германскому верховному командованию с просьбой о вводе немецких войск на Украину. На этих же заседаниях было принято постановление о немедленном выезде правительства Рады из Киева в связи с наступлением Красной Армии. Немцы великолепно понимали, что мир с Радой ни в коем случае не является миром с Украиной и что как «делегация» в Бресте, так и «правительство», от имени которого она действовала, являлись мифическими и никакими законными полномочиями не обладали. Но целью германских империалистов именно и было установление на Украине марионеточного правительства, власть которого простиралась бы не дальше немецких штыков.

9 февраля договор с предателями из Центральной рады был подписан. Основным условием этого договора являлась поставка не менее 1 млн. тонн хлеба из Украины в Германию и Австро-Венгрию.

Но германскому верховному командованию было ясно, что если оно хочет получить хлеб, то придется добывать его силой, т. е. двинуть на Украину армию.

13 февраля в Гомбурге произошло заседание коронного совета под председательством Вильгельма II, на котором был решен вопрос о наступлении на Восточном фронте. Людендорф требовал «ясности на Востоке» и предложил достигнуть ее путем нанесения «короткого, но сильного удара». В памятной записке к совещанию в Гомбурге от 13 февраля Людендорф по пунктам перечислил свои мотивы наступления на Восточном фронте. В первом пункте ставился вопрос об Украине. «Если мы не предпримем наступления, ...мы поставим под угрозу наш мирный договор с Украиной и тем самым снабжение, которое необходимо Австро-Венгрии и нам, тем самым мы ставим под угрозу конечную победу».⁶

Этот документ чрезвычайно интересен, так как неоспоримо свидетельствует о том, что одной из целей наступления немцев на Украину было обеспечение победы на Западном фронте. Людендорф рассчитывал, что, получив хлеб на Украине, ему удастся прорвать экономическую блокаду союзников.

В феврале 1918 г. германским империалистам казалось, что их «исторический сон» овладения Украиной осуществился. С помощью предателей из Центральной рады на Украину была введена 500-тысячная оккупационная армия. Ограбление Украины началось. Однако с первых же шагов оккупантам пришлось убедиться, что реальные события развивались далеко не столь «благоприятно», как они рассчитывали. Украина

⁶ E. Ludendorff. Urkunden der Obersten Heeresleitung über ihre Tätigkeit 1916/1918, Berlin, 1921, S. 471 (курсив мой.— С. Д.).

оказалась для них «твердым орехом», о который немецкие хищники в конце концов обломали себе зубы.

С самого начала вторжения немцев товарищ Сталин провозгласил великий лозунг: «Отечественная война против оккупантов».

21 февраля 1918 г., в день, когда Советское правительство обратилось ко всему народу с воззванием о защите социалистического отечества от немецких полчищ, товарищ Сталин по поручению Совнаркома направил телеграмму в Киев Народному секретариату Украины с призывом мобилизовать все силы для отпора врагу по примеру героических защитников Петрограда.⁷

Несмотря на численное превосходство противника, советские войска защищались искусно и препятствовали продвижению немецких войск, разрушая железные дороги и мосты при своем отступлении. В телеграмме Совнаркому из Киева о военном положении на Украине от 27 февраля 1918 г. говорилось: «Движение германцев задерживается с боем нашими войсками, сосредоточивающимися к Киеву. Наши отряды социалистической армии в трехдневном сражении три раза разбили офицерские отряды противника...»⁸

Из занятых немцами районов Красная Армия и ревкомы эвакуировали ценное оборудование фабрик, транспортные средства, вагоны и паровозы, запасы оружия и хлебные грузы. Все, что нельзя было вывезти, — уничтожали.

Советское правительство Украины мобилизовало все силы для упорной борьбы. Под руководством партии большевиков создавались социалистические отряды, направлявшиеся в Киев, Полтаву, Харьков, Екатеринослав и другие города и уезды. В Киеве был организован штаб, который приступил к формированию боевых отрядов из отступающих фронтовых частей. В обращении одного из революционных отрядов к рабочим и крестьянам говорилось: «Борьба за народную власть Советов на Украине продолжается. Всякий революционер должен взять винтовку, чтобы бороться за завоевание народа с Центральной радой, продавшей украинский народ германским империалистам».⁹

Наиболее упорное сопротивление интервентам оказал пролетариат Донбасса под руководством К. Е. Ворошилова. 3 марта Ворошилов телеграфировал из Луганска Я. М. Свердлову о начале организации Красной Армии, готовой выступить по первому требованию. «Я остаюсь работать здесь в области, организуем отряд, с которым уйду на фронт», — сообщал Ворошилов.¹⁰ По призыву «Чрезвычайного штаба для мобилизации всех революционных сил Донецкого бассейна» (находившегося в Харькове) в большинстве рабочих центров — Харькове, Кривом Роге, Никитовке, Юзовке и других были организованы красногвардейские отряды. Донбасс стал вооруженным лагерем.

5 марта Ворошилов выпустил воззвание к рабочим Донбасса с призывом к борьбе с оккупантами: «Грозный час настал... Нашей революции, нашим завоеваниям грозит смертельная опасность... Товарищи! В нас самих решение нашей судьбы. От нас зависит спасти свою социалистическую родину. Враг еще силен и движется по всем направлениям. Нашему Донецкому бассейну грозит непосредственная опасность со стороны Киева, где уже воцаряются немецкие банды под руководством Петлюры, Винниченка и прочих предателей украинского народа.

⁷ И. В. Сталин. Соч., т. IV, стр. 39—40.

⁸ Документы по истории Гражданской войны в СССР. Под ред. И. Минца и Е. Городецкого, М., 1940, т. I, стр. 122.

⁹ Там же, стр. 125.

¹⁰ Там же, стр. 123.

Товарищи! Все, кому дороги идеалы пролетариата, все, кто ценит пролитую кровь наших братьев за освобождение России, все до единого — к оружию...

За нами правда. В нас сила. Мы победим». ¹¹

В исключительно короткий срок сформировал пролетариат Донбасса 1-й Луганский отряд, который смело стал на пути германских полчищ. Первые же столкновения с красногвардейскими отрядами показали немцам, что им придется продвигаться с боем, каждую версту завоевывать кровью. За этот короткий период в борьбе с немцами создавались части Красной Армии, которые завоевали себе славу своей стойкостью, самоотверженностью и высокими боевыми качествами.

Отряды Красной Гвардии состояли из петроградских и московских красногвардейцев, рабочих Киева, Харькова и других городов Украины и Донбасса. В течение марта — апреля германские войска вынуждены были вести на территории Донбасса жестокие бои. Отряды под командованием Ворошилова неоднократно отбивали атаки крупных сил противника, задерживая наступление немцев, что дало возможность эвакуировать на Восток рабочие кадры и ценное оборонное имущество. 16 апреля правительство Донецкой Советской Республики назначило К. Е. Ворошилова командующим V Украинской армией. Ближайшими помощниками Ворошилова были Николай Руднев и Александр Пархоменко.

Среди многочисленных партизанских отрядов, сражавшихся вместе с советскими войсками против превосходящих сил противника, был отряд под командованием Николая Щорса. Вернувшись с фронтов империалистической войны на родину, в город Сновск, Щорс организовал отряд из бывших фронтовиков и рабочих, который оказал упорное сопротивление немцам под Новозыбковом. Героически сдерживая наступление немецких полчищ, Щорс с боями отходил к границе Советской России, в «нейтральную зону», установленную Брестским миром. Туда же весной 1918 г. ушел и небольшой отряд другого выдающегося бойца за освобождение Украины, старого рабочего Киевского арсенала — Василия Боженко. В «нейтральной зоне» ¹² отряды были временно распущены. Часть была оставлена на месте для формирования более крупных войсковых соединений, часть была отправлена обратно на Украину для организации борьбы с немецкими захватчиками на местах. Прощаясь со своими бойцами на станции Унеча, Щорс дал им задание — каждому сформировать у себя на родине повстанческую роту. Одновременно с боевыми действиями советских войск в тылу немцев, с первых же дней их вторжения на Украину, началась ожесточенная партизанская война.

Вооруженными нападениями на карательные отряды, диверсиями, саботажем мероприятий немецких грабителей украинские рабочие и крестьяне показали, как велика сила народного сопротивления.

В марте 1918 г. большевики Украины организовали в Харькове «Главный штаб партизанских отрядов» для ведения «малой войны» в тылу неприятеля.

Тысячами шли в партизанские отряды рабочие металлургических и сахарных заводов, шахтеры Донбасса, железнодорожники и трудовые крестьяне. Унося с собой оружие, они уходили в леса и оттуда вели беспощадную борьбу с врагом. Число повстанческих отрядов росло не-

¹¹ «Красная Звезда», № 204, 17.XI.1938.

¹² «Нейтральная зона» состояла из 4 северных уездов Черниговской губернии: Почепского, Мглинского, Стародубского и Суражского.

прерывно; «все усиливающийся энтузиазм масс, тысячами идущих на бой с порабитителями,— вот чем отвечает народная Украина на наше-ствие насильников»,— так характеризовал товарищ Сталин борьбу украинского народа весной 1918 г.¹³

В конце марта начались крупные народные восстания против немцев в Херсоне и Николаеве. В течение двух недель красногвардейские отряды Херсона оказывали упорное сопротивление врагу. Немцы были изгнаны из города и вынуждены были перебросить крупные подкрепления, чтобы подавить восстание. Ожесточенные уличные бои в Николаеве продолжались три дня.

Героическое восстание рабочих и солдат-фронтовиков в Херсоне и Николаеве, партизанская война — все это были первые искры загорающегося пожара освободительной войны против оккупантов.

Вторгнувшись на Украину, немцы немедленно приступили к захвату продовольствия. Но уже в первых числах марта выяснилось, что хотя страна имела продовольствие в изобилии, но собрать продукты немцам оказалось почти невозможным.

3 марта австро-венгерский посол Форгач телеграфировал министру иностранных дел: «Принимаются самые энергичные меры, чтобы наладить вывоз украинского хлеба. В настоящее время реквизиции возможны лишь с применением военной силы... Выезд в Киев военной комиссии, снабженной самыми подробными инструкциями, послезавтра — будет другим шагом для того, чтобы машина снабжения заработала полным ходом».¹⁴

Хлеб в украинской деревне немцам приходилось брать с бою, и на реквизиции крестьяне отвечали партизанской войной. При приближении немецких реквизиционных и карательных отрядов хлеб исчезал бесследно. Его прятали, жгли, только бы он не достался оккупантам.

Как работала немецкая «машина снабжения хлебом» в первые недели оккупации, видно из того, что до 2 марта вместо 300 вагонов хлеба в день, получение которых было обусловлено договором с Радой, только один вагон прибыл в Вену и один в Будапешт, да и эти были захвачены со складов и посланы в столицы «с целью убедить народ наглядным доказательством выгод мира с Украиной».¹⁵

Наиболее ранним по времени украинским документом, свидетельствующим о том, что крестьяне с первого же момента появления немцев встретили их вооруженным отпором, является докладная записка агента бердичевской уездной продовольственной управы Б. Т. Вышинского заведующему фуражным отделом управы, в которой он сообщал, что 8 марта 1918 г. он совместно с отрядом германских войск в количестве 38 человек направился за получением фуража в села Волочинцы и Молошковцы. По дороге, когда отряд находился в овраге, он был обстрелян из винтовок крестьянами близлежащего села Юровка. Оккупанты пытались вступить в переговоры с крестьянами, но на просьбу пропустить их через село крестьяне ответили отказом, заявив, что они решили не впускать германские войска в село и не давать им абсолютно никакого фуража.

Немцы, струсив и «избегая вооруженных столкновений», объехали село и направились в Волочинцы, но здесь их ожидала та же участь — крестьяне категорически отказали в выдаче фуража. Заканчивает свою записку Вышинский так: «Ввиду того, что подобные угрозы со стороны

¹³ И. В. Сталин. Соч., т. IV, стр. 46—47.

¹⁴ G. Gratz and R. Schüller. The Economic Policy of Austria-Hungary during the war in its external relations. London, 1928, p. 132.

¹⁵ Ibid.

крестьян повторяются неоднократно не только в Волочинцах и Юровке, но и в Больших Низгурцах, Садках и Глуховцах, причем каждая поездка сопряжена с опасностью поражений и даже лишения жизни, прошу меня за получением фуража реквизиционным путем не посылать». ¹⁶

Фактически вся экономическая и продовольственная политика германских оккупантов свелась к вооруженному ограблению украинского народа.

9 марта 1918 г., т. е. через три недели после начала вторжения оккупантов (18 февраля 1918 г.), уполномоченный германского верховного командования на Украине полковник фон Штольценберг телеграфировал из Киева главнокомандующему Восточным фронтом: «Враждебное отношение крестьянского населения, которое при реквизиции фуража и хлеба не останавливается перед вооруженными выступлениями против наших войск, продолжает расти... Наши войска предоставлены исключительно самим себе и вынуждены защищать свою жизнь, несмотря на то, что находятся в стране, с которой заключен мир. Следует учесть для дальнейших операций, что в связи с создавшимся положением в любой момент могут возникнуть открытые военные столкновения, хотя бы в форме партизанской войны... Желательна была бы оккупация такими военными силами, одно присутствие которых уже вселяло бы страх в население и заставило бы его продавать нам излишки хлеба, а если потребуется, то придется взять его силой». ¹⁷

Указание на то, что вооруженные выступления против германских войск продолжают расти, свидетельствует о том, что эти выступления начались уже раньше, т. е. с самых первых дней вступления оккупационных войск. Этот факт подтверждается и рядом других секретных отчетов германской армии на Украине о первых шагах ее деятельности. В них указывалось, что крестьяне и рабочие оказывают вооруженное сопротивление, отношение населения «недружелюбное», в большинстве случаев враждебное. Запасы, несомненно, имеются в больших количествах, но только у крестьян, которые отказываются давать хлеб немцам, ввиду чего вывоз хлеба в предполагавшихся размерах невозможен.

В отчете командования II австро-венгерской армии за март говорилось: «В вывозе продовольствия из Украины имеются большие препятствия. Патрули подвергаются обстрелу, порядок имеется только там, где находятся наши войска. Часто слышатся такого рода угрозы: пусть мы только подалше продвинемся в глубь страны, тем вернее будет наша гибель... Крестьяне вооружены». ¹⁸

Характерно, что представители командования оккупационных войск с первых же дней захвата Украины жаловались на недостаточность своих сил и требовали подкреплений. Ряд документов из переписки оккупантов свидетельствует, что германское командование уже в марте выражало беспокойство по поводу того, что хлеб не удастся получить, так как нехватает вооруженных сил, чтобы отнять его у крестьян. В цитированной телеграмме Штольценберга от 9 марта он требовал дополнительных войск. Австрийский фельдмаршал-лейтенант Лангер дополнил, что он твердо уверен в возможности получения из Украины значительных количеств продуктов питания при условии присылки дополнительно от четырех до пяти дивизий. ¹⁹ Австро-венгерский посол в

¹⁶ «Киевская Мысль», № 27, 16.III.1918.

¹⁷ Крах германской оккупации на Украине в 1918 г. (по документам оккупантов). М., 1936, стр. 25.

¹⁸ H. Kerchnaw e. Die Militärverwaltung in den von Österreichungarischen Truppen besetzten Gebieten. Wien, 1928, S. 379.

¹⁹ Крах германской оккупации на Украине, стр. 35.

Киеве Форгач 24 марта телеграфировал Чернину, что захват продовольствия силой должен повести к борьбе, которая «будет для нас рискованной ввиду небольшой численности наших войск и их рассеянности по обширной территории». ²⁰

Теперь представители правительства в официальных выступлениях вынуждены были говорить о переоценке хлебных запасов Украины и об осложнениях с их доставкой. Так, например, 16 марта в «Австрийском политическом обществе» в Вене начался цикл докладов специально по вопросу о доставке продовольствия из Украины. Выступавшие специалисты из торговых кругов Австрии, в частности секретарь правления хлебной централи и директор австрийского Ллойда, подчеркивали, что центральные державы приняли все меры для скорейшего вывоза украинских запасов, но предостерегали от надежд на быстрое их поступление ввиду «различных трудностей и еще не устраненных внутренних беспорядков на юге России». Докладчики призывали австрийцев запастись терпением еще на многие недели. ²¹

В марте немецкая пресса также начала призывать к «трезвой оценке» огромных трудностей, с которыми связано получение продовольствия на Украине.

«Когда приезжаешь из Германии или Австро-Венгрии на Украину, то, конечно, вид белого хлеба, который крестьяне продают на улицах Киева, золотистые горы масла на полках магазинов, крынки густых сливок — производят несколько ошеломляющее впечатление... Но представители центральных держав говорили мне, что запасы на Украине далеко не так значительны, как предполагалось... Война снизила экспортные возможности... а большая часть украинского населения безусловно не расположена терпеть нужду в интересах питания Германии и Австро-Венгрии... Такое желание едва ли может быть приписано крестьянину южной России», — так передавал свои первые впечатления об Украине специальный корреспондент немецкой газеты «Берлинер Тагеблат» Лео Ледерер в статье, озаглавленной «Хлебный мир с Украиной». ²²

Таким образом, оказалось, что германские представители в Брест-Литовске в сильной степени просчитались относительно фактического положения дел на Украине. Пришлось признать, что «молниеносные успехи» недостижимы.

Несмотря на то, что Германия сделала все, что было в ее силах, для обеспечения поставок хлеба, с первого же момента вторжения немецких войск на Украину стало очевидным, что они не смогут их осуществить иначе, как только путем насильственного захвата, так как украинский народ хлеба немцам давать не хотел. Реально создало то положение, которое предсказывал товарищ Сталин, говоря, что «каждый пуд хлеба и каждый кусок металла придется брать германцам с бою, в результате отчаянной схватки с украинским народом». ²³ «Хлебный мир», заключение которого немцы и австрийцы рассматривали как большую победу, превратился в хлебную войну с целым народом.

Немецкие оккупанты хотели подчинить себе все отрасли народного хозяйства Украины; они наложили свою руку на сельское хозяйство, на промышленность, внешнюю торговлю, финансы, транспорт.

В целях планомерного ограбления Украины Германия создала целую систему военно-экономических организаций. Еще до войны в Бер-

²⁰ G. Gratz and R. Schüller. Op. cit., p. 134.

²¹ Kölnische Zeitung, № 259, 18.III.1918.

²² Статья эта была перепечатана в Венской Arbeiter Zeitung, № 165, 20. VI 1918 г.

²³ И. В. Сталин. Соч., т. IV, стр. 47.

лине при военном министерстве был организован «Военно-сырьевой отдел» (Kriegs Rohstoffabteilung), как государственная центральная организация, в задачи которой входило выкачивание продовольствия и сырья из будущих оккупированных областей. Для отдельных видов сырья были созданы многочисленные специализированные картели и акционерные общества, имевшие во время войны разветвленную сеть агентств в оккупированных районах (общества для закупки жиров и масел, кожи, льна, пеньки, хлопка, шерсти, металлов, химических товаров и ряд других). Главной задачей всех этих обществ были реквизиции захваченного в оккупированных районах сырья и доставка его в Германию. Во время войны при разных министерствах и ведомствах были учреждены подобные же параллельные организации. Так, в связи с продовольственным кризисом в мае 1916 г. в Германии было создано специальное Военно-продовольственное ведомство (Kriegs ernährungsamt), находившееся под непосредственным руководством рейхсканцлера. В совет этого учреждения входили представители высших правительственных органов военного командования, а также большое количество частных предпринимателей и экспертов по разным специальностям. В систему военно-продовольственного ведомства входили все центральные управления по снабжению армии продовольствием и сырьем, ему подчинялись также управления снабжением из оккупированных районов Бельгии, Румынии и Польши. Председателем военно-продовольственного ведомства вначале был назначен обер-президент Восточной Пруссии фон Батоцкий, а с августа 1917 г. этот пост «продовольственного диктатора» занимал фон Вальдов, принимавший активное участие в ограблении Украины в 1918 г.

Специально по вывозу продовольствия и сырья из Украины было создано свыше десяти германских и австро-венгерских картелей по закупке сельскохозяйственных продуктов: акционерное общество «Кригсметалл» по поставке украинских металлов германскому военному ведомству, общество «Марганцевая руда», два общества по вывозу табака, организация по вывозу химических товаров и ряд других.

В начале февраля, по сообщению «Франкфуртер Цейтунг», в Германии был создан секретный импортный синдикат для реализации Брестского договора с Центральной радой. Этот синдикат был особенно заинтересован в вывозе из Украины железной руды, жиров, льна и пшеницы.²⁴

Вывоз хлеба из Украины был сосредоточен главным образом в руках Центрального экспортного общества (Zentral-Einfuhr Gesellschaft) и специально созданного им синдиката — Торговое объединение по вывозу хлеба, кормов и семян (Handelsvereinigung f. Getreide — Futtermittel u. Saaten m. b. H.) — с капиталом в 600 тыс. марок, причем 51% этого капиталовложения приходился на долю правительственных учреждений (главным образом следующих: Центрального экспортного общества (ZEG), Государственного хлебного управления (Reichsgetreidestelle), Союза немецких сельских хозяев (Vereinigung der deutschen Landwirte), Военной комиссии по растительным и животным маслам и жирам (Kriegsausschus für Pflanzliche u. Tierische Öle und Fette).

В конце февраля для торговли с Украиной, по инициативе правительственных кругов, в Берлине было основано Общество для внешней торговли (Aussenhandelsgesellschaft m. b. H.). Дирекция общества состояла из восьми крупных промышленников и торговцев. По сообщениям немецких газет, обществу предоставлены были «широкие полномочия». Насколько тесно это общество было связано с правительствен-

²⁴ The Times. London, № 41712, 13. II. 1918, p. 5.

ными кругами, свидетельствует сообщение газет, что «в помещении общества работает сам рейхскомиссар». Правительственным комиссаром общества был назначен директор имперского хозяйственного управления Мюллер. Целью общества, по официальным газетным сообщениям, являлось «развитие германской внешней торговли во время войны и переходного периода — в первую очередь с Украиной».²⁵

В Австро-Венгрии, поскольку она являлась «двуединой» монархией, количество организаций, созданных для захвата украинского продовольствия, было еще больше и состав их был еще более пестрый, чем в Германии.

Руководящую роль здесь играли специальный отдел «Украина» при штабе главного командования австро-венгерской армии и «отдел товарообмена с Украиной», созданный при министерстве иностранных дел после подписания Брестского договора с Центральной радой.

Наряду с ними в этом же направлении действовали австрийские и венгерские министерства торговли и финансов, министерство земледелия, всевозможные продовольственные комитеты и ряд фирм, как, например, «чрезвычайно гибкое» (как его характеризовали сами оккупанты) Восточное торговое объединение (Handelsvereinigung Ost), во главе которого стоял бывший генеральный консул Бальвин, до войны занимавшийся крупными торговыми операциями в России. Фактически же на все эти организации наложило свою тяжелую руку германское верховное командование, без санкции которого австрийцы ничего не могли предпринять. На этой почве между немцами и австрийцами происходили постоянные трения, так как немцы, не стесняясь, забирали себе львиную долю продовольствия.

Таким образом, организацией вывоза из Украины занимались почти все крупнейшие правительственные учреждения Германии и Австро-Венгрии — военное министерство, министерство иностранных дел, министерство торговли, финансов, земледелия, а также всевозможные продовольственные комиссии, военные «централи» и ряд частных торговых предприятий.

Непосредственно после подписания договора с Центральной радой в Брест-Литовске, в феврале 1918 г., в Берлине была заключена целая серия договоров между Германией и Австро-Венгрией о разделе украинского сырья. Еще 4 февраля было подписано австро-германское соглашение о том, что они должны получить одинаковую долю в хлебных поставках из Украины. 21 февраля были подписаны договоры на 44 страницах, с подробным перечислением других продуктов питания и сырья (так, например, были установлены следующие принципы распределения товаров между Австро-Венгрией и Германией: марганцевая руда до 8 тыс. тонн как 1 : 2; лес 1 : 2; нефтепродукты 1 : 2; кожа и дубильные вещества 2 : 3; шерсть 38 : 62; лен 45 : 55; шелк 1 : 2; хлопчатобумажные ткани, невыделанные кожи 4 : 7). Перечисление этих товаров показывает, как основательно немцы собирались грабить Украину и до какой степени детально была разработана программа этого ограбления.

Одновременно «для урегулирования сбора продовольствия» было заключено соглашение о разделе сфер влияния на Украине, по которому Германия оккупировала северные районы, а Австро-Венгрия — южные. Черноморские порты также были поделены: Германия брала себе Николаев и Севастополь и отдавала Австро-Венгрии Одессу и Херсон. Все эти соглашения нисколько не мешали немцам захватывать продоволь-

²⁵ Kölnische Zeitung, № 298, 30.III.1918.

ствие и в районах, официально оккупированных австрийцами. Споры из-за дележа добычи происходили непрерывно, причем немцы, разумеется, третировали австрийцев, а те, в свою очередь, старались урвать для себя как можно больше.

Реализация договора с Центральной радой о вывозе не менее 1 млн. тонн хлеба была поручена генералу Гренеру, начальнику главного штаба оккупационной армии в Киеве. Назначение Гренера, бывшего ранее одним из руководителей Военно-продовольственного ведомства и начальником Военно-полевого железнодорожного управления генштаба, лишней раз свидетельствует о том, какие большие надежды возлагали германские империалисты на получение продовольствия и сырья из Украины.

Гренер разработал детальный план широко разветвленной организации, которая должна была любой ценой беспощадно выкачивать из Украины продовольствие и сырье. Вывоз продовольствия по этому плану должен был производиться объединенной «германо-австро-венгерской экономической делегацией», наподобие созданной немцами в 1915/16 г. в Румынии. По планам германского командования, эта организация должна была осуществлять «продовольственную диктатуру» на Украине, т. е. присвоить себе монопольное право заготовок, распределения и транспорта всего продовольствия и сырья.

6 апреля оккупанты заключили с правительством Центральной рады «соглашение об организации по вывозу зерновых хлебов», на основании которого «Германия и Австро-Венгрия ныне устраивают с согласия украинского правительства Германо-Австро-Венгерскую центральную хозяйственную комиссию в Киеве с филиальными отделениями в губерниях Украины для вывоза зерновых хлебов, стручковых растений и продуктов их переработки, а равно кормовых средств и масличных семян».²⁶

Таким образом, на Украине была создана целая сеть военизированных организаций для вывоза в Германию продовольствия и других продуктов, прежде всего — хлеба. Центральным аппаратом этой системы являлось так называемое «Имперское хозяйственное бюро при германской делегации на Украине» в Киеве.

Это бюро работало под непосредственным контролем верховного военного командования и военного министерства Германии. Последнее имело в Киеве своего специального представителя — майора Михелиса. К бюро были прикомандированы уполномоченный генштаба майор Девитц и представитель группы «по вопросам промышленным, топливным и рабочей силы» — ротмистр Мертон, прославившийся впоследствии своими спекуляциями с газетной бумагой, которую он закупал в Ревеле и по баснословным ценам перепродавал на Украине.

В состав бюро входили также представители от министерств: хозяйства, иностранных дел и финансов. Во главе бюро стоял тайный советник Видфельд, называвший себя «экономическим диктатором Украины». В начале марта 1918 г. Видфельд представил рейхсканцлеру Гертлингу «организационный план» ограбления Украины. По поводу этого «организационного плана» посол Мумм и Видфельд сообщали в Берлин:

«Центральная организация Германии и Австро-Венгрии в Киеве через своих комиссионеров и агентов принимает от украинских органов хлеб, платит за товар, обеспечивает транспорт, работает в украинских

²⁶ О. Н. Андерсон. Внешняя торговля Украины в 1918 г. Киев, 1919. Приложения, стр. 64.

органах через своих представителей и контролирует их... помощников немецких комиссионеров можно назначать из туземного населения». ²⁷ Немецкие оккупанты хотели превратить украинский народ в колониальных «туземцев». О колониальном режиме, который немцы намеревались ввести на Украине, свидетельствует и другой документ, в котором Видфельд подчеркивал что «закупочное общество Украинской кооперации ни в коем случае не должно быть допущено к какой-либо деятельности на Украине». ²⁸ Для осуществления «организационного плана» на Украине в системе «имперского хозяйственного бюро» был создан ряд «централей» по заготовке отдельных видов товаров. Эти «централы» посредством агентов на местах и при поддержке оккупационных войск должны были приступить к «заготовкам» хлеба и сырья и отправке их в Германию. Основными были две «централы»: «Хозяйственная централь» (Wirtschaftszentrale) и «Централь сырьевых продуктов» (Rohstoffzentrale); первая была призвана «регулировать» все хлебные поставки. Для руководства этой организацией был назначен крупный чиновник — заместитель статс-секретаря и начальник государственного хлебного управления (Reichsgetreidestelle) Германии фон Гревениц. Назначение Гревеница, возглавлявшего центральный аппарат по снабжению хлебом в Германии, так же как и назначение Гренера, занимавшего ранее руководящие посты в военно-продовольственном ведомстве и транспортном управлении, свидетельствовало о том, что получению хлеба из Украины придавалось решающее значение в руководящих сферах Берлина. Для Гревеница характерно, что люди, близко стоявшие к нему, говорили: «Каждое слово его надо записывать, лучше с ним говорить при свидетелях, иначе отречется». ²⁹ Гревениц на одном из заседаний комиссии по экспорту хлеба заявил представителям Центральной рады: «Государственная жизнь на Украине регулируется тем, что делают для этого центральные державы, и нельзя ставить интересы Украины на первое место».

«Централь сырьевых продуктов» была органом Отдела военного сырья германского военного министерства. В задачи ее входило выкачивание из Украины всякого рода сельскохозяйственного и промышленного сырья. В этой организации работало около 200 человек, причем 80 из них находились в Киеве, а 120 были разосланы по районам Украины. Во главе этой «централи» стоял бывший белостокский фабрикант «капитан» Клейнов. Надо отметить, что для работы в экономических организациях немцы перебросили на Украину опытных выжимал — многих из своих представителей, находившихся при германских войсках в Румынии и приобретших там большой опыт в ограблении оккупированных стран. Направлялись также на Украину люди, «знакомые с русскими условиями», т. е. немецкие фабриканты и купцы, имевшие до революции свои предприятия в царской России и рассчитывавшие возобновить свою деятельность; к последним относились, например, «капитан» Клейнов и некий Дейчман, бывший совладелец акционерного общества Шанкс и К^о в Москве, командированный в марте 1918 г. министерством хозяйства в Киев в распоряжение германской делегации, где он оказался «чрезвычайно полезным, благодаря своей исключительной деловитости, и неоднократно оказывал ценные услуги также и посольству», — как сообщалось в одном из донесений посла Мумма рейхсканцлеру Гертлингу. ³⁰

²⁷ Крах германской оккупации на Украине, стр. 86.

²⁸ Там же, стр. 88.

²⁹ О. Н. Андерсон. Указ. соч., стр. 104.

³⁰ Крах германской оккупации на Украине, стр. 105—106.

Около «Центральной сырьевых продуктов» группировались представители многочисленных германских и австро-венгерских синдикатов и акционерных обществ по отдельным видам товаров, как, например: 1) Общества по закупке марганцевой руды и ферро-марганца, 2) Акционерного общества по покупке металлов для военных целей — меди, латуни, бронзы, алюминия, никеля, вольфрама и др., 3) Европейского торгового общества по скупке шерсти и волоса, 4) Общества по вывозу тряпья, марли, веревок, шпагата и др.

Таким образом, «Централь сырьевых продуктов» имела целью захват не только всех источников природных богатств Украины, но и всего привозного сырья (как, например, медь и ее сплавы, некоторые металлы, сера, резина и пр.), а также ряда товаров, вывоз которых в довоенное время превышал их ввоз (белая жесть, пряжа, шерстяные ткани и другие текстильные изделия). Один из участников украинской экономической делегации писал по этому поводу: «Не подлежит никакому сомнению, что если бы деятельность централи не была прервана в самый разгар изменившейся политической обстановки, она в течение года очистила бы Украину от всего интересовавшего германцев сырья, не производимого в стране, и сильно урезала бы внутреннее потребление сырья, производимого в ней (табак, пенька и пр.). Украину ожидала бы в этом случае судьба Бельгии, Польши или Болгарии». ³¹

Кроме этих двух основных «центральных», на Украине были организованы бесчисленные бюро по контролю промышленности Украины: бюро по добыче руды, угольное бюро, бюро по топливу и смазке, финансовое бюро, экспедиционная контора, железорудное управление и др. Все эти «бюро» были военизированы и с помощью реквизиций и карательных отрядов самым беспощадным образом грабили Украину, так что барон Мумм, в качестве дипломата считавший нужным проявить большую «дальновидность», в одном из своих донесений министру иностранных дел писал: «Полагаю, что у нас думают не о том, чтобы сразу выжать из Украины все, как из Бельгии, а о том, чтобы укрепить постоянное экономическое влияние в интересах Германии». ³²

Германские «централи» развернули по всей Украине целую сеть своих филиалов и агентств, которые при поддержке оккупационных войск занимались ограблением страны. Во всех губернских городах — Киеве, Харькове, Полтаве, Чернигове, Одессе, Екатеринославе, Житомире — были открыты «главные конторы», которые имели сеть филиалов по губерниям. Так, главная контора в Киеве имела филиалы в Умани, Белой Церкви, Бердичеве; главная контора в Харькове — филиалы в Старобельске, Сумах, Изюме, Купянске, Белгороде; главная контора в Екатеринославе — филиалы в Александровске, Мариуполе, Пятихатке, Николаеве; главная контора в Чернигове — филиалы в Гомеле, Конотопе; главная контора в Полтаве — филиалы в Лубнах, Ромнах, Кременчуге; главная контора Херсонской губ. находилась в Одессе и имела филиалы в Николаеве, Херсоне, Елисаветграде; главная контора Таврической губ., находившаяся в Мелитополе, — филиалы в Бердянске, Каховке, Знаменке, Каменке, Олешках, Скадовске; главная контора в Житомире имела филиал в Ровнах, главная контора в Виннице — филиал в Балте. ³³

Следует отметить, что в немецкой литературе совершенно отсутствуют материалы об административном аппарате, созданном оккупантами

³¹ О. Н. Андерсон. Указ. соч., стр. 216.

³² Крах германской оккупации на Украине, стр. 90.

³³ Там же, стр. 99—100.

на Украине. Хотя после войны в плане издания Карнеджи были предусмотрены работы на эту тему, но немецкие издания, включенные в этот план, не вышли в свет, и по вопросу об администрации на Украине появились австрийские материалы, в которых имеются и некоторые сведения о германском аппарате.

Насколько обширен и громоздок был экономический аппарат, созданный для эксплуатации Украины, видно из книги начальника военно-продовольственного ведомства Австро-Венгрии, генерала Ландвера, который писал: «В течение некоторого времени я испытывал сильное желание выехать в Киев... Однако то обстоятельство, что там уже и так было представлено слишком много всяких ведомств, удержало меня. Ведь там работало командование II армии, оба правительства были представлены, комиссия мининдела прибыла туда с целым штатом специалистов... Кроме того, я имел на Украине свое собственное представительство под руководством очень дельного полковника генштаба Крейейза». ³⁴

В качестве австро-венгерского генерал-квартирмейстера в Одессу был направлен генерал Зандлер, «пользовавшийся репутацией энергичного и опытного в области снабжения генерала». ³⁵

Неоднократные приказы верховного командования о всемерном форсировании поставок хлеба из Украины заставило командование австро-венгерской армии разделить оккупированную ею территорию на два больших «заготовительных» района: первый в Подолии, с центром в Жмеринке, где находился штаб XXV австрийского корпуса, и второй — в Херсонской губернии, с центром в Херсоне, где находился штаб XVII корпуса. Каждый из районов, занятых указанными корпусами, был разбит на мелкие заготовительные районы, которым предоставлялись войска и транспорт. Заготовка продовольствия была здесь уже непосредственно возложена на оккупационные войска, которые должны были закупать товары в глубинных районах, поблизости от определенных железнодорожных станций, затем доставлять грузы на станцию, где уже были созданы специальные пункты по дальнейшей отправке их в Германию. ³⁶ Однако и эта мера, как и все прочие не помогла.

В середине марта в Киеве начались «переговоры» между представителями германского правительства и Центральной радой о заключении экономического соглашения. Во время первого же «полуофициального» совещания 19 марта германские представители Мельхиор и Конке предъявили требования о немедленном вывозе продовольствия в Германию и в первую очередь 300 тыс. тонн (18 млн. пудов) хлеба и 2 млн. пудов сахара в месяц. Одновременно с началом переговоров в Киеве выяснилось, что немцы начали вывозить продовольствие из Украины целыми поездками под видом «военной добычи». Во время переговоров на имя украинской делегации со всех концов Украины поступали многочисленные жалобы на насильственный вывоз больших партий разных товаров в Германию и Австро-Венгрию, на захват украинского имущества и незаконные реквизиции.

Выступления германских и австрийских представителей во время экономических переговоров носили исключительно наглый характер; они сразу присвоили себе тон «колониальных резидентов», хотя самый факт переговоров должен был создавать видимость «добрососедских политико-экономических отношений», необходимых «для общественного

³⁴ Landwehr. Hunger. Die Erschöpfungsjahre der Mittelmächte 1917—1918. Zürich — Leipzig — Wien, 1931.

³⁵ Die Ursachen des deutschen Zusammenbruches im Jahre 1918. Berlin, 1925.

³⁶ H. Kerchnawe. Op. cit., S. 372.

мнения нейтральных и враждебных стран», как доносил Мумм в министерство иностранных дел.

На заседании 29 марта Мумм, совмещавший должность германского посла и председателя «экономической делегации», развил во всех деталях разработанный германским командованием «организационный план» ограбления Украины, а именно — создание на Украине германского продовольственного аппарата с отделениями во всех губерниях, который контролировал бы работу украинского аппарата и, таким образом, фактически захватил бы в свои руки всю заготовку и распределение продовольствия и сырья. Австро-венгерский посол граф Форгач подчеркнул, что украинцы при поставке продовольствия Германии и Австро-Венгрии должны «работать с максимальной энергией, несмотря ни на какие препятствия». ³⁷ При этом Форгач открыто заявил, что Украине нечего рассчитывать на получение промышленных товаров из Германии и Австро-Венгрии, обусловленных Брестским договором, так как «доставка готовых продуктов сельского хозяйства — дело совсем другое, чем доставка машин и орудий, которые еще нужно изготовить». Другой член германской делегации, заместитель председателя военно-продовольственного ведомства, фон Браун (специально выехавший на Украину для выяснения возможностей получения хлеба в связи с вставшим в Берлине вопросом о снижении хлебного пайка) решительно заявил, что у центральных держав «нет никаких излишков, ни аршина, ни пуда», но упорно требовал доставки 60 млн. пудов хлеба.

На заседаниях 4 и 5 апреля, на которых делегация Рады, продолжая свою предательскую политику, согласилась на создание немецкой «хозяйственной централи», немцы предъявили новое требование: о воспрепятствии Украине продавать свой хлеб другим государствам до полного окончания поставки 1 млн. тонн центральным державам. Это требование было явно направлено против Советской России. Правительство Рады, опасаясь оглашения этого пункта среди украинского населения, предложило оформить его секретным протоколом, так как боялось внести его в официальный текст договора.

11 апреля премьер-министр правительства Рады Голубович специальной нотой известил германского посла Мумма, что он согласен на то, чтобы до поставки обещанных центральным державам 60 млн. пудов хлеба Украина вывозила хлеб в другие страны только с согласия Германии и Австро-Венгрии. 16 апреля этот пункт, характеризующий наглую колониальную политику Германии и всю глубину предательства Центральной рады, был оформлен специальным дополнительным соглашением. ³⁸

Для осуществления требования немцев германской «хозяйственной централи» предоставлялось право контроля над всеми украинскими таможнями.

Во время переговоров, 7 апреля, был поднят также вопрос о вывозе марганцевой и железной руды, меди, олова, цинка, ртути, кожи, мануфактуры и даже леса.

Грабительский характер всех этих требований ясен и без специальных объяснений. Особенно ярким примером здесь может служить притязание на поставку больших количеств леса, который Украина сама раньше ввозила, главным образом из Белоруссии. В момент же переговоров Белоруссия была оккупирована немцами, и мало того, что они вывозили весь лес из Белоруссии и запретили отправку его на Украину,

³⁷ О. Н. Андерсон. Указ. соч., стр. 32 и 39.

³⁸ Крах германской оккупации на Украине, стр. 86.

они еще требовали поставки больших количеств леса и из Украины. На другом заседании, 12 апреля, представители Германии потребовали, чтобы обувь для украинского населения производилась на деревянных подошвах, а кожу «предоставить для потребностей населения центральных держав... Население центральных держав, не получив из Украины кож, разочаруется в своих надеждах на мир с Украиной, и, чтобы избежать этого, Украина должна не менее $\frac{1}{6}$ части своего общего производства кож (т. е. 300 тыс. шкур) пожертвовать для центральных держав».³⁹

Приведенные примеры и выдержки достаточно иллюстрируют цели, которые ставили себе германские империалисты во время «экономических переговоров» в Киеве.

Эти цели сводились к экономическому порабощению Украины, превращению ее в германскую колонию и выкачиванию из нее всего того сырья, которое вообще только было возможно выкачать.

В результате длительных заседаний «смешанной комиссии» из представителей Германии, Австро-Венгрии и Центральной рады был составлен длинный список номенклатуры и количества товаров, которые немцы намеревались вывезти из Украины, начиная с зерна и кончая марганцевой рудой.

9 апреля было подписано соглашение о поставке правительством Центральной рады центральным державам 60 млн. пудов хлеба и хлебных продуктов, фуража, стручковых продуктов и семян, в том числе масличных, в следующие сроки:

6 млн. пудов — до 30 апреля 1918 г.; 21 млн. пудов — до 31 мая; 41 млн. пудов — до 30 июня и 60 млн. пудов — до 31 июля.

Кроме того, специальными соглашениями от 11 и 13 апреля Центральной рада обязалась поставить Германии до 31 июля 1918 г. 400 млн. штук яиц и 2 750 тыс. пудов рогатого скота живым весом, а до окончания посева, т. е. до 30 мая, — 1 500 тыс. пудов картофеля и неограниченное количество овощей, свежих и сухих.⁴⁰

Но после того как протоколы были подписаны, оказалось, что теоретические калькуляции генерала Гренера не так-то легко было реализовать на практике. «Блестящая организация», столь грандиозная по своему замыслу, дала исключительно жалкие результаты. Сопротивление украинского народа было настолько сильно, что немцам не только не удалось захватить излишки урожая 1917 г., но в перспективе была и потеря урожая 1918 г., так как крестьяне не хотели засеивать полей для немцев. 10 апреля 1918 г. Эйхгорн издал свой «злосчастный» (так называли его потом сами оккупанты) приказ о весеннем севе. Приказ не только восстанавливал помещичью собственность на землю, но и обязывал земельные комитеты и крестьян доставлять помещикам лошадей, земледельческие орудия и семена для посева. Лица, виновные в неподчинении приказу, предавались военному трибуналу оккупантов.

Приказ Эйхгорна о весеннем севе проводился в жизнь насильственным путем с помощью германских войск. Последовавший затем 25 апреля 1918 г. его же приказ о введении военно-полевых судов, согласно которому «все проступки против общественного порядка, все уголовные преступления, как и все преступные деяния против германских войск и союзных войск, так и всех лиц, принадлежащих к ним, подлежат исключительно особому германскому полевому суду»,⁴¹ вызвал

³⁹ О. Н. Андерсон. Указ. соч., стр. 41—42.

⁴⁰ Там же, Приложение, стр. 65—76.

⁴¹ Крах германской оккупации на Украине, стр. 52.

новую волну восстаний против оккупантов. Нападения на немецкие посты, охранявшие железнодорожные станции, мосты и депо, все более учащались. Если немцам и удавалось нагрузить поезд,— его взрывали партизаны. В немецких солдат стреляли, внезапно на них нападали.

Германские войска на Украине с невероятным ожесточением развили систему грабежа, вооруженного насилия и беспощадного подавления малейшего проявления протеста украинских рабоче-крестьянских масс. «Заготовительными операциями» реально занимались не «хлебные бюро», а штабы оккупационных войск. Таким образом, вся экономическая политика оккупантов сводилась к захвату хлеба в украинской деревне вооруженной силой.

Реквизиционные отряды, высылавшиеся в помощь «хлебным бюро», забирали у крестьян весь хлеб, не оставляя его в селах даже в минимальном количестве, необходимом для населения. Появляясь в украинской деревне, немецкие войска забирали не только хлеб, но и приступали к поголовной реквизиции «всего, что поценнее». Практика их обычно была такова: прежде всего они устанавливали на площади или на колокольне сельской церкви пулемет и под угрозой обстрела начинали насильно забирать у крестьян продовольствие.

Если продовольствие не сдавалось в требуемом количестве, по деревне открывали пулеметный огонь.

Когда в одном селе — Мытинцы Улановской волости — крестьяне потребовали от оккупантов квитанции за реквизированных лошадей, офицер, указав на наведенный на село в полной боевой готовности пулемет, ответил: «Вот это тебе квитанция», и приказал солдатам учинить в селе погром.

В других местах делали иначе: приезжали в деревню, оцепляли ее, собирали всех жителей и начинали экзекуцию: били палками из колючего дерева, превращая тело в сплошную рану, потом требовали снести все оружие и в довершение всего накладывали контрибуцию в несколько тысяч рублей, предварительно забрав весь хлеб и скот. Во многих селах отнимались серпы и косы. Забирали весь молочный скот, весь посевной материал, даже печеный хлеб, так что в крестьянском хозяйстве не оставалось ничего.

15 марта на заседании Малой рады по вопросу о ратификации Брестского мира один из ораторов так характеризовал положение в стране: «Производится реквизиция хлеба. Сплошной крик несется из деревень и усиливается во всех частях Украины».⁴²

Целый ряд документов устанавливает, что население со времени вступления немецких войск подвергалось ужаснейшему режиму, беспрерывным насилиям и издевательствам.

Днем и ночью рыскали немецкие разбойники, совершая набеги на украинские села: забирали хлеб, скот, фураж, врывались в крестьянские дома, разбивали сундуки, грабили деньги, ценные вещи, всякую одежду, домашний скарб.

Из уездов в губернские центры шли бесконечные запросы и жалобы на страшный произвол германских войск. Так, 21 марта Никольско-Борщаговская волостная управа обратилась с запросом к коменданту Кисва, атаману Пресовскому: «На каком праве вошли немецкие части в пределы Киевского уезда? Имеют ли право они производить реквизиции без уплаты и налагать продовольственную подать на мирное население... В газете объявлено,— говорилось далее в запросе,— что не-

⁴² «Киевская Мысль», № 28, 19.III.1918.

мецкие части вошли для установления порядка на Украине, между тем немецкое войско берет у крестьян лошадей, свиней, кур, гусей без всякого разговора применяя один разговор штыка». Сообщая об этих фактах, управа просила защитить ни в чем неповинное мирное население и принять меры к ограждению крестьян от самочинных грабежей немецких войск.⁴³

Будаевская волостная управа Киевского уезда 22 марта сообщала киевскому уездному комиссару Центральной рады, что появление немецких войск с реквизиционными целями создало среди населения панику и вызвало вооруженные выступления. В деревне Мархлевка был убит солдат из немецкого реквизиционного отряда, после этого в Мархлевку был направлен немецкий карательный отряд, и, в результате, из деревни было вывезено все продовольствие, фураж, скот и все, что убежавшее население не успело вывезти. Среди жителей деревни было много убитых, раненых и избитых, а застигнутое в деревне мужское население было уведено в немецкий штаб, откуда направляли на принудительные работы в Германию.

Приводим здесь полностью одно из наиболее характерных донесений подобного рода:

«Заявление председателя Хотовской волостной народной управы Киевскому уездному комиссару Центральной рады. 13 марта 1918 г.

Заявление

Дней шесть, как германские войска расквартировались в районе Хотовской волости, особенно в с. Гатном, и приступили к самочинному ограблению крестьянского имущества, как-то: хлеба, овса, сена и съестных припасов; забирают все бесплатно. В одиночку и по два человека являются по всем селам, представляют непонятные, на немецком языке, требования, по-русски совершенно не умеют говорить, и лишь указанием требуют сена, овса, соломы, в чем, собственно, сами крестьяне крайне нуждаются; все это забирают самоправно и без всякой платы, убивают и забирают свиней, обращаются очень грубо и с угрозами.

Ввиду таких бедствий, чинящихся германскими войсками, я прошу Вас, милостивый государь, принять зависящие меры к прекращению злочинств.

Председатель Хотовской волостной народной управы Хабенец».⁴⁴

В начале марта при бандитском нападении на село Качановку на Черном Шляху, Литинского уезда, Подольской губ. оккупантами было сожжено более 400 дворов. Когда литинский уездный комиссар Бачинский в сопровождении начальника уездной милиции и двух свидетелей из местных жителей прибыли на место, где стояло село Качановка, их взорам представилась ужасающая картина: пожарище еще дымилось, во дворах, среди обугленных балок, куч угля и глины, валялись обгорелые трупы, в немногих уцелевших от пожарища домах стояли гробы с покойниками, трупы которых носили следы диких зверств; так, например, в хате Бруня лежал в гробу труп солдата Карпа Бруня 30—35 лет со следами штыковых ран на теле: «Одна рука покойника была обожжена, поднята вверх, кулак сжат, он как бы защищался.

⁴³ Киевский Областной исторический архив, ф. Никольско-Борщаговского волостного управления, 1918, д. 9, л. 39. Опубликовано в кн.: Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 г., под ред. И. И. Минца и Е. Н. Городецкого, М., 1942, стр. 22.

⁴⁴ Киевский Областной исторический архив, ф. Киевского повитового комиссара УНР, 1918, д. 187, л. 17.

В другом доме был обнаружен обгорелый, обугленный труп украинского крестьянина Никиты Марцинюка около 50 лет. Немцы закололи его штыком, а затем сожгли». ⁴⁵

Таких примеров и фактов можно было бы привести великое множество. В архивах Украины хранятся обширные дела с подобными донесениями о немецких зверствах на Украине в 1918 г.

9 апреля в Киеве состоялось пленарное заседание губернского земского собрания, на котором были сделаны информационные доклады с мест, освещавшие земельный и продовольственный вопросы. Особый интерес представляло обсуждение вопроса о том, как относиться население к власти Центральной рады и к немцам... Докладчик от Бердичевского уезда Миронов так охарактеризовал положение в уезде: «Продовольственное дело с приходом немцев не улучшилось. Расчеты относительно хлебных запасов оказались крайне преувеличенными. Поступление хлеба и фуража крайне слабое. Власть в уезде не опирается на общественные организации... Налоги, не взирая на угрозы суровыми наказаниями, не поступают...». Содокладчик Миронова, гласный Гайдученко сказал, что «когда большевики ушли и появился первый немецкий эшелон, население стало спрашивать, как и для какой надобности были вызваны немцы... Крестьяне заволновались... Последовавшее затем распоряжение о необходимости засеять помещицы земли крестьяне истолковали так: «Мы засеем, а воспользоваться урожаем нам не дадут...» — и засеять отказывались».

Гласный Перельман от Васильковского уезда сообщил: «После ухода большевиков явился немецкий авантюрист Кейхель, который стал насаждать порядок... Другой немецкий администратор, фон Дитман, затребовал для себя автомобиль и мягкую мебель. Автомобилей не могли найти, и он удовлетворился мягкой мебелью. Начались аресты, причем в тюрьму заключались невинные...».

В терлецкий винокурный завод был послан карательный отряд, конфисковавший у местных крестьян огромные суммы, которые фон Дитман безотчетно присвоил себе. Фон Дитман приблизил к себе «общественных деятелей» — местных сахарозаводчиков и отставных чиновников. Такова была «деятельность» немецких «администраторов» на Украине.

Заявления эти показывают, что не только широкие массы украинского населения, но и многие представители местных властей из аппарата Рады возмущались режимом немецких оккупантов.

С первых же шагов хозяйничанья оккупантов на Украине все население наглядно убедилось, что германские империалисты, опустошавшие страну, спешно вывозившие хлеб и металл, угонявшие скот, отнимавшие у трудящегося народа все, что имело малейшую ценность, обрекали народ Украины на голодную смерть.

Первые вооруженные выступления украинских партизан против немцев начались в Киевской губернии. В Киеве помещался германский главный штаб. Оккупационный режим проводился здесь с удвоенной жестокостью, крестьяне Киевщины первые почувствовали на себе всю тяжесть грабежа немецких войск и карательных экспедиций. Беспощадные реквизиции всего зерна германскими войсками, в том числе и семян, особенно возмущали крестьян. Население требовало от продо-

⁴⁵ Центральный Государственный исторический архив УССР. Харьков, ф. Подольского губернского старосты, дело «О польских легионах», 1918, л. 117. Опубликовано в кн.: Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 г., стр. 18, 19—20.

больственной управы и местных органов Центральной рады возвращения семян. Характерно в этом отношении донесение киевского уездного комиссара Центральной рады киевскому губернскому комиссару и директору административного департамента министерства внутренних дел от 13 апреля 1918 г. В этом донесении отмечается, что в связи с грабежами и насилиями немцев «население перестает верить властям и надеяться на какую-нибудь защиту». Вследствие этого села вокруг Киева готовятся к вооруженному выступлению против немцев. «В последнее воскресенье, — сообщал в своем донесении киевский уездный комиссар Центральной рады, — под влиянием большевиков должно было начаться восстание в селе Петропавловская Борщаговка и не произошло только по причине отсутствия объединяющих руководителей». «Должен открыто сказать, — заканчивал свое донесение комиссар Рады, — что в конце концов население будет к этому вынуждено, так как самопродовольствие германской армии в голодной части уезда, лишенной зерновых семян, без участия продовольственных органов невозможно. Скрасить же горе продовольственные органы не могут».⁴⁶

Центральный Исполнительный Комитет Советов Украины, избранный на Втором Съезде Советов Украины в Екатеринославе 17—19 марта 1918 г., манифестом призвал рабоче-крестьянские массы к подготовке восстания против иноземных поработителей. Был организован «Комитет восстания» из девяти членов ЦИК. Остальные члены ЦИК разъехались по Украине и организовали сеть волостных, уездных и губернских комитетов (ревкомов) для руководства всей повстанческой работой. При каждом ревкоме имелся военный штаб, занимавшийся формированием боевых отрядов, которые должны были уничтожать немецкие войска, особенно реквизиционные и карательные, взрывать железные дороги накануне провоза неприятельских эшелонов, уничтожать боевые запасы и грузы с награбленным добром.

18 апреля ЦИК Украины, находившийся тогда в Таганроге, избрал повстанческий Народный Секретариат Украины для организации вооруженного восстания. Основной задачей Народного Секретариата была организация распыленных сил повстанцев, создание сети штабов и военно-революционных комитетов. Эту работу приходилось проводить в чрезвычайно сложной обстановке подполья в период немецкой оккупации. Народный Секретариат имел два основных отдела: отдел военный и отдел связи. Задачей военного отдела была организация сети военно-революционных комитетов и специальных военных штабов при них. Отдел связи должен был поддерживать теснейшую связь с рабоче-крестьянскими массами Украины для организации и подготовки восстания. С этой целью Народный Секретариат выпустил «Краткое руководство к образованию Военно-Революционных комитетов», в котором содержался ряд чрезвычайно ценных указаний тактического, организационного и технического характера. В результате героической работы подпольного партийного актива к середине лета на территории Украины была создана сеть военно-революционных комитетов и штабов.

При военно-революционных комитетах были образованы отделы: политический, военный, финансовый, организационный, при некоторых имелись полевые и летучие штабы. В тех местах, где комитетов не было, имелись доверенные лица. Центральный штаб и военные отделы на местах проводили большую работу по обеспечению повстанческих отрядов оружием и военными материалами.

⁴⁶ Киевский Областной исторический архив, ф. Киевского повитового комиссара УНР, д. 183, л. 125.

Уже с момента появления оккупантов на территории Украины начались крестьянские восстания — то были первые искры разгорающегося пожара освободительной войны.

II

24 марта австро-венгерский посол Форгач телеграфировал министру иностранных дел Чернину следующую информацию о положении дел на Украине:

«Влияние Рады на селе равно почти нулю, большинство крестьян сочувствует большевикам, ожидают раздела земли, разгромили большие поместья, захватили скот и инвентарь и отказываются обрабатывать поля в больших имениях до раздела земли... Отношение к нашим войскам недоверчивое, явно враждебное, продовольствие сдавать отказываются. Они, конечно, имеют продовольствие для экспорта, но получить его будет нелегкой работой». ⁴⁷

Точных сведений о количестве вывезенного хлеба и других продуктов из Украины за этот период не имеется. Те цифры, которые приводятся в литературе, показывают, что эти количества были ничтожны. Так, по австрийским материалам, «несмотря на все усилия» до 14 апреля лишь 1 600 вагонов продовольствия было отправлено по железной дороге из Украины в Австрию. ⁴⁸ По сведениям из английских источников, к концу апреля «посредством угроз, насилий, реквизиций, подкупов и других способов вымогательств» немцы захватили на Украине около 100 тыс. тонн хлеба, согласно официальным немецким отчетам, и гораздо меньше — по неофициальным австрийским признаниям. ⁴⁹

Таким образом, в апреле, в один из самых решающих для германской армии моментов — к началу весеннего наступления во Франции, о котором Гертлинг писал: «Было совершенно ясно, что речь шла о том, быть или не быть», ⁵⁰ явственно обозначилось, что авантюра на Украине не удалась; нужного количества хлеба получить здесь оказалось невозможным, сила германского оружия была недостаточной, и не только не представлялось возможным перебросить войска с Украины на Запад, но для получения хлеба немецкие генералы требовали присылки дополнительных частей на Украину.

Создавшееся на Украине положение обнаружило глубокие внутренние противоречия германского империализма и бессилие германской армии, несмотря на всю ее кажущуюся мощь. Противоречия состояли в том, что, с одной стороны, для того, чтобы выкачать хлеб, столь необходимый для наступления на Западном фронте, на Украине нужны были дополнительные оккупационные войска, так как имевшейся там 500-тысячной армии оказалось недостаточно, чтобы подавить сопротивление украинского крестьянства, с другой стороны, для того же весеннего наступления не хватало войск, и вставал вопрос о переброске их с Украины на Запад. Германские империалисты с самого начала стремились полностью восстановить на Украине власть помещиков и капиталистов. Дальнейшая игра с Радой, которая уже сыграла свою роль ширмы для первого этапа вторжения немцев на Украину, оказалась излишней, и Рада была разогнана теми же германскими штыками, которые в феврале привели ее к власти.

⁴⁷ G. Gratz and R. Schüller. Op. cit., p. 134.

⁴⁸ Ibid., p. 136.

⁴⁹ The Times, London, № 41782, 6.V.1918, p. 9.

⁵⁰ K. Hertling. Ein Jahr in der Reichskanzlei. Freiburg u. Breslau, 1919.

В первых числах апреля германское командование, убедившись в срыве хлебных поставок и в полном бессилии Рады подавить сопротивление широких масс, решило заменить ее новым марионеточным правительством, из представителей крупных помещиков и капиталистов, с помощью которых немцы надеялись добиться форсирования вывоза хлеба.

Глубокий анализ причин падения мелкобуржуазной Рады дал товарищ Сталин. «По моему мнению,— указал он,— этот переворот был неизбежен. Причина его коренилась в противоречивой позиции Центральной рады, которая, с одной стороны, играла в социализм, с другой — призвала иноземные войска для борьбы с рабочими и крестьянами Украины. Центральная рада поставила себя в финансовую и военную зависимость от Германии и в то же самое время надавала кучу обещаний украинским рабочим и крестьянам, с которыми вскоре начала упорную войну. Этим своим последним шагом Украинская рада создала для себя такие условия, что в критическую минуту натиска на нее буржуазно-помещичьих кругов ей не на кого было опереться».⁵¹

В середине апреля германское командование договорилось с крупным украинским помещиком, бывшим генералом царской армии Скоропадским о провозглашении его «гетманом». Рада нужна была еще на несколько дней для подписания нового договора о поставках хлеба, продовольствия и сырья, по поводу которых в Киеве велись длительные переговоры.

23 апреля договор об ограблении Украины между Германией и Центральной радой был подписан. По своему содержанию он объединял в себе все подписанные в апреле «протоколы» с различными дополнениями. Основным условием была поставка до 31 июля 1918 г. 60 млн. пудов хлеба и продуктов его обработки, кормовых веществ, стручковых растений, семян и масличных растений, 400 млн. штук яиц, 2 750 тыс. пудов живого веса рогатого скота. Кроме того, по специальному соглашению от 21 апреля, правительство Рады обязалось поставлять Германии 300 вагонов специальных сортов леса ежемесячно и 37.5 млн. пудов железной руды. Обусловленная в договоре поставка железной руды в размере 37.5 млн. пудов также является одним из наглядных примеров чудовищно хищнических appetитов немецких оккупантов, так как до войны весь экспорт железной руды из России составлял 29 млн. пудов. По поводу вывоза марганцевой руды в соглашении говорилось: «Украинское правительство обязуется в согласии с центральными державами... принять все необходимые меры к тому, чтобы центральные державы получили возможно большее количество марганцевой руды из Никопольского района». Этим же соглашением предусматривался вывоз льняной соломы, конопли, тряпья, старого железа и ряда других товаров. В договоре также было зафиксировано создание Германией в Киеве «хозяйственной централи», с отделениями во всех губерниях Украины, для вывоза зерна, стручковых растений, кормовых веществ, семян, масличных растений и прочих продовольственных продуктов. На этом миссия Центральной рады, игравшей роль политической ширмы для оккупантов, была закончена. Правительство Рады было отброшено, чтобы уступить место новой немецкой креатуре — «гетману» Скоропадскому.

В день подписания договора, 23 апреля, вечером у Гренера состоялось совещание, на котором были вынесены решения о «политической и военной деятельности на Украине». Основными пунктами новой про-

⁵¹ И. В. Сталин. Соч., т. IV, стр. 84.

граммы было введение германских военно-полевых судов на Украине и полное восстановление помещичьего землевладения. «Необходимо разрешить аграрный вопрос путем восстановления права собственности и оплаты крестьянами полученной ими земли. При этом необходимо сохранить крупные поместья в интересах повышения экспортных возможностей сельского хозяйства», — говорилось в протоколе этого совещания.⁵²

В подготовке гетманского переворота активное участие принимали украинские и польские помещики, до революции владевшие огромными латифундиями на Украине.

В конце апреля в Одессе состоялся съезд крупных земельных собственников по вопросу об «аграрной политике» нового правительства, т. е. о реставрации помещичьего землевладения. После закрытия съезда крупные землевладельцы — Сухомлинов, Релих, Келлер, Келлеповский и Фингергут — посетили командующего австро-венгерскими войсками генерала Бем-Эрмоли и ходатайствовали о защите своих интересов. Они настаивали на немедленном разоружении деревни, на роспуске земельных комитетов. Помещики заявили австрийскому генералу, что они возвратились в свои «гнезда» в надежде на иноземные войска, но во многих случаях пали жертвой своей «неосторожности»: за короткое время было вырезано несколько десятков помещичьих семейств.⁵³

В тесном сотрудничестве с германским командованием находились и польские помещики — граф Друцкой-Любецкой, граф Потоцкий, граф Грохольский и др. Они усиленно выдвигали кандидатуру Скоропадского и рекомендовали его германскому командованию. В начале апреля группа польских помещиков подала заявление командованию II австро-венгерской армии и министру по делам Галиции Твардовскому: они требовали восстановления крупной земельной собственности, широкой материальной помощи, обезоружения крестьян и беспощадной борьбы с повстанческим движением. За это помещики обещали немцам выполнение в срок договора о хлебных поставках. Граф Грохольский и другие польские помещики жаловались германскому командованию на свое «отчаянное положение: между ними и вооруженными украинскими крестьянами ведется настоящая война». Грохольский разработал даже для оккупационных властей план «восстановления порядка». Для этого он считал нужным, чтобы в каждом уезде Украины действовала примерно тысяча солдат сомкнутыми колоннами, с пулеметами. Так как на побережье Днепра было 36 уездов, то, по вычислениям Грохольского, для этого достаточно было бы 36 тыс. человек.⁵⁴

24 апреля Гренер заключил формальное соглашение со Скоропадским. Ему было поручено «восстановить порядок» и, прежде всего, восстановить право частной собственности на землю, — это было одним из основных условий договора германского командования со Скоропадским, так как, отняв землю у крестьян и передав ее помещикам, немцы надеялись получить больше хлеба. Сельские комитеты должны были быть распущены и все «нежелательные элементы» устранены из административных органов. Другими условиями этого договора были: установление германских полевых судов в соответствии с приказом Эйхгорна от 25 апреля 1918 г.; введение на Украине германского закона о натуральных повинностях в военное время.⁵⁵ Было также оговорено, что

⁵² Крах германской оккупации на Украине, стр. 49—50.

⁵³ «Киевская Мысль», № 66, 3.V.1918.

⁵⁴ Крах германской оккупации на Украине, стр. 39—40.

⁵⁵ Германский «Закон о натуральных повинностях в военное время» предоставлял военным властям право по собственному усмотрению налагать обязательные повин-

Украина обязуется выплатить Германии компенсацию за «военную помощь». Детали этого пункта должны были быть разработаны в специальном военном договоре. Наконец, один из пунктов договора германского командования со Скоропадским гласил: «Все препятствия, которые до сих пор мешали выполнению договора о поставке хлеба, устраняются, новые препятствия чиниться не будут».⁵⁶

Скоропадский в письменной форме «торжественно признал» предъявленные немецким командованием требования и заявил, что «считает своим священным долгом взять на себя все обязательства Брестского мирного договора». Так говорилось в приказе Эйхгорна, разосланном главнокомандующему Восточной армии и штабам отдельных корпусов и дивизий специально по поводу установления германским командованием «официальных отношений» с гетманом Скоропадским и его правительством.

Характерно, что в этом же приказе подчеркивалась необходимость «применять самые беспощадные меры, для того чтобы задушить в зародыше повстанческое движение».⁵⁷

26 апреля Вильгельм II телеграфировал Эйхгорну, что он согласен на «избрание» генерала царской армии Скоропадского гетманом Украины, если Скоропадский «даст обязательство неуклонно исполнять наши советы».⁵⁸ Через два дня, 28 апреля, в зале Центральной рады во время заседания появился германский офицер, приказал присутствовавшим поднять руки вверх и сдать оружие; затем члены правительства Рады были арестованы германскими солдатами. На следующий день, 29 апреля, на созванном немцами кулацко-помещичьем съезде, в помещении киевского цирка, под охраной германских войск, Скоропадский был провозглашен «гетманом всея Украины». Даже герцог Лейхтенбергский, присутствовавший при этом, нашел, что «все это было чрезвычайно похоже на какую-нибудь оффенбаховскую оперетку».⁵⁹

Насколько Скоропадский был подходящей для немцев фигурой, можно судить по оценке, данной ему Людендорфом: «В лице гетмана Скоропадского во главе киевского правительства мы получили человека, с которым можно было хорошо работать. У него была решимость обеспечить в стране порядок и идти нам широко навстречу. В дальнейшем я лично имел возможность познакомиться с ним и вынес весьма благоприятное впечатление... Я надеялся, что выкачивание хлеба пойдет успешнее».⁶⁰

Между тем весной 1918 г. продовольственное положение в Германии и Австро-Венгрии было катастрофическим. «Весной 1918 г. никаких результатов хлебного мира не ощущалось. Весной 1918 г. царил голод», — писал австрийский историк Новак.⁶¹ Надежды на украинский хлеб не

ности на население, которое должно поставлять для армии продовольствие, квартиры, живой скот, фураж, строительные и другие материалы, исполнять транспортные поручения и ряд других работ. Повинности и поставки возмещались не наличными деньгами, а расписками.

⁵⁶ Крах германской оккупации на Украине, стр. 67.

⁵⁷ Там же, стр. 66—67. (Приказ был разослан: 1. главнокомандующему Восточной армии; 2. Штабу 1-го армейского корпуса; 3. Корпусу Кнерцера; 4. Штабу XXII резервного корпуса; 5. Штабу XI резервного корпуса; 6. Штабу 52-й дивизии и 7. Подполковнику Энгелину в генштабе главнокомандующего Восточным фронтом).

⁵⁸ Там же, стр. 41.

⁵⁹ Герцог Лейхтенбергский. Воспоминания об Украине 1917—1918 гг. Берлин, 1921, стр. 28.

⁶⁰ Э. Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. Перевод с немецкого под ред. А. Свечина. М., 1924, т. II, стр. 191.

⁶¹ K. F. Nowak. Der Sturz der Mittelmächte. München, 1928, S. 47.

оправдались, и перед германским правительством встал вопрос о снижении хлебного пайка. В начале апреля заместитель статс-секретаря военно-продовольственного ведомства фон Браун был отправлен на Украину для форсирования вывоза продовольствия. Браун присутствовал на переговорах в Киеве о заключении экономического соглашения и пришел к выводу, что получение хлеба в мае совершенно безнадежно и что в июне также едва ли удастся получить сколько-нибудь значительное количество. Пока Браун находился в Киеве и знакомился там с положением вещей, в Берлине все еще надеялись на украинский хлеб, и представители военного командования и правительства в своих выступлениях «для успокоения общественного мнения» говорили о том, что хлеб из Украины вскоре будет получен, что это даст возможность продержаться до нового урожая и не снижать хлебного пайка. Статс-секретарь военно-продовольственного ведомства фон Вальдов выступил с большой речью в прусском ландтаге; он подчеркнул, что в отношении снабжения хлебом до нового урожая Германия *зависит в первую очередь от ввоза из Украины*. «Надо надеяться,— заявил Вальдов,— что хлеб поступит своевременно. Все приготовления сделаны... Закупки смогут начаться лишь тогда, когда страна будет в известной степени умиротворена. Наши войска достигли важнейших хлебных районов, заняли главные железнодорожные узлы, и под их охраной могут начаться закупки. Военная организация транспорта позволяет нам получить известные количества — какие точно, мы еще пока не знаем. Нет никаких причин для опасений».

Но на состоявшемся 19 апреля в министерстве хозяйства совещании Вальдов говорил иначе. Он заявил, что дефицит хлеба до нового урожая составляет 350 тыс. тонн. Этот дефицит может быть покрыт только вывозом из Украины и Румынии. Но так как из Румынии все запасы были уже вывезены, то вся надежда на Украину. При этом Вальдов добавил, что если он до середины июня не получит 100 тыс. тонн хлеба, то он не сможет больше снабжать армию.⁶²

На этом же заседании присутствовал срочно вызванный из Киева Браун. Но он ничего утешительного сообщить не мог. В своем докладе Браун смог лишь констатировать, что «в настоящее время чрезвычайно трудно предсказать, что мы вообще сможем получить из Украины... До сих пор через сухопутную границу прошло около тысячи вагонов хлеба и других продовольственных грузов. Являются ли эти запасы реальными, я не могу сказать».⁶³ Далее Браун подчеркнул, что получение хлеба на Украине связано с большими трудностями и возможно только «при активной помощи войск». Во время его пребывания в Киеве генерал Гренер заявил ему, что при создавшемся положении имеющихся на Украине оккупационных войск недостаточно, чтобы покрыть всю страну сетью военных постов, как это практиковалось в Румынии. Имеющихся в наличии войск хватало только на содержание гарнизонов в больших городах и охрану железных дорог.

Как обстояли в этот момент дела с поставками хлеба из Украины, видно из отчета военного уполномоченного в Киеве от 19 апреля, в котором сообщалось, что в связи с отъездом в Берлин барона фон Брауна, из военно-продовольственного ведомства, для переговоров о сокращении хлебного пайка, военный уполномоченный совещался с австрийским послом Форгачем. Они пришли к заключению, что, несмотря на

⁶² Die Ursachen, Bd. III, S. 26—27.

⁶³ Kölnische Zeitung, № 418, 6.V.1918.

то, что договор о поставке хлеба был парафирован уже две недели тому назад, «деятельность и успехи хлебного бюро равны нулю».

Далее в отчете отмечалось, что «вопрос станет жгучим, если не удастся получить хлеба и доставить его в Германию, а, судя по создавшемуся на Украине положению, этого следует ожидать».⁶⁴

26 апреля 1918 г. состоялось заседание продовольственного совета рейхстага под председательством статс-секретаря военно-продовольственного ведомства Вальдова. На повестке дня стоял вопрос о сокращении хлебного пайка к концу хозяйственного года. После подробных докладов специально приехавшего из Киева директора имперского хлебного управления фон Гревеница (возглавлявшего «хозяйственную централь» в Киеве) и его заместителя Брауна совет решил, что «положение в настоящее время еще не выяснено, так как необходимо выждать *результатов поставки хлеба из Украины*, которые начнутся в ближайшее время».⁶⁵

Представители правительства на заседании совета подчеркивали, что германские власти приняли все меры для обеспечения вывоза обусловленного мирным договором количества хлеба из Украины и что этого количества будет *достаточно* для снабжения хлебом до конца хозяйственного года. «Несколько партий хлеба из Украины уже прибыло». Какое именно количество прибыло, не указывалось. Официальное сообщение об этом заседании было опубликовано в немецкой прессе под заголовком: «Продовольственное положение еще не выяснено. Возможно, что хлебный паек будет сокращен».⁶⁶ Именно в эти дни Рада была разогнана, и новый ставленник германского командования Скоропадский провозглашен «гетманом». От Скоропадского ожидали прежде всего форсирования хлебных поставок.

2 мая телеграфное бюро Вольфа опубликовало в газетах явно дутое сообщение о том, что в последних числах апреля на украинских ссыпных пунктах сдано в распоряжение центральных держав около двух миллионов центнеров хлеба и фуража. За последние дни через сухопутную границу в центральные державы якобы уже поступило около 1 200 вагонов продовольствия разных видов. Далее подчеркивалось, что если до сих пор Германии приходилось делиться с Австро-Венгрией, то в дальнейшем грузы с хлебом и другими продовольственными продуктами, которые поступят через Черное море в Браилов, будут направляться *исключительно* в Германию. В Браилов будто бы уже прибыло 30 тыс. центнеров хлеба, которые находятся на пути в Германию. В заключение делался вывод, что организации, созданные центральными державами на Украине, начали работать и можно рассчитывать, что из этого источника в Германию вскоре поступят крупные количества продовольствия.⁶⁷ Насколько это сообщение явно не соответствовало действительности, свидетельствует тот факт, что через несколько дней — 10 мая — газеты вынуждены были напечатать опровержение, в котором говорилось, что информация бюро Вольфа вызвала у многих преувеличенное представление о размерах поставок.⁶⁸ Газета «Норддейтше Альгемайне Цейтунг» делала вывод: то, что хлеб находится на ссыпных пунктах, еще далеко не означает, что он уже имеется в Германии. Это положение красочно описывал Новак в своей книге «Крушение центральных держав»: граф Чернин возбужденно указывал начальнику генерального штаба, что «на

⁶⁴ Крах германской оккупации на Украине, стр. 47.

⁶⁵ Kölnische Zeitung, № 390, 27.IV.1918.

⁶⁶ Vorwärts, № 115, 27.IV.1918.

⁶⁷ Kölnische Zeitung, № 409, 3.V.1918.

⁶⁸ Там же, № 431, 10.V.1918.

Днепре» много хлеба: «В Шепетовке стоит 200 вагонов, уже на станции». Начальник генштаба не оспаривал этих фактов. Он тоже знал, что на Днепре есть хлеб и в Донбассе уголь, но получить их пока не удавалось.⁶⁹

8 мая состоялось бурное заседание берлинского магистрата по вопросу о хлебном пайке. Газета «Норддейтше Альгемейне Цейтунг» поместила сообщение о нем под заголовком «Гласные берлинского магистрата против сокращения хлебного пайка». На заседании был внесен срочный запрос о возбуждении ходатайства перед военно-продовольственным ведомством, чтобы хлебный паек не был сокращен. Гласный магистрата независимый социалист Вурм заявил, что газетные сообщения о предстоящем снижении хлебного пайка вызывают большие волнения среди рабочих. Обер-бюргермейстер Вермут под насмешливые возгласы сделал «успокоительные» заверения о том, что *снижение хлебного пайка будет проведено лишь в крайнем случае и лишь тогда, когда выяснится, что доставки из Украины не оправдают надежд.* «Лично я,— заявил Вермут,— получил сведения из правительственных источников, что со стороны Германии предприняты все меры для своевременной доставки в страну обусловленных договором количеств хлеба из Украины (возглас: «Откуда пока еще ничего не получено»),— отдельные партии уже прибыли, на остальные можно с уверенностью рассчитывать».⁷⁰ Таким образом, и после прихода к власти Скоропадского, на которого немцы возлагали столько надежд, выяснилось, что хлеб из Украины все же не поступает.

Верховное командование 23 апреля отправило телеграмму Эйхгорну, в которой настаивало на немедленной отгрузке хлеба: «Положение требует, чтобы заготовка и отправка украинского хлеба еще в апреле была реализована в большом масштабе со всей беспощадностью».⁷¹

В середине мая сам статс-секретарь военно-продовольственного ведомства фон Вальдов в сопровождении двух своих заместителей Брауна и Гревеница выехали в Киев, «чтобы на месте ускорить отправку продовольствия в Германию»,⁷² а с 15 июня хлебный паек в Германии был снижен.

Таков краткий, но выразительный язык фактов, свидетельствующий о провале немецких надежд на украинский хлеб и после гетманского переворота.

26 мая в газете «Берлинер Тагеблат» была опубликована статья специального корреспондента на Украине Лео Ледерера, озаглавленная «После переворота». Здесь подводились итоги первых результатов гетманского переворота. Автор статьи пришел к выводу, что на Украине может создаться такое положение, при котором Германии совершенно не придется рассчитывать на выполнение Украиной обязательств Брест-литовского договора. Автор подчеркивал провал надежд немецкого командования не только на немедленное извлечение продовольствия из Украины, но и на выполнение более далеко идущих планов расчленения России, в частности отторжение Украины. «Будучи здесь на месте,— писал Ледерер,— поражаешься, до чего глубока на Украине симпатия к остальной России у крестьян, рабочих, вообще у обывателя... непостижимым заблуждением было бы предположение, что возможно на продолжительный срок отделить политически и экономически юг России

⁶⁹ K. F. Nowak. Op. cit., S. 47.

⁷⁰ Norddeutsche Allgemeine Zeitung, № 235, 9.V.1918.

⁷¹ Die Ursachen, Bd. III, S. 26.

⁷² Kölnische Zeitung, № 459. 18.V.1918.

от ее остального тела. Чувству внутренней спайки не страшны искусственно созданные границы, и последствием чуждой политики будет лишь всеобщее недовольство». ⁷³

Надо отдать справедливость, диагноз Ледерера оказался правильным. «Чуждая политика» немецких империалистов привела не только к «общему недовольству», но и к вооруженной борьбе украинского народа против носителей этой чуждой политики — немецких империалистов.

Для того чтобы обеспечить себе хлеб весной 1918 г., германское верховное командование решило захватить в свои руки запасы, находившиеся в районах, оккупированных австрийцами, несмотря на то, что в Австро-Венгрии продовольственный кризис был еще более острым, чем в Германии.

Еще 1 апреля император Карл телеграфировал командующему австро-венгерской оккупационной армией Бем-Эрмоли о необходимости реквизировать на Украине хлеб «со всей энергией, вплоть до насилия». Карл подчеркивал при этом, что под угрозой поставлена возможность продолжения войны, если результаты реквизиции не улучшатся в самом ближайшем будущем.

Но эти мероприятия ни к каким ощутимым результатам не привели. Австрийский генерал Краус и военный интендант Кленгенбруннер в своей статье об оккупации Украины иллюстрируют незначительность поставок из Украины следующими сведениями, данными из отчета военного командования от 27 марта: «Для снабжения Вены отправлено: 72 квинтала овощей, 304 квинтала лука, 73 квинтала мыла, 260 квинталов растительного масла, 196 квинталов хлеба. Для Австрийского центрального закупочного общества (Österreichische Zentral Einkaufsgesellschaft) 15 236 квинталов шпига». При этом авторы добавляют: «...что такая мелкая работа по сравнению с огромной потребностью выставляла в смешном свете все предприятие, ясно без всяких комментариев». ⁷⁴

16 мая император Карл издал приказ о назначении вместо Бем-Эрмоли генерала Крауса главнокомандующим на Украине «с неограниченными полномочиями» (одновременно австро-венгерская армия на Украине была переименована из Восточной — во II). Император, начальник генштаба и премьер-министр указывали Краусу на то, что его миссия является «очень серьезной». Положение Австро-Венгрии стало настолько тяжелым, что правительство более не в состоянии было обеспечить продовольствием армию, оставалась единственная надежда на Украину. Речь шла о том, чтобы путем военной реквизиции добыть на Украине хлеб и доставить его в Австро-Венгрию. «Император рассчитывал на меня, на мою известную энергию, — писал в своих воспоминаниях генерал Краус, — он намеревался послать меня на Украину в качестве диктатора... для этого требовалась героическая и беспощадная воля... Император, который еще раз принял меня, потребовал, чтобы я действовал с полной беспощадностью и использовал свою неограниченную власть». ⁷⁵

Но германское командование, очень ревниво следившее за действиями своего союзника на Украине, ни в коем случае не было склонно допускать таких самостоятельных действий, т. е. самостоятельного ограбления Украины Австро-Венгрией. Через несколько дней после приезда

⁷³ Цит. по «Киевской Мысли», № 90, 31.V.1918.

⁷⁴ А. Краусс и Клингенбруннер. Die Besetzung der Ukraine, 1918. (В книге Kerchnawe. S. 379).

⁷⁵ А. Краусс. Die Ursachen unserer Niederlage. München, 1921, S. 271.

в Одессу Краус получил приказ о том, что «заготовка всех продуктов питания, прежде всего хлеба и скота, переходила целиком в руки немцев». Краус жаловался, что даже в районе, занятом австро-венгерскими войсками, он не имел права «закупать» продукты для снабжения своей армии. Австро-венгерская армия использовалась немцами только как военная сила при реквизициях.⁷⁶

Вопрос о майском кризисе в Германии и снижении хлебного пайка в связи с провалом немецких расчетов на получение продовольствия из Украины широко комментировался в мировой печати. Как в Англии, так и в США внимательно следили за развитием этих событий, и английская газета «Таймс» подробно перепечатывала сообщения немецких газет об обсуждении продовольственного вопроса в комиссии рейхстага и о заявлениях руководителя военно-продовольственного ведомства Вальдова и других о том, что снижение хлебного пайка будет всецело зависеть от поступления хлеба из Украины. При этом газета от себя подчеркивала, что «без значительных поступлений из Украины Германия не сможет продержаться до нового урожая даже на уровне уже сокращенного пайка».⁷⁷

Не менее внимательно следили за германской попыткой прорыва блокады и в США.

В докладах дипломатических представителей США из Европы государственному секретарю содержатся подробные информации о положении на Украине.⁷⁸ Интерес представляет также следующее сообщение корреспондента «Таймс» из Вашингтона от 7 мая: «Государственный департамент получил из достоверного источника отчет о последнем заседании продовольственной комиссии рейхстага, на котором обсуждалось продовольственное положение Германии. Со стороны военного командования и продовольственного ведомства было сделано заявление, что единственным способом, посредством которого можно было бы избежать сокращения хлебного пайка, является получение продовольствия из Украины. Там, однако, пришлось столкнуться с большими трудностями при получении хлеба. Немцы добывают хлеб на Украине исключительно насильственным путем, так как крестьяне решительно сопротивляются (absolutely oppose) изъятию продовольствия. Передавая это сообщение в печать, мистер Лансинг подчеркнул, что даже с помощью снабжения из Украины не предвидится улучшения в продовольственном положении Германии, но оно станет еще хуже, если продовольствие из Украины не будет получено».⁷⁹

Это сообщение свидетельствует о том, что статс-секретарь США Лансинг прекрасно понимал, какое огромное значение для положения

⁷⁶ Ibid. S. 274.

⁷⁷ The Times, London, № 41764, 15.IV.1918, p. 8. Germany Waiting for next harvest. The Times, London, № 41785, 9.V.1918, p. 5.

⁷⁸ Так, посол США в России Фрэнсис в телеграмме из Вологды от 22 июня 1918 г. сообщал: «Германия фактически истощена... Германия погибла бы с голоду еще раньше, если бы не снабжение из Украины. Украинские крестьяне отказываются пролавать хлеб Германии и оказывают вооруженное сопротивление при реквизиции». Поверенный в Стокгольме Вайтгауз сообщал (в телеграмме от 8 августа), что озлобление украинского рабочего класса и крестьянства против немцев усиливается. Германские солдаты решаются выходить на улицу только крупными партиями, так как в противном случае вооруженные крестьяне нападают на них. «Германии не удастся обеспечить себе продовольствие, она не сможет также организовать из украинцев дивизии для борьбы на Западе». (Papers relating to the Foreign relations of the United States, 1918, Russia, v. II, p. 220, 697).

⁷⁹ The Times, № 41783, 7.V.1918. The Ukraine Food Factor. No material relief for enemy.

на Западном фронте имела освободительная война украинского народа и провал немецких планов на получение хлеба из Украины.

Именно в результате этого сопротивления попытка Германии провать кольцо экономической блокады союзников на Востоке окончилась полной неудачей. Этот факт был решающим моментом на пути к краху оккупации на Украине и сыграл значительную роль в финале первой мировой войны. При этом небезынтересно отметить, что, в то время как в 1918 г. правительства союзных стран — Англии, Франции и США, как видно из приведенных документов, прекрасно понимали значение этого факта и периодическая печать этих стран (парижская «L'Information», лондонский «Times» и др.) почти ежедневно помещала подробные информации о провале немецких попыток получить хлеб на Украине, современные буржуазные историки стараются затушевать значение этого факта. Так, в книге английского автора Аллена об Украине, вышедшей в издании Кембриджского университета, в Лондоне в 1941 г., не приводится ни единой выдержки ни из многочисленных информации дипломатических представителей, ни из лондонской «Times» за 1918 г. о положении на Украине. Этот факт свидетельствует либо о том, что английский автор не использовал документов, изданных в США, и газетных материалов за 1918 г., либо о его сознательном нежелании подчеркивать значение событий на Украине в истории первой мировой войны.

После гетманского переворота Эйхгорн был жестоко атакован в главной комиссии рейхстага. Германская цензура не разрешила опубликования полного отчета дебатов в комиссии рейхстага. Заседание было объявлено секретным. Речи с нападками на гетманский переворот вовсе не были напечатаны. Судя по некоторым замечаниям «Форвертс» и по сведениям английской «Таймс», многие ораторы саркастически опровергали утверждения немецкой правой печати, что гетман пользуется широкой поддержкой народных масс, и ядовито замечали, что во время выборов в Украинское учредительное собрание Скоропадский получил всего девять голосов.⁸⁰

В немецкой печати официально сообщалось лишь, что 4—8 мая в главной комиссии рейхстага обсуждалась «восточная политика и, в особенности, положение на Украине».

Была опубликована речь вице-канцлера Пайера с подробными объяснениями по поводу событий на Украине. Пайер начал с того, что ввод германских войск на Украину, прежде всего, определялся вопросами продовольствия. «Мы были живейшим образом заинтересованы в том, чтобы в возможно большем объеме и возможно быстрее получить из Украины продовольствие... Во время переговоров Украина взяла на себя определенные обязательства в секретном протоколе, который не был опубликован, о поставке до 1 июля этого года не менее 1 млн. тонн хлеба... Опыт, однако, вскоре показал, что Рада была не в состоянии поддержать свой авторитет среди населения». Далее Пайер заявил, что гетманский переворот не находится ни в какой связи с приказом Эйхгорна о весеннем севе и арестом членов правительства Рады. «Этот переворот, по нашему мнению, представляет собой исключительно внутреннее дело Украины, которое нас не касается».⁸¹ Введение германских военно-полевых судов Пайер объяснил «необходимостью судебного следствия». Гетманское правительство, по словам

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ Schuethess Europäischer Geschichtskalender. München, 1922, Bd. LIX, Teil I, S. 169.

Пайера, было создано самими украинцами, и именно украинскими крестьянами, которые собрались в киевском цирке в количестве 7 тысяч человек и «избрали» Скоропадского гетманом. «Новое правительство уже заявило нашим представителям, что оно целиком и полностью становится на почву Брест-литовского мира и других заключенных с нами договоров, включая договор о поставке хлеба; далее оно заявило, что будет разрешена свободная торговля в пользу Германии и Австро-Венгрии и что одна из ее первых и важнейших задач будет заключаться в том, чтобы подписать долгосрочное экономическое соглашение с центральными державами».⁸²

Насколько вопиюще лживы были эти официальные заявления Пайера, рассчитанные на обман общественного мнения, видно даже из цитировавшихся выше мемуаров Людендорфа, не говоря уже о том факте, что генерал Гренер еще 24 апреля заключил договор со Скоропадским. Чтобы продемонстрировать, как диаметрально противоположны были заверения Пайера с действительным положением вещей, стоит привести несколько цитат из документов самих оккупантов. 18 апреля германский посол в Киеве Мумм направил в Берлин совершенно секретную телеграмму «только для мининдела», в которой говорилось: «Генерал Гренер... еще более энергично, чем раньше, настаивает на свержении нынешнего правительства, — немедленно после подписания договора... (от 23 апреля о поставке хлеба. — С. Д.). Поводом для смелости правительства может пока послужить намеченная на 15 апреля старого стиля крестьянская демонстрация. Конечно, помещичьи круги не должны оставаться в стороне от этой демонстрации».⁸³ Уже эта одна цитата говорит о том, что гетманский переворот был инсценировкой, заранее подготовленной германским командованием и осуществленной по его инициативе и при активном участии германских войск.

Наглядным примером, разоблачающим подлинное лицо оккупантов, является донесение Мумма министерству иностранных дел от 9 мая, в котором следующим образом изображаются взаимоотношения германских представителей на Украине с правительством Скоропадского:

«...оно (правительство Скоропадского) является только куклой (pup Puppe) в наших руках, а правительственные распоряжения обслуживают исключительно наши интересы».⁸⁴

В лице Скоропадского немцы поставили у власти представителя крупной помещичьей буржуазии, с помощью которой они рассчитывали усилить вывоз хлеба. Одним из первых мероприятий нового «правительства» было издание так называемой «грамоты гетмана» о полном восстановлении прав помещичьего землевладения. Эта «грамота» приказывала украинским крестьянам все земли и экономии с живым и мертвым инвентарем, запасами и всем имуществом немедленно вернуть «законному хозяину или его доверенному», т. е. бывшим владельцам.

Все хозяйственные постройки, жилые дома и помещения, принадлежавшие собственникам, предписывалось немедленно предоставить в их полное распоряжение, а лица, в них поселенные, подлежали немедленному выселению. Засев и запашка земель собственников, а равно пользование их сенокосами, пастбищами и лесными угодьями должно было быть немедленно прекращено. Все земли, засеянные крестьянами сахарной свеклой, немедленно передавались в полное распоряжение свеклосахарных заводов (которые также были возвращены бывшим владельцам) либо собственникам этих земель. Гетманское правитель-

⁸² Ibid. S. 170.

⁸³ Крах германской оккупации на Украине, стр. 45—47.

⁸⁴ Там же, стр. 65.

ство, состоявшее из представителей крупных помещиков и капиталистов, ревностно принялось проводить этот закон в жизнь.

27 мая совет министров, под председательством Лизогуба — крупного помещика Полтавской губернии, издал «закон о праве на урожай 1918 г. на территории Украинского государства». В основу этого закона был положен приказ Эйхгорна о весеннем севе. В законе было прямо указано, что, согласно приказу генерал-фельдмаршала Эйхгорна о весеннем севе от 6 апреля 1918 г., земля должна была быть возвращена владельцам, а если земля состояла в аренде, — арендаторам. Кроме того, должны были быть возмещены владельцам или арендаторам все расходы, которые были произведены на землях «после жатвы 1917 г.», выплачены с того же времени «государственные и земские налоги и повинности» и, кроме того, выплачено за пользование занятыми землями владельцам и арендаторам этих земель. Для разрешения «спорных вопросов» между бывшими владельцами и крестьянами, запахавшими землю, закон предусматривал организацию особых комиссий, председатели которых назначались министром земледелия из союза земельных собственников. При проведении этого закона цены на землю не были установлены, и это предоставляло помещикам право беспощадной эксплуатации крестьян.

Жестокие карательные экспедиции не только отнимали у крестьян захваченную землю, не только лишали их плодов произведенных ими посевов, но и заставляли оплачивать по самым фантастическим счетам «убытки» помещиков от разгромов. Эти экспедиции не могли не вызывать глубочайшее возмущение среди крестьян. Целый ряд сохранившихся документов — приказов земских управ, рапортов чиновников державной варты (гетманской полиции), циркуляров председателей комиссий по разбору дел об урожае 1918 г., рапортов управляющих помещичьими именьями и др. — дают яркую картину процесса восстановления помещичьего землевладения и ответных крестьянских восстаний, в которых проявилась вся ненависть украинского крестьянства к помещикам и к немецкой оккупации.

Так, Ульяновская волостная земская управа 15 июня направляет сельским управам с «экстренным» пакетом экземпляры «наказа» о восстановлении прав помещичьего землевладения и «наставления» к нему и приказывает немедленно оповестить население, чтобы во вторник, 17 июня, к 12 часам дня весь живой и мертвый инвентарь был свезен крестьянами в помещичьи именья — «иначе будет вызван для отобрания карательный отряд немецких войск».⁸⁵

Немецкие коменданты издавали приказы о введении принудительных работ украинских крестьян на помещичьих землях. Крестьяне, отказывавшиеся выходить на эти работы, подвергались либо преданию немецкому полевому суду, т. е. расстрелу, либо аресту и высылке на принудительные работы в Германию. Для проведения в жизнь приказа Эйхгорна и «грамоты гетмана» немецкое командование создало институт «агрономических офицеров». В их распоряжении имелись специальные отряды, с помощью которых они и отбирали землю у крестьян.

Выразительным документом, показывающим, как «проводилось в жизнь» восстановление помещичьего землевладения, является рапорт начальника державной варты первого участка Киевского уезда киевскому уездному старосте от 1 июля 1918 г.

⁸⁵ Сумской Государственный исторический архив, ф. Ульяновской волостной управы, 1918, д. 1, л. 48. Опубликовано в кн.: Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 г., стр. 102.

В рапорте говорилось, что в уезде все владельцы и администрация возвратились в имения и вступили во владение имуществом. Имущество отобрано у крестьян и возвращено владельцам с помощью немецкого отряда. При этом начальник державной варты жаловался, что ему пришлось действовать в чрезвычайно «тяжелой обстановке... при явно враждебном и угрожающем отношении крестьян», и сообщил, что, не смотря на то, что власть помещиков была формально восстановлена, «успокоения» не наступило: в уезде все время продолжались стихийные выступления крестьян — «самовольные хищения и порубки стихийной силы, сопровождавшиеся бросанием бомб и стрельбой пачками из ружей, в которых участвовали чуть ли не целые деревни и села... Работать пришлось только с помощью германского отряда», так как «нет людей, которых можно было бы прислать на службу в варте».⁸⁶

В одном из документов о деятельности агрономических офицеров — циркуляре уманского уездного старосты всем волостным земским управам и председателям комиссий по разбору дел об урожае 1918 г. — предлагается всем лицам, нуждавшимся в вооруженной силе для исполнения решений комиссии, обращаться за содействием к агрономическим офицерам в Умань и Тальное. Расходы по содержанию отрядов в селах относились за счет «виновных», т. е. крестьян.

Каждый агрономический офицер имел свой район; так, например, в район тальновского агрономического офицера, лейтенанта фон Ридгофена, входили: Оксанинская, Бабанская, Маньковская, Ботвиновская, Хижнянская, Тальновская, Иваньковская, Краснопольская, Шаулихская, Тальянская, Машуровская и Подвысоцкая волости; в район уманского агрономического офицера, лейтенанта Графа, входили: Христиновская, Верхняцкая, Уманская, Ладыженская, Козьминская и Посуховская волости.

Помещики в восстановлении капиталистического режима всецело опирались на немецких оккупантов, обращались с жалобами на крестьян к немецким агрономическим офицерам. Это видно из целого ряда документов. Так, управляющий Тальновским имением княгини Долгорукой обратился к немецкому агрономическому офицеру Звенигородского участка с жалобой, что крестьяне сел Россоховатка и Новоселицы не вышли на работу по уборке хлебов, и требовал, чтобы немецкий агрономический офицер принял меры «к побуждению» крестьян указанных сел выйти на работы и приступить к уборке хлебов, а также оказать ему содействие к наряду поденных людей и рабочих из этих сел на обработку пара и разные работы, объяснив старостам, что они обязаны это делать согласно приказам уездных старост.⁸⁷

После восстановления помещичьего землевладения власть на местах осуществлялась союзом земельных собственников. При его поддержке немецкие войска усилили реквизиции хлеба у крестьян. Из губерний и уездов сообщали, что отряды, командированные в помощь хлебным бюро, помимо реквизиций для последних, производили еще самостоятельные реквизиции хлеба, сена, соломы, лошадей, волов, скота и пр. В сельских магазинах немецкие разбойники забирали бесплатно все товары, разрушали потребительские общества. Вот как описывается в одном из донесений председателя Михайловской волостной земской управы Екатеринославской губернии обычная практика вооруженного ограбления немцами украинского села при гетманщине:

⁸⁶ Киевский Областной исторический архив, ф. Киевского повитового старосты, 1918, д. 108, л. 20. Опубликовано в кн.: Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 г., стр. 107—109.

⁸⁷ Уманский Государственный исторический архив, ф. 658. Опубликовано в кн.: Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 г., стр. 120.

«Михайловская волостная земская управа — Мариупольскому уездному старосте. С. Сухоклонское, Екатеринославской губ., 26 июля 1918 г.

24 сего июля (6 августа) утром в село Михайловку Михайловского волостного земства, Мариупольского уезда, прибыл из Юзовки, Бахмутского уезда, австро-германский военный отряд, на 45 фурманках, при походной кухне, в составе около 150 солдат с офицерами, вооруженный винтовками и пулеметами, и потребовал немедленной выдачи: 100 гарб соломы ячменной, 60 гарб сена, 10 подвод картошки, 60 пшеничных хлебов, 2 000 яиц, 65 пудов сала свиного, 35 штук гусей, 5 штук откормленных кабанов и 500 пудов пшеницы, 800 пудов ячменя, 100 пудов пшена, 6 фунтов чаю, 1 пуд табаку, 3 пуда капусты и 100 подвод от села для отправки наименованных грузов.

Так как предъявленные требования были явно невыполнимы ввиду того, что село Михайловка подвергалось уже неоднократной реквизиции и ввиду сильного неурожая, в настоящее время некоторые предметы совершенно отсутствуют, как, например, пшено, чай, табак, капуста, а также в силу имеющегося распоряжения австрийских военных властей, находящихся в селе Никольском, Павловской волости, Мариупольского уезда, чтобы без их ведома никакая выдача продовольственных припасов австро-германским отрядам не производилась. Об этом и было передано офицерам прибывшего отряда, которые в настойчивой форме потребовали исполнения приказа, угрожая в противном случае производством повального обыска по селу в целях обнаружения и захвата продовольствия. Видя бессильное положение беззащитного населения от нападения вооруженной силы, сельским обществом были выбраны двое уполномоченных и посланы в село Никольское к австрийскому коменданту с просьбой о защите. Около 12 часов дня, не дождавшись приезда уполномоченных, старший офицер категорически потребовал дать ему поименованные продукты, но когда ему было сообщено о посланных уполномоченных и что до возврата таковых выдачи быть не может, он немедленно распорядился приготовиться к действиям: были установлены пулеметы на колокольне новой церкви, 20 сажен вышины, и на площади; солдаты, одетые в металлические каски, вооруженные винтовками, примкнув штыки и захватив запасы патронов, отправились по селу с фурманками для производства повального обыска и отобрания продовольственных припасов с тем, чтобы до прибытия войск из села Никольского, выбрав продовольствие, они могли скрыться. Из местных жителей были отобраны 10 человек и приставлены к училищной стене площади под охраной часовых, с предупреждением, что в случае оказания кем-либо сопротивления, они будут расстреляны на месте.

Отправившиеся вооруженные солдаты производили обыски везде, на чердаках, в домах, в погребах и других сооружениях и забрали у бедняков и беженцев последние торбы с мукой, добытые ими с большими усилиями за дорогую цену, и никакие мольбы о пощаде не помогали.

О вышеизложенных действиях «дружественных нам союзников» Волостная земская управа имеет честь сообщить вам на распоряжение, прося защиты от подобного насилия.

С подлинным верно:
Председатель управы *Руденко*.
Секретарь (*подпись*)». ⁸⁸

⁸⁸ Мариупольский Государственный исторический архив, ф. 306, 1918, д. 88, л. 9. Опубликовано в кн.: Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 г., стр. 124—125.

Кроме продовольствия и сырья немцы реквизировали также в большом количестве лошадей в украинской деревне. Как упоминалось выше, в германской армии ощущался большой недостаток лошадей, и германское командование пыталось пополнить этот недостаток за счет Украины. Этот вид ограбления также отображен в ряде документов. Так, в Рыльском уезде Черниговской губ. германский комендант Гейсберг издал приказ, скрепленный печатью Прусского пехотного полка № 24, о том, что из каждой деревни должны быть представлены в германскую комендатуру 30 взрослых, крепких, среднего роста лошадей, которых будет осматривать германская военная комиссия. «Если же будут доставлены лошади хуже и в меньшем числе, чем указано, то таковая партия лошадей будет здесь задержана до тех пор, пока не будет выполнен вышеупомянутый приказ».⁸⁹

Подобные документы сохранились в огромном количестве. Все они говорят об одном: о беспощадном ограблении, зверствах немцев и установлении ими колониального режима на Украине.

Но украинский трудовой народ боролся со своими врагами. Чем больше свирепствовали карательные экспедиции, чем больше ухищрений придумывали немецкие заготовительные бюро и «централи», тем глубже закапывали крестьяне хлеб в землю.

Подводы, отправлявшиеся в села и деревни за хлебом, все чаще и чаще возвращались пустыми, хотя хлеб на Украине был.

В Харьковской губернии на июнь 1918 г. запасы хлеба определялись приблизительно в 3 млн. пудов, но немцы, несмотря на беспощадные реквизиции, не получили и одной пятой части этого количества.⁹⁰

В Полтавской губернии — одной из самых хлебобродных — оккупанты создали специальное «управление» во главе с уполномоченным Бресслером. В его распоряжении находились крупные реквизиционные отряды, имелось здесь и представительство гетманского «Державного хлебного бюро», которому было приказано помогать в изъятии хлеба для немцев. Но усилия всех этих организаций были безуспешными. В губернии был хлеб, были и овощи, и жиры, и все другие продукты в изобилии — но не для немцев.

Настроение трудящихся Украины было определенное: немцам хлеба не давать. Крестьяне заявляли: «Мы не звали немцев и им хлеба не дадим» — и не давали.

Несмотря на все реквизиции и вооруженные репрессии, несмотря на восстановление помещичьего землевладения, продовольственная политика германских интервентов систематически терпела крах — украинский народ им хлеба не дал.

Немецкие империалисты обманулись в своих расчетах на Украину. Генералы Вильгельма II призвали к власти украинских помещиков и капиталистов, которые обязались оказать им содействие в вывозе хлеба и других продуктов. Воцарились порядки, каких не было и во время царского самодержавия. Чужеземные насильники вывозили последнее добро разоренного трехлетней войной народа, грабили беззащитное население. Произвол, насилие, аресты и расстрелы без суда и следствия стали обычными явлениями в городах и деревнях.

«Трудно передать, страшно рассказывать о том, что творится в нашем краю: все завоевания революции уничтожены, расстрелы, истязан-

⁸⁹ Испарт ЦК КП(б)У, Киев, Архив Державной Варты, д. 33, Осведомит. пр Черниговской губ., 1918. Опубликовано в кн.: Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 г., стр. 135.

⁹⁰ Журнал «Продовольственное Дело», Москва, № 23. 14.VII.1918.

ния, аресты тысяч и тысяч рабочих и крестьян, уничтожение артиллерией целых сел и деревень, отобрание земли в пользу помещиков, грабеж хлеба и всего самого необходимого Германией, закрытие фабрик и заводов, разгон профессиональных союзов, удлинение рабочего дня до 12-ти часов и более, при уменьшении заработной платы, уничтожение коллективных договоров и проч. и проч.— таков далеко неполный перечень того, что творится на Украине обнаглевшей буржуазией и помещиками, опирающимися на штыки немецких и австрийских оккупационно-жандармских войск»,⁹¹ — так характеризовался режим немцев в одном из воззваний I съезда Коммунистической партии большевиков Украины.

Но народные массы не примирились с этими порядками.

Вооруженные выступления, охватившие обширные районы Украины с самого начала оккупации, после гетманского переворота перешли в стадию открытых выступлений рабоче-крестьянских масс против германского империализма и гетманщины.

9 мая и. о. гетманского военного министра атаман Сливинский сообщил начальнику штаба оккупационных войск Гренеру, что в Купянском уезде Харьковской губернии «вспыхнул бунт», разгромлено до 20 экономий. Атаман Сливинский от имени председателя совета министров униженно просил Гренера «не отказать сделать распоряжение германским войскам о прекращении вышеупомянутого бунта в Купянском уезде». 14 мая поступил ряд сообщений о крестьянских восстаниях в Киевской губернии: в селе Галице произошло несколько столкновений между крестьянами и немецкими войсками, причем было убито двое и ранено 12 немцев. В Дубенском уезде крестьяне разгромили имение помещика Ружицкого.

Во многих селах было вынесено постановление о том, чтобы «поубивать всех тех, кто ездил в Киев избирать гетмана». Об этом доносили в специальном письме украинские помещики «ясновельможному пану гетману» 17 мая 1918 г.; «уже поднимается восстание против власти гетмана,— сообщалось в этом письме,— начинают убивать землевладельцев, и жен, и детей, жечь дома, забирать их хлеб. Сейчас уже четвертый день идет бой между повстанцами, с одной стороны, и гайдамаками, с другой стороны, в околицах сел: Буромка, Денисовка, Крестителево Лубенского и Золотоношского уездов. Повстанцы принуждают и хозяев-хлебопашцев вступать в ихние войска. Агитация против властей гетмана имеет большой успех».⁹²

Германское посольство в Киеве получало донесения одно тревожнее другого о напряженном положении в стране, о том, что в деревне положение попрежнему «очень серьезное и будет становиться все серьезнее... Крестьяне ведут партизанскую войну, оружие у них закопано по лесам». 21 мая агент Кордт доносил германскому посольству, что в Полтавской губернии крестьянами был убит помещик Гриневич, в Черниговской губернии крестьяне тоже убили своего помещика с детьми. Крестьяне говорили: «Жаль, что мы не ухлопали всех буржуев до прихода немцев».⁹³

От многих помещиков к немецкому командованию поступали жалобы, что солдаты оккупационной армии, в особенности солдаты украин-

⁹¹ Протоколы I съезда КП(б)У, М., стр. 84.

⁹² Письмо «украинских демократов-хлеборобов ясновельможному господину гетману». 17 мая 1918 г. Центральный Государственный исторический архив УССР. Харьков, ф. Мин-ва внутренних дел, д. 75, л. 6. Опубликовано в кн.: Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 г., стр. 142—143.

⁹³ Крах германской оккупации на Украине, стр. 167.

ской национальности, входившие в состав австро-венгерской армии, подстрекали население не выполнять приказы командования и его гетманских агентов о сдаче оружия, возделывании полей, сохранении посевов и т. д. В связи с этим советник австро-венгерского посольства в Киеве Принциг в телеграмме мининделу от 20 мая высказывал опасение, что «в районах Украины, занятых нашими войсками, доставка продовольствия и подготовка к посеву озимых будет сорвана». ⁹⁴

Борьба трудящихся масс на Украине против немецких оккупантов приняла форму длительной партизанской войны. Лучшие силы партии были направлены на эту работу.

В деревнях и селах создавались партизанские штабы и ревкомы. По районам было роздано оружие. Партийные органы с начала оккупации ушли в подполье и работы своей не прекращали. Так, киевская организация большевиков уже через две недели после начала оккупации начала активную деятельность и главное внимание уделяла повстанческой работе.

Условия подпольной работы были очень трудные, так как в Киеве, как столице Украины, репрессии оккупантов были сильнее, чем где бы то ни было. В 20-х числах мая в Киеве было созвано совещание партийных работников Украины, на котором были представлены наиболее крупные организации Одессы, Екатеринослава, Харькова, Чернигова и др. На совещании был избран «Временный центр», который восстановил партийные ячейки в уездах и на селе и организовал связь с повстанческими отрядами. Несмотря на тяжелые условия подполья, киевский партийный центр проводил большую организационную и агитационно-пропагандистскую работу: печаталась пропагандистская литература, был выпущен ряд воззваний, разъяснявших агрессивные цели германских империалистов.

Приближалось время уборки урожая. Все мероприятия оккупантов, вся их «аграрная политика», начиная с приказа Эйхгорна о весеннем севе и кончая грамотой гетмана, были направлены к тому, чтобы забрать в свои руки урожай, возвращенный на полях Украины трудами ее народа. Но народ это прекрасно понимал и заранее готовился дать достойный ответ чужеземным грабителям. В июне партизанское движение уже неудержимо разворачивалось на всем протяжении украинской территории. В начале июня в центре страны — в Киевской губернии произошли знаменитые Звенигородское и Таращанское восстания, вошедшие в историю освободительной войны Украины 1918 г., как одна из наиболее ярких ее страниц.

Восстание в Звенигородском уезде началось 3 июля в селе Лисянки, где крестьяне оказали вооруженное сопротивление гетманскому карательному отряду и немецким войскам, пытавшимся обезоружить их. К крестьянам села Лисянки присоединилось население близлежащих сел (Тарасовки, Водяники, Стецовки, Кириловки, Гусакова, Казацкого, Ольховца, Поповки и др.). Главный штаб повстанцев находился в Лисянках. Причиной восстания, как доносил в своем рапорте начальник особого отдела штаба гетмана, являлось «неудовольствие крестьян появлением на территории Украины немецких войск, а главным образом недоверие к гетману Украины, при котором, по мнению крестьян, невозможна в желательных им размерах земельная реформа». ⁹⁵ Пар-

⁹⁴ Крах германской оккупации на Украине, стр. 167.

⁹⁵ Центральный Государственный исторический архив УССР. Харьков, ф. Мин-ва внутренних дел, 1918, д. 72, л. 477—478. Опубликовано в кн.: Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 г., стр. 149.

тизаны захватили станцию Россоховатка, разобрали пути, поставили свои патрули, предупредив тем самым возможность быстрой переброски германских подкреплений в Звенигородский уезд. 6 июня в 10 часов вечера в Уманском железнодорожном управлении была получена от начальника ст. Россоховатка следующая телеграмма: «Станция дезорганизована вооруженной толпой местных крестьян. Пути разобраны в обе стороны... Находимся в безвыходном положении».⁹⁶ 7 июня восстание охватило уже находящееся в 4 верстах от Звенигородки село Озерное и предместье города Пески. 8 июня партизаны начали осаду города Звенигородки. Замечателен тот факт, что 400 солдат из батальона немецких войск, прибывшего для подавления восстания, 9 июня на своем митинге постановили сопротивления восставшим не оказывать, а имеющееся у них оружие передать партизанам, что и было выполнено. По окончании митинга немецкие солдаты объявили своим офицерам о принятом решении и предложили им оказывать сопротивление «самостоятельно, если они этого желают». Офицеры вынуждены были подчиниться решению солдат и выговорили себе лишь неприкосновенность. Захватив город, повстанцы арестовали карательный отряд гетмана, в количестве 80 человек, и предателей — уездного старосту Машира, его помощника Солтыка и др., которые были расстреляны по приговору народного суда, как изменники родины. Германское командование всеми средствами старалось скрыть эти события, сохранить их в строгой тайне. Но сведения о жестокой борьбе, которую немцам приходилось выдерживать на Украине, проникли не только в Германию, но и облетели всю Европу.

Англичане, которые, как уже отмечалось выше, ревниво следили за всем происходящим на Украине, 5 июня поместили в газете «Дейли Ньюс» следующее сообщение: «На Украине восстание с каждым днем расширяется. Немцы, поджигая целые села в целях подавления восстания, только возбуждают против себя еще большую ярость». Это сообщение вызвало сильный переполох в Берлине. Германский министр иностранных дел срочно передал полный текст его по телеграфу послу в Киеве, с требованием дать немедленные разъяснения. Мумм ответил 8 июня «успокоительной» телеграммой, предназначенной для печати, в которой сообщал, что серьезные беспорядки происходили «только» в районе Звенигородки, а в остальных частях страны якобы «наступило некоторое успокоение», что «о поджоге сел не может быть и речи». Фактически же события первых дней июня вызвали настоящую панику в лагере оккупантов, что видно из шифрованной телеграммы того же Мумма от 10 июня, адресованной уже «только для министерства иностранных дел», в которой сообщалось, что «события в Звенигородке серьезнее, чем официально сообщалось», что крестьяне оттеснили германские воинские части и в связи с этими событиями фельдмаршал Эйхгорн вынужден был отказаться от поездки в Одессу и «отложить путешествие в Крым».⁹⁷

Паническое настроение оккупантов получило еще более яркое отражение в информациях австро-венгерского посла Форгача. В дни Звенигородского восстания Форгач почти ежедневно информировал Вену о создавшемся положении на Украине и не без злорадства сообщал о крупных неудачах, постигших германские войска в борьбе с повстанцами. Так, 11 июня Форгач «совершенно секретно» телеграфировал в Вену, что брожение в стране усиливается, бои немцев в Звенигород-

⁹⁶ Газета «Уманское Слово», № 117, 8.VII.1918.

⁹⁷ Крах германской оккупации на Украине, стр. 168—169.

ском уезде носят серьезный характер, связаны с огромными потерями, и что кроме Звенигородки, на Восточном фронте и под Таганрогом на немцев также были произведены нападения со стороны партизан. 14 июня в такой же строго секретной телеграмме Форгач сообщал, что германские войска, наступающие на Звенигородку, всех вооруженных крестьян убивают, а села «сжигают для устрашения, чтобы предупредить повальное бегство крестьян в леса и партизанскую войну». ⁹⁸ Одновременно в телеграммах Форгача сообщалось, что и в районах, занятых австро-венгерскими войсками, «непрерывно происходят волнения, связанные с боями». Особенно активны были волнения в районе Елисаветграда; отправленных туда австро-венгерским командованием войск оказалось недостаточно, пришлось перебросить дополнительные части и начать «концентрическое наступление» на другой очаг восстания у Елисаветграда, в северной части Херсонской губернии. На многих линиях железных дорог партизаны взорвали мосты и нарушили движение; много немецких офицеров было убито в железнодорожных вагонах, в связи с чем германская комендатура в Киеве произвела многочисленные аресты. Все эти явления, по словам Форгача, немецкое военное командование сохраняло в строгой тайне, но все же в Киев проникли «преувеличенные слухи», и там опять царит «необоснованно паническое настроение». ⁹⁹

Одновременно с восстанием в Звенигородском уезде начались крупные восстания крестьян в соседнем Таращанском уезде. Главное ядро повстанцев достигало 2 тысяч хорошо организованных и вооруженных людей. Примерно к 10 июня три четверти территории Таращанского уезда было в руках партизан. Несмотря на все усилия, немцам не удалось окружить таращанских партизан, и они свободно общались и получали помощь из Уманского, Звенигородского, Липовецкого и Каневского уездов Киевской губернии. Германские войска вынуждены были перейти от наступления к обороне. 12 июня партизаны начали наступление на Таращу, к ним присоединилось население города. В Тараще произошли жестокие уличные бои; немцев обстреливали из всевозможных засад: из кустов в садах, из-за заборов, подворотен и домов. Немцы бежали из города.

Таким образом, положение оккупантов становилось все более угрожающим. Наступало время уборки урожая, и развитие партизанского движения грозило оккупантам потерей урожая в богатейшей части Киевской губернии. Германское командование перебросило в эти районы крупные воинские силы с тяжелой артиллерией. Звенигородка и Тараща вновь были захвачены оккупантами (первая 13-го, вторая — 18 июня). Но борьба отнюдь не прекратилась. После взятия немцами уездных центров партизаны оружия не сложили. Звенигородцы и таращанцы объединились и с новыми силами начали атаковать врага. 25 июня партизаны начали новое наступление на Звенигородку. В тот же день киевский губернский староста секретно и «весьма спешно» доносил товарищу министра внутренних дел Вороновичу о положении в Звенигородском уезде: повстанцами были заняты села Ольховец, Озирна, Поповка, Ржиановка, Водяники, Смольчинцы. Из Лисянки и Мокрой Калигорки на помощь двигались повстанцы с пулеметами, среди них было много партизан из Херсонской губернии. ¹⁰⁰

⁹⁸ Центральный Государственный исторический архив УССР. Харьков, ф. Мин-ва иностр. дел, отд. документы.

⁹⁹ Там же. Опубликовано в кн.: Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 г., стр. 144—145.

¹⁰⁰ Документы по истории Гражданской войны в СССР, т. I. М., 1940, стр. 324.

По допесению уманского старосты киевскому губернскому старосте от 3 июля, в сельских местностях Уманского уезда, пограничных с Балтским уездом Подольской губернии, наблюдалось сильное брожение среди крестьян против немецких войск и гетмана Скоропадского. 21 июля черниговский губернский староста телеграфировал министру внутренних дел, что настроение населения в Козелецком, Гомельском, Путивльском уездах «приподнятое», а в Конотопском — враждебное отношение к властям. В Конотопском уезде была обезоружена боевая дружина и арестовано 10 человек «зачинщиков». ¹⁰¹ 30 июля волынский губернский староста Андро телеграфировал в Житомир о волнениях, происходивших на границе Подольской губернии, в южной части Старокопчановского и Кременецкого уездов. ¹⁰² 1 августа военный министр гетмана получил телеграмму черниговского губернского старосты: «Началась массовая резня хлеборобов, положение трагическое, город накануне общего восстания. Просим помощи». ¹⁰³

Все приведенные сообщения являются яркими документальными доказательствами того факта, что в течение лета 1918 г. главные хлебородные районы Украины — вся Полтавская, Черниговская и Харьковская, большая часть Киевской и Екатеринославской губерний — были охвачены восстаниями против германских интервентов. Население Украины требовало восстановления законной Советской власти. Партизаны уничтожали представителей гетманской власти, уничтожали помещиков и капиталистов, уничтожали немецкие войска.

Германские оккупанты вынуждены были непрерывно вести тяжелые бои, которые были связаны для них со значительными потерями.

Восстания в июне и июле превратили Украину в западню для германских оккупантов, где каждый шаг грозил им гибелью, каждый день ставил лицом к лицу с упорно отстаивавшим свою родину, ненавидящим иноземных захватчиков украинским народом.

15—20 июля 1918 г. в Москве состоялся I съезд Коммунистической партии Украины. Съезд подвел итоги работы, проведенной партийной организацией в суровых условиях подполья, в оккупированной немцами Украине. Несмотря на все трудности и репрессии, большевики провели большую работу, в результате которой была создана целая сеть военно-революционных комитетов и штабов, связанных с парторганизациями.

Партийные работники, загнанные германо-гайдамацким нашествием в подполье, сумели своей упорной работой мобилизовать широкие народные массы для генерального штурма.

Важнейшим решением I съезда КП(б)У было решение об организации в России «Заграничного Бюро КПУ» для руководства и объединения всей партийной работы на Украине. На съезде были образованы три временных областных организационных бюро: Донецкое, Киевское и Одесское, которые должны были взять на себя работу по созыву областных конференций и наладить связь партийных организаций своих областей. Основной задачей областных партийных бюро было создание областных военно-революционных комитетов, под руководством которых должна была вестись работа губернских и уездных военно-революционных комитетов. Организационные бюро приняли ряд важных решений относительно техники подпольной работы, транспорта литературы и

¹⁰¹ Центральный Государственный исторический архив УССР. Харьков, ф. Мин-ва внутренних дел, д. 103, л. 134. Опубликовано в кн.: Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 г., стр. 152, 170.

¹⁰² Там же, ф. ген. Рауха, д. 41, л. 20.

¹⁰³ Там же, ф. Мин-ва внутренних дел, д. 78, л. 88.

финансирования партийных органов на местах. В задачи оргбюро входила также широкая информация трудящихся Украины о состоявшемся I съезде КП(б)У и его решениях.

Так, в условиях жесточайшего режима буржуазно-помещичьей диктатуры, коммунистические организации, под непосредственным руководством Центрального Комитета партии большевиков, поднимали украинский народ на освободительную борьбу.

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что уже к июлю 1918 г., т. е. задолго до разгрома Германии на Западном фронте, выявилось, что продовольственная политика германских империалистов на Украине, так же как и оккупация в целом, была обречена на полный крах.

Несмотря на беспощадное ограбление и зверский террор, украинский народ хлеба немцам не дал. Поставки из Украины и в отдаленной степени не приближались к тому количеству, которое Германия намеревалась вывезти. Хлебный дефицит за счет Украины покрыть оказалось невозможным; «вместо 60 миллионов пудов хлеба, немцы привезли с Украины всего только 9 миллионов пудов». Так охарактеризовал В. И. Ленин итоги продовольственной политики немцев на Украине за весь период оккупации.¹⁰⁴

Основной причиной краха продовольственной политики германских империалистов, как и всей их авантюры на Украине, была отечественная война украинского народа, победу которой предсказал товарищ Сталин еще в марте 1918 г. Освободительная борьба заставила Германию держать на Украине большую армию за счет ослабления Западного фронта и в то же время сорвала план прорыва голодной блокады союзников. Этот факт, несомненно, был одним из звеньев в той цепи событий, которая завершилась поражением Германии в первой мировой войне.¹⁰⁵

¹⁰⁴ В. И. Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 47.

¹⁰⁵ Настоящая статья является главой диссертации «Крах экономической политики германских империалистов на Украине в 1918 году».

Н. А. КАЗАКОВА

ИЗ ИСТОРИИ СНОШЕНИЙ НОВГОРОДА С ГАНЗОЙ В XV ВЕКЕ

I

Великий Новгород, один из крупнейших русских государственных центров периода феодальной раздробленности, в силу своеобразия своего политического и экономического строя и той выдающейся роли, которую он сыграл в истории нашей родины, всегда привлекал внимание историков. Не говоря уже о том, что изложению истории Новгорода отводилось большое место во всех общих работах по русской истории, вопросы новгородской истории послужили предметом таких специальных исследований, как «Новгород сам в себе» В. В. Пассека, «История Новгорода Великого» И. Д. Беляева, «Северно-русские народоправства» Н. И. Костомарова.

Авторы этих монографий, так же как и общих трудов по русской истории, отмечают большое значение, которое имела в жизни Новгорода торговля с Западом, осуществлявшаяся через посредство Ганзейского союза. Однако в силу широты стоявших перед ними задач они не могли дать полного освещения всех сюжетов, касающихся торговли и сношений Новгорода с Ганзой.

Между тем, исторические источники содержат богатый и интересный материал для изучения новгородско-ганзейских отношений. Простой перечень источников показывает, насколько широк их круг и как они разнообразны по своему происхождению и содержанию. К числу источников относятся: русские летописи, ливонские хроники, скра — устав немецкого двора в Новгороде, договоры Новгорода с Орденом и Ганзой, рецессы ганзейских съездов и съездов ливонских городов, переписка ганзейских городов, орденских чинов, властей немецкого двора в Новгороде и, наконец, грамоты скандинавских королей и великих князей литовских.

Было бы естественным ожидать, что вопросы новгородско-ганзейских отношений ввиду их бесспорного значения для истории Новгорода и обилия источников явятся предметом специальных исследований русских историков. Между тем, эти вопросы оставались вне круга проблем, разработке которых уделялось должное внимание в русской исторической науке. До настоящего времени в нашей литературе имеются лишь две большие специальные работы, посвященные вопросам новгородско-ганзейской торговли и новгородско-ганзейских отношений: работа М. Н. Бережкова «О торговле Руси с Ганзой до конца XV в.», вышедшая в 1879 г., и работа А. И. Никитского «История экономического быта Великого Новгорода», опубликованная уже после смерти автора в 1893 г.

М. Н. Бережков в своей работе дает обзор немецко-русской торговли в широких масштабах: он рассматривает историю торговых сношений

с немцами не только Новгорода, но и Пскова и Полоцка. Работа М. Н. Бережкова представляет несомненный интерес как единственная в русской исторической литературе попытка дать общий обзор истории русско-ганзейской торговли. Но вместе с тем такая широкая постановка темы при недостаточной разработанности отдельных вопросов русско-ганзейской торговли обусловила несколько поверхностный характер всего исследования: автор его часто ограничивается лишь изложением событий, не делая попытки вскрыть скрывающуюся за ними историческую закономерность.

Иной характер имеет очерк торговли Новгорода с Западом в «Истории экономического быта Великого Новгорода» А. И. Никитского. Прекрасное знание источников, внимание к «мелочам», к кажущимся, на первый взгляд, незначительным фактам, умение на основе их раскрывать исторические явления — эти черты, присущие А. И. Никитскому как исследователю, позволили ему впервые осветить ряд важных моментов новгородско-ганзейской торговли. Указав на стремление новгородцев к развитию своей заграничной торговли, а также на те меры, к которым они прибегали для ограничения деятельности ганзейских купцов в пределах своих владений, А. И. Никитский тем самым впервые подчеркнул активный характер политики Новгорода по отношению к ганзейскому купечеству.

Зарубежная историография, посвященная истории новгородско-ганзейских отношений, представлена работами немецких и немецко-прибалтийских историков: В. Бука, Р. Гаусмана, А. Винклера, П. Остен-Сакена, Л. Гетца и др.¹ Несмотря на большой фактический материал, собранный в этих работах, и на детальную разработку целого ряда сюжетов, относящихся к истории новгородско-ганзейской торговли, мы не найдем в них освещения некоторых весьма важных для характеристики экономической и политической жизни Новгорода вопросов.

К числу таких вопросов относится вопрос о торговой политике Новгорода. Уделяя большое внимание политике Ганзейского союза и отдельных групп городов, входивших в его состав, по отношению к Новгороду, немецкие историки ни слова не говорят о политике самого Новгорода. Новгород рассматривается ими как пассивный объект деятельности Ганзейского союза.² Такая постановка вопроса не случайна: она является следствием принятого немецкой историографией предвзятого тезиса о якобы культурном превосходстве Ганзы над Русью. Исходя из этого тезиса, немецкие историки в действиях новгородцев по отношению к ганзейцам не усматривают проявления определенной торговой политики, не видят ничего, кроме бессмысленных «насилий» и «беззаконий».³ Не руководствуясь, по мнению немецких историков, в сноше-

¹ W. Buck. Der deutsche Kaufmann in Nowgorod, Berlin, 1891. Его же. Der deutsche Handel in Nowgorod bis zur Mitte des XIV Jahrhunderts, St. Petersburg, 1895. R. Hausmann. Zur Geschichte des Hofes von St. Peter in Nowgorod (Baltische Monatschrift, Riga, 1904, Bd. 58, Heft 10—11). A. Winkler. Der deutsche Hansa in Russland, Berlin, 1866. P. Osten-Sacken. Der Hansehandel mit Pleskau bis zur Mitte des XV Jahrhunderts (Beiträge zur Kunde Est-Liv- und Kurlands, Reval, 1912, Bd. VII, Heft 3). L. Goetz. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters, Hamburg, 1916. Его же. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters, Lübeck, 1922.

² От этих взглядов несколько отходит в своих работах Л. Гетц, возможно под влиянием исследований А. И. Никитского, которыми он пользовался.

³ Эта точка зрения особенно ярко выражена в работе E. Daenell. Die Blütezeit der deutsche Hanse, Berlin, B. I, 1905, S. 104—105.

ниях с ганзейцами в своих владениях никакой определенной программой, новгородцы еще менее способны были противостоять Ганзе за пределами родной земли. Если в XII—XIII вв. новгородцы совершали с торговыми целями плавания в Любек, Данию, на Готланд, то к концу XIV в. они были вытеснены ганзейцами с моря. Такова точка зрения, характерная для немецкой историографии.⁴

Если сравнить эту схему с общепринятой в исторической науке схемой развития взаимоотношений Ганзейского союза с западноевропейскими государствами, то получится разительный контраст. В скандинавских государствах, Англии, Фландрии и других европейских странах развитие промышленности и торговли привело к тому, что уже с конца XIV в. в одних странах в более яркой форме, в других — в менее яркой, началась борьба против ганзейцев, целью которой являлось ограничение ганзейских привилегий и покровительство национальному купечеству. Никаких признаков аналогичного процесса в жизни Новгорода немецкая историография не отмечает.⁵

История новгородско-ганзейской торговли оказывается, таким образом, вне той общеисторической закономерности, которой было подчинено развитие взаимоотношений европейских государств с Ганзой. К этой порочной точке зрения примыкали по существу и те русские историки, которые во взаимоотношениях ганзейцев с новгородцами подчеркивали лишь одну черту — хищническую эксплуатацию новгородской земли ганзейцами⁶ — и не замечали другой: все возрастающих усилий новгородцев, направленных к ограничению деятельности ганзейцев.

Как мы уже отмечали, впервые на эти усилия обратил внимание А. И. Никитский. Ему, таким образом, принадлежит заслуга постановки вопроса об активной торговой политике Новгорода. Но в «Истории экономического быта Великого Новгорода» А. И. Никитского этот вопрос полного освещения не получил. В силу некоторой статичности работы (автор дает характеристику новгородско-ганзейских торговых отношений, а не историю их) мы не найдем в нем исследования той борьбы между Новгородом и Ганзой, которая разгорелась с начала XV века. Мы постараемся показать ниже, что причиной этой борьбы являлось стремление Новгорода к ограничению ганзейских привилегий и к ликвидации тягостного для него посредничества ганзейцев в сношениях с Западом.

Несмотря на то, что политика, проводимая Новгородом по отношению к Ганзе, не принесла ему желательных результатов, нам кажется, что история новгородско-ганзейских отношений XV в. заслуживает специального исследования. Во-первых, данное исследование показывает, что в жизни Новгорода имели место процессы, аналогичные тем, которые уже отмечены исторической наукой для стран Западной Ев-

⁴ Ibid., S. 98. Hausmann. Op. cit., S. 207.

⁵ Богатый материал о взаимоотношениях Ганзейского союза с европейскими государствами в период с 1371 и до 1474 г. содержится в упомянутой выше работе Денеля. Автор показывает, как в этот период в европейских государствах нарастала борьба против ганзейцев. Только новгородско-ганзейские отношения в трактовке Денеля составляли исключение: о требованиях, предъявлявшихся новгородцами ганзейцам в связи с ограблениями новгородских купцов пиратами и недоброкачественностью немецких товаров, Денель пишет, как о чем-то случайном, отнюдь не являющемся выражением определенной линии политики Новгорода по отношению к Ганзейскому союзу.

⁶ Н. И. Костомаров. Северно-русские народоправства, том II, СПб., 1863 г., стр. 201—202; М. Н. Березков. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в., СПб., 1879.

ропы: как в западноевропейских государствах, так и в Новгороде, в результате успехов экономического развития на рубеже XIV—XV вв. началась борьба с засильем ганзейцев в области внешней торговли. Во-вторых, настоящее исследование приводит к выводу, что для успешной борьбы против Ганзы, борьбы, имевшей целью установление непосредственных сношений с Западной Европой, необходимо было образование русского национального государства.

II

Основы немецко-русских торговых отношений были заложены в XII—XIII вв., в период, когда экономические связи Новгорода со странами Западной Европы были мало развиты, поездки новгородцев на иноземные рынки случались весьма редко и экономика Новгорода в целом не достигла еще такого развития, какое имело место в последние столетия новгородской самостоятельности. В этот ранний период новгородской истории торговые сношения Новгорода с Западом осуществлялись через посредство немецкого купечества, имевшего свой центр на острове Готланде, а позже, в XIV—XV вв., через посредство Ганзы — союза северонемецких городов. Используя свое положение единственного посредника в торговле между Новгородом и Западом, немецкое купечество сумело занять в Новгороде привилегированное положение.

Ганзейцы обладали в Новгороде большими привилегиями в области гражданского права. Немецкое подворье в Новгороде — двор св. Петра — представляло собою как бы государство в государстве. Его обитатели пользовались полной свободой в вопросах внутренней жизни: немецкие купцы судились и управлялись своими властями, по своим законам. Юрисдикции Новгорода они подлежали только в случаях столкновений с новгородцами.⁷

Не менее значительны были привилегии ганзейцев в сфере непосредственной торговой деятельности. По общему мнению историков, одной из важнейших привилегий ганзейцев в Новгороде и источником больших прибылей, извлекавшихся ими из торговли с новгородцами, являлось почти полное освобождение ганзейских купцов от уплаты пошлин. Ганзейцы при проезде через новгородские владения уплачивали лишь одну проездную пошлину — в Гостинополе, размер которой определялся «старинной».⁸ Из пошлин торговых они должны были платить только «весчее» — пошлину за провес покупаемых и продаваемых товаров; величина ее была установлена договором 1259—1263 гг. по две куны от капи.⁹ В более раннее время, в период большого значения княжеской власти в Новгороде, существовал, повидимому, особый сбор с немецкого купечества в пользу князя.¹⁰ Однако с течением времени этот сбор потерял

⁷ Мы не останавливаемся на рассмотрении вопросов, связанных с внутренней жизнью немецкого двора и с гражданским положением немецкого купечества в Новгороде, поскольку эти вопросы не имеют непосредственного отношения к теме настоящей статьи.

⁸ Проект договора Новгорода с немецкими городами 1269 г. *Hansisches Urkundenbuch* (в дальнейшем сокращенно: HUB), В. I, Halle, 1876, № 665.

⁹ *Liv-Est. und Kurländisches Urkundenbuch* (в дальнейшем сокращенно: LUB), В. VI, Riga, 1873, № 3033.

¹⁰ Новгородская скра XIV в. разрешает уплачивать священнику немецкого двора 4 марки серебра «из своего княжеского сбора» (*van egame koninges scöte*). Повидимому, в это время княжеский сбор употреблялся уже на нужды купечества. См. И. Е. Андреевский. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 г. СПб., 1855, стр. 88.

реальное значение и был заменен обязанностью ганзейцев подносить великому князю подарки (обычно это были сукна, вина) при посещении им Новгорода.¹¹

Наряду с освобождением от пошлин источником прибылей ганзейцев являлись те привилегии, которыми они пользовались при заключении торговых сделок с новгородцами. Торговля между ганзейскими и новгородскими купцами производилась по определенным правилам, которые никогда не были зафиксированы в нормах юридических памятников, но освященные «старинной» имели их силу и значение. Эти правила позволяли ганзейским купцам в какой-то степени предохранять себя от покупки недоброкачественных товаров, в большом количестве обращавшихся на средневековых рынках, и в то же время сбывать такие товары почти беспрепятственно новгородцам.

Так, при покупке у новгородцев мехов и воска — главных предметов ганзейского экспорта из Новгорода — ганзейцы имели право меха осматривать, а воск «колупать» (*beklorpen*), то-есть откалывать куски воска для проверки его качества. К покупаемому меху ганзейцы могли требовать наддачи (*urgift*), которая являлась своего рода компенсацией за возможную недоброкачественность товара. Размеры наддачи, так же как и отколотых кусков воска, которые, кстати сказать, в счет веса покупаемого воска не засчитывались, не были установлены юридическим путем, а определялись лишь весьма растяжимой «старинной». Пользуясь этим, немцы откалывали большие куски воска, а к мехам требовали чрезмерных наддач, на что неоднократно жаловались новгородцы.¹²

Новгородцы при покупке ганзейских товаров подобных прав не имели. Сукна, пользовавшиеся в Новгороде большим спросом, ганзейцы продавали поставами — лакенами (*laken*). Лакен сукна должен был иметь в длину 44 локтя. Но покупатель мог проверить его длину только дома, ибо при покупке осматривать и промерять сукно не разрешалось. Лакены продавались в свернутом виде, в обертке, которая служила образчиком содержимого. На обертке имелась пломба, удостоверявшая доброкачественность товара. Однако, несмотря на наличие пломбы, новгородцы, снимая у себя дома обертку, часто обнаруживали, что лакены не имеют положенных 44 локтей в длину, иногда же они оказывались сшитыми из нескольких кусков сукна.¹³

Что касается других важнейших видов ганзейского импорта в Новгород — соли, меда, вина, то соль продавалась мешками, мед и вино — бочками. Мешки соли, так же как и бочки меда и вина, должны были содержать определенный вес — 20 ливонских фунтов, но ни взвешиванию, ни измерению они не подлежали.¹⁴ Легко можно представить, как злоупотребляли этим обстоятельством ганзейские купцы и как они наживались за счет недомера и недовеса товаров, продававшихся ими новгородцам.

Однако неправильно было бы думать, что даже в первый период новгородско-ганзейской торговли новгородцы не предпринимали ника-

¹¹ Отчет представителей ливонских городов о посольстве в Новгород 1436 г. LUB, IX, Riga, Moskau, 1889, 80.

¹² Рецесс съезда ливонских городов в Дерпте 19 февраля 1402 г. LUB, IV, Reval, 1859, 1602, § 2—3.

¹³ Письмо немецкого двора Ревелю. LUB, IX, 546.

¹⁴ Подробно о порядке торговли воском, мехами, сукнами, медом, солью см. у А. И. Никитского. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893, стр. 170—177, 267—273.

ких мер для ограничения хищнической деятельности немецкого купечества. Одним из наиболее ранних ограничительных мероприятий, существование которого зафиксировано источниками XIII в., является запрещение немецким купцам пользоваться услугами собственного обслуживающего персонала при проезде через новгородские владения. На Неве или в нижней части Волхова происходила перегрузка немецких товаров на русские суда, и начиная с этого момента и вплоть до того, как за немецкими купцами закрывались ворота двора св. Петра, они обязаны были пользоваться услугами новгородских лодочников, возчиков и носильщиков.¹⁵ Это правило, чрезвычайно стеснявшее немцев, доставляло неплохой заработок определенной части новгородского населения, занимавшейся извозом, так как лодчаны, лодочники, носильщики, используя артельный характер своей деятельности, принуждали немецких купцов к высокой оплате своего труда.

Повидимому, в XIV в. Новгород ввел новое ограничение деятельности немецкого купечества: торговля немецких купцов была ограничена пределами самого Новгорода. В более раннее время немецкие купцы имели право торговать не только в Новгороде, но и в других пунктах новгородской земли; факты, свидетельствующие о существовании этой торговли в XII—XIII вв., отмечены в источниках.¹⁶ Для XIV—XV вв. никаких сведений о торговле между новгородцами и ганзейцами в каких-либо пунктах новгородской земли помимо самого Новгорода источники не дают.¹⁷

В самом Новгороде немецкие купцы также не располагали полной свободой торговли. Им категорически была запрещена торговля с купцами из других русских и нерусских земель. Немцы могли заключать торговые сделки с иноземными купцами только при посредстве новгородских купцов.¹⁸ В случаях нарушения этого правила они подвергались суровым репрессиям со стороны новгородских властей, вплоть до наложения оков.¹⁹

Таковы те ограничения деятельности ганзейского купечества, которые существовали в Новгороде к началу рассматриваемого нами периода.

Мы не знаем обстоятельств, при которых были введены эти ограничения. Источники не дают никаких материалов для суждения о том, вызвало ли введение их энергичное противодействие ганзейцев, или же ганзейцы сравнительно скоро с ними примирились. Скорее можно предположить последнее, ибо, несмотря на все неудобства этих ограничений для ганзейцев, они не затрагивали тех основ немецко-новгородских торговых отношений, которые позволяли ганзейскому купечеству извлекать большие прибыли из торговли с Новгородом; торговые привилегии ганзейцев и монополия их на посредническую торговлю между Новгородом и Западной Европой оставались неприкосновенными.

¹⁵ Проект договора Новгорода с немецкими городами 1269 г. HUB, I, 665.

¹⁶ Под 1188 г. летопись упоминает об избитии немцев и готов в Хоружке и Новоторжке (Новгородская летопись по Синод. списку, стр. 162); договор Новгорода с немецкими городами 1259—1263 гг. и проект договора 1269 г. говорят о торговле немцев в Карелии (LUB, VI, 3033, HUB, I, 665).

¹⁷ Исключение составляет торговля, которая велась между ганзейцами и новгородцами на Неве. Но эта торговля была полуполюгальной, ибо она обычно имела место в периоды запретов торговли, нарушения нормальных торговых отношений.

¹⁸ «А с Новьгородци Немецькому купцю торговати, а промежи има ходити нашему Полочанину: занеже нась новьгородци не посять у Немецькии дворь торговати безь своего Новьгородца» (Договор Полоцка с ливонским магистром и Ригю 1405 г. LUB, VI, 2963).

¹⁹ Письмо немецкого двора Ревелю. LUB, VII, Riga, Moskau, 1881, 80.

III

Подъем экономики Новгорода, развитие новгородской торговли не могли не отразиться на характере новгородско-ганзейских отношений. С начала XV в. наступает новый период в истории новгородско-ганзейской торговли. Этот период характеризуется резким возрастанием активности торговой политики Новгорода, энергичным наступлением новгородцев на права и привилегии ганзейского купечества. На этой почве между Новгородом и ганзейскими городами происходили частые конфликты, сопровождавшиеся взаимными репрессиями: арестами купцов, конфискациями товаров, запретами торговли.

Новый этап в развитии новгородско-ганзейских отношений явственно обозначился уже в первые годы XV в., когда новгородское правительство предъявило ганзейцам целый ряд требований, имевших целью изменение действовавшего в Новгороде порядка торговли между новгородцами и ганзейцами. Первое официальное выступление новгородских представителей по этому вопросу произошло в 1402 г. В феврале этого года в Дерпте происходил съезд ливонских городов, на котором присутствовали послы Новгорода и Пскова.²⁰ Послы предъявили целый ряд жалоб на нарушения немецкими купцами установленного размера и веса продаваемых ими товаров: по словам послов, сукна, продававшиеся немцами, коротки, мешки с солью — слишком малы, бочки с медом и сладким вином также меньше положенного размера, а мед и вино недоброкачественные — разбавлены водою. Наряду с жалобами на вес и качество ганзейских товаров новгородские послы принесли жалобы на поведение немецких купцов при покупке ими товаров у новгородцев. Послы жаловались, что немцы, покупая воск, слишком сильно «колупают» его, а при покупке мехов требуют к ним больших наддач.²¹

Вместе с претензиями и жалобами новгородские послы внесли предложения в целях устранения существовавших злоупотреблений. Они предложили торговлю солью и медом производить по весу, для чего установить в Новгороде специальные весы.²²

На все предложения и пожелания новгородских послов съезд ливонских городов ответил отказом. Съезд ограничился тем, что ознакомил новгородских послов со своим письмом ганзейскому съезду, в котором он просил ганзейские города принять меры к тому, чтобы мешки для соли и бочки для меда и вина изготавливались согласно установленным образцам, а вина не разбавлялись.²³

Таким образом, попытка Новгорода добиться удовлетворения своих требований посредством переговоров с ливонскими городами окончилась неудачей. Следующий, более решительный шаг в этом направлении Новгород сделал в 1407 г.

В 1406 г. в Прибалтике начались военные действия. Литва и Ливон-

²⁰ В этом случае, как часто и позже, новгородцы ведут переговоры не с ганзейскими съездами — высшим органом власти Ганзейского союза — и не с ратом Любека, который являлся высшей инстанцией в перерывах между ганзейскими съездами, а с ливонскими городами. Это объясняется той ролью, которую играли ливонские города в ганзейско-русской торговле. В силу целого ряда причин, в первую очередь благодаря развитию экономических связей между Новгородом и Ливонией и перенесению центра внимания Любека и вендских городов на северо-запад Европы в связи с борьбой против Дании, в руки ливонских городов в XV в. переходит руководство торговлей Ганзы с Новгородом.

²¹ Рецесс съезда. LUB, IV, 1602, § 1—6.

²² Там же, § 5.

²³ Там же, § 41, 34.

ский орден выступили против Пскова. Псков энергично сопротивлялся, и война затянулась. Военные действия, развернувшиеся почти на границах Новгорода, сопровождались обострением отношений между Новгородом и ганзейским купечеством. Уже в апреле 1406 г., после получения известия об аресте русских купцов в Дерпте, немецким купцам был запрещен выезд из Новгорода.²⁴ В конце 1406 г., после ограбления новгородцев в Нарве, новгородское вече повторило это запрещение.²⁵

Запрещение немецким купцам выезда из Новгорода само по себе было довольно частым явлением в практике новгородско-ганзейской торговли. Новгород смотрел на него, как на средство давления на немцев и прибегал к нему всякий раз, когда с его «детьми» что-нибудь случилось в Ливонии. Однако на этот раз немецкие купцы были задержаны на особенно длительный срок, и запрещение им выезда сопровождалось резким ухудшением отношений между новгородцами и ганзейским купечеством. Это объясняется тем, что репрессивные меры по отношению к немецким купцам из-за ограбления новгородских купцов в Ливонии совпали с новым выступлением новгородцев против привилегий ганзейского купечества. Пользуясь, возможно, тем, что война между Ливонией и Псковом затянулась, Новгород сделал попытку добиться того, на что ему не удалось получить согласия ливонских городов в 1402 г., — изменения условий торговли солью и медом.

В 1407 г. репрессии против немецких купцов в Новгороде были усилены. По распоряжению новгородских властей, на торгу было объявлено, чтобы никто из новгородцев не торговал с немцами. Когда представители немецкого двора явились к тысяцкому за разъяснениями, то он сказал им, что запрещение торговли с немцами вызвано короткостью сукон и (недостаточным) весом соли; тут же тысяцкий добавил, что новгородцы хотят соль у себя взвешивать, как взвешивают ее в Дерпте и в Ревеле, а бочки с медом иметь полными до краев.²⁶

Вслед за этим Новгород сделал попытку провести в жизнь свои требования. Из письма ольдерманов двора Ревелю от 1 июля 1407 г. мы узнаем, что новгородцы приняли постановление о покупке соли у немцев только по весу, а меда — полными бочками; нарушители этого постановления карались штрафом в 50 гривен серебра. Постановление было записано в грамоте, составленной на вече и скрепленной печатями. Власти немецкого двора прибегли к контрмерам: в том же письме ольдерманы указывают, что в ответ на решения новгородцев они запретили находящимся в немецком дворе купцам торговлю с новгородцами под угрозой штрафа в 50 марок серебра и лишения прав двора.²⁷

Для характеристики того, насколько сильным было раздражение в Новгороде из-за постоянных злоупотреблений немецких купцов при торговле солью и медом и как в действительности велики были эти

²⁴ Письма немецкого двора Ревелю. HUB, V, Leipzig, 1899, 716.

²⁵ Письма немецкого двора Ревелю. Там же, 751, 752.

²⁶ «...Sedder der tijt hebbet se ropen laten dorch dat market, dat ere brodere nicht kopslagen ene solen met den Dutschen. Des ginge wy vor den hertegen unde vrageben ene, wat schult dat he uns geve, dat sine brodere nicht met uns kopschlagen ene scholden. Des lede he uns punte voer: int erste de korte van den laken unde de wichte van deme solte, dat se willen dat solt hir so gewegen hebben also to Darpte edder to Rewele, unde wilt hir hebben enen punder unde se willen dat honich vul hebben bette to deme spunde» (Письмо немецкого двора Ревелю, HUB, V, 788).

²⁷ «...unde se (новгородцы.— Н. К.) hebben enen breif gemaket in deme dinge unde besegelt under sik also, dat nen Russe sal kopen van den Dutschen anders den solt by der wicht, dat honich by vullen tonnen by 50 stukke sulvers, und des sy wy hir ens geworden, dat niemant den kop sal angaen by 50 mark unde by des hoves rechte...» HUB, V, 794.

злоупотребления, интересно письмо немецкого двора Ревелю от 10 августа 1407 г. В этом письме власти двора сообщают о своих переговорах с тысяцким и новгородскими купцами о торговле солью и медом. Тысяцкий и новгородские купцы заявили дворовым властям, что они хотят, чтобы соль продавалась в Новгороде по весу, а мед — полными бочками, указав при этом, что они (новгородские власти.— Н. К.) распоряжаются в своем городе, а не немцы. Далее представители Новгорода сказали, что немецкие купцы их обворовывают, ибо они берут в Ревеле 15 мешков соли за ласт, а в Новгороде дают 12; равным образом они получают в Ревеле 13 бочек меда за ласт, а новгородцам продают 12. Свое письмо ольдерманы двора заканчивают просьбой позаботиться о благополучии находящихся в Новгороде немецких купцов, указывая, что если новгородцам удастся урезать «права» немецкого купечества в этом вопросе, то же самое они сделают затем и в других.²⁸ Показателен страх ганзейского купечества перед возможным ограничением их привилегий в Новгороде.

В возникшей по поводу состояния дел в Новгороде переписке ливонские города дают немецкому двору указания не соглашаться ни на какие нововведения и следить за тем, чтобы торговля велась согласно старому обычаю и крестоцелованию.²⁹ Чтобы заставить новгородцев пойти на уступки и отказаться от своих постановлений, города запрещают подвоз в Новгород соли и меда, т. е. тех товаров, из-за которых возник конфликт.³⁰

Конфликт затянулся надолго. Только в 1409 г. договором, заключенным между Новгородом и ливонскими городами, была прекращена вражда и восстановлены нормальные условия для продолжения торговли. Как был разрешен вопрос о порядке торговли солью и медом, источники не говорят. Но поскольку новгородцы позже опять поднимают вопрос о торговле солью, постольку мы можем предполагать, что на этот раз они уступили. Ганзейское купечество оказалось сильнее: прекратив подвоз соли и меда, оно добилось сохранения старины. Но самая ожесточенность борьбы, решительная попытка Новгорода (впервые) провести в жизнь свои требования, показывают, какой шаткой стала эта старина.

Следующий этап борьбы новгородцев против привилегий ганзейцев падает на ближайшие после Грюнвальдской битвы годы. Грюнвальдская битва, сопровождавшаяся значительным ослаблением не только немецкого Ордена, но и немецкого элемента вообще на востоке Европы, не могла не оказать влияния на торговую политику Новгорода. После Грюнвальда новгородское правительство и новгородское купечество усиливают свое наступление на позиции ганзейцев в Новгороде.

Значительный шаг в этом направлении был сделан в 1410 г., когда

²⁸ «Des wetet, dat wy et vaken vorvolget hebben vor den hertogen unde vor den kopluden. Des hebben se uns nu en antworde gegheven, dat se willen dat solt hir wegen unde willen dat honich vul hebben, unde dat wy—vul gheven unde ok vul nemen, wente se seggen, se raden in erer stat unde wy nicht, unde se seggen, dat wy aldus lange ere deve gewesen hebben, unge seggen, dat wy nemen to Rewel 15 sekke soltes vor de last und geven hir 12. Desgelikes seggen se van deme honige, dat wy nemen met uns 13 tunnen unde geven hir 12 vor de last... Hirumme, leven vrundes, weset hirane vorseen, dat de kopman vorwaret blive, wente wy besorget uns des, weret dat se den kopman nu van dessen punten des rechtes drunghen, dat se desgelikes hir negest by eneme anderen doen scholden, des de kopman hir negest mochte in groten schaden komen». HUB, V, 807.

²⁹ Письма ливонских городов и немецкого двора. HUB, V, 802.

³⁰ Письма ливонских городов и немецкого двора. Там же, V, 799, 800, 802, 809, 811, 822, 827.

новгородское купечество, с ведома, конечно, новгородских властей, сделало попытку ввести таксированные цены на товары, продававшиеся немцами. Повидимому, эти цены были очень невыгодны для ганзейского купечества, ибо власти немецкого двора с возмущением писали об этом нововведении Риге: «Мы жалуемся вам теперь на то, что виднейшие новгородские купцы,— писали ольдерманы,— обманно и бесчестно приняли, утвердили и установили новые, нехорошие и неправильные цены для купца и его товаров, подобных которым никогда не было». ³¹ Немецкое купечество не согласилось продавать товары по этим ценам, отчего на дворе образовалось большое скопление товаров. В том же письме ольдерманы сообщали, «что церковь заполнена товарами сверху дониза». Двумя неделями позже власти немецкого двора извещали Ригу, что новгородцы все же продолжают держаться принятых постановлений, рассчитывая, что с приездом летних гостей, когда количество товаров, скопившихся на немецком дворе, еще больше увеличится, немецкое купечество пойдет на уступки и Новгород сможет осуществить свою волю. ³²

Власти немецкого двора, со своей стороны, приняли меры к тому, чтобы не допустить изменения существующих правил торговли и заставить Новгород отказаться от принятых постановлений. Сознывая, что увеличение количества товаров, находящихся на дворе, ухудшит положение, власти двора в марте 1410 г. просят ливонские города удерживать летних гостей от поездок в Новгород; в письме указывается, что церковь полна товара, и новгородцы хвалятся, что они взяли купца в мешок, связали его мочалой и думают вскоре связать еще ремнями. ³³ В начале апреля 1410 г. ольдерманы повторяют свою просьбу о том, чтобы летний гость не следовал за зимним, так как 200 терлингов полотна еще лежат непроданными. Однако к концу апреля спор между немецким двором и Новгородом каким-то образом был улажен, и Рига 22 апреля пишет Ревелю, что дальнейшее запрещение поездок в Новгород она считает нецелесообразным, так как торговля купца в Новгороде теперь идет хорошо. ³⁴

В 1410—1414 гг. немецким купцам пришлось выдержать борьбу не только с новгородскими купцами, пытавшимися установить свои цены на немецкие товары, но и с новгородскими лодочниками, возчиками и носильщиками, добивавшимися улучшения условий своего труда.

В 1410 г. купцы немецкого двора жаловались Ревелю, что лодочники на Неве выносят постановления (повидимому, в отношении оплаты своего труда.— *Н. К.*), какие они хотят. ³⁵ В 1412 г. они сообщают Ревелю о новых постановлениях русских в отношении платы за использование ладей на Неве: с каждой ладьи, которая нанята и отправляется вверх по Неве, немцы должны были уплачивать 1/2 марки в пользу ладей, оставшихся пустыми. ³⁶ Таким образом немцы должны были в какой-то мере компенсировать и тех лодочников, которые выехали навстречу им на Неву, но остались без работы.

³¹ «Des klage wi iu nu klegelken, wo' de uppersten van kopluden to Nogarden valseken und untruwelken hebben gestifted, stemped und gemaket nige, quade, falsche settinge up den kopman und up sin gud, des gelike nie er gesed is». LUB, VI, 2984.

³² LUB, IV, 1827.

³³ «...de Novgardere sik vorromen, dat se den kopman in deme sakke hebben, und hebben den mit ereme baste to gebunden, und menen ene hiir negest mit ereme remen to bindendes». LUB, IV, 1829.

³⁴ LUB, IV, 1834.

³⁵ «Vort so schuet deme.. verdretes in der Nuwe van den lodigen luden, wente se daer ein gesette makenunde wu se willen». LUB, IV, 1822 (текст испорчен.— *Н. К.*).

³⁶ HUB, V, 1057.

Наряду с лодочниками на Неве активно действовали в целях улучшения условий своей работы и новгородские носильщики. 15 июля 1412 г. в письме к Ревелю немецкий двор жалуется, что носильщики сами не знают, во сколько оценить свой труд, и с каждым днем они требуют с немецких купцов все больше и больше.³⁷

Однако, несмотря на все жалобы немцев, вызванные требованиями лодочников и носильщиков, торговля с Новгородом не прерывалась: очевидно, немецким купцам выгоднее было уплачивать лодочникам, возчикам и носильщикам требуемые ими суммы, чем идти на перерыв в торговле.

Новое серьезное столкновение между Новгородом и ганзейским купечеством, приведшее к общеганзейскому запрету торговли с Новгородом, произошло в 1416 г. Оно было связано с дальнейшей активизацией торговой политики Новгорода, с усилением наступления его на привилегии немецкого купечества.

Уже в 1415 г. отношения между немецким двором и новгородцами начали портиться из-за продажи немцами коротких сукон: сукна оказывались на 8—9 локтей короче положенного размера.³⁸ В начале 1416 г. Новгородское вече вынесло решение о запрещении всякой торговли с немцами, исключая торговлю съестными продуктами и напитками. Кроме этого, вече приняло ряд других решений, которые с немецкой точки зрения противоречили крестоцелованию и правам купца.³⁹ О том, в чем именно заключались эти решения, мы можем догадаться путем анализа инструкции, данной Ревелю своим послан на съезде ливонских городов, который состоялся в 1416 г. В этой инструкции Ревель предлагает на рассмотрение ливонских городов ряд пунктов, которые, по его мнению, следовало обсудить во время переговоров с новгородцами. Для освещения интересующего нас вопроса интересны три пункта: 1) о запрещении немцам мелкой торговли, которую раньше они могли вести в Новгороде; 2) о запрещении им разгрузки товаров собственными силами; 3) о постановлениях новгородских лодочников против немецких купцов.⁴⁰ Сопоставление этих пунктов с фактом принятия Новгородским вече в 1416 г. каких-то решений, направленных против ганзейцев, позволяет, как нам кажется, раскрыть содержание этих решений: в 1416 г. Новгородское вече приняло постановление о запрещении немцам розничной торговли и подчеркнуло обязательность использования ими при перевозке товаров услуг новгородцев. Эти постановления, свидетельствующие об усилении борьбы новгородцев против ганзейцев, привели к углублению конфликта между Новгородом и немецким купечеством, начавшегося в 1415 г. из-за продажи немецкими купцами коротких сукон.

Узнав о положении дел в Новгороде, о «новых» правилах торговли, установленных Новгородом для ганзейских купцов, ливонские города в качестве контрмеры в том же 1416 г. наложили запрет на торговлю с новгородцами. Запрет был очень строгим: немецким купцам запрещалось не только ездить в Новгород, но и вести торговлю с новгородцами

³⁷ «...unde de dregeris nicht en weten, woe se uns beschatten willen, dat gud optodregen, wente se vorhogen et ons van dage to dage». HUB, V, 1063.

³⁸ Письмо Риги Дерпту. HUB, VI, Leipzig, 1905, 52.

³⁹ «...wo dat en Groten Nowgarden vorboden heft ud deme dinghe dor den market, dat man mit dem Dudschen copmanne to Nowgarden nicht coepslagen sall, sunder alleyne eten unde drincken, unde vele andere punte, dar se menen den copman van to drenghende jeghen de crucekussinge unde des copmans rechticheit». Письмо ливонских городов ганзейской конторе в Брюгге. «Hanserecesse, erste Abteilung» (в дальнейшем сокращенно: HR, I). VI, Leipzig, 1899, 230.

⁴⁰ LUB, IV, 1929; см. также LUB, VI, Regest 2304.

в Пскове.⁴¹ В 1417 г. к почину ливонских городов присоединились и другие ганзейские города: в июне 1417 г. ганзейский съезд, заседавший в Ростоке и Любеке, вынес решение об объявлении общеганзейского запрета торговли с Новгородом.⁴² Ганзейский союз прибегнул к крайней мере — экономической блокаде, для того чтобы заставить Новгород отказаться от направленных против ганзейского купечества постановлений.

Но блокада, объявленная Ганзейским союзом, в этот раз, как и прежде, не достигла полностью своей цели. Несмотря на всю строгость запрета, европейские товары продолжали поступать в Новгород. Щелями, через которые они просачивались, являлись Нарва и Выборг.

Нарва занимала особое место в системе немецко-русской торговли. Нарва не являлась членом Ганзейского союза, и ганзейские съезды по настоянию ливонских городов, опасавшихся конкуренции Нарвы в торговле с Новгородом, упорно отказывали ей в приеме в члены союза.⁴³ В силу этого обстоятельства Нарва не считала себя обязанной соблюдать постановления ганзейских городов, но в то же время, будучи членом ливонской конфедерации, она не решалась открыто их нарушать. Во время торговых запретов торговля Нарвы с Новгородом велась следующим образом: жители Нарвы вывозили товары на Неву и продавали их приезжавшим туда новгородцам. Вывоз товаров на Неву власти Нарвы объясняли разными причинами. Так, когда летом 1417 г. рат Ревеля обратился к рату Нарвы с просьбой соблюдать запрет торговли и прекратить продажу русским соли на Неве, рат Нарвы ответил, что соль на Неву вывозится для нужд ловцов осетров. В этом же письме рат Нарвы указал, что Нарва будет соблюдать постановления городов в отношении торговли с Новгородом в том случае, если ее купцам будут предоставлены в немецком дворе в Новгороде равные с купцами других городов права.⁴⁴

Аналогичное положение в торговле с Новгородом занимал Выборг. Во время ганзейских запретов купцы Выборга закупали в ливонских городах, главным образом в Ревеле, товары и затем продавали их новгородцам на Неве. Для прекращения этой торговли рат Ревеля в 1418 г. принимает постановление о том, чтобы шведские купцы, закупавшие товары в Ревеле, давали бы клятву, что эти товары не предназначаются для продажи русским.⁴⁵

Несмотря на все меры, принимавшиеся ганзейскими городами, запрещенная торговля на Неве продолжалась. Она продолжалась не только вследствие тех выгод, которые торговля с новгородцами приносила купцам Нарвы и Выборга, но и потому, что эту торговлю активно поддерживали сами новгородцы, справедливо усматривавшие в ней средство притупления самого острого оружия Ганзы — экономической блокады.

Вражда между Новгородом и ганзейским купечеством, начавшаяся в 1416 г., длилась в течение почти двух лет. Однако длительный перерыв торговых связей был невыгоден как для Новгорода, так и для ливонских городов, и у сторон возникает стремление к урегулированию конфликта. Генрих Беман, представитель рата Дерпта, в начале 1417 г. находившийся в Новгороде, сообщил при своем возвращении, что один знатный новгородский купец посоветовал ему, чтобы города послали в

⁴¹ Письмо ливонских городов ганзейской конторе в Брюгге. HR, I, VI, 230.

⁴² Рецесс съезда. HR, I, VI, 397, § 66.

⁴³ Письмо Нарвы Ревелю. HR, I, VI, 459; рецесс ганзейского съезда. LUB, VII, 489.

⁴⁴ HR, I, VI, 459.

⁴⁵ Письма Ревеля Дерпту и наместнику Разаборга. HUB, VI, 150, 156.

Новгород посла с запросом: желает ли Новгород возобновить торговлю с немецким купечеством?⁴⁶ Летом 1417 г. новгородские послы вели переговоры с представителями ливонских городов в Риге и в Дерпте.⁴⁷ Повидимому, в результате этих переговоров была подготовлена почва для приезда послов ливонских городов в Новгород с целью урегулирования всех спорных дел.

Послы ливонских городов прибыли в Новгород осенью 1417 г. 14 ноября 1417 г. два ревелских ратмана сообщили из Новгорода в Ревель, что с Великим Новгородом заключено соглашение о восстановлении старого крестоцелования.⁴⁸ Заключение мира в 1417 г. кратко отмечено и Новгородской летописью: «А в то время взяша Новгородци миръ с Нѣмци».⁴⁹

Как явствует из текста письма ревелских ратманов, мир 1417 г. лишь подтверждал условия прежних новгородско-ганзейских договоров, не внося в них никаких изменений. Новгородцы, повидимому, отказались от своих «противоречащих старому крестоцелованию», по немецкой терминологии, требований.

Чем была вызвана внезапная уступчивость Новгорода: экономической блокадой, к которой прибегла Ганза, или тяжелым положением, в котором находился в это время Новгород из-за свирепствовавшего с необычайной силой мора,⁵⁰ или тем, что в правящих кругах Новгорода сожаление о теряющихся, вследствие перерыва в торговле с немцами, прибылях взяло верх над соображениями дальновидной политики — решить трудно. Как бы то ни было, усилия новгородцев, направленные к ограничению ганзейских привилегий, и на этот раз оказались безуспешными.

IV

В 20—30-х годах XV в. характер торговой политики Новгорода меняется. Вопросы, из-за которых шла ожесточенная борьба в течение первых двух десятилетий XV в., — о порядке торговли солью, медом, сукнами, об условиях оплаты труда лодочников и носильщиков, о розничной торговле немцев, — отодвигаются теперь на задний план.

Основной целью торговой политики Новгорода, на достижении которой он сосредоточивает все свои усилия, становится получение гарантии «чистого пути» за море для новгородцев, или, говоря иными словами, принятие ганзейцами на себя ответственности за ограбления, случившиеся с новгородцами во время их поездок по морю.

Выдвижение этого требования диктовалось, как нам кажется, развитием заграничной торговли новгородцев, а следовательно, и увеличением поездок новгородцев по морю, так как для проезда на иноземные рынки новгородские купцы пользовались наиболее проторенными в то время морскими путями.

Вопроса о степени развития заграничной торговли новгородцев, и в связи с этим торгового мореплавания их, касались в той или иной мере все историки, писавшие о новгородско-ганзейской торговле. Как мы уже указывали, обычное решение этого вопроса, особенно характерное для немецкой историографии, таково: в XII—XIII вв. новгородские купцы совершали поездки в Любек, Данию, на Готланд; на Готланде существовала даже колония новгородских купцов — «становище» на Готском бе-

⁴⁶ Письмо Дерпта Ревелю. LUB, V, Riga, 1867, 2117.

⁴⁷ Письма Риги Дерпту и Ревелю. HR, I, VI, 462, 463.

⁴⁸ HUB, VI, 134.

⁴⁹ Новгородская летопись по Синодальному списку, стр. 404.

⁵⁰ Ревельские ратманы в упоминавшемся уже нами письме от 14 ноября 1417 г. пишут, что в Новгороде ежедневно умирают от мора до тысячи человек.

регу. В XIV в. вследствие противодействия Ганзы поездки русских за море становятся все более редкими, а к концу XIV в. прекращается даже посещение новгородскими купцами Готланда.⁵¹

Источники действительно не содержат никаких указаний на поездки новгородских купцов в Любек и Данию позже XII в. и на Готланд позже XIV в.,⁵² но зато они дают достаточно обильный материал, который, вопреки распространенной точке зрения, неоспоримо свидетельствует о развитии в XIV—XV вв. заморских поездок новгородцев, о частом посещении ими таких стран, как Ливония, Пруссия, Швеция.

Приведем некоторые факты, подтверждающие это положение.

В 1395 г. разбойники захватили судно, на котором находились товары новгородцев и немцев; фогт Або обещал Ревелю принять меры к установлению местонахождения этих разбойников.⁵³ В 1396 г. Яков Абрамсон, житель Ревеля, освободил из рук разбойников новгородцев, которые вместе со своими товарами попали в руки пиратов.⁵⁴ В 1419 г. между Ревелем и Уве было захвачено русское судно с товарами.⁵⁵ В 1424 г. русские, захваченные на море в 8 милях от Ревеля, были высажены на берег и ограблены.⁵⁶ В 1434—1435 гг. произошли новые ограбления новгородцев между Ревелем и Невой.⁵⁷ В 1441 г. Новгород жаловался Ревелю, что у новгородца Петра «взялълодью на моръ с товаромъ и головы поськли». ⁵⁸ Во всех этих случаях речь идет, повидимому, об ограблениях новгородцев в пределах Финского залива и, следовательно, о поездках их либо в ливонские города, либо в шведские, расположенные по северному берегу Финского залива,— Выборг и Або.

Но новгородцы в интересующее нас время плавали и дальше в шведские владения. Так, в конце XIV в. из-за товара, отнятого у новгородцев в Стокгольме, возникла распря между Новгородом и немецким купечеством. В 1418 г. морские разбойники захватили около Швеции корабль, на котором было много новгородских товаров.⁵⁹

Помимо Швеции новгородцы плавали и в Пруссию, о чем свидетельствует очень интересный документ — письмо ливонских городов Данцигу от 15 декабря 1398 г. Ливонские города пишут Данцигу: «Мы слышали, что русские ради своей торговли начали ездить по морю, чего раньше никогда не было... мы настоятельно просим, чтобы вы с уважаемым господином великим магистром говорили и просили его милость, чтобы

⁵¹ Этой точки зрения придерживались Гаусманн, Денель, Бережков (см. названные выше работы) и другие авторы. По-иному, хотя и в очень осторожной форме, вопрос о развитии заморских поездок новгородских купцов поставил А. И. Никитский, считавший, что, несмотря на противодействие ганзейцев, эти поездки не только не прекращались, но в известной степени даже развивались (см. «Историю экономического быта Великого Новгорода», стр. 141).

⁵² Сведения о поездках новгородских купцов в Данию и Любек в XII в. содержатся в новгородских летописях (см. Новгородскую летопись по Синодальному списку, стр. 125, 127, 134) и в известной привилегии Фридриха I иноземным купцам в Любеке (см. HUB, I, 33). О торговле новгородцев на Готланде свидетельствуют новгородско-ганзейские договоры XIII—XIV вв.; в последний раз Готланд, как цель торговых поездок новгородцев, назван в договоре Новгорода с немецкими городами 1392 г.

⁵³ Письмо фогта Або Ревелю. HUB, V, 199.

⁵⁴ Грамота новгородцев Ревелю. LUB, IV, 1407.

⁵⁵ Lübekisches Urkundenbuch, VI, Lübeck, 1881, 110; HUB, VI, 234, 235.

⁵⁶ Письмо Дерпта Ревелю. LUB, VII, 256; отчет ливонского посла о переговорах в Новгороде. LUB, VII, 317.

⁵⁷ Письмо немецкого двора в Новгороде Ревелю. LUB, VIII, Riga, Moskau, 1884, 850; письмо наместника Выборга Ревелю. LUB, VIII, 957.

⁵⁸ Грамота Новгорода Ревелю. LUB, IX, 793.

⁵⁹ LUB, VI, 3094; V, 2254.

было постановлено так, чтобы русских и их товар в ваших (прусских.— Н. К.) гаванях никто не брал на суда и не вывозил». ⁶⁰

В приведенном отрывке сразу бросается в глаза одно местоуказание ливонских городов на то, что «русские ради своей торговли начали ездить по морю, чего раньше никогда не было». Очевидно, в конце XIV в. произошло настолько резкое увеличение поездок русских по морю, что это дало возможность ливонским городам считать эти поездки чем-то противоречащим обычной практике.

Требование о предоставлении новгородцам «чистого пути» за море впервые было выдвинуто в проекте договора с Орденом, который новгородские послы представили орденскому капитулу, заседавшему в Вендене в августе 1420 г. ⁶¹ Это требование Орден отклонил самым решительным образом. ⁶² Несмотря на неудачу этой первой попытки, Новгород на протяжении ряда лет, вплоть до начала 40-х годов, когда надвигавшаяся война с Орденом отодвинула на задний план все остальные вопросы внешней политики, с удивительной настойчивостью вновь и вновь предъявлял Ганзейскому союзу требование о принятии ганзейскими городами на себя ответственности за ограбления новгородцев, случавшиеся с ними во время их поездок по морю.

Это требование Новгорода вызывало ожесточенное противодействие Ганзы и приводило к длительным распрям между Новгородом и ганзейскими городами. Первая крупная распря по этому вопросу возникла в 1420 г. Поводом к ней послужило ограбление новгородцев, происшедшее в 1420 г. на Неве.

В 1420 г. новгородские купцы были захвачены разбойниками на Неве и доставлены в Висмар. В числе грабителей находились как лица шведской национальности, так и бывшие граждане Любека. ⁶³ Новгород потребовал, чтобы новгородские купцы были освобождены, товар, отнятый у них, найден и доставлен в Новгород. До возвращения захваченных новгородцев и их товаров немецким купцам был запрещен выезд из Новгорода. ⁶⁴ Меры, принятые Новгородом, подействовали. Вопрос о захваченных пиратами новгородских купцах обсуждался на ганзейском съезде в Любеке в июне 1421 г. По решению съезда, были приняты шаги к освобождению новгородских купцов из рук разбойников, ⁶⁵ и в августе 1422 г. ганзейские представители передали в Нарве освобожденных новгородских купцов уполномоченным Новгородом. ⁶⁶

Для окончательного урегулирования конфликта в январе 1423 г. в Новгород прибыли послы ливонских городов. В феврале 1423 г. от имени Ганзейского союза они заключили договор с Новгородом, который

⁶⁰ «Wy vornemen wol, dat de Russen beginnen mit erer kopenschop ter zee to vare[n], dat noch ny eer gewesen is... wy mit vlite bidden, dat gy mit deme erwerdigen hern nometstere spreken unde werven by sin[er] [gn]aden, dat id also geschiket werde, dat de Russen unde ere gud in noch ute juven havenen nemant en lade noch vure...» HR, I, IV, Leipzig, 1877, 508.

⁶¹ LUB, V, 2493. Тот факт, что Новгород предъявил Ордену требование о предоставлении новгородцам «чистого пути» за море, не должен вызывать удивления: через владения Ордена проходили частично те морские пути, которыми пользовались новгородцы; кроме того, Орден в качестве главы ливонской конференции всегда мог оказывать давление на ливонские города, которые в XV в. определяли политику Ганзы по отношению к Новгороду.

⁶² Письмо ливонского магистра великому магистру. LUB, V, 2500.

⁶³ Письма Любека ливонским городам и Новгороду, HR, I, VII, Leipzig, 1893, 136, 137.

⁶⁴ Переписка ганзейских городов с Новгородом. LUB, V, 2373; HR, I, VII, 307; HR, I, VII, 304.

⁶⁵ Речес съезда. HR, I, VII, 326, § 8.

⁶⁶ Письмо Дерпта Любеку. LUB, V, 1982.

разрешал целый ряд спорных дел и объявлял законченной «нелюбовь» между Новгородом и немцами. Дело об ограблении новгородских купцов Мирона, Терентия и Трифона на Неве в 1420 г. договор разрешал следующим образом: ганзейские города должны были возратить ту часть товара Мирона и его товарищей, которая попала в Висмар, а именно 14 корабельных фунтов и 8 ливонских фунтов воска; товар, оставшийся у разбойников, города должны были искать и, что найдут, — возратить новгородцам; за товар, который ганзейским городам найти не удастся, Новгород не должен был «взыскивать» с немецких купцов.⁶⁷ Таким образом, основной вопрос спора — вопрос об ответственности Ганзы за ограбления новгородцев на море, решался путем компромисса: ганзейские города брали на себя обязательство искать ограбленный у новгородцев товар, новгородцы же обещали не подвергать репрессиям немецких купцов из-за товара, который найти не удастся.

Компромиссность решения делала неизбежным возникновение на этой почве новых недоразумений, так как в связи с развитием международной торговли и поездок новгородцев по морю Новгород не склонен был довольствоваться половинчатым обязательством ганзейцев о возвращении того товара, который удастся найти. Он желал, чтобы ганзейцы дали ручательство в безопасности плаваний новгородцев по морю и возвращении всех отнятых у них товаров.

Поводом к тому, чтобы Новгород вновь выставил эти требования, явилось ограбление новгородских купцов, происшедшее летом 1424 г. у берегов Ливонии. В 8 милях от Ревеля на судно, на котором находились новгородцы, было совершено нападение: новгородцев высадили на берег, а товар их увезли в глубь страны.⁶⁸ После того, как ливонские города отказались дать удовлетворение, заявив, что они неповинны в случившемся «ни словом, ни делом» и не знают, где находятся грабители и кто они,⁶⁹ Новгород прибегнул к обычному средству воздействия на ганзейцев: в начале 1425 г. новгородские власти арестовали всех немецких купцов, находившихся в Новгороде в количестве 150 человек.⁷⁰ Условия ареста были очень суровыми: немецким купцам строжайшим образом запрещался выход с территории двора. Только после того, как послы ливонских городов, приезжавшие в Новгород в апреле 1425 г., обещали, что вскоре придут «большие послы», облеченные полномочиями для решения всех дел, новгородцы разрешили немцам покупать продукты питания и ходить из одного немецкого двора в другой.⁷¹ Послам Дерпта и Ревеля, бывшим в Новгороде в июне, новгородские власти заявили, что они освободят немецких купцов после возвращения своих братьев и их товаров, но не раньше.⁷²

На арест немецких купцов в Новгороде Ганза ответила обычной контрмерой — запрещением торговли с Новгородом.⁷³ Для большей эффективности запрета ганзейские города решили обратиться к государям соседних с Новгородом государств с просьбой прекратить торговлю с новгородцами. Дерптские послы, бывшие в октябре 1425 г. на собрании орденского капитула в Вендене, просили магистра и сановников Ордена,

⁶⁷ Договор 1423 г. HR, I, VII, 569.

⁶⁸ Отчет посла Дерпта о переговорах в Новгороде. LUB, VII, 317.

⁶⁹ Письмо Ревеля Новгороду. Там же, 261.

⁷⁰ Отчет ливонских послов о переговорах в Новгороде в 1436 г. LUB, IX, 80, § 5.

⁷¹ Письмо немецкого двора Ревелю. LUB, IV, 1624. О датировке см. LUB, VII, 271.

⁷² Письмо Ревеля Любеку. LUB, VII, 297.

⁷³ Переписка ганзейских городов. Там же, 283, 290, 303, 305, 350.

чтобы они «во имя любви и верности христианству» прекратили торговлю с русскими до тех пор, пока не изменятся отношения между немецким купечеством и русскими. Магистр ответил, что он исполнит просьбу городов в случае, если к запрету присоединятся король Дании и ливонские прелаты. Когда дерптские послы обратились с такою же просьбой к архиепископу рижскому, он обещал выполнить их просьбу. Так же поступил и епископ дерптский.⁷⁴ Если ливонские города хлопотали о присоединении к запрету магистра и ливонских прелатов, то Любек собирался при первой возможности ходатайствовать перед королем Дании о том, чтобы из его государства к русским не вывозились товары. Об этом же он намеревался просить и великого магистра.⁷⁵

Экономическая блокада Новгорода, задуманная на этот раз гораздо более широко, чем обычно, полностью не удалась. Суда, груженные солью и сельдью, из Данцига направлялись в Выборг или прямо к Неве, где товары покупались русскими. Швеция выполняла роль посредника в торговле между Пруссией и русскими землями.⁷⁶ Несмотря на все попытки Ганзы добиться пресечения этой торговли, прусские города не желали ее прекращать; на упреки Ревеля в том, что товары, вывозимые из Пруссии в Швецию, предназначаются для русских, Данциг не без ехидства отвечал: «Случается, любезные друзья, что некоторые люди из Швеции соль и сельдь отсюда вывозят в Швецию, говоря нам и давая заверения в том, что они не предназначаются для потребностей русских, и поэтому этого (вывоза.— *Н. К.*) мы не можем запретить. Подвозятся ли эти товары русским, или нет, это нам неизвестно...»⁷⁷

Западноевропейские товары поступали в Новгород через Швецию, повидимому, в довольно большом количестве; во всяком случае ливонские послы, бывшие в Новгороде в конце лета 1425 г., одной из причин неудачи переговоров и неуступчивости Новгорода считали обилие в Новгороде товаров, привезенных из Швеции.⁷⁸

Сравнительно малая эффективность блокады, несмотря на попытку привлечения к участию в ней соседних с Новгородом государств, ярко свидетельствует о том, что устои новгородско-ганзейской торговли начали колебаться. Невзирая на все препоны, которые Ганза ставила свободному развитию экономических связей Новгорода с Западом, это развитие не останавливалось. Оно и не могло остановиться, ибо экономическая политика Ганзы, направленная на устранение от торговли с Новгородом других государств, противоречила насущным потребностям не только Новгорода, но и европейских государств, заинтересованных в развитии торговли с русскими землями.

Между тем, пока руководители Ганзейского союза изыскивали средства для оказания давления на Новгород, немецкие купцы в Новгороде продолжали находиться под арестом. Перелом в положении ганзейских купцов, задержанных в Новгороде, произошел лишь осенью 1425 г. В октябре ганзейские купцы были освобождены и получили разрешение на свободную торговлю и выезд со своими товарами из Новгорода.⁷⁹

Новгородское правительство и на этот раз, так же как и раньше, не оказалось последовательным до конца и после периода энергичного на-

⁷⁴ Письмо Дерпта Ревелю. Там же, 356.

⁷⁵ Письмо Любека ливонским городам. LUB, VII, 358.

⁷⁶ Письмо Висбю Любеку. Там же, 312.

⁷⁷ LUB, VII, 306.

⁷⁸ Письмо послов ливонских городов и рата Дерпта Данцигу. LUB, VII, 341.

⁷⁹ Письмо немецкого двора Дерпту. Там же, 363.

ступления пошло на уступки. Изменение позиций Новгорода могло наводиться также в связи с тем стихийным бедствием, которое поразило в эти годы Новгород: о страшном море, свирепствовавшем в это время в Новгородской земле, сообщают и новгородские летописцы и письма немецкого двора.⁸⁰

После освобождения немецких купцов между Новгородом и ливонскими городами начались переговоры о полной ликвидации конфликта и восстановлении прочного мира. Достигнуть этого, однако, удалось не скоро

Десятилетие с 1426 по 1436 г. было временем чрезвычайно неустойчивых отношений между Новгородом и немецким купечеством. Торговля происходила в беспокойной обстановке, нарушалась то временными задержаниями ганзейских купцов в Новгороде, то запрещениями немецкой стороной поездок в Новгород. Неоднократные посольства и переговоры к установлению прочного мира не приводили. Причиной этому являлось твердое желание новгородцев получить отнятый у их «братьев» товар и гарантию в безопасности поездок по морю.

Первое требование новгородцев ганзейские города соглашались выполнить в духе условий договора 1423 г. Они заявляли, что если бы они знали, где находятся разбойники, и если бы разбойники находились в пределах действия власти городов, то они судили бы их согласно крестоцелованию; точно так же, если бы ограбленный товар попал в руки ганзейских городов, то он был бы возвращен новгородцам. Что касается второго требования о предоставлении гарантии «чистого пути» за море, то оно было отклонено самым решительным образом. В январе 1426 г. ратманы Дерпта ответили новгородскому послу, что если новгородцы хотят посещать Неву и ездить по морю, то они должны сами о себе беспокоиться, «так как море имеет много углов и много островов и истари не было чистым, и города совсем не хотят отвечать за море, если они (новгородцы.— Н. К.) не могут сами для себя сделать море чистым и свободным».⁸¹

Ганзейский съезд в Любеке в июне 1426 г., занимавшийся обсуждением новгородских дел, поручил ливонским городам заключить двухлетнее перемирие с русскими только при условии, что русские будут вести торговлю на Неве и на воде (т. е. на море.— Н. К.) на свой собственный риск (*uppe ere egene eventure*) и не будут предъявлять немецким купцам претензий за вред, причиняемый морскими разбойниками.⁸²

Непримиримость Ганзы в этом вопросе объяснялась не только тем, что иногда действительно не в ее силах было найти разбойников и ограбленный товар, но и стремлением — и этот мотив был главным — не допустить развития заграничной торговли новгородцев, ибо это развитие неизбежно должно было привести к установлению непосредственных

⁸⁰ LUB, VII, 363; ПСРЛ, IV, Л. 1925, стр. 431—432.

⁸¹ «Wente de see hevet vele wynkele unde vele oghen unde is altoes nicht alike reyne, unde de stede wille mit alle nicht vor de see slaen, wente se kunnen sik zulven de see nicht reynegen noch vrien». LUB, VII, 419.

⁸² «Unde konen de zendeboden van den Russen hebben, dat eft de Russen de Nu unde ere copenscop to water ward vorsoken willen uppe ere egene eventure unde eft ze de serovers eft anders yemende to waler ward beschedige[n] worde, dat ze des den copman sunder ansprake unde anverdinge laten unde dat de Russen ok vorbuten willen dem copmanne unrecht unde schaden, also ze deme copmanne sunder syne schuld gedaen hebben, dat ze denne overgeven unde tolaten, dat de copman de Russen unde de Russen de stede, also wondlik ys geweset, zeker unde velich vorsoken unde malkandere copslagen twe jaar langh, na desseme dage sunder middel na enander volgende». Рецесс ганзейского съезда в Любеке. LUB, VII, 489.

экономических связей Новгорода с Западом и таким образом к подрыву монополии Ганзы на посредническую торговлю между востоком и западом Европы, монополии, являвшейся основой благосостояния и процветания Ганзейского союза. Стремление Ганзы к полному отрыву Новгорода от Западной Европы, к искусственной задержке его экономического развития, получило свое яркое выражение в упорном нежелании ганзейских городов дать новгородцам гарантию «чистого пути» за море.

Мир между Новгородом и Ганзой был восстановлен только в 1436 г. Заключению его предшествовали длительные переговоры между посольством ливонских городов и новгородскими властями, происходившие в Новгороде с конца мая до середины июля 1436 г. Яркое представление о ходе переговоров, а также о тех целях, которыми руководствовались правительство Новгорода в проводимой им по отношению к Ганзе политике, дает отчет ливонских послов — Тидемана Фоса и Иоганна Бевермана из Дерпта, Готшалка Штольтевота и Альберта Румора из Ревеля.⁸³

Отчет ливонских послов показывает, что вопрос, из-за которого в течение предшествующих 15 лет шел ожесточенный спор между Новгородом и Ганзой, — о предоставлении новгородцам «чистого пути» за море, — во время переговоров не поднимался. Быть может, новгородское правительство, убедившись в непримиримой позиции Ганзы, решило временно снять его. Но зато с тем большей энергией оно вновь приняло попытку добиться ограничения торговых привилегий ганзейцев в самом Новгороде.

В одном из писем ливонские послы писали из Новгорода, что им приходится вести с Новгородом «трудные переговоры», ибо новгородцы «думают немецкому купцу его старые привилегии и права урезать» («укоротить» — по точному выражению письма).⁸⁴ Новгородцы, действительно, выдвинули целый ряд требований, выполнение которых должно было «урезать права» немецких купцов, лишить их немалой толики их доходов.

Прежде всего, новгородцы предъявили немцам свои старые обвинения в том, что сукна коротки, бочки с медом и сельдью меньше, чем полагается, серебро испорчено примесями, вес мешков соли меньше положенного. В отношении торговли воском новгородцы заявили, что они желают, чтобы воск, покупаемый у них ганзейцами, не колупался. В отношении мехов — жаловались, что немцы при покупке их требуют чрезмерных наддач;⁸⁵ новгородцы выразили желание, чтобы величина наддачи была определена и внесена в крестоцеловальную грамоту.⁸⁶

На обвинения и требования новгородцев ливонские послы дали весьма уклончивые, а порою и циничные ответы. Вот некоторые из них. В отношении величины бочек для меда послы ответили, что эти бочки изготавливаются в Любеке, в ратуше которого имеются специальные железные обручи для проверки их величины; пусть новгородцы дадут бочку, размер которой вызывает у них сомнение, и они перешлют ее в Любек для измерения.⁸⁷ В отношении колупанья воска послы заявили,

⁸³ LUB, IX, 80.

⁸⁴ «Willet weten, dat wy myt Naugarden to velen tiiden to swarer degedinge gewest zyn; se zyn so hart in allen articulen der kopenschop, dar se dem Dutzschen kopmanne zyne olden privilegia unde rechttheit menen ynne to vorkortende...» LUB, IX, 66.

⁸⁵ LUB, IX, 80, § 9.

⁸⁶ «Noch so[re]ppeden se als van der upgiffte, dat de jo nicht wesen zolde, sunder me zolde eynen enkeden tal maken an der upgiffte, wo vele me upgeven zolde, unde setten dat mede in den crueebreif». LUB, IX, 80, § 28.

⁸⁷ LUB, IX, 80, § 13.

что они хотят соблюдать этот обычай так, как соблюдали его предки; в конце концов, после долгих переговоров по этому вопросу, они предложили, чтобы Новгород завел особую печать, приложение которой удостоверяло бы доброкачественность воска.⁸⁸ В отношении сукон послы ответили, что сукна изготавливаются так же, как 100, 50 и 20 лет назад, и что ни из каких стран, в которые они вывозятся, не поступают, за исключением России, жалобы на их короткость.⁸⁹ Особенно издевательским был ответ ливонских послов на обвинения новгородцев в недостаточном весе продававшихся немцами мешков соли: «Соль из воды получается и водой становится; и если ее перевозить или переносить (в тексте — «шевелить».— Н. К.), то она утекает..., поэтому она не может сохранять своего веса».⁹⁰

Смелое требование, которое должно было изменить весь существовавший порядок торговли, выдвинули представители Новгорода во время очередной встречи с немецкими послами 23 июня. Когда в этот день немецкие послы пришли на двор епископа — место обычных совещаний с новгородскими представителями, то они застали там двух посадников, двух тысяцких и одного старосту. «Они негодовали (reppeden) по поводу всех правил торговли,— читаем мы в отчете ливонских послов,— и их желанием было, чтобы правила торговли были записаны в крестоцеловальной грамоте и в особенности правила о наддаче. Мы (ливонские послы.— Н. К.) сказали, что они имели много крестоцеловальных грамот, которые они могут прочесть, и они ни в одной из них не найдут, чтобы правила торговли были записаны; поэтому мы пожелали, чтобы они не просили ни о чем новом, ибо что содержит старое, то мы не можем улучшить и от того мы не хотим отступать».⁹¹

Требование новгородцев означало, что существующие правила торговли (articulen der kopenschop), которые до сих пор определялись весьма растяжимой «стариной», теперь были бы установлены юридическим путем в договорной грамоте. Это лишило бы ганзейцев значительной части тех прибылей, которые они извлекали из новгородской торговли (вспомним хотя бы, какие выгоды приносило ганзейцам отсутствие твердо установленного размера наддач к меху и «колупанья» воска). Вполне понятна поэтому приверженность к «старине» со стороны ливонских послов.

Итак, все требования новгородцев об изменении существовавшего порядка торговли с ганзейцами в Новгороде были отклонены. Договор, заключенный 16 июля 1436 г.,⁹² повторял условия прежних договоров. «Старина», столь излюбленная ганзейцами, осталась нерушимой.

Договор 1436 г. ненадолго восстановил мирные отношения между Новгородом и ганзейским купечеством. В 40-х годах в связи с войной между Ливонским орденом и Новгородом торговля Новгорода с немецким купечеством была полностью прервана, двор св. Петра, покинутый своими обитателями, закрыт. Торговля Новгорода с ганзейцами возобновилась лишь после заключения новгородско-ганзейского до-

⁸⁸ LUB, IX, 80, § 17.

⁸⁹ Там же, § 12.

⁹⁰ Там же, § 16.

⁹¹ «Also reppeden se van allen articulen der kopenschop unde oer begerte was, dat me de kopenschop solde mede in den crucebreff setten unde sunderlinges de upgiffte. Wy seden, se hedden vele crucebreve, dat se de lesen, se en vunden nicht enen, dar de kopenschop stunde ynne besereven; daromme were wy begerende, dat se nicht niges en sochtent, dat me dat olde heilde, me ne kundes nicht wel vorbeteren, dar en wolde wy ok nicht van treden». «LUB», IX, 80, § 39.

⁹² LUB, IX, 76.

говора 1450 г.⁹³ Мы не будем останавливаться на характеристике этого договора, так как ни сам договор, ни предшествовавшие ему переговоры между Новгородом и ганзейскими представителями не дают никакого материала для освещения интересующего нас вопроса о торговой политике Новгорода по отношению к Ганзе.

Договор 1450 г. был последним заключенным с Ганзейским союзом правительством самостоятельного Новгорода. После мира, продиктованного, Василием Темным представителям Новгорода в Яжелбицах в 1456 г., Новгород подпадает под московское влияние, и в новгородско-ганзейских отношениях все сильнее начинает чувствоваться рука Москвы. Вот почему рассмотрение политики Новгорода по отношению к Ганзе мы считаем возможным закончить 50-ми годами XV в.

* * *

Подведем некоторые итоги.

В первой половине XV в. в Новгороде, так же как и в европейских государствах, начинается борьба против ганзейцев, обусловленная успехами экономического развития, ростом торговли и усилением национального купечества.

Борьба Новгорода против Ганзы шла по двум направлениям: новгородцы стремились добиться ограничения привилегий ганзейцев в области торговли путем изменения порядка торговли между новгородцами и ганзейцами в Новгороде и получить от Ганзы гарантию «чистого пути» для проезда новгородских купцов на заморские рынки.

В течение десятилетий Новгород вел упорную не прекращавшуюся борьбу с Ганзой, и хотя ему не удалось добиться изменения существовавшего порядка торговли с ганзейцами и обеспечить для своих купцов «чистый путь» на западные рынки, тем не менее эта борьба имела большое значение, так как благодаря энергичному сопротивлению хиппнической политике Ганзы Новгороду удавалось в какой-то мере отстаивать и защищать свою торговлю и своих купцов и ослаблять экономическую блокаду.

Завершение начатой Новгородом борьбы с Ганзой, борьбы, в конечном счете имевшей своей целью установление непосредственных сношений с Западной Европой, оказалось под силу лишь русскому народу, объединенному в рамках единого государства, ибо для свободного развития связей между Русью и европейскими странами необходима была не только ликвидация тягостного посредничества ганзейцев, но и овладение берегами Балтийского моря путем сокрушения владычества Ордена в прибалтийских землях.

Иван III, создатель русского национального государства, постройкой Ивангорода и закрытием немецкого двора в Новгороде возвестил о начале нового периода в истории внешней политики Руси — периода борьбы за выход к Балтийскому морю, за установление непосредственных экономических и культурных связей с Западной Европой.

---

⁹³ LUB, XI, Riga, Moskau, 1905, 16.

А. Г. МАНЬКОВ

ДВИЖЕНИЕ И ГЕОГРАФИЯ ХЛЕБНЫХ ЦЕН В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVI в.

I

Если русский рынок XVI в. не был предметом большого внимания к нему историков, то тем более это относится к рынку хлебному. «К сожалению, вопрос о хлебной торговле в XV—XVI вв. специально не исследован»,— вынужден признать крупнейший знаток русской старины Б. Д. Греков.¹ А между тем «О хлебе, как товаре,— читаем мы в том же исследовании,— разбросаны сведения в различных грамотах. Этот ценный материал, к сожалению, никем не собран и не систематизирован».²

Из дореволюционных авторов наиболее глубоко и разносторонне вопросы хлебного рынка затронул Н. Рожков.³ И хотя его труд в этой части далеко не блещет богатством фактического материала, Н. Рожкову, едва ли не первому, принадлежит специальная разработка ряда сторон русского хлебного рынка: различия географических и хозяйственных условий районов Руси XVI в., как предпосылки быстрого развития хлебной торговли, характера и размеров последней, вопросов цен на хлеб и т. д.

Значительный успех советской историографии в разработке проблемы хлебного рынка XVI в. связан прежде всего с именами Б. Д. Грекова и С. В. Бахрушина и, главным образом с новейшими их трудами.⁴ Оба автора вводят в оборот новый большой фактический материал и главное — тесно увязывают проблему роста хлебной торговли с разработкой более общей проблемы складывания предпосылок всероссийского рынка в XVI в.

Для целей нашей работы нет необходимости воспроизводить весь свод фактических данных о состоянии хлебного рынка в XVI в., имеющийся в специальной литературе. Ограничимся указанием на самые общие выводы. Общие данные о русском хлебном рынке XVI в. можно свести к следующим основным положениям.

Говорить о действительном развитии товарных отношений внутри феодального общества можно только с тех пор, как хлеб становится товаром, что указывает на отделение ремесла от сельского хозяйства.

¹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, М.—Л., 1946, стр. 553.

² Там же, стр. 562.

³ Н. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899, гл. V.

⁴ Б. Д. Греков. Указ. соч., ч. IV. С. В. Бахрушин. Предпосылки «Всероссийского рынка» в XVI в., «Ученые Записки МГУ», вып. 87, 1946, стр. 38—65.

Процесс этот, начавшийся в России, очевидно, не позднее конца XV в.,⁵ в XVI в. получает дальнейшее развитие.

Наличие хлебного рынка в XVI в. бесспорно. Едва ли не первым и в наиболее массовом масштабе на рынке стал появляться крестьянин, вынужденный нести на продажу сельскохозяйственные продукты (часто, далеко не излишки) в условиях растущих денежных отношений.⁶

Отсутствие земледелия в одних областях (Соловецкие острова, Мурманск, Терский, Поморский берег Белого моря, Южный берег Двинской губы, область Печоры) в силу географических и хозяйственных особенностей данных мест и недостаточное производство хлеба в других (Пермский край, Новгородско-Псковские земли, отдельные районы степного юга и т. д.)⁷ способствуют усилению темпов развития торговли хлебом и сближению в торговом отношении отдельных частей государства.

Применительно к XVI в. можно говорить только о внутреннем хлебном рынке. Вывоз зерна за границу, если и имел место, был крайне ничтожен и не играл в общем торговом балансе даже заметной роли.⁸

Пожалуй, это все, что можно сказать о хлебной торговле XVI в. в общей форме, согласно изученности этого вопроса в нашей литературе. Ни о размерах ее, ни об удельном весе хлеба среди других товаров на внутреннем рынке, ни о роли, значении и размере хлебных продаж крупнейших торговых пунктов XVI в. (Холмогоры, Вологда, Москва, Новгород и т. д.) конкретных данных нет. Немалую роль в разрешении этих общих проблем должна сыграть разработка частного вопроса о ценах на хлеб.

В какой мере вопрос о ценах может приобрести общее и всестороннее значение, видно, хотя бы из того, что в монографии, посвященной истории крестьян на Руси, Б. Д. Греков с совершенно логической неизбежностью должен был взяться за рассмотрение вопроса о внутреннем рынке XVI в., а взявшись за него, не мог не коснуться вопроса о ценах на хлеб, как одного из показателей роста внутреннего рынка. Данные о ценах ему пришлось брать у Рожкова. До Н. Рожкова ценам XVI в. посвятил часть своего исследования В. Ключевский.⁹ Несмотря на все различие выводов о состоянии цен на русском рынке XVI в., общим у обоих авторов является крайняя бедность фактического материала и явное несовершенство методов его обработки. Следует заметить, что строго научное разрешение вопроса истории цен возможно только при условии приближения к методам современной статистики, а эта последняя, как наука о качественно-количественном анализе повторяющихся массовых явлений, дает тем более точный результат, чем больше самих явлений. Естественно, что в задачу предлагаемой работы прежде всего входит собрать и статистически обработать возможно больше данных о

⁵ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 558.

⁶ С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 48 и сл.; Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 558 и сл.; И. М. Кулишер. История русского народного хозяйства, т. II, М., 1925, стр. 300. (Свидетельство Даниэля Принца).

⁷ Н. Рожков. Указ. соч., стр. 271—290.

⁸ С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 58; Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 553; Н. Рожков. Указ. соч., стр. 284. В литературе имеются указания, что хлеб в XVI в. был заповедным товаром и вывозу не подлежал — см. И. М. Кулишер. История русской торговли, П., 1923, стр. 140; Н. И. Костомаров. Очерк торговли Моск. государства XVI—XVII вв., СПб., 1862, стр. 195. Однако в пограничных областях в случае недорода практиковался привоз хлеба из-за рубежа (см. Псковские летописи, изд. 1941, стр. 111).

⁹ В. О. Ключевский. Русский рубль XVI—XVIII вв. в его отношении к нынешнему. Опыты и исследования. Перв. сборник статей, 1919, стр. 107—183.

ценах на хлеб в XVI в. При этом оговоримся, что в задачу очерка не входит определение факторов образования абсолютного уровня хлебных цен, который предполагается данным к концу XV — началу XVI столетия; задачей является установить основные тенденции в движении хлебной цены за XVI в. При этом хронологически за исходный момент исследования берутся свидетельства о ценах, содержащиеся в Новгородских писцовых книгах, дающих ценностное выражение оброка натурой за первые годы XVI в. несомненно с учетом средней рыночной цены того времени; за конечный момент — 1600 г., после которого, как известно, следуют голодные 1601—1603 гг., резко меняющие характер движения цены, определившейся к концу XVI в.

II

Перейдем к рассмотрению структуры прилагаемых таблиц и принципов их построения.

Таблица I составлена по методу сочетания географического принципа с временным. Это — исходная для всевозможных построений сетка цен на основные виды хлебов и на продукты их переработки. Состав компонентов таблицы: ассортимент хлебов, номенклатура географических пунктов, хронологическая сетка и количество цифрового материала — определен содержанием источников. Доминирующее место среди них занимают приходные и расходные книги монастырей. Как документ учета хозяйственной и торговой деятельности монастырских вотчин, приходные и расходные книги стали возникать, видимо, на рубеже первой четверти XVI в.¹⁰ и получили значительное развитие во второй половине его, а наиболее полное — в XVII в. До нас дошло подавляющее большинство книг северных монастырей и именно от второй половины века. Как источник сведений о ценах, приходные и расходные книги монастырей занимают исключительное место. Никакой другой источник не может быть даже отдаленно сопоставлен с ними как в отношении полноты, так и точности цифрового материала.

В таблице I цены даны за четверть в московских деньгах. В тех случаях, когда в одном и том же месте, в один и тот же год совершено несколько сделок купель — продаж (довольно частых по второй половине века), для исчисления цены четверти хлеба применен способ взвешенной средней арифметической, где весом служили количества товара, выраженные в четвертях.

В. О. Ключевскому брошен справедливый упрек, что его опыт анализа цен игнорирует изменение монетной стопы.¹¹ Однако обстоятельством, смягчающим погрешность Ключевского относительно XVI в., а нам облегчающим задачу, служит то, что в течение 70 лет, с 1535 по 1606 г., чеканка монеты в Москве отличалась безукоризненной строгостью и вес монеты не менялся (неизменная 3-рублевая монетная стопа).¹² Задача, следовательно, сводится к учету изменения веса монеты в результате денежной реформы 1535 г., что нами и сделано в таблице I путем повышения цен, указанных в источниках до 1535 г., на 15%,

¹⁰ Древнейшая, известная нам, относится к 1531 г. (Приходная книга Псковской Успенской церкви — Опубликована И. Сахаровым в Записках Общества Русск. и Славянск. археологии, т. I, 1851, III, стр. 1—3).

¹¹ Л. В. Черепнин. Русская метрология, М., 1944, стр. 15.

¹² И. И. Кауфман. Серебряный рубль в России от его возникновения до начала XIX в., СПб, 1910, стр. 68.

так как понижение веса монеты в 1535 г. произошло примерно в этих размерах.¹³

Разумеется, что таблицы первого типа недостаточно для решения важнейших вопросов истории цен. Такие проблемы, как эволюция цен на товары в отдельных районах, соотношение цен по отдельным видам товаров, соотношение уровней цен по районам и отдельным торговым пунктам, наконец, динамика цен по государству в целом, требуют дальнейшей статистической обработки числового ряда таблицы 1. Это путь построения индексов цен. Решению данной задачи посвящены таблицы с рядами динамики относительных показателей цен.

На этом пути возможны две стадии: а) индивидуальные индексы цен на отдельные виды хлебов по данному району или торговому пункту, б) групповые индексы цен. Таблицы второй группы представляют как раз динамические ряды относительных цен (индивидуальных индексов) различных хлебов, исчисленных на основе таблицы 1.

За базис при этом взяты цены 1594—1600 гг., и к ним в процентном отношении исчислены цены предшествующих лет. Выведение индексов в обратном порядке продиктовано теми соображениями, что цены большинства товаров конца столетия, во-первых, наиболее многочисленны, во-вторых, исчислены на основе взвешенной средней арифметической. Таким путем построены, например, индивидуальные индексы цен зерновых хлебов: ржи, овса, ячменя, пшеницы и т. п. по пяти главнейшим торговым районам: Холмогоры, Вологда, Москва, Новгород — Псков, Волоколамск. Разумеется, что ограничиться в данном случае только индивидуальными индексами указанного типа было бы недостаточно. Важно знать и общий по государству индекс на каждый из видов хлебов. В таком случае необходимо перейти к следующей стадии статистической обработки материала — к построению группового индекса. Обобщение индивидуальных индексов возможно двумя способами — способом осреднения их и способом получения «некоторого отношения, выражающего общую относительную динамику всей совокупности в целом».¹⁴ Для второго пути пригодна формула агрегатного индекса:

$$ip = \frac{\sum p_1 q_1}{\sum p_0 q_1}$$

в которой мы не имеем возможности заполнить реальным значением символ q : наши количества хлебов характеризуют только рыночные сделки монастырей либо отдельных лиц и потому случайны. Однако для исчисления взвешенной средней арифметической цены эти количества вполне пригодны и несомненно дают удовлетворительный результат. По первой половине века, а частично за некоторые годы второй половины количества товаров нет совершенно. Сведения о ценах за эти годы почерпнуты из таких источников, как летописи, писцовые книги, духовные грамоты, вкладные книги и т. д., показания которых несомненно дают представление о среднем уровне цен данных места и года и потому в смысле значимости могут быть приравнены к ценам, вычисленным путем взвешенной средней арифметической.

У нас имеется, следовательно, динамический ряд равнозначных элементов, с одинаковой достоверностью отражающих типичный уровень цен данного года, в данном месте при данных условиях и объемах товарного оборота. Размеры последних, однако, нам неизвестны.

Таким образом, из двух возможных путей построения группового индекса к условиям XVI в. применим только первый — прием осред-

¹³ О денежной реформе 1535 г. и изменении веса монет см.: ПСРЛ, т. IV, ч. I, стр. 570—571; т. XIII, ч. I, стр. 84; И. И. Кауфман, Указ. соч., стр. 62—66; Л. В. Черепнин, Указ. соч., стр. 68.

¹⁴ Л. В. Некраш, Курс общей теории статистики. 1939, стр. 275.

нения. Но и на этом пути исчисления индекса, как взвешенной средней арифметической из отдельных индивидуальных индексов, необходимы коэффициенты соизмерения, которые могли бы служить моделью торгового оборота каждого рынка. Вывести эти коэффициенты чисто эмпирически, уцепившись хотя бы за косвенное основание, не представляется возможным за полным отсутствием такового. Остается одно — прибегнуть к помощи простейшего приема исчисления группового индекса, как простой средней арифметической индивидуальных индексов нашей совокупности. Нам ясны все несовершенства этого приема. В современной практике индексирования простой средней арифметический индекс считается наилучшим. Он крайне неточен и скрывает разницу отдельных величин, входящих в среднюю. Если бы в нашем случае хлебные массы отдельных рынков были равны, то само собой разумеется, что средний арифметический индекс дал бы результат, равный результатам взвешенного индекса. А так как объемы товарооборотов по рынкам заведомо неравны, мы, используя средний арифметический индекс, допускаем в наши расчеты очевидную погрешность. Но исключает ли эта погрешность принципиальную возможность выявления основных тенденций динамики цен в Русском государстве XVI в.? Несомненно, не исключает. В самом деле, неточность наших расчетов входит в их результаты в качестве константной величины на протяжении всего изучаемого периода и в силу этого не может изменить общего характера динамики цен.

Наш новый показатель итоговой строки каждой таблицы (см. табл. 2—4), будучи средней арифметической из индивидуальных индексов каждого года, является в каких-то пределах показателем средней динамики единицы данной совокупности и, как таковой, осредняет и обобщает основные признаки движения, свойственные индивидуальным индексам цен по отдельным рынкам.

Следующая ступень анализа состоит в нахождении числового выражения динамики общей цены хлеба в XVI в. Элементами новой совокупности берутся три основных вида хлебов: рожь, овес, ячмень (см. табл. 6).

Наилучшая в таком случае формула агрегатного индекса не подойдет по тем же основаниям, что и в первом случае. В прошлом мы осредняли качественно однородные элементы (или рожь, или овес, или ячмень и т. д.). Речь шла только о возможных в каждом случае различных количественных характеристиках.

В новом случае задача сложнее. При всей своей общности перед нами различные в качественном отношении единицы совокупности (рожь не то, что овес; овес не то, что ячмень).

Роль — и качественная и количественная — каждого из этих хлебов в народном потреблении XVI в. могла быть различной.

Удовлетворительных для взвешивания количеств товара не имеется. В таком случае следует встать на путь поисков иных коэффициентов соизмерения, которые могли бы уравновесить условия нашей задачи. Я вижу здесь только два возможных варианта, каждый из которых однако, имеет весьма серьезные основания для отвода:

а) Известен ряд случаев закупки, скажем, Соловецким монастырем хлебных запасов на вологодском рынке для собственного потребления. Не могут ли служить весами при наших расчетах количественные соотношения ржи, овса и ячменя в составе этих закупок? Не говоря уже о том, что такое обобщение слишком частного случая едва ли кого удовлетворит, возражением может служить и то, что соотношение хлебов в составе закупок на самом деле не отражает соотношения хлебов в

потреблении монастыря, так как в его вотчинах «на р.р. Суме и Колежме сеялся почти исключительно ячмень с незначительным количеством ржи». ¹⁵ Еще менее пригоден для наших целей состав закупок хлеба другими монастырями.

б) Система севооборота — трехполье. Одно поле — озимое — под рожью, другое — под яровыми хлебами, третье — под паром. При самом грубом расчете получаем такие коэффициенты: овес — 1, ячмень — 1, рожь — 2.

При этом допущено, что яровое поле засеивалось только овсом и ячменем, что безусловно неверно: в древней Руси немалое распространение имели другие яровые культуры. А в таком случае расчет коэффициентов едва ли возможен. Следует добавить, что наш вариант коэффициентов безусловно неверен для всех земельных пространств Русского государства XVI в. То, что нам известно о соотношении количеств высеваемых хлебов в различных районах, категорически противоречит этому коэффициенту. За фактами отсылаем к соответствующим страницам исследования Н. Рожкова. Там находим следующее: основными посевными злаками почти на всем пространстве страны были рожь и овес. Однако северные пространства представляют исключение. Здесь нередко сеялся один ячмень. В ряде погостов Вотской пятины сеялся только яровой хлеб. На Выгозере, на р. Нюкче и в вотчинах Соловецкого монастыря на р.р. Суме и Колежме сеялся ячмень и незначительное количество ржи. Во многих местах Двинского уезда сеялись рожь и жито. По Ярославскому уезду известны случаи посева овса вдвое больших количеств, чем ржи, и т. д. ¹⁶

Следовательно, мы вынуждены отвергнуть и второй путь поисков коэффициентов соизмерения, как совершенно непригодный. Перед нами только одна возможность: использовать, как и в первом случае, среднеарифметический индекс. Допущенная при этом неточность будет входить в качестве постоянной величины в относительные показатели цен каждого года и потому не исказит общего характера динамики цены за столетие. На таком пути риск впасть в грубую неточность во всяком случае меньше, чем на пути искусственного конструирования коэффициентов соизмерения. Не противоречит такому приему расчетов и известная качественная близость единиц нашей совокупности. В условиях древней Руси значение ржи, овса и ячменя обычно тесно связано в силу взаимной частичной заменимости их, как приблизительно равных потребительных стоимостей.

В результате нижняя итоговая строка таблицы 6 представляет, таким образом, показатель общей динамики цен на хлеб. Он отражает наиболее типичные для данной совокупности в целом и для каждого члена ее в отдельности моменты и этапы в движении цен. Объяснить их — дело сил и средств исторического анализа.

III

Некоторое представление о количестве товарного хлеба, проходившего через руки монастырей, а также представление о характере связей ряда монастырей с хлебным рынком можно составить на основе следующих данных. Ниже суммируются и сведены в таблицу все сведения о количестве проданного и купленного хлеба, имеющиеся в сохранившихся приходных и расходных книгах шести крупнейших монастырских вотчин.

¹⁵ Н. Рожков. Указ. соч., стр. 119.

¹⁶ Там же, стр. 118—120.

Эти цифры могут иметь только ориентировочный характер. Они, во-первых, даны по каждому монастырю хотя и за один и тот же период — 70-е, 80-е и 90-е гг., но за разное количество лет и иногда за разные годы, а потому не пригодны для взаимного сопоставления; во-вторых, они за ряд лет не отражают действительного количества купленного или проданного данным монастырем хлеба, так как в книгах этих лет встречаются пометы (правда, единичные) о купле или продаже хлеба без указания количества, только с проставлением денежной суммы.

Здесь эти цифры даны с единственной целью: сопоставить количества купленного и проданного хлеба по каждому монастырю, сравнить эти относительные данные и на такой основе составить представление о характере связей каждой вотчины с хлебным рынком. С таких позиций наши данные безусловно пригодны и должны представлять интерес.

Монастырь	Товарного хлеба ¹⁷				За какие годы
	Куплено		Продано		
	Четвертей	%	Четвертей	% к купленному хлебу	
Соловецкий	39362	100	163	4	1571, 1573, 1574, 1577, 1580, 1581, 1583, 1584, 1587—1593, 1595, 1598—1600
Никольск.-Корельский	4330	100	930	21	с 1551 по 1600 г.
Антониев-Сийский	575	100	51	9	1575, 1576, 1577, 1579, 1580, 1581, 1583—1585, 1587, 1589, 1590
Спасо-Прилуцкий	8749	100	8073	92	1556, 1582, 1583, 1585, 1590, 1593, 1594, 1595—1598, 1600
Иосифо-Волоколамский	2744	100	6063	221	1573, 1574, 1579—1585, 1587—1589, 1592, 1594
Болдино-Дорогобужский	1042	100	62	6	1585—1589, 1595, 1598—1600

Из таблицы видно, что для группы монастырей Крайнего Севера характерно резко выраженное преобладание закупки хлеба над его продажей. Односторонний торговый баланс этих монастырей объясняется,

¹⁷ Ржи, овса, пшеницы, ячменя, крупы, муки ржаной, толокна.

видимо, не только хорошо известным обстоятельством отсутствия хлебопашества на Крайнем Севере, но и в какой-то мере еще недостаточно сильной степенью втянутости указанных хозяйственных единиц в систему торгового оборота. Крупнейший из них Соловецкий монастырь сотнями и тысячами пудов отправляет собственную соль в далекую Вологду. На деньги, вырученные от ее продажи, он закупает там же хлеб на «монастырский обиход» — по цене, значительно ниже поморской. Ничто, казалось, не мешало бы ему заняться перепродажей хлеба в Холмогорах, либо в других точках Севера. Однако ничего подобного мы не наблюдаем. Все, что имеется в распоряжении исследователя, говорит об обратном. Соловецкий монастырь покупает хлеб — часто колоссальными партиями в тысячи четвертей, — но продает его в ничтожных размерах и по случайному поводу. Все случаи продажи, отмеченные в книгах монастыря, приходятся главным образом на район самого монастыря (Варзуга, Кемь, Сумы, Шуя, Великая Губа, а также «с лодьи» — видимо, у побережья острова). Так, в 1577 г. монастырь продал 2 бочки ржи священнику Геронтию, в 1589 г. — 10 бочек ржи колежемским крестьянам, в 1590 г. — 2 бочки нюхацкому священнику, в 1580 г. — 3 бочки с четвертью в три приема шуеречанину и заезжему новгородцу в Сумах. Закупка хлеба падает в основном на Вологду и Устюг. Всего в Вологде закуплено на «монастырский обиход» 28 980 четв. разного хлеба из общего количества купленных за 19 лет 39 362 четв., указанных в нашей таблице.¹⁸

За этот же срок по книгам известны операции Соловецкого монастыря на хлебных рынках таких пунктов: Холмогоры (два случая купли), Каргополь (два случая купли), Двина (один случай купли), Онега (один случай купли), Новгород (один случай купли), Москва (один случай продажи — 8 четвертей ржи).

Значительно большей пестротой и меньшим размером операций отличается хлебная торговля Никольского-Корельского монастыря. Он производит закупку хлеба «на монастырский обиход» и незначительную продажу его преимущественно в Холмогорах. На холмогорский рынок приходится 2373 четв. разного хлеба из общих 4330 четв., купленных монастырем за 2-ю половину XVI в. Если допустить, что какая-то часть хлеба, значащаяся в расходных книгах без указания места купли, может относиться к холмогорскому рынку, то первая цифра значительно возрастет. Значительную закупку, а отчасти и продажу хлеба вели непосредственно монастырские соляные промыслы в Неноксе и Унской губе (36% к общему обороту хлеба).

Отметим крайнюю дробность торговых операций хлебом у Никольского-Корельского монастыря: в 1574 г. монастырь купил на Холмогорах 72 четверти ржи в 3 приема; в 1583 г. — 600 четв. ржи в шесть приемов; в 1584 г. — 132 четв. в три приема, в 1586 г. — 217 четв. в 4 приема и т. д. Наибольшая партия закупок хлеба Никольского-Корельского монастыря не превышает ста с небольшим четвертей, тогда как Соловецкий монастырь знает закупки партий хлеба, достигающих пяти тысяч четвертей. В итоге баланс хлебной торговли Никольского-Корельского монастыря, по нашим данным за 1551—1600 гг., дает резкое превышение купли над продажей.

То немногое, что удалось почерпнуть о хлебной торговле из книг Антониева-Сийского монастыря за XVI в., стоит в полном согласии с наблюдениями над Соловецким и Никольским-Корельским монасты-

¹⁸ Полный свод закупок хлеба Соловецким монастырем см. А. А. Савиц. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927, стр. 154—157.

рями: преобладание купли над продажей, скромный размер операций, базирование на ближайшие торговые точки, главным образом на Холмогоры. Есть, однако, указание (без каких-либо цифровых данных), что Антониев-Сийский монастырь практиковал снаряжение насадов в Вологду «для монастырской хлебной купли, что у них вотчина не великая и своею пашнею прокормиться им нечем».¹⁹

Типичной фигурой перекупщика и продавца хлеба является Спасо-Прилуцкий монастырь. Его операции по скупке хлеба в Вологде и перепродаже в Холмогорах к концу XVI в. приобретают несомненно систематический характер. Монастырем велись специальные приходные и расходные книги «Холмогорской продажи». В Вологде им было куплено 5224 четверти разного хлеба из общего количества купленных за указанные в таблице годы 8749 четвертей, а в Холмогорах за те же годы продано 7939 четвертей из общего количества проданных 8073 четвертей. Кроме Вологды, Спасо-Прилуцкий монастырь закупал хлеб в Соль-Вычегодске, но там же и продавал его. Один случай продажи известен в Тотьме. Если по объему операций Спасо-Прилуцкий монастырь близок к Соловецкому монастырю, то его торговый баланс резко отличен от баланса монастырей Крайнего Севера. Как мы знаем из таблицы, количества купленного и проданного хлеба у Спасо-Прилуцкого монастыря почти равны. Иными словами, Спасо-Прилуцкий монастырь скупает хлеб для перепродажи, а не на «монастырский обиход». Крупнейшим рынком его хлебной продажи служат Холмогоры.

По типу торговой деятельности Спасо-Прилуцкому монастырю аналогичен Иосифо-Волоколамский монастырь. Баланс его хлебной торговли носит резко выраженный активный характер. В его книгах за XVI в. зафиксировано проданного хлеба в два с лишним раза больше, чем купленного. Следовательно, наряду с перепродажей купленного хлеба монастырь выбрасывал на рынок значительное количество зерна и круп из своих вотчин.

Чрезвычайно интересную картину дают рыночные связи Иосифо-Волоколамского монастыря.

Представим в виде таблицы распределение общей массы его товарного хлеба по месту купли-продажи (см. табл. на стр. 141).

В таблицу включены случаи купли-продажи с указанием количества хлеба в четвертях. Если же принять во внимание встречающиеся в книгах Иосифо-Волоколамского монастыря записи о продаже хлеба без указания количества, только с проставлением вырученной суммы (например, в 1594 г. — всего на сумму 237 руб. 21 ал.,²⁰ или в 1595 г. в Осташкове на сумму 500 руб.),²¹ то при соответствующем расчете к проданному числу четвертей следует добавить не менее 4 тысяч четвертей.

Весьма ценным для нас явлением в торговой практике Иосифо-Волоколамского монастыря служат многочисленные свидетельства его книг о купле-продаже хлеба в селах среди крестьян. Согласно нашей таблице, на долю этой клиентуры монастыря приходится 60% общего количества купленного им хлеба и 22% общего количества проданного хлеба. Вот где, наряду с оброком, источник накопления хлебных богатств, пускавшихся монастырем в распродажу. Втягивание широких масс непосредственных производителей — крестьян — в фарватер хлебного

¹⁹ Макарий. Исторические сведения об Антониевом Сийском монастыре. «Чт. ОИ и Др.», 1878, кн. 3, стр. 34.

²⁰ ЛОИИ, Собр. р. кн., 1032, л. 437 об. и л. 444.

²¹ Там же, л. 454.

Место	Продано хлеба		Куплено хлеба		За какие годы
	Четвертей	% к итогу	Четвертей	% к итогу	
Москва	3444	57	856	31	1581, 1589, 1592, 1594
Волоколамск (Волок)	216	4	172	7	1573, 1579, 1580, 1582, 1585, 1587, 1589, 1592
В селах монастырских и у крестьян иных владельцев	1347	22	1657	60	1581, 1583, 1584, 1587, 1588, 1589, 1592, 1594
Тверь	1056	17	—	—	1594
Калуга	—	—	59	2	1574, 1581, 1592
	6063	100	2744	100	

рынка — явление совершенно неизбежное в условиях развития товарно-денежных отношений — на примере Иосифо-Волоколамского монастыря получает конкретное и убедительное подтверждение.

В итоге отметим, что наблюдающаяся общность форм связей Спасо-Прилуцкого и Иосифо-Волоколамского монастырей с хлебным рынком не случайна. Оба монастыря относятся к средней полосе Русского государства XVI в. — к полосе развитого сельского хозяйства. Все это заставляет полагать, что развитие хлебного рынка вширь и вглубь шло более интенсивно в средней сельскохозяйственной полосе государства с его основной фигурой — землевладельцем.

IV

Анализ условий ценообразования хлебного рынка XVI в. следует начать с рассмотрения уровня цен на отдельные виды главнейших зерновых хлебов по важнейшим районам и торговым пунктам. Таблицы 2—4 дают индексы цен ржи, овса и ячменя по Холмогорам, Вологде, Москве, Волоколамску («на Волоце») и Новгородской земле.

Отправным пунктом во всех случаях берутся цены из Новгородских писцовых книг первых лет XVI в. Будучи денежным выражением пены оброка натурой, эти данные о ценах с совершенной очевидностью отражают по меньшей мере средний уровень рыночных цен на хлеб в данные годы и в данном месте, — иначе они теряли бы всякий смысл в глазах получателя оброка — землевладельца. Новгородские цены на хлеб имеют еще и ту особенность, что они на протяжении XVI в. не были ни наиболее высокими, ни наиболее низкими ценами в государ-

стве. Это следует с очевидностью из того, что нам известно о состоянии сельского хозяйства в Новгородском крае. Кроме того, примеры нашей таблицы — пусть немногочисленные — говорят о том же. Известные нам цены на рожь по Новгороду за 1571, 1589 и 1593 гг. занимают срединное положение между более высокими ценами Севера (Холмогоры) и более низкими — средней полосы (Москва, Волоколамск) и, таким образом, как бы дают нам средний уровень цен в государстве. Строя наше отношение роста цен на хлеб за XVI столетие, мы, следовательно, должны усматривать в новгородских ценах наиболее удачное для этой цели основание, опираясь на которое, не рискуем впасть в грубую ошибку — ни в сторону уменьшения коэффициента роста цен, ни в сторону его увеличения.

Легко подметить, что цены на рожь по всем пяти пунктам нашей таблицы совершили за столетие в общем аналогичную эволюцию со значительными, однако, отклонениями в отдельных случаях.

Как видим, общая картина эволюции цен на рожь по каждому району такова: начавшись от какого-то максимально низкого уровня начала XVI в., цены на рожь неизменно растут, в общем, в одинаковой степени для всех пунктов, но со значительными в отдельные годы индивидуальными отклонениями. Эти отклонения находят объяснение в источниках. Начало кривой цен на рожь в Холмогорах падает на 1548—1550 гг. Крутой подъем цены связан с 1548—1549 гг. (см. табл. 2 — 251% по отношению к цене 1600 г.). Размеры бедствия, о характере которого мы можем только догадываться, были, очевидно, столь велики, что местный летописец счел необходимым отметить: «Того же году (7057) хлеб был дорог на Двине, на Холмогорах четверть купили по осьми гривен, и людей с голоду мерло много...»²² К сожалению, нет нигде указаний на цену ржи и других хлебов по остальным районам за те же годы. Однако годом позднее, в 1550 г., в Волоколамске имеется значительное повышение уровня цен (139%).²³ В другом месте находим свидетельство, касающееся 1547 г.: «Того же лета (7055.— А. М.) во всех городах Московской земли и в Новгороде хлеба было скудно».²⁴ Перед нами бедствие (недород?, чума?), растянувшееся на несколько лет.

В Холмогорах оно могло сказаться позднее (там могли быть запасы хлеба), но отголосок его встречаем еще в 1550 г. в Волоколамске. Двумя-тремя годами позднее явное неблагополучие с хлебом должно было иметь место в Новгороде. Здесь в эти годы разыгрывается чума, отмеченная не только местной летописью, но и Волоколамским летописцем.²⁵ Зато в Холмогорах начало пятидесятих годов знает резкое падение цены на рожь, однако, непродолжительное. С середины 50-х годов, в особенности во 2-й половине их, — новый резкий подъем. Летописец русский под 7065 (1557 г.) отмечает голод «на земли по всем московским городам и по всей земли, а больши за Волжьи». В этом году в жнитво прошли большие дожди, за Волгой ударил мороз, побивший хлеб. Выпала студеная зима. В результате — большая смертность среди населения.²⁶ Годом раньше в Холмогорах имел место свой неурожай: «И того лета 7064 хлеб недошел, в

²² Др. Росс. Вивлиофика, ч. XVIII, изд. 2-е, 1791, стр. 10; А. А. Титов. Летопись Двинская, М., 1889, стр. 10.

²³ ГИМ, Вкладные книги Иосифо-Волоколамского монастыря, л. 114.

²⁴ ПСРЛ, т. XXII, стр. 527.

²⁵ «В лето 7060 в Новгороде в великом мор был велик». (ГБЛ., Рук. отд., ф. Волок. № 362, л. 304 об.).

²⁶ Чт. ОИ и Др., 1895, кн. 3, Летописец, стр. 68—69.

осень купили на Двине четверть по 22 ал.»²⁷ Примечательно, что Вологда (откуда поступала главная масса привозного хлеба на холмогорский рынок) и Москва в 1556 г. не знают повышения цен. Это наталкивает на мысль, что Двинский край потреблял в основном хлеб своей посадки. Достаточно было произойти местному неурожаю, как цена на хлеб вскочила более чем вдвое.²⁸ Общий недород 1557 г., отмеченный выше, по нашим данным, в центральной части государства продолжал сказываться 3—4 года спустя. Волоколамск знает резкий подъем цен в 1558 г. (143%),²⁹ а затем в 1560—1561 гг. (по 173%). В эти годы «на Волоке купили ржи московскую четверть в десять алтын и свыше».³⁰ В другом месте читаем под 1561 годом: «Рожь обратилась травой мялицею и бысть голод велик».³¹

С начала 60-х гг. цены на хлеб по Холмогорам, Волоколамску и другим местам неуклонно снижаются. Процесс этот, перевалив через крутой подъем 1570—1571 гг., продолжается в 70-е гг., достигая в середине их рекордно-низкой точки за 2-ю половину века. 60-е и 70-е гг. XVI в. в истории Русского государства объединены общими процессами хозяйственного роста и внешнеполитического успеха (начальный период Ливонской войны, Земский собор 1566 г. и его отказ от мира с Польшей и т. д.). Естественно, что эти процессы получают отражение во всех сторонах жизни русского общества, в том числе и на рынке.

Резкий диссонанс в последовательный поток снижения цен вносят 1570—1571 гг. В местном летописце Иосифо-Волоколамского монастыря под 7078 г. имеется такая запись: «Тое же зимы была меженина велика добре на Москве и в Твери и на Волоце, ржи четверть купили по полутора рубля и по шти алтын».³² Под следующим 7079 годом обнаруживаем аналогичную запись: «Мор был добре велик. А овса четь купили в меженину по полтине».³³ Наибольший урон меженина (засуха) и мор нанесли центральной полосе государства. В Суздале, под Москвой в Махришском монастыре цена четверти ржи доходила до 1 р.³⁴ Начало засухи и мора Волоколамский летописец относит к 1569 г.³⁵ Естественно, что уже в этом году имеется повышение цены на овес (см. табл. 3) в Волоке, Москве и Вологде. Немалое влияние на состояние хлебного рынка должно было оказать нападение Девлет Гирея в 1571 г., разорившего многие подмосковные города. Повышение цен на хлеб в центральных районах, в особенности на вологодском рынке, за 1569—1571 гг. сказывается на уровне цен холмогорского рынка.

Итак, семидесятые годы — период максимально низкого уровня цен на хлеб за вторую половину века. Резко меняется картина в 80-е годы в связи с известным хозяйственным кризисом этих лет.

В советской исторической литературе кризису второй половины 70-х и 80-х гг. уделено значительное внимание. И причины, и характер, и размеры территориального распространения кризиса выяснены с основательной полнотой: длительное перенапряжение всех народно-

²⁷ А. А. Титов. Летопись Двинская, стр. 13.

²⁸ Наличие значительных посевов ячменя и ржи в Двинском крае отмечено Н. Рожковым (указ. соч., стр. 119).

²⁹ А. А. Титов. Вкл. книги Иосифо-Волоколамского монастыря, стр. 48.

³⁰ Чт. ОИ и Др., 1895, кн. 3, Летописец, стр. 146.

³¹ Историч. записки, т. 10, 1941, стр. 89.

³² ГБЛ. Рукописное отделение, Волоч., № 362, л. 311 об.

³³ Там же, л. 312 об.

³⁴ Леонид, арх. Махришский монастырь. «Чт. ОИ и Др.» 1878, кн. 3, стр. 7 и 10,

³⁵ ГБЛ, Рукописн. отд. Волоч., № 362, л. 311.

хозяйственных сил в тяжелую Ливонскую войну, неудачный исход ее; разорение и запустение целых районов с развитым сельским хозяйством в результате опричной ломки боярского и княжеского землевладения, перераспределение земель и перетряхивание людишек; направленный против вотчинника террор обрушивался больше всего на головы его челяди. Одним из следствий упадка сельского хозяйства и разорения крестьян опричных земель было оскудение хлебного рынка. Спрос на хлеб резко поднялся; хлеба не хватало; цена поднялась. На фоне обострения хозяйственного кризиса наблюдается рост классовой борьбы. Это находит, между прочим, выражение в стремлении господствующих классов и других имущих элементов, используя хлебные запасы в условиях благоприятной рыночной конъюнктуры, нажиться на народном бедствии путем нарочитого повышения цен. Блестящий пример тому дает грамота Бориса Годунова в Сольвычегодск от 3 ноября 1601 г. Царь обвиняет «скупщиков» хлеба в том, что они «хотя такую же корыстию хлебную продажею от дорожью цены обогатети». ³⁶ Несомненно то же самое имело место в 80-х гг. и не укрылось от пристального взгляда Флетчера. «Если бы вает дороговизна (как в прошедшем 1588 году, когда пшеница и рожь продавались по 13 алтын... четверть), — читаем у него, — то это меньше зависит от неурожаев, нежели от дворянства, которое по временам слишком возвышает цены на хлеб». ³⁷

Размер цены хлеба не был безразличен для хозяев вотчин и приказчиков в отношении эксплуатации подвластного крестьянства. Они проявляли здесь несомненные гибкость и изворотливость, что видно, например, из уставной грамоты Соловецкого монастыря 1561 г. крестьянам села Пузырево, передающей жалобу этих крестьян на приказчика, который «дает хлеб в заем, и емлет деи с того хлеба насоп на две третью и поминки, и коли хлеб дорог и тогда хлеб дает в деньги по торговой цене, а не в заем». ³⁸

Цены на рожь в 80-е гг. XVI в. поднялись дружно и повсеместно. Кризис охватил все государство. Однако сличение уровней цен в различных пунктах с несомненностью говорит, что степень хозяйственного разорения была не всюду одинаковой. Наибольшее развитие оно получило в центральных районах, слабее на севере и на юге (табл. 2—4).

Через призму движения цен складывается определенное суждение о хозяйственном возрождении 90-х гг. Цены на все виды хлебов, по всем изучаемым нами рынкам, с середины 90-х гг. заметно снижаются с тем, чтобы к концу периода несколько подняться до того уровня, который и принят за 100. Мы с умыслом предприняли сравнительный анализ двух наиболее многочисленных динамических рядов относительных цен на рожь в Холмогорах и Волоколамске с подтверждением всех особенностей каждого ряда данными источников с тем, чтобы придать нашему анализу совершенно конкретный характер. Та же самая эволюция цен на рожь прослеживается и в других пунктах (Вологда, Москва, Новгород — Псков). ³⁹ Сличение индексов цен таблиц 3—5 с данными таблицы 2 убеждает в едином характере развития цен и на остальные виды хлебов.

Обычно движение цен на отдельные хлеба тесно связано в силу

³⁶ Сборник Хилкова, № 62.

³⁷ Флетчер. О государстве Русском, СПб., 1906, стр. 11.

³⁸ А.А.Э., т. I, стр. 284.

³⁹ Как частную особенность, следует отметить дороговизну хлеба во Пскове в 1544 г. Под этим годом Псковская летопись говорит о пожаре и наводнении, «сово хлеб дорог».

взаимной частичной заменимости продовольственных хлебов, как приблизительно равных потребительных стоимостей.

Некоторое своеобразие имеет индекс цен на горох. Уровень его почти за все столетие превышает уровень, принятый за 100, хотя и испытывает общие с остальными ценами колебания. Быть может, объяснение этого кроется в наименьшей товарности данного вида продукта, что подтверждается значительно меньшими количествами его, обращающимися на рынках, в сравнении с количествами ржи, овса и т. д.

Поскольку установлено уже, что цены на различные виды хлебов в различных пунктах в общем претерпели за столетие сходные изменения, для целей выяснения взаимного отношения цен на хлеб по отдельным районам — достаточно сличить отношение цен на рожь между ними. Таблицы 7 и 8 раскрывают это отношение цены четверти ржи в Вологде, Москве, Волоколамске и Новгородско-Псковской земле к цене четверти ржи в Холмогорах, принятой за 100. Как видно, в среднем цена ржи в Холмогорах наиболее высокая, но в отдельных случаях, объясненных выше (Волоколамск — 1570 г., Вологда и Волоколамск — 1587 г.), ее перекрывают цены в Волоколамске и Вологде.

В общей совокупности намечается такой порядок следования цен на рожь по убывающей: Холмогоры, Новгород — Псков, Вологда, Москва, Волоколамск.

V

Анализ материалов таблиц дает основание для следующих выводов:

I. В XVI в. уже существует взаимная связь, иногда очень отдаленных друг от друга, местных рынков. Налицо, например, несомненное влияние уровня цен хлебного рынка Вологды и частично Москвы на уровень цен холмогорского рынка (например, повышение цен за 1569—1571 гг. в Вологде приводит к повышению их в Холмогорах).

II. Взаимная связь местных рынков непрерывно растет путем преодоления неразвитости рыночных отношений. Во вторую половину века наблюдается уже меньшая зависимость уровней цен на хлеб от местных случайных условий и большая их нивелировка.

III. Влияние местных случайных условий, непрерывно преодолеваемое тенденцией к сплочению рынков, сказывается прежде всего в сильной «пугливости» хлебных цен, уже отмеченной В. О. Ключевским.⁴⁰

Однако, в отличие от Ключевского, мы должны рассматривать «пугливость» рынка не как антитезу неизменности цен на хлеб, а как явление, сопутствующее непрерывному росту цен и постепенно, по мере преодоления изолированности местных рынков, слабеющее.

Как показывают таблицы, «пугливость» цен более резко выражена на рынках центральных районов, нежели на рынках Севера. Объясняется это, очевидно, тем, что главным поставщиком хлеба на рынок в центральной полосе был непосредственный производитель-крестьянин, а также помещик, тогда как в Холмогорах видную роль играли крупные перекупщики и посредники вроде Спасо-Прилуцкого монастыря, торговые операции которого по закупке хлеба в Вологде и перепродаже его в Холмогорах достаточно освещены в приходных и расходных книгах. Естественно, что холмогорский хлебный рынок отличался большей устойчивостью цен. К числу местных условий, играющих роль факторов ценообразования, следует отнести:

А. Состояние урожая в данной местности, области, крае. Связь уровня цен на хлеб с видами на урожай была самой живой и непосред-

⁴⁰ В. О. Ключевский. Указ. соч., стр. 126.

ственной. Это звучит, как лейтмотив всех источников в объяснении наиболее резких скачков в колебаниях цен. Следует не забывать, что на страницы летописей и летописцев попадали только случаи, влекущие за собой колоссальных размеров бедствия. Значительно более частые местные случаи неурожая, мора и т. д. остались нам неизвестными. Неурожай сам по себе тоже производная, и довольно часто не только природных явлений (засуха, сильные дожди, морозы и пр.), но и явлений общественных (войны, набеги татар и пр.). Движение местных цен вообще обнаруживает большую зависимость от урожая и потому дает большую амплитуду колебания, тогда как движение общей цены имеет более сглаженный характер.

Фактором, ограничивающим влияние неурожая на уровень цен, служит наличие хлебных запасов. Их влияние можно усмотреть в тех случаях, когда выпадает несколько неурожайных лет. Тогда наименее резкий подъем цен приходится на первый из них (как, напр., в 1569—1571 гг.).

Б. Транспортные затруднения и отсутствие налаженных путей сообщения. Прямых указаний о влиянии этого фактора на уровень хлебных цен нет. Но имеется достаточное количество косвенных данных, чтобы признать непреложность этой зависимости. Многочисленны указания иностранцев на крайне плохое состояние русских торговых дорог XVI в., их капризную зависимость от времени года.⁴¹

В отличие от местных, к числу факторов ценообразования общего порядка следует отнести:

А. Влияние войн, крупных общественных потрясений и хозяйственных кризисов, связанных с запустением ряда некогда цветущих областей, разорением крестьянства и общим упадком производительных сил, как это было в 80-е гг. XVI в.

Б. Общее обострение классово-борьбы, обычное на фоне явлений хозяйственного кризиса, недорода, мора и т. д. и связанного с ними стремления господствующих классов, используя хлебные запасы, нажиться на народном бедствии путем нарочитого повышения цен.

В. Сезонные колебания цен. То немногое, что возможно привлечь для решения вопроса, может быть сведено в следующую таблицу:

Наименование продаца или покупателя	Место	Год	Товар	Цена в деньгах за четверть			
				Март	Май— июнь	Июль	Сентябрь
Никольский-Корельский монастырь	Холмогоры	1588	Рожь	—	96	—	84
То же	»	1589	»	96	—	104	—
»	»	1589	Толокно	—	120	—	100
»	»	1594	Рожь	—	50	—	46
Соловецкий монастырь	Вологда	1599	»	—	—	38	35
Иосифо-Волоколамский монастырь	Волоколамск	1592	Ячмень	29	—	—	24 ⁴²

Если данные таблицы подвергнуть дальнейшей обработке, то получается такой ряд отношений:

⁴¹ И. М. Кулишер. История русского народного хозяйства. Т. II, М., 1925, стр. 373; В. О. Ключевский. Указ. соч., стр. 126. Его же. Сказания иностранцев о Московском государстве. М. 1916.

⁴² ЛОИИ, Собр. р. кн. № 943, лл. 30—32 об., №№ 953 и 954, лл. 7, 8, 10 об.; № 959, лл. 11, 12 об.; ЦГАДА, ф. Солов., № 7, л. 20; ф. Волок., кн. 11, л. 135.

Как ни малочисленны эти данные, они все же могут служить основанием для заключения, что в условиях нормального хозяйственного

Вид хлеба	Год	Средне- годовая цена в %	В % к среднегодовой цене			
			Март	Май-июнь	Июль	Сентябрь
Рожь	1588	100	—	106	—	90
Рожь	1589	100	96	—	104	—
Толокно	1589	100	—	109	—	91
Ячмень	1592	100	111	—	—	90
Рожь	1594	100	—	104	—	95
Рожь	1599	100	—	—	106	97

года, а также в тех случаях, когда на повышение цен влияли причины общего и более длительного порядка (1588—1589 гг.), сезонные колебания цен не были значительными. Очевидно, средненормальный урожай обеспечивал в Русском государстве XVI в. возможность прокормить все население в течение года, а в частых случаях, как мы знаем из источников, составлять даже некоторые запасы на будущие годы. Благоприятные (либо просто хорошие) виды на урожай текущего года могли понуждать монастыри, бояр и гостей, в руках которых сосредотачивались крупные массы хлеба, выбрасывать его на рынок до сбора нового урожая с целью продать его по более дорогой в данном году цене. Это обстоятельство, естественно, не позволяло хлебной цене резко вскакивать летом и в раннюю осеннюю пору, а в целом нивелировало цены хлебного рынка в течение года.

Г. Существенным фактором, повышавшим хлебные цены, служила в условиях средневековья широко развитая сеть внутренних таможен, сбор торговых пошлин — мыта, тамги и проч. Взятничество царских наместников, воевод, ставшие обычаем челобитья купцов со значительными подношениями различным чинам местной администрации составляли существенный довод к оплате торговых пошлин.

Закупка зерна в Вологде и перепродажа его в Холмогорах, фиксированная в приходных и расходных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря, сохранила на этот счет интересные данные. Дадим примеры. В 1596—1597 гг. Спасо-Прилуцкий монастырь произвел несколькими партиями закупку различных хлебов в Вологде и перепродал их в Холмогорах. Условно уравнивая размеры партий купли-продажи (количество закупленного хлеба фактически незначительно превышает количество проданного) для удобства расчетов и высчитав общую стоимость каждой партии, исходя из действительной взвешенной средней арифметической цены каждой четверти хлеба, построим таблицу:

Вид хлеба	Колич. в четвер- тях	Заплачено при покупке в Вологде	Получено при продаже в Холмогорах	Выручено
Рожь	3234	485 р. 1 гр.	679 р. 4 ал. 4 д.	194 р. 8 д.
Овес	352	22 ¹ / ₂ р. 12 ал.	35 р. 2 гр.	12 р. 10 ал.
Солод ячный	200	20 р.	28 р.	8 р.
Мука ржаная	314	42 р. 13 ал.	56 ¹ / ₂ р. 4 д.	14 р. 4 ал. 2 д.
Всего . . .	4100	570 р. 1 ал.	798 р. 17 ал. 5 д.	228 р. 16 ал. ⁴³

⁴³ ГИМ, ф. 61, е. х. 188, лл. 3, 3 об., 4, 7, 7 об., 8.

Однако выручка в 228 р. 16 ал. не составляет чистой прибыли монастыря. На пути от Вологды до Холмогор по крайней мере трижды (Тотьма, Устюг, Холмогоры) приходилось платить пошлыны. В состав их входили: 1) государевы пошлыны таможенным целовальникам, 2) весчее, 3) мыт, 4) подъемное, 5) весцу весовое, 6) дьяком писчее, 7) «Да у города пирожные пошлыны платить», 8) посаженные пошлыны с насадов.

В Тотьме, например, посаженная пошлына с насадов берется в размере 5 ал. 2 д. с сажени, с дощанников по 2 ал. 4 д. с сажени; дьяку с посада по гривне; писчику 5 ал.; с людей (сопровождающих) по 8 д. с человека.⁴⁴ Иные размеры пошлын в Устюге и Холмогорах.⁴⁵

Относительно подношений чинам местной власти имеется множество данных. Приведем один пример: «К Холмогорам идучи, ходил яз о пропуске бити челом мимо город к Ивану к Михайловичу, снес ему 4 ал., дьяку дал 2 д., истопнику деньгу. Да с Холмогор идучи ходил яз о пропуске бити челом мимо город к Богдану Неелову дал ему 1 д., дьяку 2 д.».⁴⁶

Для весьма примерных расчетов воспользуемся размером пошлыны, выплаченной Спасо-Прилуцким монастырем в 1594 г. в Холмогорах: за 1383 четв. зерна было уплачено 1 р. 24 ал. 2 д., да с того же хлеба мыта с 277 р.—1 р. 12 ал. 5 д.⁴⁷ Из этого расчета в нашем случае монастырь уплатит: с массы хлеба 5 р. 6 ал. 2 д., мыт (с суммы) 4 р. 5 ал., всего 9 р. 11 ал. 2 д.

Эту цифру по меньшей мере нужно утроить согласно числу таможенных пунктов. Получим: 28 р. 4 д. Следует добавить пошлыны и подношения, указанные выше, затраты на оплату персонала по обслуживанию насадов и дощанников, рабочих для их волочения в пути, разгрузку и погрузку, наконец, расходы на харч... Все это не поддается учету, но становится ясным, что в нашем случае чистая прибыль монастыря едва ли могла превысить 125—150 рублей.

Пошлыны за торг, удорожая цену товара, густой сетью опутывали и местные крестьянские торги. Уставная грамота селам Троице-Сергиева монастыря 1560 г. предписывает брать пошлыну с крестьян в случае продажи ими «за волость» любого продукта, либо скотины.⁴⁸

Итак, состояние урожая, состояние торговых путей и средств перевозок, сезонные влияния, наличие высоких таможенных поборов и пошлын — образуют цепь причин, влияющих через посредство спроса и предложения на состояние уровня хлебных цен.

VI

Общий индекс цен на хлеб представлен таблицей 6 и графиком. В отношении индексов цен отдельных видов хлебов выше сделан вывод о тождестве их эволюции за столетие. Сводный индекс цен на хлеб в свою очередь нуждается в рассмотрении. Начавшись с некоторого минимального уровня первых лет XVI в., цены на хлеб обнаруживают непрерывное изменение, направленное в течение столетия в одну сторону и отражающее в себе глубокий процесс эволюции русского хозяйства. На это основное движение наслаиваются ежегодные колебания цен, обусловленные преходящими причинами. Исходным моментом

⁴⁴ ЦГАДА, ф. Соловецк., д. 4, лл. 22—23.

⁴⁵ Там же, л. 19 об., 20.

⁴⁶ ЛОИИ, Собр. р. кн., 960, лл. 23 и 23 об.

⁴⁷ ЦГАДА, Собр. Мазурина, д. 40, лл. 11 об.—12.

⁴⁸ ААЭ, т. I, № 255, стр. 278.

эволюционного ряда служат цены Новгородских писцовых книг, которые, как уже отмечалось, вполне отвечают требованиям нашей задачи. Остальные сведения о ценах за первую половину XVI в. по ряду других мест заимствованы из летописей, духовных грамот и др. актового материала — словом, из документов, показания которых так же, как и показания писцовых книг, не могут быть случайными и по своему назначению должны отражать наиболее типичное состояние цен в данном месте и в данное время. В силу этого показатели цен первой половины века, при всей своей немногочисленности в сравнении с показателями второй половины столетия, могут быть равноправными членами нашего общего эволюционного ряда и должны сыграть свою роль в определении основных тенденций в развитии хлебных цен.

Вникнув в цифры сводного индекса цен на хлеб (табл. 6), легко обнаружить в движении общей цены водораздел, падающий, видимо, на конец 20-х — начало 30-х годов. Перед нами несомненно момент перерыва некоторой постепенности, момент возрастания цен в $1\frac{1}{2}$ раза. Второй такой рубеж прощупывается в начале 40-х гг. В целом темп возрастания цен к середине 40-х гг. в сравнении с началом столетия характеризуется отношением 1 : 3. Это же отношение восстанавливается в первой половине 50-х гг. после трех лет (1548—1550) резкого подъема цены, связанного с хозяйственными особенностями данных лет на Двине, в Холмогорах и Волоколамске. Недород в центральных районах государства во 2-ю половину 50-х гг. влечет за собой новый подъем цен. И хотя нет никаких прямых указаний о влиянии начала Ливонской войны на состояние рынка, гипотетически весьма вероятно связать подъем цен на хлеб в эти годы не только с неурожаем, но и с началом войны. Как только успех русского войска открыл новые возможности хозяйственного развития страны, картина резко меняется. С начала 60-х гг. заметно прогрессирующее падение цен на хлеб по всему государству, доходящее с незначительными колебаниями до 1568 г. Перевалив через точку высокого подъема в 1569—1571 гг., на которые приходится засуха, мор в центральных районах и татарское нападение, процесс снижения цен продолжается и далее — в течение всех 70-х гг. И если цены в состоянии свидетельствовать о хозяйственной жизни общества, то с несомненностью следует заключить, что 60-е гг. и середина 70-х гг. — период наибольшего экономического благополучия Русского государства за 2-ю половину XVI в. Вместе с тем устойчиво низкий уровень хлебных цен в 60-е и 70-е гг. заставляет предположить, что непосредственно причина не сопровождалась резким упадком производительных сил в таких размерах, как это часто принято мыслить. Результаты, связанные с разорением и запустением ряда земель, сказались позднее.

Чуткий барометр экономической жизни общества, цены уже с конца 70-х гг. начинают подавать признаки хозяйственного кризиса. Наибольшего развития он достигает во 2-й половине следующего десятилетия.

Хозяйственная стабилизация 90-х гг. в плане эволюции цен на хлеб получает несомненное подтверждение. Общий индекс цен с середины 90-х гг. заметно снижается, несколько возрастая опять в последние годы столетия. Налицо неопровержимое доказательство преодоления хозяйственного кризиса 80-х гг. Однако преодоление это не было полным. Средний уровень хлебных цен 90-х гг. выше (приблизительно на 25%) предшествующего кризису среднего уровня 70-х гг. В силу этого годы кризиса сыграли свою особую и весьма заметную роль в движении и общем подъеме хлебных цен за XVI столетие.

Для построения коэффициента роста хлебных цен за столетие возьмем отношение средних величин индексов цен по десятилетиям.

Картина будет такой:

Десятилетия	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
Средний индекс .	21	42	22	37	152	103	113	97	136	94
Отношение . . .	1	2	1	1 ³ / ₄	7 ¹ / ₄	5	5 ³ / ₅	4 ³ / ₅	6 ³ / ₇	4 ¹ / ₂

Из таблицы видно, что отношение уровня цен первых лет XVI столетия к уровню его конечных лет дает рост цены на хлеб за столетие в 4¹/₂ раза.

Как общий анализ эволюции хлебных цен, так и этот конечный вывод его в принципе опрокидывают суждение В. О. Ключевского о неизменности хлебных цен XVI в.⁴⁹ и подтверждают вывод Н. Рожкова об их непрерывном росте.⁵⁰

Подведем итоги.

I. XVI век в истории Русского государства характеризуется непрерывно повышающейся конъюнктурой хлебных цен.

II. Повышение хлебных цен в Русском государстве отражает в себе глубокий процесс эволюции внутреннего хозяйства.

III. Существо этого процесса вскрыто в капитальной монографии Б. Д. Грекова о крестьянах. Подчеркнув, что ряд европейских стран в XV—XVI вв. (Англия, Франция, Италия, Кастилия, Португалия) переживают «ускоренный и более или менее прямолинейный рост капитализма», Б. Д. Греков отмечает, что в странах «на восток от Эльбы наблюдается иной ход общественного развития. Повышенный интерес землевладельца к поднятию доходности своих земель появляется и разрешается тут в обстановке господства феодального режима. Создание крупных боярских хозяйств, обслуживаемых барщинным трудом зависимого крестьянина, вызвало здесь новый нажим на крестьянина... Восточная Германия, Польша, Прибалтика и Россия пошли именно по этому пути».⁵¹

IV. Весьма заметную роль в общем подъеме хлебной цены к концу столетия сыграл жестокий сельскохозяйственный кризис конца 70-х—80-х гг.

Итак, повышение товарности сельского хозяйства в связи с дальнейшими успехами общественного разделения труда, роста городов и ремесла, значительный успех хлеба как товара на русском рынке, наконец, влияние кризиса 80-х гг.,— все это, совместно с падением стоимости монетного металла в связи с дешевизной рабского труда на вновь открытых россыпях в Америке, имело следствием резкое повышение цены хлеба в Русском государстве XVI в.

⁴⁹ В. О. Ключевский. Указ. соч., стр. 127.

⁵⁰ Н. Рожков. Указ. соч., стр. 205 и 210. Из сравнения отношений рубля начала XVI в. и рубля конца XVI в. к рублю 1882 г., выведенного Рожковым, выходит, что хлебные цены возросли за XVI столетие в 3,76 раза (94 : 25). На самом деле отношение роста хлебных цен было несколько большим (4,5).

⁵¹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, М.—Л., 1946, стр. 376.

Продолжение таблицы 1

Год	Место	Рожь	Овес	Пшеница	Ячмень	Крупа за- парная	Гречка	Ядрица	Пшено	Крупа б/з указанной какой	Горех	Мука ржаная	Толокно	Семя ко- нопляное	Солод
1581	Антониев-Сийский мона- стырь	40	—	—	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Шуя	60	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Кинешма	27	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Белоозеро	—	—	—	—	—	72	—	240	—	—	—	—	—	—
»	Москва	—	—	53	—	—	—	—	950	—	36	—	—	—	—
»	Волоколамск	29	20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1582	Холмогоры	54	—	—	—	—	—	—	—	80	—	64	76	—	—
»	Ник.-Корельский мона- стырь	—	22	—	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Вологда	62	—	—	—	—	—	—	—	—	66	—	40	—	—
»	Углич	—	—	—	—	—	55	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Белоозеро	—	16	—	—	—	—	—	360	—	—	—	—	—	—
»	Волоколамск	—	—	69	—	—	—	—	ал.	—	—	—	—	—	—
1583	Соловецкий монастырь	66	—	—	30	—	—	—	18.6	—	—	—	—	—	—
»	Терский берег	30	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Холмогоры	72	—	—	—	—	—	—	—	92	—	84	138	—	—
»	Ник.-Корельский мона- стырь	—	22	84	—	—	—	—	—	—	96	—	—	—	—
»	Антониев-Сийский мона- стырь	—	—	48	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Двина	54	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1583	Вологда	62	22	78	44	76	87	—	—	72	96	72	66	75	90
»	Суздальский уезд	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Москва	40	20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Волоколамск	40	24	—	—	—	—	—	—	—	50	—	—	—	—
1584	Терский берег	90	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Холмогоры	86	48	—	60	118	—	—	—	150	—	—	122	—	76
»	Ник.-Корельский мона- стырь	—	—	—	48	—	—	—	—	—	74	108	—	—	—
»	Антониев-Сийский мона- стырь	54	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Архангельск	60	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Вологда	70	13	90	54	85	96	60	—	80	102	66	78	105	48
»	Волоколамск	58	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1585	Терский берег	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Холмогоры	72	—	—	—	—	—	—	—	108	—	—	108	—	—
»	Ник.-Корельский мона- стырь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	108	—	—	72	—
»	Архангельск	60	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Антониев-Сийский мона- стырь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	152	—	—
»	Вологда	50	38	80	—	85	84	—	—	—	86	46	75	—	41
»	Москва	—	—	92	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Волоколамск	50	27	—	—	—	—	—	—	—	55	—	—	—	—
»	Болдино-Дорогобужский монастырь	36	23	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1586	Холмогоры	72	60	—	46	114	—	—	—	—	—	—	120	—	60
»	Ник.-Корельский мона- стырь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	106	80	—	104	—
»	Владимир	120	30	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Москва	45	28	80	36	—	30	—	960	—	—	—	—	60	—
»	Болдино-Дорогобужский монастырь	—	—	60	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1587	Соловецкий монастырь	—	—	—	—	—	—	—	—	50	—	—	—	—	—
»	Холмогоры	64	38	—	—	—	—	—	—	40	—	—	100	—	53
»	Ник.-Корельский мона- стырь	—	—	—	48	—	—	—	—	—	120	72	—	—	—

Продолжение таблицы 1

Год	Место	Рожь	Овес	Пшеница	Ячмень	Крупа за- парная	Греча	Ярица	Пшено	Крупа без уксуса, какао	Горох	Мука ржаная	Толокно	Семя ко- нское	Солод
1587	Антониев Сийский мо- настырь	96	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Вологда	71	36	101	55	98	—	98	—	—	134	—	84	84	72
»	Владимир	120	30	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Белоозеро	84	56	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Москва	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Волоколамск	80	24	133	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Болдино-Дорогобужский монастырь	—	29	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1588	Холмогоры	104	52	108	—	—	—	—	—	160	—	90	144	—	76
»	Антониев-Сийский мона- стырь	—	36	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Вологда	82	33	89	61	76	120	76	220	—	120	100	76	90	—
»	Владимирский уезд	100	20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Москва	50	—	78	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Волоколамск	80	31	108	40	—	—	—	—	—	122	—	—	—	—
»	Болдино-Дорогобужский монастырь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	192	—	—	76	—
1589	Соловецкий монастырь	84	—	—	—	—	—	—	—	—	—	76	—	—	—
»	Холмогоры	96	—	—	—	—	—	—	—	60	114	—	98	—	60
»	Ник.-Корельский мона- стырь	—	—	—	60	—	—	—	—	—	—	88	—	—	—
»	Антониев-Сийский мона- стырь	84	39	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Вологда	82	16	68	40	62	100	56	160	—	120	60	56	63	—
»	Москва	90	—	—	—	—	—	—	—	—	84	—	—	—	46
»	Волоколамск	41	—	—	—	—	40	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Новгородские земли	80	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1590	Соловецкий монастырь	60	39	—	—	120	40	—	—	96	144	96	96	—	—
»	Антониев-Сийский мона- стырь	82	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	48
»	Вологда	53	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Тотемский промысел	—	—	61	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Устюг	46	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Галич	—	—	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1591	Соловецкий монастырь	35	—	—	48	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Холмогоры	80	—	—	60	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Ник.-Корельский мона- стырь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	80	—	—	60
»	Антониев-Сийский мона- стырь	58	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Каргополь	80	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Волоколамск	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Новгород	—	—	—	—	—	58	—	—	—	136	—	—	—	—
»	Болдино-Дорогобужский монастырь	—	20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Шацк	—	—	—	—	—	40	—	85	—	—	—	—	—	—
1592	Холмогоры	72	—	—	—	—	—	—	—	50	—	—	101	—	—
»	Ник.-Корельский мона- стырь	—	—	—	64	—	—	86	—	—	—	—	—	—	40
»	Ненокса	68	—	—	60	—	—	—	—	—	156	78	100	—	—
»	Двина	40	—	—	44	—	—	—	—	—	—	54	—	—	—
»	Устюг	46	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Тверь	—	—	72	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Москва	—	27	68	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Волоколамск	—	22	60	28	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Новгород	—	—	—	—	—	108	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Терский берег	67	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1593	Холмогоры	60	30	—	36	69	—	—	150	72	78	50	67	—	—

Продолжении таблицы 1

Год	Место	Рожь	Овес	Пшеница	Ячмень	Крупа за- парная	Греча	Ядрица	Пшено	Крупа без указания какая	Горох	Мука ржаная	Толокно	Семя ко- нопляное	Солод
1599	Вологда	35	16	50	25	51	—	44	162	45	52	33	38	54	—
»	Устюг	44	—	—	—	52	—	—	—	—	—	—	44	—	—
»	Новозерский монастырь	—	14	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	26
»	Белоозеро	55	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Москва	—	21	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Болдино-Дорогобужский монастырь	—	—	—	—	—	75	—	—	—	60	—	—	—	—
1600	Терский берег	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Антониев-Сийский мона- стырь	48	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Архангельск	26	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Каргополь	44	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Вологда	42	20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Устюг	38	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Новозерский монастырь	—	14	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Москва	40	19	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Болдино-Дорогобужский монастырь	—	—	—	—	—	—	—	160	—	60	—	—	—	—
Конец XVI в.	Архангельск	49	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Шуя	60	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Белоозеро	84	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Москва	—	—	20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Примечание. В источниках, использованных при составлении таблицы, встречаются следующие меры сыпучих тел: бочка — по северным районам государства, четверть — по средней полосе, частично — по северу и югу, мера — по северным районам, коробья — по Новгороду и Пскову. В таблице за меру емкости принята четверть. Остальные меры приведены к четверти согласно отчисления: бочка — 4 четв., мера — 1/2 четв., коробья — 2 четв. Это соотношение мер основано на данных следующих исследований: Н. В. Устюгов. Очерк древнерусской метрологии. «Историч. записки», т. 19, стр. 294—348. Л. В. Черелин. Русская метрология. М. 1944, стр. 42. В. О. Ключевский. Русский рубль..., стр. 112. Гневущев. Очерки эконо. и социальн. жизни..., т. 1. Отношение ряда цен меры ржи к цене четверти ее по северным районам за один и тот же год дает такое соотношение: в Холмограх — 30/60, 32/64, 48/96, 25/44, в Соль-Вычегодске — 24/52, 26/56 и т. д. (ГОИИ, Собр. рукоп. кн. 934, л. 9 об., 13, 14 об., кн. 951, л. 4 об., 9 об.; кн. 953, л. 7 об., 10 об.; кн. 958, л. 29; ЦГАДА, собр. Мазурина № 40, л. 2; ИИМ, ф. 61, е. х. 157, лл. 5, 13, 14). Это соотношение пен на рожь в одном и том же месте в одно и то же время дает основание заключить об отношении емкости, как 1:2. Вопрос о четверти, как единой мере Московского государства с середины XVI в., служивший предметом ученого спора между В. О. Ключевским и А. И. Никитским, разрешен обстоятельной статьей И. И. Смирнова (К вопросу о мерах в Московском государстве XVI в. «Ученые записки ЛГУ», серия историч. наук, вып. 5, стр. 16—37), выводы которой принимаются в данной работе.

Таблица 2

Индексы цен на рожь (1600 г. = 100%)

Год	Холмогоры	Вологда	Москва	Волоколамск	Новгород— Псков	В среднем	Год	Холмогоры	Вологда	Москва	Волоколамск	Новгород— Псков	В среднем
1500	—	—	—	—	15	15	1551	63	—	—	—	—	63
1504	—	—	—	—	11	11	1552	—	—	—	—	—	—
1517	—	—	—	48	—	48	1553	103	—	—	—	—	103
1520	—	38	—	—	—	38	1554	100	—	—	—	—	100
1524	—	—	—	—	15	15	1555	127	—	—	—	—	127
1532	—	—	—	66	—	66	1556	228	95	55	—	—	126
1543	—	—	—	—	41	41	1557	100	—	—	111	—	106
1544	—	—	—	—	62	62	1558	207	—	—	143	—	175
1548	251	—	—	—	—	251	1559	93	—	—	—	—	93
1549	251	—	—	—	—	251	1560	—	—	—	173	—	173
1550	—	—	—	139	—	139	1561	—	—	—	173	—	173

Продолжение таблицы 2

Год	Холмогоры	Вологда	Москва	Волоколамск	Новгород — Псков	В среднем	Год	Холмогоры	Вологда	Москва	Волоколамск	Новгород — Псков	В среднем
1562	48	—	—	—	—	48	1582	93	147	—	—	—	120
1563	—	—	—	114	—	114	1583	124	147	100	114	—	121
1564	41	—	—	97	—	69	1584	148	166	—	165	—	159
1565	—	—	—	60	—	60	1585	124	121	—	143	—	129
1566	—	—	—	57	—	57	1586	124	—	112	—	—	118
1567	—	—	—	69	—	69	1587	110	139	125	228	—	158
1568	—	—	—	86	—	86	1588	179	195	125	228	—	182
1569	—	—	57	94	—	76	1589	165	195	222	117	157	175
1570	107	—	—	931	—	519	1590	—	126	—	—	—	126
1571	103	—	—	—	112	108	1591	137	—	—	143	—	140
1572	103	—	—	—	—	103	1592	124	110	—	—	—	117
1573	93	—	—	66	—	79	1593	103	—	—	—	100	102
1574	62	—	—	86	—	74	1594	76	—	48	63	—	62
1575	—	—	—	77	—	77	1595	—	—	—	—	—	—
1576	53	—	—	57	—	55	1596	72	71	—	—	—	72
1577	53	55	—	57	—	55	1597	100	75	—	—	—	88
1578	53	59	—	—	—	56	1598	100	—	100	100	—	100
1579	—	—	—	77	—	77	1599	100	83	—	—	—	92
1580	83	—	—	97	—	90	1600	100	100	100	100	100	100
1581	90	—	—	83	—	87							

Таблица 3

Индекс цен на овес (1600 г.=100%)

Годы	Холмогоры	Вологда	Москва	Волоколамск	В среднем	Годы	Холмогоры	Вологда	Москва	Волоколамск	В среднем
1500	—	—	—	—	27	1578	60	65	—	—	63
1504	—	—	—	—	23	1579	47	—	—	60	54
1505	—	—	—	—	23	1581	—	—	—	100	100
1524	—	—	—	—	27	1583	—	110	105	120	112
1536	23	—	—	—	23	1584	160	65	—	—	113
1551	66	—	—	—	66	1585	—	190	—	135	163
1552	20	—	—	—	20	1586	200	—	147	—	173
1556	120	200	—	—	160	1587	127	180	—	120	142
1558	173	—	—	—	173	1588	173	155	—	155	164
1560	47	—	—	—	47	1589	130	80	—	—	105
1561	47	—	—	—	47	1591	—	—	—	—	—
1564	—	—	—	30	60	1592	—	—	142	110	126
1565	47	—	—	60	54	1593	100	—	110	—	105
1567	—	—	—	30	30	1594	73	—	—	100	87
1568	—	120	—	85	103	1595	80	75	—	—	78
1569	133	120	158	90	125	1596	65	65	—	—	66
1570	200	—	—	500	350	1597	83	80	—	—	82
1571	—	—	—	500	500	1598	100	—	—	—	100
1575	110	—	—	—	110	1599	—	80	110	—	95
1576	—	—	—	80	80	1600	100	100	100	100	100

Примечание. Процент за 1500, 1504, 1505 и 1524 гг., проставленный в итоговой строке, выведен по Новгороду и Пскову. Ввиду отсутствия по этим городам и их землям сведений о ценах на овес в конце XVI в., за 100% взята средняя от цен четырех пунктов, значащихся в таблице.

Таблица 4
Индексы цен на ячмень (1600 г. = 100%)

Годы	Холмогоры	Вологда	Волоколамск	Новгород — Псков	В среднем	Годы	Холмогоры	Вологда	Волоколамск	Новгород — Псков	В среднем
1500	—	—	—	17	17	1582	—	—	—	—	—
1504	—	—	—	23	23	1583	—	176	—	—	176
1505	—	—	—	23	23	1584	115	216	—	—	166
1524	—	—	—	23	23	1586	88	—	—	—	88
1526	—	—	—	23	23	1587	92	220	—	—	156
1543	—	—	—	75	75	1588	—	244	143	—	193
1552	92	—	—	—	92	1589	115	160	—	—	138
1554	69	—	—	—	69	1591	115	—	—	—	115
1558	185	—	—	—	185	1592	123	—	100	—	112
1558	—	—	107	—	107	1593	39	—	—	—	69
1572	80	—	—	—	80	1598	100	—	—	—	100
1573	40	—	—	—	40	1599	—	100	—	—	100
1577	42	—	—	—	42	1600	100	100	100	100	100
1578	46	—	—	—	46						

Примечание. При исчислении %/о по Новгороду и Пскову, ввиду отсутствия по этим городам и их землям сведений о ценах на ячмень в конце XVI в., взята средняя от цен 1600 г. по трем пунктам, значащимся в таблице.

Таблица 5
Индексы цен на прочие виды хлебов, крупы и продукты переработки зерна (1598—1600 гг. = 100%)

Годы	Пшеница	Горох	Греча	Крупа запарная	Мука ржаная	Толокно	Семя кн. пшля- нсе	Солод
1500	17	—	—	—	—	—	—	—
1504	22	32	—	—	—	—	17	—
1505	22	—	—	—	—	—	—	—
1524	22	32	11	—	96	—	17	—
1551	—	—	66	—	—	74	58	—
1558—59	—	—	—	—	45	154	125	—
1560—61	62	—	—	—	39	69	40	46
1562	—	—	—	—	—	49	—	39
1565	—	108	—	49	—	43	—	31
1567	—	—	—	—	122	—	42	—
1568	95	—	—	—	—	—	—	80
1572	—	—	—	—	—	99	50	—
1573	128	—	—	—	—	—	—	—
1575	—	—	42	—	35	60	37	—
1576	50	—	—	—	—	—	—	—
1577	80	—	—	—	55	—	46	52
1579	—	148	—	—	—	50	—	—
1580	—	—	75	67	90	56	—	—
1581	78	—	100	—	103	66	—	—
1582	115	165	76	—	126	60	—	—
1583	117	216	120	77	—	105	78	173
1584	180	255	124	103	140	103	109	119
1585	148	213	117	86	74	115	75	80
1586	118	211	—	116	129	124	85	116

Продолжение таблицы 5

Год	Пшеница	Горох	Греча	Крупа запарная	Мука ржаная	Толокно	Семя квопя- ное	Солод
1587	211	288	—	—	116	95	87	121
1588	143	300	167	77	153	113	86	146
1589	136	264	98	64	120	79	66	102
1590	—	—	56	122	154	98	—	92
1591	—	—	68	—	128	—	—	115
1592	100	—	101	—	106	103	—	53
1593	—	156	50	70	72	71	75	77
1594	—	126	68	63	79	65	—	69
1595	84	150	138	81	—	58	—	73
1596	52	129	—	56	52	49	—	63
1597	78	100	100	62	71	56	100	60
1598	100	100	100	100	100	100	100	100
1599	100	100	—	—	—	—	—	—
1500	100	100	—	—	—	—	—	—

Таблица 6

Сводная таблица
движения цен на основные виды зерновых хлебов
(1600 г.=100%)

Годы	Рожь	Овес	Ячмень	В сред- нем	Годы	Рожь	Овес	Ячмень	В сред- нем
1500	15	27	17	20	1570	519	350	—	435
1504	11	23	23	19	1571	108	500	—	304
1505	—	23	23	23	1572	103	—	80	92
1517	48	—	—	48	1573	79	—	—	79
1520	38	—	—	38	1574	74	—	—	74
1524	15	27	23	22	1575	77	110	—	94
1532	66	23	23	37	1576	55	80	40	58
1543	41	—	75	58	1577	55	—	42	49
1544	62	—	—	62	1578	56	63	46	55
1548	251	—	—	251	1579	77	54	—	66
1549	251	—	—	251	1580	90	—	—	90
1550	139	—	—	139	1581	87	100	—	94
1551	63	66	—	65	1582	120	—	—	120
1552	—	20	92	56	1583	121	112	176	136
1553	103	—	—	103	1584	159	113	166	146
1554	100	—	69	84	1585	129	163	—	146
1555	127	—	—	127	1586	118	173	88	126
1556	126	160	—	143	1587	158	142	156	152
1557	106	—	—	106	1588	182	164	193	179
1558	175	173	185	178	1589	171	105	138	138
1559	93	—	—	93	1590	126	—	—	126
1560	173	47	—	110	1591	140	—	115	127
1561	173	47	—	110	1592	117	123	112	118
1562	48	—	—	48	1593	102	105	69	92
1563	114	—	—	114	1594	62	87	—	75
1564	69	60	—	64	1595	—	78	—	78
1565	60	54	—	57	1596	72	66	—	69
1566	57	—	—	57	1597	88	82	—	85
1567	69	30	—	49	1598	100	100	100	100
1568	86	103	107	99	1599	92	95	100	96
1569	76	125	—	100	1600	100	100	100	100

Таблица 7

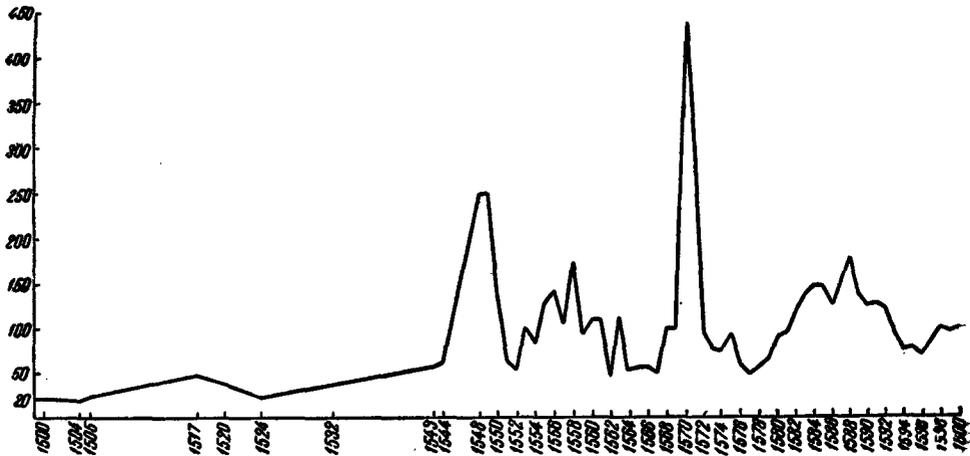
Соотношение цен на рожь за 1 четв. по пяти районам по годам
(в московских деньгах)

Год	Холмогоры	Вологда	Москва	Волоколамск	Новгород— Псков	Год	Холмогоры	Вологда	Москва	Волоколамск	Новгород— Псков
1556	132	40	22	—	—	1583	72	62	40	40	—
1558	120	—	—	50	—	1584	86	70	—	58	—
1559	54	—	—	—	—	1585	72	50	—	50	—
1560	—	—	—	30	—	1585	72	—	45	—	—
1564	24	—	—	34	—	1587	64	71	50	80	—
1569	—	—	23	33	—	1588	104	82	50	80	—
1570	62	—	—	336	—	1589	96	82	90	41	80
1571	60	—	—	—	63	1591	80	—	—	50	—
1572	60	—	—	23	—	1592	72	46	27	22	—
1573	54	—	—	30	—	1593	60	—	—	—	56
1574	36	—	—	20	—	1594	44	—	18	22	—
1576	30	—	—	20	—	1596	42	30	—	—	—
1577	30	23	—	—	—	1597	58	31	—	—	—
1578	30	25	—	34	—	1598	58	—	40	35	—
1580	48	—	—	29	—	1599	58	35	—	—	—
1581	52	—	—	—	—	1600	58	42	40	35	—
1582	54	62	—	—	—						

Таблица 8

Соотношение цен на рожь за 1 четверть по пяти районам
(Холмогоры) = 100%

Год	Холмогоры	Вологда	Москва	Волоколамск	Новгород— Псков	Год	Холмогоры	Вологда	Москва	Волоколамск	Новгород— Псков
1556	100	30	17	—	—	1584	100	81	—	67	—
1558	100	—	—	42	—	1585	100	69	—	69	—
1564	100	—	—	141	—	1586	100	—	62	—	—
1570	100	—	—	542	—	1587	100	110	78	125	—
1571	100	—	—	—	105	1588	100	79	48	77	—
1573	100	—	—	43	—	1589	100	85	93	43	83
1574	100	—	—	83	—	1591	100	—	—	52	—
1573	100	—	—	67	—	1592	100	64	37	30	93
1577	100	77	—	67	—	1594	100	—	41	50	—
1578	100	83	—	—	—	1596	100	71	—	—	—
1580	100	—	—	71	—	1597	100	54	—	—	—
1581	100	—	—	56	—	1598	100	—	69	60	—
1582	100	115	—	—	—	1599	100	60	—	—	—
1583	100	86	55	55	—	1600	100	73	69	60	—

Индекс движения цен на хлеб (1600 г. = 100%).

Источники, использованные при составлении таблиц цен на хлеб

I. Приходные и расходные книги монастырей:

- 1) Антониев-Сийский монастырь — ЛОИ, ф. Антониево-Сийского монастыря, кн. 1.
- 2) Болдино-Дорогобужский монастырь — РИБ, т. XXXVII, изд. 1924 г. столб. 13—239, т. II, столб. 290.
- 3) Иосифо-Волоколамский монастырь — ЛОИИ, кн. 2, 3, 4, 6, 7; Собр. рукоп. кн. №№ 1028, 1031 и 1032; ЦГАДА, Собр. Волоколамск. кн. 10 и 11.
- 4) Кирилло-Белоозерский монастырь — Н. Никольский. Кирилло-Белоозерский монастырь и его устройство. Т. I, в. 2, стр. OLXVII — ОСХХVIII.
- 5) Коряжемский монастырь — ЛОИИ, ф. Коряжемского монастыря, №№ 77, 85.
- 6) Никольский-Корельский монастырь — ЛОИИ, Собр. р. к. №№ 936, 937, 934, 935, 939, 941, 942, 943, 944, 945, 947, 948, 951, 952, 953, 954, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 968, 969, 970, 971.
- 7) Новгородский Софийский дом — Б. Д. Греков. Монастырское хозяйство XVI—XVII вв. 1924, стр. 76—106 и 107—111; Б. Д. Греков. Очерки по истории хозяйства Новгородск. Софийского дома. «Летопись занятий Археографич. Комиссии», вып. 33, стр. 207, 266, 268, 294; Гос. Публичн. б-ка. Рукописн. отд. Собр. Софийское, 1548, л. л. 2—18; Временник ОИ и Др., кн. 25, 1857, Смесь, стр. 1—2; ЛОИИ, АКАК, № 36, л. л. 1—22.
- 8) Новозерский монастырь — ЛОИИ, Собр. р. к. № 662, л. л. 1—55.
- 9) Павлов-Обнорский монастырь — РИБ, т. XXXVII, столб. 1—12.
- 10) Соловецкий монастырь — ЦГАДА, ф. Соловецк., №№ 2, 6, 7, 4, 5, 207, 208, 209, 211, 212, 422, 424; ЛОИИ, Собр. р. к. № 125.
- 11) Спасо-Прилуцкий монастырь, ЛОИИ, ф. Спасо-Прилуцкого монастыря, кн. 2, 5, 7; ЦГАДА, Собр. Мазурина, №№ 40, 116, 227, 30; ГИМ, ф. 61, е. х. 157; е. х. 200, Заемная кабала, е. х. 161, 157, 188, 222.
- 12) Тихвинский монастырь — ЛОИИ, Собр. р. кн. Тихвин. монастыря, кн. 1.
- 13) Чудов монастырь — ЦГАДА, Собр. Мазурина, кн. 273.

II. Вкладные книги:

- 1) Иосифо-Волоколамский монастырь — ГИМ, Вкладная книга (напечатана Титовым); ЦГАДА, Записная книга вкладов 141/196.
- 2) Спасский-Каргопольский монастырь — Госуд. публичн. б-ка. Рукописн. отд., А. IV, 337.
- 3) Махрицкий монастырь — Чт. ОИ и Др., 1878, III.
- 4) Антониев-Сийский монастырь — Чт. ОИ и Др., 1917, II, стр. 5, 12, 13.
- 5) Перемышльский Шаровкин монастырь — Чт. ОИ и Др., 1863, I, стр. 31.
- 6) Симонов Монастырь — Госуд. публичн. б-ка, Рукописн. отд., т. IV, 1348.
- 7) Соловецкий монастырь — ЛОИИ.
- 8) Монастырь Федора Стратилата — ЛОИИ, Собр. р. к. № 170.
- 9) Кандалакшский монастырь — ЛОИИ, Собр. р. к. № 900.
- 10) Кирилло-Белозерский монастырь — ЛОИИ, Собр. р. к. № 1074.
- 11) Костромской монастырь — ЛОИИ, Собр. р. к. № 1105.

III. Летописи и писцовые книги:

- 1) ПСРЛ., т. IV, стр. 569, 321, 305.
- 2) Псковские летописи, 1941 г., стр. 111.
- 3) Летописец Иосифо-Волоколамского монастыря — ГБЛ, Рукоп. отд., № 362, л. 311 и сл.
- 4) Новгородские писцовые книги, т. III, стр. 5, 14, 17 и сл.; т. V, стр. 62, 63 и сл., стр. 337 и сл.; т. VI, стр. 15.
- 5) А. М. Гневушев. — Писцовая книга Вотской пятины, Новгород, 1917, стр. 4, 10, 20, 32, 38, 39, 76 и 77.
- 6) Писцовые книги Выборского и Изборского уездов. «Записки Русск. Археолог. Общества», т. IX, вып. 1.
- 7) Список с Писцовой книги по г. Казань, 1877 г., стр. 18.
- 8) А. А. Титов. Летопись Двинская, стр. 10, 13.

IV. Актовый материал:

- 1) Известия Вологодского общества изучения Северного края, 1915, № 3, стр. 61.
- 2) Древняя Российская Внвлюфика, 2-е изд., ч. XVIII, стр. 14.
- 3) А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений, 1864, стр. 175.
- 4) Акты Юридические, № 415.
- 5) Акты Федотово-Чеховского, т. I, № 65 и 74.
- 6) Временник ОИ и Др., т. XI, стр. 2, 3 и след.
- 7) Чт. ОИ и Др., 1898, кн. 2, Юшков, стр. 88, 58, 89.
- 8) Летопись занятий Археологич. Комиссии, 1871, т. 5, отд. II, стр. 20.
- 9) ААЭ, т. I, стр. 116, №№ 123 и 144; стр. 152.
- 10) Кормовая книга Кирилло-Белоозерского монастыря, стр. 76.

V. Литература:

- 1) Н. Рожков. Сельское хозяйство в Московской Руси XVI в., М., 1899, гл. III.
- 2) В. Ключевский. Русский рубль XVI—XVIII вв.—Опыты и исследования, 1-й сборник статей, 1919, стр. 136, 139, 140, 141, 152.
- 3) Б. Д. Греков. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI—XVII вв., в. 1. «Летопись занятий Археографич. Комиссии», в. 33, 1926, стр. 207, 266, 268, 294.
- 4) А. Савич. Соловецкая вотчина, Пермь, 1927, стр. 155.
- 5) М. Тихомиров. Монастырь — вотчинник XVI в. «Историч. Записки», т. 3, 1938, стр. 141.
- 6) К. Щепетов. Сельское хозяйство в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря... «Исторические Записки», т. 18, 1946, стр. 113.

Н. Н. УЛАШИК

ИЗ ИСТОРИИ РЕСКРИПТА 20 НОЯБРЯ 1857 года

I

Рескрипт 20 ноября 1857 г. на имя виленского генерал-губернатора Назимова в истории крестьянской реформы 1861 г. является документом первостепенного значения: он дает основные установки при выработке проектов освобождения крестьян и определяет организационные формы дворянских губернских комитетов и комиссий, выработывавших эти проекты. Вместе с тем опубликование рескрипта означало переход к гласному обсуждению вопроса об освобождении крестьян.

Первые наброски условий освобождения крестьян были выработаны параллельно летом 1857 г. в Секретном комитете по крестьянскому делу и в губернских дворянских комитетах губерний Виленской, Гродненской и Ковенской.

В обоих случаях эти наброски выработывались помещиками и в интересах помещиков, но тем не менее между проектами, выработанными в центре и на местах, оказалась очень большая разница. Сущность разногласия заключалась в том, что помещики на местах (за очень небольшим исключением) требовали *безземельного* освобождения и передачи *всего* крестьянского недвижимого имущества в полное распоряжение помещиков, в то время как правительство понимало невозможность такого «освобождения», так как это неизбежно привело бы к массовому крестьянскому восстанию. Кроме того, обезземеленные крестьяне были бы неаккуратными плательщиками налогов, не говоря о том, что правительство очень боялось «язвы пролетариата». Поэтому в центре, т. е. в Секретном комитете по крестьянскому делу, было решено произвести освобождение с землей, максимально обеспечив при этом интересы помещиков.

В этой борьбе победила правительственная точка зрения. Проекты дворян Виленского генерал-губернаторства дали лишь формальный толчок делу освобождения крестьян, но в основу рескрипта 20 ноября был положен проект Секретного комитета. Уверения польских буржуазных историков, что рескрипт создан на базе условий, выдвинутых польским дворянством Виленского генерал-губернаторства, является вымыслом.

II

Рескрипт 20 ноября 1857 г. был направлен на имя виленского генерал-губернатора Назимова потому, что дворяне этого генерал-губернаторства задолго до реформы несколько раз заявляли правительству о своем желании произвести освобождение крестьян.

Впервые предложение уничтожить у себя в области крепостное право высказала белостокская шляхта в 1807 г.¹

Второй раз вопрос об освобождении крестьян дворяне Виленской губернии подняли в 1817 г. (в тогдашнюю Виленскую губ. входили позднейшие губернии Виленская и Ковенская). Дворяне Браславского (позднее Ново-Александровского), Завилейского (позднее Свенцянского) и Вилькомирского уездов на своих уездных выборах приняли решение об освобождении крестьян и дали наказ своим депутатам поднять этот вопрос в Вильно, на губернских выборах.

Дворяне трех уездов требовали личного освобождения крестьян, а вместе с тем помещики должны были освободиться от ответственности за лежавшие на крестьянах повинности.²

В Вильно, на губернских выборах руководящая роль в этом деле перешла к дворянам западных уездов губернии. Прения по вопросу о необходимости освобождения крестьян открыл делегат Упитского (позднее Поневежского) уезда Завиша, который в резкой форме потребовал уничтожения крепостного права в губернии. Против него, в защиту крепостничества, выступил делегат Ошмянского уезда Пашковский. Этот вопрос, поднятый на дворянских выборах, вызвал в Вильно сильнейшее возбуждение. Публика, переполнявшая хоры Дворянского собрания (преимущественно студенты Виленского университета), приняла в событиях самое живое участие, поддерживая сторонников освобождения. Пашковскому была приколота к спине бумажка с надписью «виселица», и раздались крики, что его следует выбросить вон из зала. Под шиканье и крики Пашковский ушел с заседания. Обстановка на съезде настолько обострилась, что многие из делегатов, «потеряв терпение и мужество», разъехались по домам, не дождавшись конца заседаний.

После случая с Пашковским заседания перестали быть публичными, и все дело повели одни делегаты, которые вынесли решение просить у императора разрешения утвердить в Вильно комитет для составления проекта об улучшении состояния крестьянства. Весной 1818 г. император разрешил собрать мнения дворян губернии о необходимости созыва комитета, объявив перед тем выговор губернскому предводителю дворянства и гражданскому губернатору за допущение «беспорядков». Опрошенные дворяне губернии огромным большинством (1 469 против 77) высказались за созыв комитета.³ Однако комитет никогда не был создан, и дело на этом остановилось. Аналогичные выступления дворян за освобождение крестьян в 1818 г. происходили в губерниях Гродненской и Минской.⁴

Следующее выступление произошло в 1848 г., когда в Сенат было подано коллективное заявление ряда помещиков «Северо-западного края», т. е. Белоруссии и Литвы, о признании их крепостных людьми лично свободными. Сенат отказал, мотивируя тем, что он не вправе рассматривать коллективные просьбы.⁵

В 1854 г. Гродненский инвентарный комитет, вырабатывая по пред-

¹ Н. Моścicki. Sprawa włościańska na Litwie w pierwszej ćwierci XIX st. Warszawa, 1908, str. 7.

² А. Станкевич. Первые шаги крестьянской реформы в Северо-западном крае. Вильно, 1911, стр. 7.

³ А. Станкевич. Указ. соч., стр. 8—11; Документы і матэрыялы па гісторыі Беларусі, т. 2, Мінск, 1940, стр. 64—68.

⁴ Н. Моścicki. Op. cit., str. 32.

⁵ Н. Колмаков. Вопрос о почине крестьянского дела. «Русская Старина», 1885, июль, стр. 133.

ложению правительства проект новых инвентарных правил, одновременно выдвинул проект освобождения крестьян своей губернии. Комитет сформулировал свой проект освобождения следующим образом: «Гродненский губернский комитет в журнале своем изложил, что помещики, как из отзывов уездных предводителей видно, искренно желают улучшения быта своих крестьян, твердого и справедливого основания взаимных их соотношений и определения таковых на добровольных договорах, и единственным к тому средством находят увольнение крестьян из крепостного состояния на следующем основании: 1) Чтобы права собственности помещиков на все земли и угодья оставались ненарушаемыми в полной силе, согласно существующим узаконениям. 2) Чтобы крепостные права на крестьян, подвергающие их личность зависимости от помещиков, были прекращены навсегда, с устранением всех сопряженных с тем отношений. 3) Чтобы повинности крестьян за предоставленные земли и угодья ограничивались только взаимным договором, условия коего не должны превышать ныне существующих повинностей на первый срок. 4) Чтобы право перехода крестьян в другие помещичьи имения ограничено было чертою первоначального стана, потом уезда, и наконец, губернии, в имевшие определить на то сроки. 5) Что к заключению договоров непременно обязаны все без изъятия крестьяне в течение одного года со дня утверждения такого предположения. 6) Чтобы для расправы и заведывания крестьянами, равно явки договоров и проверки хозяйственных инвентарей учреждено было соответственное управление».⁶

III

30 марта 1856 г. император Александр II, выступая в Москве перед дворянством Московской губернии, сказал: «Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться, когда оно начнет само собою отменяться снизу». Таким образом, впервые было открыто высказано, что реформа необходима.

Причины, по которым правительство вынуждено было произвести реформу, с исчерпывающей полнотой установлены Лениным. Ленин писал: «Какая же сила заставила их (крепостников.— Н. У.) взяться за реформу? Сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма. Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские «бунты», возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить *сверху*, чем ждать, пока свергнут *снизу*».⁷

Однако, решив принципиально вопрос о реформе, ни император, ни его министры не знали, как они будут проводить ее на практике, на каких условиях крестьяне должны быть освобождены. Одно, пожалуй, для них было очевидно с самого начала,— это то, что без земли крестьян освобождать нельзя, потому что это неизбежно вызовет «бунт» освобождаемых.⁸

Заявив о необходимости реформы, правительство действовало в этом вопросе крайне медленно и робко, желая повернуть дело так, будто

⁶ ЦГИАЛ, ф. Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Д. 216, л. 129—130. Цит. не по оригиналу документа, который не обнаружен, а по изложению, сделанному в министерстве внутренних дел.

⁷ В. И. Ленин. Соч., изд. 3-е, т. XV, стр. 143.

⁸ Это, однако, не мешало тому, что среди членов правительства оказалось достаточное количество сторонников безземельного освобождения.

не оно решило освободить крестьян, а об этом просят сами помещики. Проведение реформы с самого «верха» казалось опасным.

Вскоре после своего московского выступления, в мае 1856 г., император, находясь в Бресте, имел разговор с Назимовым о необходимости освобождения крестьян. В этом разговоре Назимов уверил императора, что дворянство Виленского генерал-губернаторства «не утрашилось бы» реформы, так как оно наглядно видело, что такая реформа в Пруссии и в Прибалтийских губерниях была для дворян не только не разорительна, но выгодна.

Император, выслушав это, поручил Назимову начать негласные переговоры с дворянством генерал-губернаторства о реформе.

Нужно сказать, что для той роли, которая ему была предназначена императором, т. е. для роли руководителя крестьянской реформой в крае, Назимов подходил очень мало. Назимов был типичным николаевским генералом, получившим очень небольшое образование. Его биограф и апологет писал, что Назимов не получил в молодости «академического образования и разных ученых дипломов».⁹ В свое время Назимов был военным руководителем наследника престола (впоследствии императора Александра II) и в дальнейшем доверенным лицом императора.¹⁰ В то же время Назимов был любимцем дворянства края. Популярность его среди дворян началась с 1840 г., когда, будучи председателем комиссии по делу Конарского, Назимов очень благоприятно относился к арестованным по этому делу. Приезд Назимова в Вильно, в феврале 1856 г., был триумфальным, хотя, повидимому, восторг по поводу приезда Назимова в большой мере усиливался восторгом по поводу отъезда предшественника Назимова — Бибикова, очень нелюбимого дворянством.

Таким образом, при первых переговорах представителя правительства с дворянством о необходимости реформы с одной стороны выступил неопытный администратор, не знавший условий края и не имевший никаких указаний на то, как и на каких условиях должна быть проведена реформа, а с другой — дворяне, очень хорошо знавшие, что им нужно, на каких условиях они хотят провести реформу.

При всех этих оговорках нужно сказать, что Назимов выполнил возложенную на него императором миссию. Он разговаривал с влиятельнейшими помещиками края: К. Оржешко (Гродненская губ.), Любонским и Хоминским (Виленская губ.), И. Огинским и А. Чапским (Ковенская губ.). Все они выразили согласие на проведение реформы и обещали склонить к тому же и других дворян.¹¹ Поднимался ли при переговорах вопрос о том, на каких условиях будет произведено освобождение крестьян, — неизвестно. Во всяком случае дворяне, с которыми разговаривал Назимов, безусловно считали, что освобождение мыслимо только как освобождение без земли.

Подготовив в какой-то мере почву в одном генерал-губернаторстве, правительство (точнее, министр внутренних дел Ланской и товарищ министра внутренних дел Левшин), получив на это санкцию императора,¹² решило начать переговоры о необходимости реформы с представителями всего дворянства империи. Переговоры эти происходили в Москве, в августе 1856 г., во время коронационных торжеств. На коронацию в Москву съехались представители дворянства всей империи.

⁹ А.С.П. В. И. Назимов. «Русская Старина», 1885, май, стр. 337.

¹⁰ А. Станкевич. Указ. соч., стр. 13.

¹¹ А.С.П. В. И. Назимов. «Русская Старина», 1885, март, стр. 577—578.

¹² А. И. Левшин. Достопамятные минуты в моей жизни. «Русский Архив», 1885, № 8, стр. 483.

Специального вызова (который мог бы вызвать толки) не было, и правительство могло договориться с дворянами, сохраняя все дело в секрете, о чем оно тогда очень заботилось. Специальный съезд дворянства для обсуждения этого вопроса, по мнению Левшина, был «преждевременным, неполитичным и даже опасным, тем более, что хотя правительство определяло цель, но не знало, какими путями пойдет к ней»,¹³ и надеялось узнать мнение помещиков.

Министр внутренних дел принимал прибывавших дворян, предупреждал их о намерениях правительства и затем направлял к Левшину для подробных переговоров. Подавляющая масса дворян (были преимущественно губернские предводители дворянства) вовсе не собиралась освобождать своих крестьян и относилась враждебно к этой идее. Поэтому намеки Левшина о необходимости освобождения большинство представителей встретило с удивлением или со страхом. Только предводители и некоторые из дворян губерний Ковенской, Гродненской и части Виленской шли навстречу желаниям правительства, т. е. считали, что крепостное право нужно уничтожить.

Удостоверившись в благоприятном отношении к реформе дворян этих губерний, Левшин начал переговоры с Назимовым, во время которых было решено, что министерство внутренних дел поручит Назимову собрать предводителей дворянства края и объявит им, «чтобы они указали необходимые улучшения в устройстве крестьян, не стесняясь прежними постановлениями и инструкциями».¹⁴ Однако министерство внутренних дел не давало Назимову никакой конкретной программы действия в дальнейшем. Пока что правительство желало очень немного: чтобы дворяне сами сделали первый шаг на пути к реформе, чтобы именно дворяне требовали освобождения. Об условиях освобождения вопрос пока не поднимался.

Эта программа была устно доложена императору и устно одобрена им. Письменный же доклад был написан Левшиным позже, в Петербурге, и представлен Ланским императору 26 октября 1858 г.¹⁵

Доклад Левшина поражает своей уклончивостью, неопределенностью, нежеланием прямо ставить вопросы и открыто на них отвечать. Желая, чтобы дворянство Виленского генерал-губернаторства официально высказалось за освобождение крестьян, Левшин избегает даже употреблять такие слова, как «освобождение», «реформа». Величайшая нерешительность и боязнь характерны для первых шагов правительства в начале этого дела.

В своем докладе Левшин предлагал вернуть на места инвентарные правила губерний Виленской, Гродненской и Ковенской, находившиеся в министерстве внутренних дел и не утвержденные, и заняться там вновь их обсуждением, «не стесняясь прежними постановлениями, и откровенно представить министерству внутренних дел свои соображения, к прочному устройству крестьян клонящиеся». При этом Левшин считал, что «нет надобности *прямо* (подчеркнуто автором.— Н. У.) говорить, для чего это делается. Можно надеяться, что предводители сами поймут цели сего распоряжения, а ближайшие наставления и разрешения может дать им изустно и с должной осторожностью генерал-губернатор Назимов». О том, на каких условиях правительству желательно освободить крестьян, в докладе нет ни слова. По мнению Левшина, помещики при обсуждении сами должны «придумать предположения,

¹³ А. И. Левшин. Достопамятные минуты в моей жизни. «Русский Архив», 1885, № 8, стр. 483.

¹⁴ Там же, стр. 484.

¹⁵ Там же.

которые могли бы послужить к новому и прочному устройству крестьян, без чувствительных потерь и для помещиков».

Реформу Левшин предлагал провести только в Виленском генерал-губернаторстве¹⁶ и по тем соображениям, что «идея освобождения крестьян в западных губерниях и особенно в местностях пограничных и соседних с Остзейскими губерниями гораздо более развита в умах помещиков и гораздо более доступнее крестьянам, нежели во внутренности (1) России».¹⁷

26 октября 1856 г. император утвердил доклад, а 3 ноября копия доклада вместе с секретным отношением министра внутренних дел были отправлены Назимову.¹⁸ Отношение министра внутренних дел¹⁹ ничего не прибавляло к докладу Левшина: это обычная препроводительная бумага, в которой министр высказал уверенность, что Назимов хорошо выполнит возложенное на него поручение.

IV

Назимов, видимо, получил отношение министра внутренних дел и копию доклада Левшина в первой половине ноября 1856 г., но около четырех месяцев не предпринимал никаких официальных шагов. Что им было сделано за это время негласно, сказать трудно. Во всяком случае переговоры с дворянством Назимов вел, и вел успешно. По его сообщению, он разговаривал с дворянами о «необходимости улучшения и упрочения быта помещичьих крестьян и не только не встретил ни одного противоречивого мнения, но, напротив, нашел во всех полное сознание в необходимости этого в нынешнее время».²⁰ 12 марта 1857 г. Назимов разослал предводителям дворянства письма с предложением обсудить этот вопрос в комитетах. Комитеты, однако, собрались несколько: Гродненский — 25 мая, Ковенский — 30 мая,²¹ Виленский — 15 июля.²² Правительство желало, чтобы этот вопрос обсуждал очень узкий круг лиц: кроме предводителей дворянства, предполагалось пригласить только несколько дворян. В действительности же, летом 1857 г. в комитетах каждой из губерний участвовало около 25—30 человек, а обсуждало вопрос значительно больше.

Представители дворян, собравшиеся летом 1857 г. в свои губернские города, знали уже, для какой цели их созвали, но не имели никаких указаний от правительства. Как известно, правительство решило, что дворяне «сами поймут», как нужно решать. Для большинства собравшихся дворян освобождение крестьян было желательным, но все же часть была против освобождения.

Единогласное решение об освобождении крестьян (без земли) было принято в губерниях Гродненской и Ковенской, но в Виленской настроение части дворян и в особенности губернского предводителя дворянства Домейко оказалось иным.

В Ковенской губернии, когда был поднят вопрос об уничтожении крепостного права, то все крикнули: «Свобода, уничтожение крепостни-

¹⁶ В губерниях Минской, Могилевской и Витебской Левшин предлагал пока оставить существовавшие инвентари.

¹⁷ А. И. Левшин. Достопамятные минуты в моей жизни. «Русский Архив», 1885, № 8, стр. 484—486.

¹⁸ Там же, стр. 486.

¹⁹ ЦГИАЛ, ф. СГК, д. 8, л. 209—210.

²⁰ Из донесения Назимова Ланскому 21 марта 1857 г. ГЦИА Литовской ССР, ф. Капцелярии генерал-губернатора, 1857, д. 1266, л. 10.

²¹ ГЦИА Литовской ССР, ф. КГГ, 1857, д. 1266, л. 17, 18.

²² ЦГИАЛ, ф. Земского отдела МВД, 1856, д. 2, л. 35.

чества» (poddaństwa). Даже вилькомирский предводитель дворянства Коссак, известный угнетатель крестьян, не решился идти против.²³ В дальнейшем, однако, когда был поднят вопрос о земле, мнения разделились. Большинство комитета считало неоспоримой истиной, что вся земля, без какого бы то ни было ограничения, должна принадлежать дворянству, а крестьяне после освобождения будут по желанию или арендовать ее у помещиков, или покупать в собственность.²⁴

Иной взгляд на этот вопрос выразил мелкий помещик Ковенского уезда депутат Гейштор. Гейштор раньше тоже считал, что сущность вопроса заключается в личном освобождении крестьян. Однако пример Короны, т. е. Польши, показал, что помещики после освобождения увеличивали фольварковые земли, а крестьян при этом сгоняли с их участков. Справедливо опасаясь, что литовская шляхта может оказаться не лучше польской, Гейштор предложил кое-чем поступиться в пользу крестьян, считая, что этого требуют «совесть и ум».²⁵

Гейштор выдвинул следующий проект освобождения: ковенская шляхта отрывается от всех своих прав на крестьян. Вся земля остается собственностью дворянства, но само дворянство, «руководимое глубоким убеждением об обязанности обеспечить быт того сельского населения, с которым было связано целые века», оставляет в распоряжении крестьян ту часть земли, которой они пользовались ранее, на условиях, основанных на добровольных договорах. Все движимое имущество крестьян остается в их распоряжении. Дворянство прощает все долги крестьянам, числившиеся на них до 23 мая 1857 г., и просит правительство сделать то же в отношении государственных долгов. Право покупать землю в губернии предоставляется только уроженцам губернии (это предлагалось для того, чтобы земли не скупали немцы). Просить правительство, чтобы при рассмотрении этого проекта в центре присутствовали представители края, как знакомые с экономическими условиями края и нуждами населения.²⁶

Нужно пояснить, что этот проект предвидел необходимость предоставления дворянам при проведении реформы права ликвидации чересполосицы и вообще права проведения землеустройства, а следовательно, и права широкой перетасовки крестьянских участков (без уменьшения, однако, общего количества крестьянской земли). Следовательно, проект предвидел передачу в пользование крестьян не той именно земли, которой они владели до реформы, а равного по размерам количества.²⁷ На практике это неизбежно означало бы, что многие крестьяне получили бы участки хуже, чем они имели раньше.

Проект этот уже в редакционном комитете Губернского комитета был поддержан только одним делегатом. Большинство шести против двух он был провален.²⁸ Комитет же принял следующее постановление: 1. Крестьяне делаются лично свободными. 2. У крестьян остается их движимое имущество и им прощаются долги, сделанные до 23 апреля 1857 г. 3. Вся земля остается в полном распоряжении помещиков. 4. Крестьяне получают все юридические права. 5. В основу будущего положения ложится Курляндское положение 1817 г. 6. Переустройство производится в течение 8 лет.²⁹

²³ J. Giejsztor. Pamiątniki z lat 1857—1863, Wilno, 1913, t. I, str. 61.

²⁴ ЦИА Литовской ССР, ф. КГГ, 1857, д. 1266, л. 39.

²⁵ J. Giejsztor. Op. cit., str. 56—57.

²⁶ Там же, стр. 264, 268—270.

²⁷ Там же, стр. 268.

²⁸ Там же, стр. 57, 58, 62.

²⁹ ЦГИАЛ, ф. 30 МВЛ, 1856, д. 2, л. 47—48.

Таким образом, в Ковенском комитете борьба вокруг главного вопроса реформы — вопроса о том, будут ли помещики после реформы распоряжаться всей землей имений или должны уступить часть ее в пользование крестьянам, началась с первых дней работы этого комитета. В комитетах Гродненском и Виленском этот вопрос, видимо, не поднимался.

Гродненский комитет, заслушав ряд проектов, представленных разными лицами, единогласно признал необходимым уничтожить крепостное право: комитет считал это выгодным и для помещиков и для крестьян. Комитет решил дать крестьянам личную свободу, оставив всю землю, все богатства недр, леса и прочее целиком в руках помещиков.³⁰ Следовательно, решение Гродненского комитета, вынесенное летом 1857 г., ничем не отличалось от решения Гродненского инвентарного комитета, принятого в 1854 г.

По-иному шло дело в губернии Виленской. В Вильно для обсуждения крестьянского вопроса прибыли все уездные предводители дворянства и более 20 человек помещиков, «опытных в сельском хозяйстве».³¹

Вначале были заслушаны разные проекты, присланные со стороны, затем начались прения. С первого же момента деятельности комитета в нем начался раскол. Шесть из семи уездных предводителей дворянства, поддержанные большинством помещиков, высказались за безземельное освобождение крестьян. Губернский предводитель дворянства Домейко, лидский уездный предводитель и часть помещиков были против освобождения.³²

Мнение большинства было следующее: 1) Никакое усовершенствование инвентарных правил не решает крестьянского вопроса; необходимо уничтожение крепостного права, с сохранением для помещиков прав собственности на всю землю. 2) Освобожденные крестьяне должны стать арендаторами помещичьих земель, по возможности заключая договоры на самые длительные сроки. 3) Окончательные условия освобождения должны выработать дворянские комитеты. 4) Для уточнения будущих взаимоотношений необходимо произвести люстрацию имений. 5) До окончательного разрешения вопроса остаются в силе существующие инвентари, а помещикам *предполагается* (курсив мой.— Н. У.) простить крестьянам долги.³³

Итак, большинство Виленского комитета приняло решение, очень похожее на решения комитетов Ковенского и Гродненского, но затем оно (большинство) не настаивало на представлении своего решения правительству, а послушно пошло за своим председателем, противником реформы, Домейко. Высказавшись за необходимость отмены крепостного права, большинство (совместно с меньшинством) занялось выработкой новых инвентарных правил, т. е. вопросом не уничтожения, а «исправления» крепостного права. Такая непоследовательность была возможна только потому, что и большинство комитета не очень твердо было уверено в необходимости реформы.

Домейко не послал решения большинства Назимову. Пользуясь властью председателя комитета, он всячески затягивал дело, ссылаясь

³⁰ ЦИА Литовской ССР, ф. КГГ, 1857, д. 1266, л. 47.

³¹ ЦГИАЛ, ф. 30 МВД, 1856, д. 2, л. 35.

³² По сообщению Гелинга, 16 членов комитета сочувствовали реформе, 8 были положительно против, 6 «сами не знали, чего хотели, склонились и в ту и в другую сторону», а гр. Тизенгауз стоял особняком, «приняв роль ожидательную» (К. Гелинг. К вопросу о начале крестьянского дела. «Русская Старина», 1886, декабрь, стр. 549).

³³ ЦГИАЛ, ф. 30 МВД, 1856, д. 2, л. 47.

на то, что такой важный вопрос должен быть решен всем дворянством губернии. Тем временем комитет занялся вопросом об инвентарях. Было решено несколько облегчить повинности крестьян (отменить данины и урочные работы, «не основанные на практике»). Затем комитет очень долго выработывал новые инвентарные правила, предпослав им грандиозное введение. В сентябре труды комитета были доставлены Назимову.³⁴

Введение к новому проекту инвентарных правил, или же объяснительная записка к нему, было составлено совершенно в духе Домейко. Оно предшествовало реакционным статьям и должно было убедить читателей, что все это делается для пользы крестьян и что крестьяне такого положения только и ждут. Из введения следовало, что, собственно, и обязательные инвентари не нужно было вводить, так как сами крестьяне были против них («Крестьяне Лидского уезда просили не вводить обязательных инвентарей»).³⁵

Получив эти протоколы комитета, т. е. проект инвентарных правил, Назимов сильно рассердился. Он послал Домейко гневное письмо, укоряя его в уклончивости и представлении «совершенно неуместного мнения». Назимов возвратил Домейко протоколы и потребовал все мнения, высказанные в комитете. Домейко прислал необходимые материалы, среди них свое мнение, мнение Гелинга и решение большинства. Сам Домейко, продолжая тактику саботажа, прислал краткую записку, в которой изложил свои соображения о необходимых изменениях в быту крестьян. Он считал, что необходимы люстрация имений, снижение процентов по займам и предоставление рассрочки в выплате займов. Это было все, что предлагал Домейко.³⁶

Назимов решение большинства признал мнением Виленского комитета.³⁷

Решения всех трех комитетов летом 1857 г. имели в общем одинаковый характер: было признано необходимым бесплатное личное освобождение; вся земля и все недвижимое крестьянское имущество должны были перейти в собственность помещиков. Крестьяне же после такого «освобождения» должны были превратиться в кабальных арендаторов или батраков.

Заключение Назимова к губернским проектам было кратко. Он был совершенно согласен с тем, что реформа для края давно назрела («преобразование в устройстве помещичьих крестьян для спокойствия и благосостояния целого края необходимо. Потребность в этом в западных губерниях давно уже ощутительна»).

Далее он отмечал, что работа с инвентарями приготовила крестьян к мысли о близком освобождении и что они ждут освобождения с напряженным нетерпением. Затем Назимов очень неясно высказал мнение, что крестьян, по примеру эстляндских, надо как-то обеспечить оседлостью. Но это было высказано в крайне неопределенной форме.

В отношении организационном он предложил, чтобы проекты, выработанные губернскими комитетами, поступили в общую для трех губерний комиссию, составленную частично из дворян, частично из чиновников. Проект, выработанный этой комиссией, поступает на утверждение императора, а затем идет обратно в край «для составления полного и окончательного положения».³⁸ Неясно, как Назимов предполагал, что

³⁴ ГЦИА Литовской ССР, ф. КГГ, 1857, д. 1266, л. 134.

³⁵ Там же, л. 57—59.

³⁶ Там же, л. 146.

³⁷ ЦГИАЛ, ф. 30 МВД, 1856, д. 2, л. 44.

³⁸ Там же, л. 49—51.

правительство разрешит выработать окончательную редакцию нового положения на месте, без утверждения его правительством.

25 сентября 1857 г. Назимов отослал все эти документы министру внутренних дел, а вскоре и сам уехал в Петербург.

V

3 января 1857 г. в Петербурге был создан Секретный комитет по крестьянскому делу. Этому комитету было поручено ведение начинавшейся реформы. Члены комитета были в большинстве противниками реформы. Комитет не имел ни определенного плана работ, ни какой-либо даже установки. Члены комитета плохо разбирались в крестьянском вопросе. Практически Литвы не знал ни один из них, а с Белоруссией был знаком только М. Муравьев, бывший раньше губернатором в Могилеве, а затем в Гродно.

Комитет действовал чрезвычайно вяло. Крепостники, заседавшие в нем, надеялись, что по примеру всех прежних многочисленных комитетов и этот закончит свою работу ничем. Даже в министерстве внутренних дел, на котором лежала прямая обязанность подготавливать реформу, не делалось ничего. Деятельность его в этом направлении выражалась в составлении ответов на мнения и записки по крестьянскому делу, получаемые от разных лиц. Эта работа тоже давала кое-какие результаты, заставляя намечать положения для реформы, но при таких темпах дело должно было затянуться, по крайней мере, на столетие.

В июне 1857 г. член Секретного комитета Гагарин подал в комитет свое мнение, в котором требовал, чтобы помещикам было дано право освобождать крестьян целыми селениями, без условий и без земли.³⁹ Таким образом, Гагарин поставил на обсуждение самый важный вопрос реформы. 26 июля 1857 г. Ланской внес в комитет записку, составленную Левшиным, в которой обсуждались вопросы: будет ли оставлена после освобождения крестьян вся земля в распоряжении помещиков, т. е. *«может ли помещик безусловно удалить с своей земли освобожденных поселян, или должен подчиняться законным ограничениям»* (подчеркнуто автором.— Н. У.) и получают ли помещики вознаграждение от правительства за личность крестьянина.⁴⁰ Отвечая на эти вопросы, автор склонялся к мысли, что за помещиками надо сохранить право собственности на всю землю, а за крестьянами право пользования землею «под непременною условием платы за нее деньгами или работою»⁴¹ (записка не указывала, какое количество земли предполагалось оставить в пользовании крестьян). Автор считал, что для начала такое положение вполне удовлетворит обе стороны: «Оградит освобожденных крестьян от выбрасывания из их жилищ, а вместе с тем сохранит для помещика рабочие руки и предотвратит (крестьян) от бродяжничества». На второй вопрос, т. е. следует ли выкупать личность крестьянина, Левшин отвечал категорическим отказом.⁴² Однако здесь он делал только маневр, так как сейчас же пояснил, что крестьянину при освобождении нужно оставить усадьбу и хотя бы небольшой выгон для пастбы мелкого скота. Выкуп этой усадьбы в собственность и должен

³⁹ А. И. Левшин. Достопамятные минуты в моей жизни. «Русский Архив», 1885, № 8, стр. 499.

⁴⁰ Там же, стр. 503.

⁴¹ Там же, стр. 504.

⁴² Там же, стр. 505—506.

был стать платой помещику за личность крестьянина. Реформу Левшин предлагал вводить постепенно, начав с западных губерний.⁴³

Таким образом, в записке от 26 июля 1857 г. были намечены основные положения, изложенные в дальнейшем в рескрипте 20 ноября 1857 г., т. е. необходимость продажи крестьянам в собственность усадеб, оставление в их пользовании земельных участков, постепенность реформы. Следовательно, в столице и на местах почти одновременно были выдвинуты противоположные принципы реформы.

Левшин предлагал обеспечить крестьян в какой-то мере землей по тем соображениям, что крестьяне не примут безземельного освобождения. Он понимал, что «освободить» крестьян без земли — это значило дать право помещикам не только обезземелить крестьян, но и право выбросить их из хат. По мнению Левшина, «крестьяне не приняли бы свободы без оседлости или, лучше сказать, приняв свободу, не уступили бы своих жилищ и стали бы защищать их силою. Тогда поневоле пришлось бы помещикам от них отказаться».⁴⁴ Кроме того, безземельное освобождение привело бы к массовой пролетаризации крестьян, что тоже считалось очень опасным для государства.

Но вместе с тем Левшин считал, что крестьянам после освобождения следует отдать не всю ту землю, которой они пользовались до реформы, потому что это будет вредно для страны (!).⁴⁵ Из записки 26 июля комитет принял как бесспорное положение идею об оседлости.⁴⁶

Секретный комитет, продолжая действовать также не спеша, 18 августа 1857 г. выдвинул план проведения реформы, утвержденный затем императором. По этому плану освобождение крестьян должно было произойти в три периода: в первом периоде правительство смягчает крепостное право и собирает сведения, необходимые для проведения реформы. Во втором периоде происходит постепенное освобождение крестьян. В третьем — произойдет полное освобождение.⁴⁷

Это решение целиком удовлетворяло крепостников, так как никаких сроков ни для одного периода указано не было, и они были вполне уверены, что первый период будет тянуться бесконечно и, следовательно, реформа умрет естественной смертью.

При такой обстановке министр внутренних дел получил решение комитетов трех губерний и отзыв на них Назимова. Как известно, комитеты решили вопрос об освобождении крестьян положительно.

18 октября 1857 г. министр внутренних дел доложил об этих решениях императору. Министр считал постановления комитетов «неопределятельными», но тем не менее выражающими желание освободить крестьян. Предложение Назимова о необходимости создания общей для трех губерний комиссии Ланской считал ненужным, так как в Петербурге уже существовал общий для всей России Секретный комитет. Ланской предложил создать губернские комитеты и не делать промежуточной инстанции. Так же как и Левшин, Ланской выразил предположение, что освободить крестьян нужно сначала на западе, и затем было бы «очень удобно подвигаться мерными и обдуманными шагами к востоку». Император одобрил предположение министра и приказал передать все дело в Секретный комитет.⁴⁸

Комитет долго тянул, не желая выносить какое-либо решение по

⁴³ Там же, стр. 509.

⁴⁴ Там же, стр. 504, 513.

⁴⁵ Там же, стр. 511.

⁴⁶ Там же, стр. 524.

⁴⁷ Там же, стр. 522—523.

⁴⁸ ЦГИАЛ, ф. 30 МВД, 1856, д. 2, л. 52—55.

этому вопросу, когда в Петербург прибыл Назимов, который не привез ничего нового, но требовал, чтобы ему были даны наставления, как действовать, объясняя, что без точных указаний ему «неприлично» возвращаться в свои губернии.⁴⁹ Комитет продолжал тянуть дело. Тогда император приказал закончить рассмотрение этого вопроса в 8 дней. Комитет, получив этот приказ, от себя перепоручил министру внутренних дел С. Ланскому и министру государственных имуществ М. Муравьеву составить на имя Назимова проект рескрипта уже в три дня, а Ланской от себя перепоручил дело Левшину. Началась бешеная работа. Автор «Материалов для изучения истории упразднения крепостного права» иронически писал об этом: «Комитет и министр внутренних дел принялись сочинять общими силами, кажется, сами хорошенько не зная, чего хотят. Писали, доделывали, опять сочиняли; сосчитано, что работали до 18 человек».⁵⁰ Но основную работу проделали Левшин с помощниками в течение 48 часов, и 6 ноября 1857 г. в Секретный комитет были представлены два проекта: 1) «Общее начало для устройства быта помещичьих крестьян в губерниях Ковенской, Виленской, Гродненской». 2) «Предположение о порядке работ в означенных трех губерниях по сим началам, когда они будут утверждены».⁵¹

Секретный комитет рассматривал проекты двух министров на своих заседаниях 9, 16 и 18 ноября 1857 г. На заседаниях присутствовал и Назимов. Комитет остался совершенно удовлетворенным проектами, считая, что «главное начало безобидно и выгодно для обеих сторон и что главное начало двух министров не противоречит главным началам Секретного комитета 18 августа», и поэтому решил представленные проекты утвердить и сделать их руководящими документами при разработке проектов положений об изменении и улучшении быта помещичьих крестьян.⁵²

Комитет, однако, несколько изменил текст проектов, представленных двумя министрами. Прежде всего, в комитете была произведена необходимая редакционная работа: сделаны перестановки параграфов так, чтобы они шли последовательно; два параграфа (14 и 15-й) — о порядке уплаты крестьянами повинностей — были совершенно выброшены; были исправлены шероховатости стиля. Вместе с тем Секретный комитет сделал и целый ряд более существенных поправок.

Так, в «записке» двух министров параграф 1-й, как определяющий, гласил: «Вся земля признается неприкосновенной собственностью помещиков».

В проекте Секретного комитета это положение сильно изменено: оно включено в параграф 2-й и гласит, что помещик, являясь владельцем всей земли, *обязан* выделить в пользование крестьян часть ее. В записке переходный период намечался от 8 до 12 лет, а в проекте комитета уже сказано не свыше 12. Секретный комитет заменил всюду слова «барщина» словами «натуральная повинность». Значительно был дополнен параграф 19-й записки, говорящий о необходимости развития школьного образования в деревне, распространения полезных ремесел, призрения престарелых и увечных.

В общем, все эти изменения были благоприятны для крестьян, но в отдельных случаях Секретный комитет исправил записку двух министров

⁴⁹ А. И. Левшин. Достопамятные минуты в моей жизни. «Русский Архив», 1885, № 8, стр. 527.

⁵⁰ Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России. Берлин, 1860, т. I, стр. 138.

⁵¹ ЦГИАЛ, ф. 30 МВД, 1856, д. 2, л. 78.

⁵² Там же, л. 80.

к невыгоде для крестьян: параграф 6-й записки говорил, что земля, выделяемая крестьянам, должна быть по возможности нарезаема в местах, близких к усадьбам, и быть удобной для хлебопашества. Это положение Секретный комитет выбросил, дав больше возможностей для произвола помещикам. Также в худшую для крестьян сторону изменился срок переходного периода.

Очень существенным был вопрос о том, как преподнести эти документы дворянам. В отношении этого комитет решил, что основные положения нужно изложить в рескрипте на имя Назимова. Положения, изложенные в рескрипте, должны были быть неизменяемыми и не подлежать обсуждению. Положения же второстепенные, подлежащие обсуждению в комитетах, должны были быть изложены в отдельном отношении министра внутренних дел на имя генерал-губернатора не в виде правил, а в виде предположений. Комитет считал нужным опубликовать рескрипт в официальной части журнала министерства внутренних дел «для успокоения встревоженного начальства, что правительство не собирается лишать помещиков земли». ⁵³

20 ноября 1857 г. император подписал рескрипт и одобрил проект отношения министра внутренних дел.

Рескрипт устанавливал организационные формы и давал общие установки при выработке проектов «об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян». Рескрипт установил, что первоначальные проекты должны выработать губернские комитеты. Комитеты должны состоять из лиц, выбранных дворянами по одному на уезд, и из двух помещиков, по назначению начальника губернии. Председателями комитетов назначались губернские предводители дворянства. Проекты, выработанные губернскими комитетами, представлялись в общую для всех трех губерний комиссию. Комиссия составлялась из членов — выборных от каждого губернского комитета (по два человека от комитета) и из членов по назначению (по одному помещику от каждой губернии по назначению генерал-губернатора и одного члена на всю комиссию по назначению министерства внутренних дел). Председателя комиссии назначал генерал-губернатор. Проект, выработанный общей комиссией, представлялся в министерство внутренних дел.

Установки при выработке проекта рескрипт давал следующие: реформа должна была проводиться «не иначе как постепенно, дабы не нарушить существующего ныне хозяйственного устройства помещичьих имений». За помещиками сохранялось право на всю землю, но у крестьян должны были быть оставлены их усадьбы, которые они должны были выкупить, а также такое количество земли, которое обеспечило бы крестьянам возможность отправлять повинности как в пользу помещиков, так и в пользу государства. ⁵⁴

В важнейшей своей части рескрипт был противоречив, чем не преминули воспользоваться помещики при выработке проектов реформы. Противоречие заключалось в том, что земля *вся* признавалась помещичьей собственностью, но в то же время часть этой земли (усадьбы) помещик *должен* был продать крестьянам, а еще часть (участки) предоставить им в пользование, т. е. помещик становился все же неполным собственником всей своей земли.

Правительство в значительной мере удовлетворило просьбу дворян о предоставлении возможности им самим выработать условия реформы,

⁵³ ЦГИАЛ, ф. 30 МВД, 1856, д. 2, л. 84—86.

⁵⁴ Сборник постановлений по устройству быта помещичьих крестьян, СПб., 1859, вып. 1, стр. 1—5.

но, установив рескриптом положения, которые не подлежали обсуждению, оно поставило деятельность комитетов в очень определенные рамки.

На другой день после подписания рескрипта министр внутренних дел послал Назимову секретное отношение, в котором конкретизировал задачи, поставленные перед комитетами и комиссией. Проект двух министров предусматривал, что в послании министра внутренних дел Назимову будут даны указания, которые на местах можно будет принять, но можно и отвергнуть. Но отношение Ланского от 21 ноября 1857 г. имело характер уже не совета, а приказания («в дополнение к правилам, изложенным в рескрипте... государь император высочайше соизволил повелеть»), т. е. оно давало более пространную редакцию рескрипта, которую надо было не обсуждать, а выполнять.

Основные положения отношения министра внутренних дел сводились к тому, что реформа должна происходить постепенно; между крепостничеством и полным освобождением устанавливался переходный период сроком не свыше 12 лет. Еще раз подтверждалось положение, что помещики остаются владельцами всей земли, но что они обязаны продать крестьянам усадьбу и выделить в их пользование необходимое количество земли, которое не должно быть отчуждаемо. При упорно повторявшемся положении, что помещик сохраняет право на всю землю, было совершенно очевидно, что это только фраза правительства. Смысл же рескрипта и отношения министра внутренних дел был совершенно ясен: правительство не соглашалось на безземельное освобождение огромной массы помещичьих крестьян.

Усадьбу крестьяне должны были выкупить в переходное время, т. е. не позднее чем через 12 лет. Выкуп делался независимо от той платы, которую крестьяне должны были вносить помещику за пользование участком. О выкупе участков, как в рескрипте, так и в отношении министра внутренних дел, речи не было. Повинности в пользу помещиков должны были отбывать только те крестьяне, которые пользовались землей. Следовательно, безземельные крестьяне и батраки освобождались сразу («сии последние не могут быть требуемы на работу иначе как за вознаграждение»). Размер повинностей должен был находиться в зависимости от размера и качества участков, иначе говоря, в соответствии с инвентарями. Помещику оставлялась вотчинная полиция.

С введением нового положения продажа, дарение, обмен крестьян, переселение их без их согласия на другие участки запрещались. «Нерадивых и порочных» крестьян помещик еще мог сдавать в рекруты, но уже с согласия крестьянского общества.⁵⁵

В отношении министра внутренних дел много неясного и, прежде всего, неясно положение крестьян после окончания переходного периода. Из смысла отношения следует, что крестьяне должны стать свободными, но прямо это нигде не сказано. Также не сказано, можно ли будет крестьянам покупать землю, кроме усадеб; как быть с теми крестьянами, которые не захотят или не смогут выкупить усадьбу, — удалять их с участков или заставлять уплачивать стоимость и т. д.

VI

23 ноября 1857 г. министр внутренних дел отослал 75 печатных экземпляров рескрипта и свое секретное отношение виленскому генерал-губернатору. Назимов, получив их, вызвал к себе начальников губер-

⁵⁵ Сборник постановлений по устройству быта помещичьих крестьян, СПб., 1859, вып. 1, стр. 28—34.

ний и предводителей дворянства, которые прибыли к 15 декабря: По уверению Назимова, предводители дворянства приняли рескрипт «с благоговением и чувством глубокой признательности» за доверие, оказанное императором дворянству края, и затем выразили полную готовность приступить при содействии дворян к составлению проектов освобождения крестьян на указанных в рескрипте основаниях, однако же «с применением оных к местным обстоятельствам и особенностям». ⁵⁶

В эту оговорку предводители вкладывали большое содержание. По их мнению, «местные обстоятельства» делали совершенно невозможным продажу усадеб и выделение в пользование участков, т. е. ссылаясь на «местные обстоятельства», предводители фактически высказались против основных положений рескрипта.

Отношение к рескрипту части неофициальных лиц из дворян было благожелательно. 1 января 1858 г. Назимов писал Ланскому, что в губернии есть достаточное число «образованных людей, которые вполне сочувствуют реформе». «Выражение чувств этих, — писал Назимов, — я слышу от многих и получаю даже письменные поздравления». Одновременно Назимов сообщал, что из внутренних губерний к нему поступают письма, выражающие опасение, что начатое дело «может возбудить беспорядки между крестьянами». ⁵⁷

Другое официальное лицо — ковенский гражданский губернатор Хоминский — также уведомлял, что дворянство Ковенской губернии приняло рескрипт с «благоговением», однако тоже предложило сделать и нему очень существенную поправку: выкуп крестьянских усадеб не делать обязательным, так как это мероприятие может оказаться вредным и для крестьян и для помещиков. ⁵⁸

Но это были официальные версии. На самом деле масса дворянства встретила рескрипт по-иному, так как требование обязательного выкупа усадеб сделало «наихудшее впечатление». ⁵⁹

Вообще дворянство непрочь было продать часть своей земли крестьянам, так как для переустройства хозяйства на новых началах помещики нуждались в деньгах и получить их могли только путем продажи земли, но сделать это они хотели на добровольных началах, а не в обязательном порядке. ⁶⁰

VII

Крепостной гнет в последние годы перед реформой достиг предела. Помещики резко увеличивали повинности, не считаясь с инвентарями, отбирали у крестьян их имущество, отбирали у них земельные участки или переводили на худшие, отбирали скот, истязали и забивали насмерть своих крепостных, насиловали женщин и девочек. Перед самой реформой очень часты стали жалобы крестьян на то, что помещики продают общественный хлеб, а их заставляют засыпать заново. Крестьяне на все это отвечали сопротивлением, которое усугублялось сознанием, что крепостное право доживает последние дни. Крестьяне резче стали реагировать на несправедливости, у них выросло сознание собственного достоинства.

⁵⁶ ЦГИАЛ, ф. 30 МВД, 1856, д. 2, л. 121—122.

⁵⁷ Там же, л. 143—144.

⁵⁸ Ковенская губ. за 1843—1893 гг. Ковно, 1893, стр. 55.

⁵⁹ J. Giejsztog, Op. cit., t. I, str. 66, примечание редактора; К. Гелинг. К вопросу о начале крестьянского дела в Виленской губернии. «Русская Старина», 1886, декабрь, стр. 549; Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян, ч. I, стр. 133.

⁶⁰ B. Załeski. Zniesienie poddaństwa na Litwie. Rocznik Towarzystwa Historyczno-Literackiego w Paryżu. Paryż, 1867, str. 341, 350.

При своих выступлениях крестьяне чаще всего требовали перевода их в государственные и замены барщины оброком, но перед реформой главным лозунгом становится освобождение. Правда, до самого опубликования манифеста 19 февраля встречаются требования крестьян перевести их в государственные, но общей причиной их выступлений почти всегда было желание освободиться от крепостного гнета вообще.

Формы движения были разнообразны. Крестьяне отказывались выполнять барщину, убегали и, наконец, оказывали открытое сопротивление помещикам и властям.

Гранью в классовой борьбе перед реформой является рескрипт 20 ноября 1857 г.

Основным отличием борьбы после 20 ноября 1857 г., по сравнению с предыдущим, является массовость. С одной стороны, началась массовая, небывалая раньше экспроприация крестьянского имущества помещиками, с другой — такие же массовые выступления и жалобы крестьян. Кроме того, крестьяне стали значительно упорнее отстаивать свои требования. Классовая борьба в деревне после опубликования рескрипта 20 ноября очень обострилась, но в то же время резко сократились побег. Видимо, это было следствием того, что крестьяне ждали близкого освобождения.

Обезземеливание крестьянства происходило параллельно с ростом товарности помещичьего хозяйства. Стремясь увеличить количество товарной продукции, помещики, прежде всего, увеличивали площадь собственно помещичьих земель, а такое увеличение легче всего было сделать путем захвата крестьянской земли. Однако до опубликования рескрипта 20 ноября 1857 г. это были относительно редкие случаи по сравнению с тем, что началось после опубликования. Узнав из рескрипта, что крестьянам придется продать усадьбы и, кроме того, выделить для пользования участки, т. е. оставить приблизительно ту землю, которая была у них до освобождения, помещики начали массовый сгон крестьян с земли. В лучшем случае они проводили «землеустройство», т. е. переводили крестьян на худшие участки. При этом, если раньше обезземеленные крестьяне превращались в бобылей и огородников, то с 1858 г. многие помещики предпочитали, отбирая землю, освобождать крестьян, чтобы сразу порвать с ними все отношения.

Особенный размах обезземеление приняло в Ковенской губернии. В этой губернии кампанию по ограблению крестьян начал один из крупнейших помещиков губернии, граф Эдуард Чапский. Будучи членом Ковенского губернского комитета 1857 г., он проголосовал за бесплатное освобождение крестьян, а затем поторопился домой и начал освобождать наиболее богатых крестьян за деньги.⁶¹ Неизвестно, сколько оказалось у графа последователей, но, во всяком случае, одиноким на этом поприще он не был. Затем, когда был опубликован рескрипт, помещики начали освобождать крестьян и без денег, разумеется, отбирая у них землю, а иногда все движимое и недвижимое имущество. «Освобождение» приняло сразу такой размах, что администрация всполошилась, и уже 21 февраля 1858 г. Назимов сообщил министру внутренних дел, что некоторые помещики приступили к «усиленному увольнению своих людей из крепостного состояния, отпуская их семьями и целыми деревнями без земли». Назимов опасался, что это приведет к росту бродяжничества и что земли останутся без обработки. Не ожидая распоряжения министра, он своею властью запретил отпускать из одного имения много (?) крестьян без земли.⁶²

⁶¹ J. Giejsztor. Op. cit., t. I, str. 66.

⁶² ЦГИАЛ, ф. МВД, ДПИ, 1858, д. 531, л. 1—2.

Вслед за Назимовым аналогичные сообщения прислали министру внутренних дел другие губернаторы, и правительство, обеспокоенное этим, издало распоряжение, запрещающее помещикам переводить крестьян в дворовые и освобождать их без земли без их согласия.⁶³ Это распоряжение правительства имело весьма относительное значение. В отдельных случаях администрация, указывая на «щекотливое положение», рекомендовала помещикам действовать осторожно,⁶⁴ в редких случаях запрещала отбирать землю у крестьян и заставляла помещиков возвращать крестьян на прежние участки. Но были случаи, когда она помогала помещикам отбирать у крестьян не только землю, но и имущество, свирепо карая крестьян, когда те оказывали сопротивление, т. е. не отдавали имущество и не хотели уходить из усадьбы.⁶⁵

Архивные документы дают достаточно яркую картину грабежа крестьян перед реформой, но все же это только часть того (и, видимо, не очень значительная), что было на самом деле.

Как относились к этому крестьяне? Вопреки всем утверждениям дворянских публицистов, что крестьяне никогда не были постоянными жильцами на своих землях, а являлись лишь временными арендаторами, крестьяне всегда утверждали, что они коренные, потомственные обитатели, что постройки их сделаны их руками или руками их отцов и поэтому являются их собственностью. Крестьяне упорно не уходили со своих мест, получив свободу, так как они хотели получить не только свободу, но и землю. Массовый сгон крестьян с земли неизбежно вызывал массу конфликтов между помещиками и крестьянами.

Крестьянское движение после опубликования рескрипта приобрело, прежде всего, массовый характер. Главными причинами недовольства крестьян, как и прежде, остается нарушение помещиками инвентарей и жестокое обращение, но сильно выросло число жалоб на отбирание земли, а затем на насильственное освобождение без земли. Освобождение без земли крестьян совершенно не удовлетворяло, так как они ждали освобождения с землей. Количество жалоб, начиная с 1858 г., выросло колоссально. Чиновник особых поручений Назимова — Никотин, хорошо знавший обстановку в крае, писал, что после открытия губернских комитетов в 1858 г. «генерал-губернаторское управление было завалено разными просьбами крестьян и помещиков. В прежнее время просьбы составляли редкое исключение, так как последствия для жалобщиков были весьма плачевные, хотя угнетенное и безвыходное их состояние не составляло ни для кого секрета».⁶⁶ Движение сопротивления охватило, в сущности, всех крестьян, и если открытые выступления были не всюду, то скрытый, пассивный протест был всеобщим: крестьяне выходили на барщину, но почти ничего не делали, на работу приходили с опозданием. Помещик Свенцянского уезда Вилейской губернии Зейферт в 1859 г., жалуясь Назимову на такое пассивное сопротивление, писал, что в случае побуждения их к более прилежному труду (!) крестьяне отказываются от него «с азартом и угрозами».⁶⁷

Таким отношением к работе, постоянными жалобами и, наконец, открытым сопротивлением крестьяне дезорганизовывали помещичью власть, делали дальнейшее существование крепостного права невыгодным и просто невозможным. В отдельных случаях крестьяне были уве-

⁶³ ЦГИАЛ, ф. МВД, ДПИ, 1858, д. 531, л. 15, 18, 19.

⁶⁴ ГЦИА Литовской ССР, ф. КГГ, 1858, д. 1138, л. 7.

⁶⁵ Там же, д. 1144, л. 16—20.

⁶⁶ Из записок И. А. Никотина. «Русская Старина», 1902, т. 109, стр. 364—365.

⁶⁷ ГЦИА Литовской ССР, ф. КГГ, 1857, д. 475.

рены, что свобода им уже давно дана царем, но что паны скрывают это.

Ковенский губернатор в своем отчете за 1859 г. сообщал, что «при малейших поводах и недоразумениях в исполнении инвентарных повинностей крестьяне немедленно утруждают жалобами своими высшее начальство». ⁶⁸

Значительно полнее изобразил настроение крестьян той же Ковенской губернии в 1860 г. жандармский офицер Скворцов. В своем донесении шефу жандармов Скворцов писал: «Состояние умов помещичьих крестьян в Ковенской губернии нельзя назвать спокойным. По мере возрастания в них нетерпения получить свободу увеличивается недоверие и ненависть их к дворянству. Они совершенно уверены, что замедление в освобождении их от крепостной зависимости происходит единственно от сопротивления дворянства высочайшей воле, и по этому предмету ходят между ними разные толки. Все это значительно изменило отношение крестьян к своим помещикам и ослабило повиновение последних к первым. Барщинная повинность исполняется большей частью небрежно и неполне, а если дворовым управлением причиняются за то наказания, то они возбуждают общий ропот в крестьянах. Всякое же изменение, предпринимаемое помещиками в хозяйстве, возбуждает недоверие и сопротивление. Нетерпение получить свободу все более и более возрастает в них и вместе с тем проявляется уверенность, что они будут наделены землей за определенный выкуп, к которому они добровольно готовятся. Уверенность эта так сильна, повидимому, что если бы освобождение крестьян произошло без надела землей или без права пользоваться ею, то оно не только не обрадовало бы их, но произвело бы между ними ропот и неудовольствие». ⁶⁹

Но крестьянское недовольство выражалось не только в определенных настроениях, в пассивной форме. Крестьяне активно выступали против крепостного гнета, оказывая открытое сопротивление не только помещикам, но и властям. В отдельных случаях они прямо требовали свободы.

⁶⁸ ЦГИАЛ, ф. МВД, ДОД. Отчет Ковенского губернатора за 1859 г., л. 8.

⁶⁹ З. Ф. Жидкова. Материалы по истории крестьянского движения в 50-х годах (рукопись Института истории АН СССР), стр. 1189—1190.

И. С. БАК

А. Я. ПОЛЕНОВ

(Философские, общественно-политические и экономические взгляды)

Алексей Яковлевич Поленов (1738—1816)¹ происходил из костромских дворян. По окончании гимназии при Академии Наук² он поступил в Петербургский университет, находившийся тогда тоже при Академии Наук.³

Подготовка учеников в академической гимназии была недостаточной для продолжения образования в университете.⁴ По мнению М. В. Ломоносова, «сожаления было достойно бедное состояние Гимназии».⁵ В архиве Академии Наук сохранился любопытный документ об участии М. В. Ломоносова в экзамене восьми учеников гимназии, в числе которых был Alexius Polenow, militis filius, Moscuae natus, aetate decem et quinque annorum.⁶ Эти ученики «были допущены к слушанию университетских лекций, но оказались столь слабыми в латинском языке, что не понимали профессорских лекций; вследствие чего им велено некоторое время ходить в верхний латинский класс академической гимназии».⁷ Поленов одолел латинский язык. Он стал студентом, был приведен к присяге, «причислен на студенческую сумму» и получил шпагу.

Петербургский университет в то время тоже находился в «бедном состоянии». Число студентов в Университете не превышало... 20 человек. Имеются основания полагать, что в 1755 и 1756 гг. лекции вовсе не читались.⁸ Лекции начались лишь в 1757 г.

¹ Наиболее полно биография А. Я. Поленова представлена в работе его внука — известного историка и юриста Д. В. Поленова. А. Я. Поленов — русский законовед XVIII века («Русский Архив», 1865, стр. 445—470 и 704—736); см. также статью Е. Шмурло об А. Я. Поленове в Русском биографическом словаре, т. Плавильщиков — Примо, 1905, стр. 467—470.

² История этой гимназии дана в работе Д. А. Толстого. Академическая гимназия в XVIII столетии, по рукописным документам архива Академии Наук. СПб., 1885 (прил. к т. LI «Записок Академии Наук» № 2).

³ Историю этого университета см. в работе Д. А. Толстого. Академический университет в XVIII столетии, по рукописным документам архива Академии Наук, СПб., 1885 (прил. к т. LI «Записок Академии Наук» № 3).

⁴ Кроме упомянутой работы Д. А. Толстого см. статью М. Шугурова. Учение и ученики в XVIII веке, по поводу биографии А. Я. Поленова («Русский Архив», 1866, стр. 304—324).

⁵ Ломоносов. О необходимости преобразования Академии, 1760 (Биллярский. Материалы для биографии Ломоносова, 1865, стр. 441).

⁶ Перевод: «Алексей Поленов, сын военного, родившийся в Москве, в возрасте пятнадцати лет».

⁷ Протокол заседания в Академии Наук от 18 марта 1754 г. (Биллярский. Материалы, стр. 260).

⁸ Русский биографический словарь, т. Плавильщиков — Примо, 1905, стр. 467.

На студента Поленова обратили внимание. Его привлекают к участию в переводе лифляндских законов (для Сената), и он получает «чин переводчика». Это дало возможность Поленову добиться направления «за море» для продолжения образования.⁹

Академия Наук отправила «за море» переводчика Поленова — для обучения юриспруденции, вместе со студентом Лепехиным,¹⁰ посланным для обучения естественным наукам. Вместе с ними отправлен был адъюнкт Протасов¹¹ «для принятия докторского градуса». Протасову было поручено Академией быть «предводителем» Поленова и Лепехина.

Академическое собрание направило Протасова, Поленова и Лепехина в знаменитый в то время Страсбургский университет.¹²

Поленов здесь знакомится с идеями французского просвещения середины XVIII века: материализмом в философии природы, историзмом и «естественным правом» в юриспруденции, с физиократическими идеями экономистов.¹³

Уже в первом письме из Страсбурга Поленов заявляет о своем желании приступить «к слушанию юриспруденции», лишь «прослушав философию, древности и историю...»¹⁴ Он считал необходимым, прежде всего, усвоить эти «свободные науки», без которых «приняться... за юриспруденцию никоим образом не можно...»¹⁵ и нельзя «окончить надлежащим образом в Страсбурге... учение». ¹⁶ И Поленов усердно посещал «читанные господином профессором Гешом метафизические коллегий», а также ходил «к господину профессору Лоренцу... для универсальной истории, для латинского языка и стиля». ¹⁷

Однако петербургские академики не были согласны с необходимостью философской и исторической подготовки для занятия юриспруденцией. Протасов объявляет Поленову мнение «профессорского собра-

⁹ Историю борьбы вокруг отправки А. Я. Поленова за границу см. в «Русском Архиве» за 1865 г., стр. 446—447, и особенно за 1866 г., стр. 311—315. Отношение Ломоносова к этой борьбе отражено в его «Истории академической канцелярии», § 50.

¹⁰ Иван Иванович Лепехин (1740—1802), впоследствии «истории натуральной профессор», доктор медицины, действительный член Академии Наук. Лепехину были близки не только естественные науки. Он отдал много сил развитию русского языка и литературы в качестве непеременимого секретаря, состоявшей в то время при Академии Наук — Российской Академии, задачей которой было развитие «отечественного языка и словесности» (см. Сухомлинов. История Российской Академии). Лепехин живо интересовался также историей, географией, экономикой России. Он был членом Вольного экономического общества. Для экономистов наибольший интерес представляет четырехтомный труд Лепехина под названием «Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ив. Лепехина по разным провинциям Российского государства».

¹¹ Протасов читал в Петербургском университете анатомию. В объявлении о лекциях в университете на 1761 г. указано: «Адъюнкт Протасов учить будет анатомии, начиная от остеологии, по окончании оныя показывать будет в удобное время и прочий той науки части, по обыкновению других университетов».

¹² Дело архива академической канцелярии № 270 о посылке в Страсбург адъюнкта Протасова, для принятия докторского градуса, переводчика Поленова и студента Лепехина для обучения наук, от 17 августа 1762 г. «Русский Архив», 1866, стр. 13.

¹³ Почти одновременно с Поленовым и Лепехиным слушал лекции в Страсбурге молодой Гете. В своей автобиографии (*Aus meinem Leben, Wahrheit und Dichtung, neuntes Buch*) Гете отмечает огромное влияние, которое оказали на него в Страсбурге идеи французского просвещения.

¹⁴ Письмо от 22 января 1763 г., «Русский Архив», 1865, стр. 449.

¹⁵ Письмо от 2 июля 1763 г. Там же, стр. 451.

¹⁶ Архив Академии Наук СССР, ф. 3, № 14. В канцелярию Академии Наук покорнейший репорт от 20 апреля 1764 г. от переводчика Алексея Поленова.

¹⁷ Там же.

ния»¹⁸ по этому вопросу. Профессорское собрание, пишет Протасов, «рассматривая репорты ваши, усмотрело, что вы много времени употребили на слушание таких лекций, которые к будущей вашей профессии... служить очень мало могут; почему оное и приказало нам при сем объявить, чтобы вы... время все употребили к слушанию тех коллегий, которые точно надлежат до юриспруденции...»¹⁹

Непонимание профессорским собранием значения «свободных наук», и в особенности истории как основы юридического образования, взволновало и удивило Поленова. «Меня сие приводит в великое удивление, что господа профессора так мало почитают свободные науки, особливо знатнейшую их часть, т. е. исторические знания, служащие главнейшим основанием к моей должности». Глубоко убежденный в своей правоте, молодой студент пытается переубедить профессорское собрание. «Не утвердись прежде в сем знании, приниматься прямо за юриспруденцию столько же безразудно, как, не насадив железа, рубить дрова одним топориком». Он приводит исторические примеры того, как некоторые юристы, «не имея понятия об истории и древностях, в такое впали заблуждение, что без сожаления о сих великих в протчем людях и подумать не можно». С другой стороны, «сколько... в новейшие времена принесли пользы и получили себе славы Гроций, Винний... и другие, которые, почитая свободные науки за главнейшее средство к изъяснению законов, удивили ученый свет своими успехами».²⁰

В этой аргументации — страстность тона, вытекающая из силы убеждения молодого студента.

«Я знаю мою должность (т. е. обязанности.— И. Б.), люблю отечество, честность и в других почитаю и сам наблюдаю; сверх сего имею некоторое понятие о превосходстве наук, что во мне к ним охоту возбуждает: одним словом, честное житие и наука два для меня сокровища, и чтоб в первом еще больше утвердиться, а последнее со временем получить, то труда не жалею».²¹

Сознание общественного долга и патриотизм уже тогда ярко проявляются в Поленове.²²

Цель своего юридического образования за границей Поленов видит в том, «чтобы всевозможно оным образом (т. е. в качестве юриста.— И. Б.) служить отечеству...»²³

¹⁸ По уставу 1747 г. «Академия Наук и Художеств» была разделена на собственно Академию и Университет. К последнему были отнесены общественные науки, которые, по мнению авторов устава — Теллова и Шумахера, не требовали дальнейшей научной разработки. Представители общественных наук получали, по этому уставу, звание не академиков, а профессоров (см. П. П. Пекарский, История Императорской Академии Наук в Петербурге, т. II. СПб., 1865, стр. XVII—XVIII).

¹⁹ Письмо Протасова от 23 июня 1766 г. «Русский Архив», 1865, стр. 709.

²⁰ Покорнейший репорт студента Поленова в канцелярию Академии наук от 7 августа 1766 г. Там же, стр. 710—711.

²¹ Письмо Протасову от 8 декабря 1763 г. Там же, стр. 455.

²² Отсюда негодующе-презрительное отношение Поленова к значительной части немецкого студенчества, проводившей время в кутежах и дебошах. Говоря о Тюбингенском университете, куда «Академическая канцелярия» предполагала дать перевод Поленову, он заявляет, что «развратное тамошних студентов... житие, великое возбудило во мне презрение к сему университету» (репорт в канцелярию Академии Наук от 7 августа 1766 г., «Русский Архив», 1865, стр. 712). Характеристики жизни и быта немецких студентов в XVIII в., целиком подтверждающие слова Поленова, дают: Игнатович, Немецкие университеты в развитии их исторической и современной жизни (Журнал Министерства народного просвещения, 1864, июнь), и в особенности Модзалевский, Быт студентов в Германии, СПб., 1865. См. также Модзалевский, Студенческие корпорации в Германии (Журнал Министерства народного просвещения, 1864, январь).

²³ Репорт студента Поленова в канцелярию Академии Наук от 7 августа 1766 г. «Русский Архив», 1865, стр. 711.

Уже в студенческие годы у Поленова зарождается мысль о необходимости изменения законов российских: «...Разбираю я указы и уложения и кроме беспорядка, замешательства, недостатка и несправедливости ничего почти не нахожу. Я приметил столь знатные в наших правах погрешности, что оные иногда могут принести великий вред и государю и народу; однако несмотря на все сие, труд и благоразумие все преодолеть могут». ²⁴

В стремлении улучшить положение народных масс в своем отечестве Поленов обращается при решении мучивших его общественно-политических вопросов к философии, праву, политической экономии.

В 1767 г. Поленов возвратился в Петербург. Заправлявший в то время в Академии «профессор аллегорий» немец Штелин не мог простить молодому русскому ученому его смелых возражений «академической канцелярии». Поленов не только оказался в Академии «без всякой подпоры», но встретил вдобавок открыто враждебное к себе отношение. «Вы удивитесь,— с горечью пишет он Козицкому, ²⁵— что господин Штелин не устыдился в канцелярии при мне... сказать, что я совсем не годен при Академии, по причине, что у нас нет никаких тяжеб; так как будто юриспруденция состояла в одной тяже...» ²⁶

Из-за границы Поленов возвратился не только юристом, стоявшим на уровне тогдашней западноевропейской юриспруденции. Он вернулся человеком с широким и глубоким гуманитарным образованием — философским и историческим, личностью, впитавшей идеи философии и науки «века Просвещения».

В духе эвдемонистических идей французских материалистов определял Поленов основную задачу науки. «Науки вообще упражняются в исследовании истины, дабы нам открыть прямой путь к приобретению постоянного благополучия». ²⁷

Поленову, однако, чуждо стремление механически переносить идеи западноевропейского просветительства на русскую почву. Это сказалось в его известном ответе, немедленно по возвращении из-за границы, на конкурсную задачу Вольного экономического общества, объявленную, по инициативе Екатерины II, в 1766 г. по вопросу о предоставлении крестьянам права собственности.

Конкурсный комитет Вольного экономического общества включил ответ Поленова во второй класс. «Писеса» Поленова была признана некоторыми членами конкурсного комитета «за лучшую и основательнейшую» после сочинения Беарде-де-Л'Абея. Однако другие члены комитета, «рассмотря сверх материи и самый слог, находят в оном многие над меру сильные и по здешнему состоянию неприличные выражения», и высказываются против печатания поленовского ответа. Общее собрание Вольного экономического общества, рассмотрев мнение конкурсного комитета, решило ответ Поленова «приобщить к прочим пьесам, вступившим во второй класс, однако, оный не печатать». ²⁸

²⁴ Письмо Поленова от 13 сентября 1765 г. Там же, стр. 467.

²⁵ Григорий Васильевич Козицкий, статс-секретарь Екатерины II, лектор философии и словесных наук, адъюнкт и «почетный советник» Академии Наук. По поручению гр. Орлова приводил в порядок оставшиеся после смерти Ломоносова бумаги; был депутатом в комиссии о сочинении «Нового уложения» и перевел екатерининский наказ на латинский язык (1770). См. Русский биографический словарь, т. Кнаппе — Кюхельбекер, 1903, стр. 39—40.

²⁶ Черновик письма Поленова к Козицкому. «Русский Архив», 1865, стр. 729.

²⁷ Из «предупреждения» Поленова к его переводу сочинения Фридриха II «Расуждение о причинах установления или уничтожения законов», СПб., 1769.

²⁸ См. «Русский Архив», 1865, стр. 730.

Сочинение же Беарде-де-Л'Абея и остальные ответы, за исключением Поленова, попавшие во второй класс — Вельнера, Мека и Граслена, — были опубликованы на языке оригинала,²⁹ а сочинение Беарде, кроме того, опубликовано в русском переводе.

Для оценки ответа Поленова следует рассмотреть ответ Беарде-де-Л'Абея.

* * *

Беарде-де-Л'Абей (Beardé de l'Abbaye, 1704—1771)³⁰ — французский экономист и агроном, выступавший против физиократов Кенэ и Тюрго. В своих сочинениях — *Essais d'agriculture* (1758) и *Recherches sur les moyens de supprimer les impôts* (1770) — Беарде, в противовес физиократам, отстаивавшим развитие «крупной культуры», т. е. крупного фермерского хозяйства, превозносит выгоды предоставления земледельцам права «мелкой собственности». Последняя привязывает крестьянина к его клочку земли, в то время как недостаточность такого участка для прокормления крестьянской семьи ставит крестьянина в тяжелую экономическую зависимость от помещика.

Но место Беарде в истории экономической мысли определяется не только этими работами, но и его ответом на вопрос Вольного экономического общества.

Характер этого ответа Беарде очень удачно выразил в девизе, под которым он прислал свою «пиесу»: *In favorem libertatis omnia jura clamat; mais est modus in rebus*: «В пользу вольности все права гласят, но есть во всем порядок и предел».³¹

На первых же страницах «пиесы» Беарде выступает против идей французского просвещения; он враг экономического либерализма, противник физиократов.

Беарде считает излишним и вредным разрешать общественные вопросы с точки зрения «естественного права». Он хочет разрешать эти вопросы, «не вступая в глубокие и бесполезные разыскания о праве естественном, общественном и народном, не ссылаясь ученым порядком на божественные и гражданские узаконения...» Он не собирается ни исследовать, «каким образом начались общества», ни касаться «до неизвестных оснований известного закона, древностию посвященного и властью утвержденного». Итти таким путем — значило бы, по мнению Беарде, «подвергать сумнению права царей» и потому «отверзти пути к мятежам, возмущениям и бунтам».³²

Беарде заявляет, что в его сочинении «не говорится о праве, но о деле». Он стремится «только изыскивать наилучшие способы к исправ-

²⁹ Dissertation qui a remporté le prix sur la question proposée en 1766 par la société d'économie et d'agriculture a St. Petersburg, a laquelle on a joint les pièces qui ont eues l'accessit, St. Petersburg, 1768.

³⁰ О Беарде см. La Grande Encyclopédie, t. V, p. 988. La France Littéraire, contenant les auteurs français de 1771 à 1796, par J. S. Ersch, t. I, 1797, p. 82. Grand Dictionnaire universel du XIX siècle, par Pierre Larousse, t. II, p. 420—421. Nouveau Larousse illustré, t. I, p. 796.

³¹ Перевод сочинения, присланного в Вольное экономическое общество в ответ на заданный в 1766 г. вопрос: *Что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел в собственности землю, или токмо движимое имение; и сколь далеко права на то или другое имение простираться должны?* — которое в собрании, бывшем 23 апреля 1768 г., влостоено обещанных в награждение за лучшее решение 100 червонцев и золотой медали, творец сего сочинения Г. Беарде Делабей. Труды Вольного экономического общества, часть осьмая, 1768, стр. 1—59.

³² Там же, стр. 4—5.

лению того состояния, в котором оно (т. е. дело.— И. Б.) ныне находится». ³³

Беарде считает такой «деловой» подход особенно необходимым и важным при разрешении поставленного Большим экономическим обществом вопроса о праве собственности крестьян в России, «где крестьянин ничего собственного не имеет». Поэтому, касаясь России, Беарде полагает совершенно невозможным «разыскивать о собственности принадлежащей народу от бесконечного времени». ³⁴

Он ставит себе задачу сперва, с точки зрения «политика», ³⁵ рассмотреть «полезно ли государству, чтоб крестьянин имел, или бы не имел какую-нибудь собственность», и затем перейти к разрешению вопроса — «каким образом должна произведена быть сия польза?» ³⁶ В соответствии с этим «писеса» Беарде распадается на две части.

В первой части, отвечая на вопрос: «Полезно ли государству, чтоб крестьянин имел или бы не имел какую-нибудь собственность»,— Беарде говорит, что предоставление крестьянину права собственности лишь на движимое имущество не имеет существенного экономического значения. «Имея только движимое, не можем почти назвать его владением; и я почитаю его за ничто, для того, что оно не приносит ничего и не производит ни единой пользы, происходящей от собственности земли...» Верно придавая значение основного хозяйственного стимула праву собственности на землю, на недвижимость, Беарде считает, что крестьяне должны получить землю в собственность. Он приходит к заключению, что «нет ничего полезнее для государства, как дать крестьянину землю в совершенное владение; и чем более распространится сия собственность, тем более умножится богатство и могущество государства». ³⁷

Но вторую часть, посвященную ответу на вопрос: «Каким образом должна произведена быть сия польза»,— Беарде начинает с предупреждения о необходимости очень постепенного и потому весьма медленного осуществления этого мероприятия, как и всех вообще социальных реформ, ибо «во всех как физических, так и политических приключениях... есть степени, есть цель, которых не должно пренебрегать благоразумию». «Первое искусство Политики,— поучает Беарде,— состоит, может быть, в точном и щастливом соединении времени и обстоятельств». Если в мире физических явлений только «созревший плод приятен вкусу и полезен здравью, который будучи съеден еще незрелый производит жесточайшие болезни», то еще большее значение имеет постепенность, последовательность в мире социальных явлений. ³⁸

В общественной жизни зрелость человека, готовность, способность его к восприятию реформ и потому самая возможность реформ определяется, по мнению Беарде, воспитанием.

Получив «вольность и собственность», крестьяне, не будучи к этому предварительно подготовлены, впадут, по мнению Беарде, в праздность, обрекут себя на голод, нанесут ущерб государству. А так как «воль-

³³ Там же, стр. 5.

³⁴ Там же, стр. 6.

³⁵ Законодателя-«политика» Беарде противопоставляет законодателю, который, «будучи только философ, скоро бы отдал землю свою на расхищение всем своим соседям» (там же, стр. 3—4).

³⁶ Там же, стр. 6.

³⁷ Там же, стр. 33.

³⁸ Там же, стр. 35.

ность и собственность сопряжены нераздельным союзом»,³⁹ то «должно приуготовить рабов к принятию вольности, прежде нежели будет дана им какая собственность». ⁴⁰

В чем должно состоять это воспитание «к принятию вольности»? Беарде считает, что, прежде всего, надо привить крестьянину жажду свободы, «чтоб он ее пожелал усердно»,⁴¹ тогда крестьянин начнет стыдиться неволи и «предпримет все, чтоб освободиться от такого состояния, которого он начнет стыдиться...» Это вызовет тем большее усердие в работе на помещика со стороны крестьянина, чем сильнее его стремление к свободе и собственности: «Услуги его усугубятся, и вы узнаете по усиленным его стараниям разные степени его стремления, чтоб свергнуть свои оковы». Таким образом, крестьянин сам себя подготовит к восприятию собственности и свободы. Поэтому, восклицает Беарде, «не делайте его господином самому себе, доколе он сам себя не учинит достойным быти таковым». ⁴²

Беарде подчеркивает выгоду, которую получают при этом помещики. Последние могут «благоденствиям» своим поставить самую высокую цену, то-есть, что крестьяне желаемой ими вольности иначе надеяться не должны, как за самые великие их труды». ⁴³

Но даже и при «великих трудах» крестьянина, свобода и собственность должны предоставляться не сразу, а лишь постепенно, частично: «Не давайте крестьянину вольности и собственности иначе, как по частям». ⁴⁴

Кроме того, это должна быть «малая собственность», привязывающая крестьян к месту ⁴⁵ и потому заставляющая их работать на земле помещика за кабально низкую плату или арендовать у помещика землю по кабально высоким ценам. «Словом: вельможи, у которых в руках находится немалая часть прибытков государственных, умножат также и свои собственные, даруя крестьянам собственность и вольность». ⁴⁶

Неудивительно, почему руководящая часть Вольного экономического общества, состоявшая из крупных аграриев, столь сочувственно отнеслась к Беарде. В его «писе» уживались модные передовые идеи о предоставлении крестьянам собственности на движимое и недвижимое имущество в форме, наименее опасной и наиболее выгодной для помещиков, с бесконечно медленным, в длинном ряду поколений, осуществлением этих идей даже в такой форме.

³⁹ Там же, стр. 24.

⁴⁰ Там же, стр. 40. Ту же мысль высказывает Беарде в § 11 своего рассуждения; «Узнав все прибыли, происходящие от собственности, крестьянам дозволенной, каким образом должно их до того доводить? Как могут они владеть землею, будучи сами во власти у других? Раб, сам в себе невластный, никогда не может иметь владения, как только немного; ибо собственность не может быть без вольности. Богатство, принадлежащее рабу, подобно брякушкам серебряным, у собаки на ошейнике висящим; все принадлежит господину. Излишне входить о сем в дальнейшие подробности; ясно, что прежде, нежели можно дать рабу какое именование, надлежит необходимо сделать его свободным» (там же, стр. 11—12).

⁴¹ Там же, стр. 41.

⁴² Там же, стр. 42.

⁴³ Там же, стр. 42.

⁴⁴ Там же, стр. 44.

⁴⁵ «Никогда не вздумают они бежать, сколь скоро прельщаемы будут хотя малою собственностью,— говорит Беарде.— Воззрите на примеры всех благоустроенных в Европе народов; подражайте оным. Богатые, не утруждая себя всегдашним надзором, получают исправно и порядочно свои доходы. Удовольствие видеть следующую везду за вами собачку... может ли сравняемо быть с тягостным трудом водить медведя?» (там же, стр. 51—52).

⁴⁶ Там же, стр. 57.

Беарде выступает как дворянский идеолог, говорящий о необходимости, по его мнению, мере уступок крестьянству.

Значительно больший интерес представляет ответ А. Я. Поленова. По глубине и сложности идейного содержания он значительно превосходит ответ Беарде и принципиально от него отличается.

* * *

В то время как Вольное экономическое общество, в соответствии с письмом Екатерины, ставило вопрос лишь об имущественных правах крестьян, ⁴⁷ Поленов говорит «о крепостном состоянии крестьян в России». ⁴⁸

Прежде всего, он останавливается на определении понятия «крестьянин»: «Крестьянин в общем знаменовании означает человека, имеющего постоянное жилище и пребывание в деревне, назначенного и упражняющегося в земледелии и что к нему принадлежит, не взирая, какой бы власти он подвержен ни был». ⁴⁹ Поленов дает, таким образом, определение крестьянина, независимо от общественного строя, т. е. определение, так сказать, в широком смысле.

Крестьяне в России разделяются, по Поленову, «на разные роды, смотря по тому: 1) Кому они принадлежат и от того называются государственными, дворцовыми, господскими. 2) На кого возложено обязательство — на человека или на землю, куда принадлежат крепостные и вольные. 3) Имеет ли кто землю или нет, чего для называются пахотными и бобылями». Но состояние всех крестьян в России («включая малороссийских») имеет одну общую характерную черту — неволю. «Состояние наших крестьян... равно, и они вообще, как сами в себе, так и в своем имении не вольны». ⁵⁰

Французские материалисты XVIII в. видели в предоставлении права собственности разрешение вопроса о естественных правах человека. С особенной силой это подчеркнул Гельвеций, считавший, что право собственности охватывает все — «мою личность, мои мысли, мою жизнь, мою свободу, мое имущество». ⁵¹ Энгельс, вскрывая реальную классовую сущность воззрений французских материалистов XVIII в., писал, что «существеннейшим из прав человека было объявлено право буржуазной собственности». ⁵²

Поленов, в духе этих идей, ставит задачей своего исследования — «рассмотреть, поскольку может быть вредительна или полезна неволя, которой подвержено наше крестьянство в отношении имения». ⁵³

Свое исследование он начинает с установления естественных «преимуществ собственности». ⁵⁴ Поленов исходит из учения Гельвеция о физических удовольствиях и страданиях, как единственных движущих силах поведения человека. ⁵⁵ Всякий человек, пишет Поленов, стремится

⁴⁷ «Что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел в собственности землю, или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простираются должны?» (Труды Вольного экономического общества, ч. IV, 1766, стр. 201).

⁴⁸ Впервые опубликовано в «Русском Архиве» за 1865 г., стр. 287—316.

⁴⁹ Там же, стр. 287.

⁵⁰ Там же, стр. 287.

⁵¹ Гельвеций. О человеке. Соцэкгиз, 1937, стр. 414.

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 18.

⁵³ Д. Поленов. О крепостном состоянии крестьян в России. «Русский Архив», 1865, стр. 287.

⁵⁴ Там же, стр. 288—292.

⁵⁵ Книга Гельвеция «De l'esprit» («Об уме»), вышедшая в 1758 г., пользовалась широкой популярностью и огромным влиянием на современников не только во Фран-

ся «искать того, что нам приносит действительное удовольствие, и убежать всего, что ему противно». ⁵⁶

Законодатель, указывает вслед за Гельвецием Поленов, должен уметь направлять эти склонности на общественное благо. «Должно знать приличные средства обращать к добру сии страсти и искусным образом их поощрять». Для крестьянства, которое «лишено всех с правами общества соединенных выгод и преимуществ», таким средством может и должно явиться, по мнению Поленова, «собственность в движимом и недвижимом имуществе». ⁵⁷

Предоставление крестьянину права собственности приведет к тому, что крестьянин будет «располагать и употреблять оное, смотря по своим выгодам». Крестьянин начнет тогда заботиться о «сохранении здоровья», о «приумножении семьи» и о «приличном воспитании» детей. В результате помещик будет исправно получать оброки. Население городов — «мещанство» — тоже «немалой должно надеяться пользы», получая кроме дешевых съестных припасов и ряд других товаров, как-то: пеньку, лен, шерсть, кожу и пр. Последние, представляя собою сырье для обрабатывающей промышленности, «служат к истреблению в народе праздной жизни и к прокормлению многих тысяч». Все это будет иметь следствием, по мнению Поленова, рост народного благосостояния, а потому и государственных доходов. «От владеющего собственным именем крестьянства все государство будет чувствовать великое облегчение: доходы его несравненно возрастут...» ⁵⁸

Крестьянину, обладающему правом собственности, Поленов противопоставляет «печальный образ» крестьян, лишенных права собственности, и потому не представляющих «ничего больше, кроме живых изображений лености, нерадения, недоверия, болезни...» Такое положение совершенно неизбежно, ибо лишенный собственности крестьянин «наперед знает, что от своих трудов никакой пользы, кроме опасности, истязания и насильства не получит». ⁵⁹

Все это приведет к отрицательным результатам для общества в целом.

«От сего происходит, что жизнь их (крестьян.— И. Б.) не долговременна, распространение человеческого роду великие находит себе через то препятствия, воспитание их служит не к исправлению, но к большему нравов растлению, и общество не только что не может в случае нужды на них надеяться ли получить какое вспомоществование; но... они ему всегда тягостны и требуют сами от него беспрестанной помощи». ⁶⁰

Поленов, наконец, приводит в защиту своего требования предоставить крестьянам право собственности аргумент, взывавший к чувству самосохранения господствующих классов, аргумент, игравший роль и через сто лет, в реформе 1861 г. Он говорит о политической опасности для государства при наличии массы людей, не имеющих собственности: «Человек, не имеющий никаких выгод, которые б могли его возбуждать

ции. Русский перевод глав этой книги, посвященных рассмотрению «источника страстей», появляется в ряде книжек журнала «Невинное упражнение» (1763, январь — апрель), издававшегося под руководством приятельницы Екатерины II — Е. Р. Дашковой и при деятельном участии И. Ф. Богдановича.

⁵⁶ Д. Поленов. О крепостном состоянии крестьян в России. «Русский Архив», 1865, стр. 288.

⁵⁷ Там же, стр. 289.

⁵⁸ Там же, стр. 289—290.

⁵⁹ Там же, стр. 290—291.

⁶⁰ Там же, стр. 291.

к сохранению такого общества, где он ничего не составляет и всегда страждет, должен мало иметь к нему горячности; он знает, что какая б в нем перемена ни случилась, то ему потерять нечего...»

Более того, Поленов отвечает, что «такие люди, не видя конца своим бедствиям, приходят в отчаяние и приступают к опасной для каждого общества крайности». И Поленов рекомендует во избежание «крайности», т. е. восстаний, революции, пойти на уступки крестьянству. «Чего для некоторые государи, для поправления бедственного состояния таких крестьян, уступали им с пользою собственность в имении или облегчали способ к получению свободы». ⁶¹ Поленов советует дворянам, как необходимую меру уступок предоставить права собственности и облегчить «способ освобождения» крестьян.

Доказав «преимущества собственности», Поленов ставит вопрос: каким же образом большинство людей оказалось лишенным этих преимуществ? Подобной постановкой вопроса Поленов возвышается над такими писателями, как Беарде-де-Л'Абей, которые принимали существующее положение как данное и сознательно отвлекались от каких бы то ни было исторических изысканий.

Поленов отвечает на поставленный им вопрос в специальной главе «О происхождении рабского состояния». ⁶² Он не придерживается теории «общественного договора», несмотря на свое уважение к автору этой теории — Ж. Ж. Руссо. ⁶³ Поленов, отвергая идиллическую теорию «общественного договора», придерживается теории А. Р. Тюрго, считавшего появлению рабствладельческих и вообще возникновение зависимых отношений результатом насилия, «продуктами войн». ⁶⁴ Поленов приходит к выводу, что «происхождение крестьянства... неотменно нужного в каждом сословии состояния, должно приписать насильствию». Поленов отводит основное место в этом «насильствии» — войнам. «Война... причиною сего бедственного состояния, в котором множество нам подобных страждут». ⁶⁵

Меньшую роль в этом «насильствии» Поленов отводит «добровольному» закабалению, отдаче себя в кабалу, распространявшемуся с развитием крепостнических отношений, свидетелем чего был сам Поленов. «Ежегодное искусство показывает нам, что многие, хотя по природе вольные, думая кончить свои бедствия и надеясь сыскать себе защиту, предпочли рабское состояние благородной вольности и тем вечно себя посрамили, а потомство свое сделали несчастливим». ⁶⁶ Поленов не вникает в причины этого «добровольного» закабаления, не видит его экономической основы.

Поленов связывает исторический анализ возникновения крепостного строя с его оценкой с точки зрения «естественного права», отчего тоже отказывался Беарде, рассматривавший общественное бытие как данное и не подлежащее критической оценке.

⁶¹ Там же, стр. 292.

⁶² Там же, стр. 292—296.

⁶³ В письме из Страсбурга, куда должен был приехать «знаменитый Руссо», Поленов заявляет, что «поговорить с ним... я сочту за особенную честь» («Русский Архив», 1865, стр. 703—704).

⁶⁴ См. его «Рассуждение о всеобщей истории»: «Первоначальные формы были неизбежными продуктами войн...» (А. Р. Тюрго. Избранные философские произведения, М., 1937, стр. 85). И в дальнейшем, по мнению Тюрго, главным источником развития рабства были войны: «Богатые перестали работать, рабы стали роскошью и товаром; сами родители продавали своих детей. Но источниками наибольшего количества рабов всегда были военнопленные или дети рабов» (там же, стр. 98).

⁶⁵ Д. Поленов. Указ. Соч. «Русский Архив», 1865, стр. 293.

⁶⁶ Там же, стр. 296.

Поленов принципиально отличается от Беарде в подходе к оценке общественных отношений. По мнению Поленова, положение крестьян, будучи результатом исторического развития, противоречит «естественному праву». «Естественное право... причины подобных установлений в себе не заключает; чтоб люди сами от себя добровольно на то согласились и подвергнули бы себя столь жесткому жребию, также поверить не можно, рассуждая особливо по врожденной в человеке к приобретению благополучия склонности и по непреодолимому стремлению к вольности». ⁶⁷

Поленов указывает, что «сие строгое и бесчеловечное право... сохранилось в полной своей целостности до наших времен». И «бедственное состояние» крестьян дошло до такой степени, что «они, лишившись всех почти... приличных человеку качеств, не могут уже видеть величину своего несчастья и кажутся бытьотягчены вечным сном». ⁶⁸ «Я не иахожу,— говорит Поленов,— беднейших людей, как наших крестьян...» ⁶⁹

Намечая выход из этого положения, Поленов, прежде всего, говорит о необходимости воспитать самих крестьян — «о учреждении крестьянского воспитания». Он говорит далее о необходимости предоставления крестьянам права владения недвижимостью и права собственности на движимое имущество — «собственности в землях с надлежащим ограничением и... уступлении им полной власти над движимым имуществом...» Поленов говорит и «о заведении для защищения крестьян отличных судов». Наконец, он предупреждает, что все эти реформы, всю эту «перемену» надо произвести с соблюдением предосторожностей. ⁷⁰

В XVIII столетии мыслители различных направлений — Вольтер и Руссо, Монтескье и Морелли, Гольбах и Гельвеций — придавали огромное значение воспитанию. Отсюда вывод философов XVIII века, что воспитание должно предшествовать, должно являться необходимой предпосылкой всякой реформы общественных отношений. Монтескье считал даже, что законы воспитания должны различаться в зависимости от формы правления, к восприятию которой подготовляются люди; предметом законов воспитания «в монархиях... будет честь; в республиках — добродетель, в деспотиях — страх». ⁷¹

Материалистическое крыло французской философии XVIII в., рассматривая человека как «продукт среды», считало, что среда формирует человека. При этом материалисты, в отличие от Монтескье, понимали под средой не только географическую, но, в первую очередь, общественную среду. «Не от природы, а от различия в государственном устройстве зависит любовь или же равнодушие различных народов к добродетели». ⁷² Поэтому Гельвеций под воспитанием понимает воздействие общественной среды на человека. Гельвеций, указывает Маркс, под воспитанием «понимает не только воспитание в обычном смысле этого слова, но и совокупность всех условий жизни индивидуума». ⁷³

Поленов в этом важнейшем теоретическом вопросе разделял более правильную материалистическую позицию Гельвеция. В предисловии к своему переводу сочинения Монтескье Поленов, отдавая должное Монтескье, призывает критически относиться к нему и прямо присоеди-

⁶⁷ Д. Поленов. Указ. соч., «Русский Архив», 1865, стр. 292—293.

⁶⁸ Там же, стр. 296.

⁶⁹ Там же, стр. 298.

⁷⁰ Там же, стр. 299.

⁷¹ Монтескье. О духе законов, кн. IV, гл. I, русск. пер., 1900, стр. 35.

⁷² Гельвеций. Об уме, русск. пер. 1938, стр. 215.

⁷³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 162.

няется к критике и взглядам Гельвеция. «Весь ученый свет известен о заслугах славного Монтескья, о которых каждый здравого рассуждения человек говорит с похвалою и почтением; однако, превознося его добродетели, не должно обоготворять его погрешности, ниже усмотря их, с неистовством восставать против сего великого мужа... Гельвеций, опровергая Монтескиево учение о различном положении стран и о происходящем оттого различии в правлении, вере и нравах народов, Бильфельд,⁷⁴ пороча оказываемое Монтескием чрезмерное почтение Макиавеллу и древним наставлениям Римской и некоторых других республик... заслуживают от всех похвалу».⁷⁵ Таким образом, Поленов разделял учение Гельвеция о формировании человека под влиянием общественной, а не географической среды, как учил Монтескье.

Французские материалисты считали, что если изменение законов имеет предпосылкой воспитание, то и обратно — законы определяют нравы людей. «Если законы хороши, то и нравы хороши, если законы дурны, то и нравы дурны», — писал Дидро,⁷⁶ не замечая сам порочного круга, в который он попал. «Положение «человек — продукт среды» приобретало следующий вид: взгляды человека — продукт среды, а сама среда — продукт взглядов человека. Нравы, воззрения и характер людей определяются законами, а сами законы определяются воззрениями людей. Образуется порочный круг, за пределы которого французские материалисты XVIII в. в своих общественно-исторических воззрениях не вышли».⁷⁷ Но в конечном итоге французская материалистическая мысль XVIII в. пришла к выводу, что идеи управляют общественной жизнью — «мнение правит миром».⁷⁸

В тот же порочный круг попадает и Поленов, развивая свои общественно-политические взгляды. При этом Поленов, вместе с французскими материалистами того времени, отводил, в конечном итоге, идеям роль главенствующего фактора общественного развития.

Поленов придает воспитанию решающее значение в «общенародном нравов исправлении», в «народном благополучии».⁷⁹ «Почти невероятно кажется, — говорит Поленов, — сколь много воспитание способствует к благополучию каждого общества, и для того оно первое место здесь занять должно...» Поленов считал, что «простой народ» обыкновенно бывает подвержен «великим порокам», среди которых он называет «невежество, суеверие, невоздержание, леность, легкомыслие...» Однако он верит в спасительную силу воспитания, при помощи которого «можно преобразить всякого человека, какого бы состояния он ни был». Круг воспитательных мероприятий, предлагаемых Поленовым, весьма узок.

⁷⁴ Бильфельд (Bielfeld, 1717—1770) — известный государствовед. Поленов здесь имеет в виду двухтомное сочинение Бильфельда *Institutions politiques*. Автор считает, что монарх должен любить свой народ и потому стараться дать ему счастье и благополучие. Государства, в которых естественная воля людей попирается, суть государства деспотические. Они неизбежно идут к падению. Но и чрезмерная воля может быть причиной упадка государства. Бильфельд — идеолог «просвещенного абсолютизма». Поэтому, по велению Екатерины II, сочинение Бильфельда было переведено на русский язык под названием «Политические наставления Бильфельда». Екатерина сама принимала непосредственное участие в переводе.

⁷⁵ Размышления о причинах величества римского народа и его упадка, с французского переведенные переводчиком Алексеем Поленовым в Санктпетербурге при императорской Академии Наук 1769 года. Предисловие переводчика.

⁷⁶ Дидро. Собр. соч., М.—Л., 1935 г., т. II, стр. 74.

⁷⁷ История философии, том II, Госполитиздат, 1941, стр. 421.

⁷⁸ Давая материалистическое объяснение явлениям природы, французские материалисты XVIII в. в объяснении общественной жизни были идеалистами.

⁷⁹ Д. Поленов. Указ. Соч. «Русский Архив», 1865, стр. 299.

Он сводится к заботам об элементарном образовании крестьян, да и то под руководством сельских священников, и к заботам о здравоохранении. Поленов рекомендует «в каждой деревне... учредить школу» и «завести лекарей в больших деревнях, которые бы... держали и аптеку». ⁸⁰

Но к чести Поленова нужно отметить противоречие, в которое он впадает. Несколькими страницами выше, говоря «О бедственном состоянии наших крестьян», Поленов прямо указывал, что в «исправлении» крестьян воспитание, просвещение не могут играть значительной роли, пока крестьяне остаются лишенными «соединенных с человечеством прав», и что поэтому решающее значение в «исправлении» крестьян имеет предоставление им «прав человечества». Лишь тогда крестьянин, «возвратив свои силы, вскоре переродится». ⁸¹

Таким образом, Поленов впал в противоречие с девизом, под которым он прислал свой ответ. Девиз гласил, что «добрые нравы ценнее хороших законов». Поленов же в своем рассуждении пришел к противоположному выводу, что «добрые нравы» невозможны без «хороших законов». А стало быть, правовое положение, общественные отношения определяют нравственность людей, самую возможность их воспитания.

Поэтому, вопреки девизу своего ответа, Поленов уделяет главное внимание рассмотрению вопроса о предоставлении крестьянам права собственности.

Приступая к этому кардинальному вопросу, Поленов говорит о необходимости самостоятельного его разрешения для России, так как «примеры с других брать здесь не нужно, но единственно нужно утвердиться на здоровом рассуждении и на правилах человеколюбия...» Поленов здесь, в согласии с Монтескье, объясняет это тем, что «всякое государство имеет свое особенное составление, погрешности и превосходства; и для того почти никогда не случается, чтобы законы и учреждения какого государства можно было с пользою применить к другому». ⁸²

В главе «О собственности в недвижимом имении» Поленов, по его словам, рассуждает не только с точки зрения «собственной крестьянина пользы, но и всех тех, кои в сей перемене необходимо имеют принять участие», т. е. также с точки зрения помещиков.

Для правильной оценки этого заявления нужно иметь в виду, что мыслители XVIII столетия, защищая свои проекты, всегда говорили об интересах всех слоев общества, всего общества в целом. Передовые мыслители того времени «совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его...» ⁸³ Да и обращались они со своими проектами к господствующим классам и потому должны были взывать к интересам этих классов. Но побудительным мотивом этого поленовского проекта были интересы крестьян, в противоположность Беарде, защищавшему, прежде всего, интересы помещиков.

Это принципиальное отличие Поленова от Беарде сказалось наглядно в таком важнейшем пункте, как величина площади крестьянского землепользования.

Беарде полагал, что это должна быть «малая собственность», представляющая собою «лучший способ, чтоб его (крестьянина.— И. Б.) удержать и привязать к своей стороне», ⁸⁴ т. е. обеспечить наиболее

⁸⁰ Д. Поленов. Указ. Соч., «Русский Архив», 1865, стр. 300.

⁸¹ Там же, стр. 298.

⁸² Там же, стр. 306.

⁸³ В. И. Ленин. Соч., т. II, стр. 315.

⁸⁴ Труды Вольного экономического общества, часть VIII, 1768, стр. 56.

выгодные для помещиков условия сдачи земли крестьянам в аренду и дешевые рабочие руки для обработки помещичьей земли.

Поленов, в противоположность Беарде, говорит, что «каждый крестьянин должен иметь довольно земли для сеянья хлеба и пастьбы скота и владеть оною наследственным образом так, чтобы помещик ни малой не имел власти угнетать каким-нибудь образом, или совсем оную отнять...»⁸⁵ Таким образом, Поленов отстаивает условия, обеспечивающие относительную экономическую независимость крестьян от помещиков, известную автономию крестьянского хозяйства.

Правда, Поленов не дошел до мысли о предоставлении крестьянам права собственности на землю. Он говорит об «ограниченном праве недвижимой собственности»,⁸⁶ т. е. о владении. Крестьянину не разрешается «продавать свою землю, или дарить, или закладывать...» Но его владение является наследственным. Крестьянину предоставляется земля во владение, «пока крестьянин исправно будет наблюдать все свои должности». В противном случае помещик «может его в наказание лишить сих выгод, как недостойного, и снабдить оными другого». Однако и здесь Поленов стремится оградить крестьянина от помещичьего произвола. Он требует судебного разрешения такого вопроса — «прежде нежели помещик может сие сделать, то дело должно быть рассмотрено в приличном суде»,⁸⁷ не понимая, что суд, зависимый от помещика, не может оградить крестьянина от произвола помещика.

Если в отношении «недвижимого имения» Поленов отстаивал для крестьян ограниченное право собственности, т. е. владение, то, по его мнению в отношении «собственности в движимом имении», которое состоит «в скоте и получаемых от земледелия плодах... крестьянам... должно дать полную власть и волю».⁸⁸ Поленов за полное, неограниченное право собственности крестьян на движимое имущество.

Поленов, однако, считает неизбежным нечто вроде выкупных платежей помещикам за «уступление» крестьянам движимого имущества, которые должны составить, к сожалению для Поленова, значительную сумму. При этом условия помещики бесспорно должны, по мнению Поленова, пойти на «уступление» крестьянам неограниченного права собственности на движимое имущество. «Довольно, ежели крестьянин,— замечает Поленов,— в знак своей благодарности платит ежегодно своему господину уложенную долю что исчислив, бесконечно больше составит, нежели что ему дано...»⁸⁹

Кроме того, Поленов предлагает и нечто вроде «отработков», правда, в очень ограниченном размере: «Требуемые от крестьян в пользу господина службы можно учредить таким образом, чтоб крестьянин один день работал на своего господина, а в протчие на себя».⁹⁰

Что же касается государственных податей, то Поленов предлагает установить их тоже в объеме, значительно меньшем, чем фактически существовавший в то время. Он предлагает установить государственные подати в размере «десятой или другой какой части со всех от земледелия происходящих плодов».⁹¹

Поленов очень обеспокоен происходившим в то время отходом части земледельческого населения в города, отливом рабочих рук из земледелия, которое он, вместе с физиократами, рассматривает как

⁸⁵ Поленов. Указ. соч., «Русский Архив», 1865, стр. 306.

⁸⁶ Там же, стр. 299.

⁸⁷ Там же, стр. 306.

⁸⁸ Там же, стр. 309.

⁸⁹ Там же, стр. 310.

⁹⁰ Там же, стр. 311—312.

⁹¹ Там же, стр. 311.

«самое нужное, самое прибыточное для всякого общества богатство», требующее «много народу», т. е. большого числа рабочих рук. С другой стороны, Поленов обращает внимание и на отсутствие «среднего состояния» (т. е. свободного городского населения, «мещанства». — И. Б.) и потому, «по выслании из городов крестьян, могут оказаться великие недостатки». ⁹²

Рецепт Поленова сводится к регулированию отлива сельского населения в город. Он рекомендует мероприятие, которое может возбудить «к трудолюбию» сельское население, «воспрепятствовать конечное запустение деревень» и, вместе с тем, пополнить свободное городское население, содействовать «созданию» мещанства. Поленов, в духе своего века, считал, что «третье сословие» в России должно быть «создано» искусственным путем, посредством законодательных мэр. Поленов рекомендует, «дабы тем больше возбудить к трудолюбию... дозволить богатым крестьянам записываться в мещанство, не просто, но с некоторыми договорами, дабы воспрепятствовать конечное запустение деревень». ⁹³

Большое значение придает Поленов учреждению «крестьянских судов», как средству внедрения законности и защиты интересов крестьян. Он предлагает учредить суды трех видов. Первый, низовой суд — это утверждаемые помещиком из числа крестьян «деревенские судьи», которые «должны решать самые маловажные дела» — мелкие гражданские дела между крестьянами. Что же «касается до важных между собою или с господином ссор, то учредить для того высшие крестьянские суды». Кроме того, Поленов предлагает учредить и апелляционную инстанцию — земские суды «из окольных дворян». ⁹⁴

Поленов не понимал, что судебная организация, целиком зависящая от помещиков, не может обеспечить внедрение законности, охрану интересов крестьян. Но со стороны Поленова это не была либеральная лазейка, для того чтобы обеспечить фактическое влияние помещиков на суд: Поленов, безусловно, заблуждался совершенно искренно.

Поленов уверяет, что его проект наилучшим образом обеспечивает интересы и крестьян и помещиков.

Крестьянин «будет свободно пользоваться дозволенными ему выгодами». ⁹⁵ Но и «дворянство, по ограничении самовольства, никакого вреда не претерпит». Правда, «с первого взгляда покажется, что уступление собственности и предписание постоянных податей и служб уничтожает знатную часть их над крестьянами прав». Но это, заверяет Поленов, лишь заблуждение, так как «сие не токмо им не вредно, но гораздо большую против прежнего принесет пользу». Тут же Поленов указывает дворянам, что «они удержат довольно прав, как-то, например, охоту, рыбную ловлю, власть над своими лесами... и напоследок, по обыкновению иностранного дворянства, можно им дозволить в рассуждении своих крестьян отправлять гражданской суд...» Не следует забывать, что Поленов, как и все просветители, обращался со своим проектом к господствующим классам. Он обращался к Вольному экономическому обществу — к организации дворян, помещиков, которых он должен был убедить в том, что его проект не нарушает их интересов.

Содержание поленовского проекта достаточно скромное. Но

⁹² Д. Поленов. Указ. соч., «Русский Архив», 1865, стр. 307—308.

⁹³ Там же, стр. 315.

⁹⁴ Там же, стр. 313—314. Поленов оговаривается, что уголовные дела «не подлежат сим судам».

⁹⁵ Там же, стр. 307.

Поленов, как и большинство передовых мыслителей его времени, как и французские материалисты XVIII в., боялся не только народной революции, но и опасался вообще крутых перемен. Он призывает поэтому к постепенному осуществлению своего проекта. «Известно, что сие вдруг без великой опасности произвести в действо не можно, и многими примерами уже подтверждено, сколь далеко в подобных случаях простирается неистовство подлого⁹⁶ народа; и так бесполезно принять такие меры, которые, не нарушая общего покоя, могли бы всем показать, что сии намерения клонятся к собственному их благополучию...»

Ставя осуществление своего проекта в зависимость от мнения дворян-помещиков, Поленов призывает не принуждать дворян к проведению этой реформы: «Дворянство, до которого особливо касается сие дело, ни мало к сему не принуждать».⁹⁷ Поленов, как и передовые мыслители его времени в Западной Европе, верит, что дворяне сами добровольно пойдут на социальные реформы, если только им показать, что эти реформы не только не нанесут им ущерба, но даже принесут пользу. Каждый из дворян, «будучи убежден собственною пользою, с доброй воли согласится ввести у себя такие учреждения, которые, не причиняя ему ни малейшего вреда, служат к благополучию таких, о сохранении которых человеколюбие и собственная польза повелевают ему прилагать всевозможное старание».⁹⁸

Ставя осуществление своего проекта в зависимость от воли дворян-помещиков, Поленов в то же время подчеркивает необходимость подготовки к реформе крестьян путем «воспитания», да еще под руководством священников, хотя, как мы видели, в другом месте Поленов сам не верит в действенность воспитания без изменения общественных условий. «Я за полезное признаю,— говорит Поленов,— приготовить наперед крестьян чрез воспитание, под предводительством благонравных церковников производиться имеющее».

Свою реформу Поленов предлагает осуществить сперва в отношении «дворцовых и государственных крестьян»,⁹⁹ из которых награждать сими выгодами только рачительных и добрых крестьян, а ленивых и злонаправленных до сих преимуществ не допускать». Это будет иметь значение «показания примера дворянству».¹⁰⁰ И тогда дворянство, убежденное логическими доводами и практическим показом, добровольно пойдет, по мнению Поленова, на осуществление его проекта.

* * *

В Поленове нужно различать две стороны: силу и страстность критики существующих социально-экономических порядков, изобличение вредности, зла крепостничества и в то же время нерешительность практической стороны его проекта, робость его предложений.

⁹⁶ Слово «подлый» имело в то время иной смысл, чем в нашем современном языке. Под «подлым» народом понимался «черный люд», «простонародие», т. е. низшие сословия. «Подлый — из черни, темного, низкого рода — племени, из рабов, холопов, крепостного сословия» (Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля, т. III, 1882, стр. 188).

⁹⁷ Д. Поленов. Указ. соч. «Русский Архив», 1865, стр. 314—315.

⁹⁸ Там же, стр. 315.

⁹⁹ Семевский верно отмечает, что «ссылка Поленова на дворцовых крестьян довольно неудачна, так как в это время почти все они были уже освобождены от барщины, платили умеренный оброк и вообще жили гораздо лучше крепостных, но между тем это вовсе не отзывалось благотворным образом на положении помещичьих крестьян» (Семевский. Крестьянский вопрос в России, СПб., 1888, т. I, стр. 87).

¹⁰⁰ Д. Поленов. Указ. соч., «Русский Архив», 1865, стр. 314—315.

Но при всей умеренности его предложений, при всех его апелляциях к помещикам, при всем стремлении показать выгодность своего проекта для помещиков, Поленов выступал не в защиту интересов помещиков, а с точки зрения «человеколюбия», «общенародной пользы», т. е. в интересах крестьянства, составлявшего наиболее многочисленную часть населения.

Пусть в своей практической части проекты Беарде и Поленова во многом, хотя, к чести Поленова, далеко не во всем, сходны. Но их исходные позиции различны. Беарде выступает с точки зрения дворянства, он ведет торг о вынужденной мере уступок крестьянству. Поленов же выступает в защиту крестьян, он говорит о тех выгодах, которые надо сохранить или предоставить помещикам, для того чтобы они не препятствовали и согласились улучшить положение крестьян.¹⁰¹

Это, повидимому, поняло и Вольное экономическое общество. Призвав «пиесу» Поленова «за лучшую и основательнейшую после нумера 154», т. е. после «пиесы» Беарде, общество постановило сочинение Поленова «включить во второй класс и удостоить определенных тому классу преимуществ, кроме печатания». Вольное экономическое общество опасалось печатать работу Поленова не из-за «материи», т. е. содержания его предложений. Общество возмутило «над меру сильные и по здешнему состоянию неприличные выражения», т. е. исходные философские, теоретические позиции рассуждений Поленова, и критика крепостничества с высоты этих позиций.

Идеи Поленова, направленные против крепостного строя, вместе с тем объективно отражали рост буржуазных отношений в крепостном хозяйстве и представляли собою защиту развития таких отношений.

Но это отнюдь не была сознательная защита интересов буржуазии под флагом отстаивания всеобщих интересов. «Нельзя забывать, что в ту пору, когда писали просветители XVIII века...— все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками...— замечает Ленин.— Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось».¹⁰²

Поленовская критика крепостничества возмутила дворянское Вольное экономическое общество. «Поленов в значительной степени покинул дворянскую точку зрения... Это чувствовали идеологи дворянства».¹⁰³

Очевидно, по этой причине не только сочинение Поленова, но и сам Поленов не получил соответствующего его данным «употребления». Его, образованнейшего юриста, не привлекают в екатерининскую «уложенную комиссию». В 1768 г. он, вместе с Башиловым, издает вторую

¹⁰¹ Поэтому основное различие между Беарде и Поленовым не в отдельных мероприятиях, как думают некоторые исследователи. Так, например, Хрущев считает, что Поленов был за «предоставление крестьянам имущественной собственности», в то время как Беарде доказывал, что «должно приуготовить рабов к вольности, прежде нежели будет дана им какая-либо собственность» (И. Хрущев, Очерк жизни и деятельности Д. В. Поленова, СПб., 1879, стр. 4). Как мы видели, именно этого различия между Беарде и Поленовым нет. С одной стороны, Поленов, как и Беарде, считал, что «должно приуготовить рабов к вольности, прежде нежели будет дана им какая-либо собственность». С другой стороны, Беарде, как и Поленов, за «предоставление крестьянам имущественной собственности». Различие между ними не столько в тех или иных конкретных предложениях, сколько в исходных теоретических позициях, коренящихся в различии их идеологий. Беарде сходится с Поленовым в некоторых предложениях, но он пришел к ним с противоположного конца — исходя из необходимых вынужденных уступок крестьянству.

¹⁰² В. И. Ленин, Соч., т. II, стр. 315.

¹⁰³ Г. В. Плеханов, История русской общественной мысли, т. III, М., 1919, стр. 61—62.

часть Никоновской летописи, а в дальнейшем он занят лишь переводами «при Академии Наук». ¹⁰⁴

Работа в качестве переводчика тяготила Поленова, и он просит, чтобы ему «дозволено было искать места в такой команде, где отправляются собственно до Юриспруденции касающиеся дела». ¹⁰⁵ Просьба Поленова «для определения себя в другую команду» была удовлетворена, ¹⁰⁶ и он получил свидетельство «для приискания себе места по знанию и способности в другой команде». ¹⁰⁷

В 1771 г. Поленов перешел в Сенат, в котором он прослужил 22 года, получил должность обер-секретаря и чин статского советника. ¹⁰⁸ В 1793 г. он покидает Сенат и становится советником заемного банка. В 1796 г. Поленов работает в «Комиссии о составлении законов Российской империи». В 1800 г. он вышел в отставку, проводя «остальное время жизни в тишине и в большом уединении». ¹⁰⁹ Поленов скончался в 1816 г.

* * *

Двойственность Поленова — радикализм в теории и в критике существующих порядков и робость его проектов — породили противоречивые оценки личности Поленова и его ответа на вопрос Вольного экономического общества.

Одни исследователи, обращая главное внимание на радикализм Поленова в теории и в критике крепостнических порядков, не замечали умеренности его проектов.

Другие, наоборот, подчеркивая умеренность проектов Поленова, ставили его в один ряд с защитниками дворянских интересов типа Беарде. Они не замечали, не понимали гуманных мотивов выступления Поленова — защиту интересов крестьян, а потому и некоторых существенных различий в практических предложениях Поленова и Беарде. Это относится в особенности, как мы видели, к предложению о величине площади крестьянского землепользования.

К первой группе исследователей относится проф. Коркунов. Он отметил лишь, что сочинение Поленова представляет «резкое осуждение крепостного права». ¹¹⁰ Но Коркунов ничего не говорит об отнюдь не резком характере предложений Поленова.

Сюда же надо отнести и акад. Сухомлинова, отмечавшего лишь, что Поленов «был одним из первых, писавших в России об уничтожении крепостного права». ¹¹¹ Сухомлинов принял резкую критику и осуждение крепостничества за предложение «об уничтожении крепостного права», чего, на самом деле, не было в проекте Поленова.

Ко второй группе мы относим тех исследователей, которые либо недооценивали Поленова в целом, либо, сосредоточиваясь на его весьма

¹⁰⁴ Главные из опубликованных его переводов: *Монтескье. Размышления о причинах величества Римского народа и его упадка*. СПб., 1769; *Рассуждение о причинах установления или уничтожения законов*, соч. Фридриха II, СПб., 1769; *Феофраст. О свойствах нравов человеческих*, СПб., 1772.

¹⁰⁵ Архив Академии Наук СССР, ф. 3, № 14. В учрежденную при Императорской Академии Наук комиссию покорнейшее прошение переводчика Алексея Поленова от 8 апреля 1771 г.

¹⁰⁶ Архив Академии Наук СССР, ф. 3, № 14. Копия с журнала академической комиссии апреля 8 дня 1771 г.

¹⁰⁷ Архив Академии Наук СССР, ф. 3, № 14. Свидетельство, данное Академией Наук переводчику Алексею Яковлеву сыну Поленову 12 апреля 1771 г.

¹⁰⁸ Список находящимся в статской службе чинам на 1793 год, стр. 49.

¹⁰⁹ «Русский Архив», 1865, стр. 736.

¹¹⁰ Н. М. Коркунов. *История философии права*. СПб., 1915, стр. 280—281.

¹¹¹ М. И. Сухомлинов. *История Российской Академии*, выпуск второй, СПб., 1875, стр. 169—170.

умеренных практических предложениях, не замечали или не уделяли внимания его исходным теоретическим позициям и страстной критике крепостнических порядков, либо не отмечали существенных отличий его практических предложений от предложений дворянских идеологов.

Проф. Святловский в своей «Истории экономических идей в России» ограничивается лишь упоминанием о том, что поступившее на конкурс Вольного экономического общества в 1767 г. мнение «страсбургского студента Поленова, писавшего по-немецки»,¹¹² не было напечатано. Святловский, явно недооценивая значение Поленова, видит самое характерное для Поленова в том, что он был «страсбургским студентом». Вдобавок, неизвестно, на основании каких источников Святловский заявляет, что ответ Поленова был написан по-немецки, в то время как Поленов писал свой ответ и в первой и во второй (смягченной) редакции на русском языке.

Проф. Романович-Словатинский считает, что «сочинение Поленова, написанное действительно страстным языком молодого поборника идеи освобождения крестьян, по своей материи не заключало в себе более радикального разрешения вопроса, как сочинение другого соискателя: восставая против *бесчестного торга человеческою кровию*, русский юрист не требует даже абсолютного его запрещения, а ограничивается повторением требования Петра Великого, чтоб по крайности продавали людей с землей, не разлучая от семейств».¹¹³

Романович-Словатинский, верно подчеркивая основное устремление Поленова — защиту интересов крестьян, сводит «материю», т. е. предложения к одному лишь требованию: запрету «бесчестного торга человеческой кровию», да и то не в форме «абсолютного запрещения» продажи людей, а «чтоб по крайности продавали людей с землей, не разлучая от семейств». У Поленова, действительно, такое предложение имеется.¹¹⁴ Но это предложение Поленова, так же как и у Беарде, не было ни единственным, ни даже наиболее характерным. Более характерными для обоих авторов являются предложения, касающиеся вопросов крестьянской собственности и наделения крестьян землей. В анализе этих предложений надо искать сходство и, главным образом, различие в пользу Поленова, между обоими авторами.

С. Вознесенский, фактически присоединяясь к мнению Вольного экономического общества, считает «наиболее основательным трудом» ответ Беарде. «Точку зрения Беарде-Делябея,¹¹⁵ — пишет Вознесенский, — отчасти разделял и один русский автор, Поленов...»¹¹⁶ Из сопо-

¹¹² В. В. Святловский. История экономических идей в России, т. I, П., 1923, стр. 102.

¹¹³ А. Романович-Словатинский. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Киев, 1912, стр. 384.

¹¹⁴ «Я не разумею здесь *конечное запрещение*, — писал Поленов, — но кто *намерен продавать*, то *должен продавать все вместе, и землю и людей* (курсив наш. — И. Б.), а не разлучать родителей с детьми, братьев с сестрами, приятелей с приятелями; ибо, не упоминая о прочих несходствах, от сей продажи порознь переводится народ, и земледелие в ужасной приходит упадок» («Русский Архив», 1865, стр. 298).

¹¹⁵ Вознесенский для характеристики взглядов Беарде приводит отрывок из его обращения к вельможам: «Нет, господа! Дав вольность крестьянам вашим, вы ничего не потеряете, но еще умножите ваши доходы. Вы гораздо вернее будете их получать; вы уменьшите заботы ваши и ваши страхи о работах сих бесчестных, от которых вы ныне очей ваших ни на час отвратить не можете, чтобы не узреть их праздных и без действия... Воззрите на примеры всех благоустроенных в Европе народов: подражайте оным. Богатые, не утруждая себя всегдашним надзиранием, получают исправно и порядочно свои доходы...» (Чтения в обществе Истории и Древностей Российских, 1862, кн. 2, смесь, стр. 127).

¹¹⁶ С. Вознесенский. Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в России. М., 1932, стр. 33.

ставления ответов Беарде и Поленова Вознесенский делает вывод, что, «если Беарде-Делябею в идеале рисовался вольный крестьянин — арендатор помещичьей земли, то Поленов хотел бы видеть русского земледельца в виде, примерно, «обязанного крестьянина», в какого стремился впоследствии превратить крепостных закон 1842 г.». ¹¹⁷

Таким образом, с точки зрения Вознесенского, Беарде представляется фигурой более радикальной и прогрессивной, чем Поленов, который лишь «отчасти разделял... точку зрения Беарде». На самом же деле, как мы убедились, Поленов не только в исходных теоретических позициях принципиально отличен от Беарде, выступая в защиту крестьян, как огромного большинства населения, но и в своих практических предложениях; при всей ограниченности этих предложений он стремится осуществить защиту крестьянских интересов. Беарде же выступает в качестве дворянского идеолога, торгующегося о мере уступок. Это и сказалось в предложениях о размере площади крестьянского землепользования. Решая этот вопрос, Беарде стремился установить для крестьян систему «малой собственности», т. е. сократить крестьянское землепользование до такой степени, чтобы превратить крестьян в кабальных арендаторов и кабальных батраков. Поленов же считал необходимым предоставить крестьянину «довольно земли», т. е. надел такой величины, «чтобы помещик ни малой не имел власти угнетать каким-нибудь образом» крестьянина.

А по Вознесенскому, стоящему, повидимому, на формально-юридической точке зрения, получается как раз наоборот: Беарде за «вольного крестьянина-арендатора», а Поленов за «обязанного крестьянина». Анализ Вознесенского — кривое зеркало, искажающее прогрессивное значение Поленова.

Характерно, что сочинение Поленова, пролежавшее почти столетие в пыли архивов, было извлечено и впервые опубликовано во время проведения крестьянской реформы 1861 г. Нет никаких оснований говорить, что Поленов оказал влияние на содержание реформы 1861 г., да и вспомнили о нем уже во время проведения реформы. Но современники реформы находили сходство между некоторыми пунктами реформы и предложениями Поленова.

Современник реформы — внук А. Я. Поленова, известный юрист и историк Д. Поленов, автор монографии о своем деде, писал: «Достоинно внимания, что многие из предложенных Поленовым в его исследовании мер, введенных с течением времени разными ведомствами нашего правительства, оказались вполне успешными». Автор монографии останавливается на основной мысли Поленова, что движимое имущество должно быть предоставлено «в полное и неприкосновенное... распоряжение крестьян», а «некоторое количество помещичьей земли должно быть также уступлено крестьянам за определенную повинность и с ограниченным правом, т. е. только в их наследственное пользование, но без права отчуждать ее каким бы то ни было образом». Автор монографии считает, что «мысль эта, конечно в более развитой форме, положена в основание и нынешнего (1861 г.—И. Б.) освобождения помещичьих крестьян от крепостного права». ¹¹⁸

Другой автор, тоже современник реформы, Я. Борзов напоминает предостережение Поленова о последствиях, «которые может иметь масса людей, не имеющая никакой собственности, масса, которая... знает, что какая бы... перемена ни случилась, то... терять нечего». Борзов

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Д. Поленов. А. Я. Поленов, русский законовед XVIII века, «Русский Архив», 1865, стр. 731.

приводит эти слова Поленова, как предостережение тем деятелям реформы, которые советовали «последовать примеру остзейцев»,¹¹⁹ т. е. провести реформу на основе сохранения земли за помещиками и обезземеления крестьян.

Повидимому, классовые симпатии к помещикам вызывают у Борзова сочувствие как раз к наиболее слабой стороне проекта Поленова — «о приготовлении народа к принятию и пользованию новыми правами через воспитание». По той же причине Борзов подчеркивает те предложения Поленова, сходные с положениями реформы, которые обеспечивали интересы помещиков. «Мысль... автора, — пишет Борзов, — об оставлении за помещиками прав на охоту, рыбную ловлю и леса, вполне вошла в положение 19 февраля (местное положение, ст. 29, 104, 105) и, наконец, предположение автора об удержании по возможности крестьян при занятии земледелием, также принято в положении, ибо в течение первых девяти лет с издания онаго, крестьянам дозволено отказываться от земли и переходить в другие сословия лишь при соблюдении довольно затруднительных условий».¹²⁰

Противоречия в идеологии, страстность критики существующего порядка, в то же время робость, оппортунизм в практических предложениях свойственны были, как известно, не только Поленову, но и величайшим мыслителям той эпохи. «Великие мыслители XVIII века, — говорит Энгельс, — как и мыслители всех предыдущих веков — не могли выйти из тех границ, которые им поставила их эпоха».¹²¹

Вникнув в сущность этих противоречий, поняв их как идеологическое отражение классовой борьбы в «век просвещения», найдя место Поленова в духовной атмосфере эпохи, отделив его истинные стремления от форм их выражения, порой вынужденных, мы увидим в лице Поленова передового, прогрессивного представителя русской экономической мысли 60-х годов XVIII столетия.

Идеи и предложения Поленова, в особенности его мысль о создании условий автономности крестьянского хозяйства от помещичьего, были объективно направлены на содействие буржуазному развитию, на дальнейший рост капиталистического уклада в феодально-крепостнической экономике России второй половины XVIII века.

¹¹⁹ В Прибалтике крестьянская реформа проведена была еще в начале XIX в. В 1816 г. было издано «Учреждение для эстляндских крестьян», в 1817 — «Учреждение о курляндских крестьянах», в 1819 — «Положение о лифляндских крестьянах». В результате этой реформы земля осталась у помещиков, крестьяне оказались обезземеленными и потому остались, хотя и в новых юридических формах, в экономической зависимости от помещиков.

¹²⁰ Я. Борзов. Заметка к статье А. Я. Поленова. Об уничтожении крепостного состояния крестьян в России. «Русский Архив», 1865, стр. 316—318.

¹²¹ Ф. Энгельс. Вариант введения к «Анти Дюрингу». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 358.

С. С. ГАДЗЯЦКИЙ

ПОЖАЛОВАНИЯ НОВГОРОДСКИМ СЛУЖИЛЫМ И ПОСАДСКИМ ЛЮДЯМ В СВЯЗИ С ЗАКЛЮЧЕНИЕМ ДОГОВОРА С ПОЛЬШЕЙ В 1686 г.

Русско-польская война за Украину и Белоруссию 1654—1667 гг. окончилась благоприятно для Московского государства. Могущество Польши было подорвано, и она перестала представлять серьезную опасность для русских земель. Вместе с тем, в результате войны произошло присоединение к Московскому государству Левобережной Украины и Киева. Присоединение Украины обострило отношения между Москвой и Турцией, претендовавшей на украинские земли, а это обострение отношений сблизило Россию с Польшей. В 1672—1676 гг. Польша безуспешно пыталась отразить турецкие нападения на Подолию и вернуть сделанные турками захваты. В 1676—1681 гг. Русское государство вело войну с Турцией и Крымом из-за Правобережной Украины. В 1683 г. началась война Турции с Австрией и с находившейся в союзе с ней Польшей. Внутренний кризис в Польше и ее борьба с Турцией содействовали тому, что Андрусовский договор по истечении его срока был продлен, а в 1686 г. был заключен договор между Польшей и Россией о вечном мире и союзе против Турции и Крыма. Договор закрепил навсегда за Русским государством земли, отошедшие к нему по Андрусовскому перемирию, а также признал его власть над Запорожьем. Весьма важным обязательством, принятым на себя московским правительством, было обязательство сткрыть в следующем, 1687 г. военные действия против Турции, послав войска в Крым. Договор 1686 г. был крупной победой русской дипломатии, так как он не только закреплял Украину за Русским государством, но являлся большим шагом вперед в деле объединения сил государств, боровшихся против Турции. Вслед за русско-польским договором 1686 г., в том же году последовало создание антитурецкой коалиции, в которую вошли Империя, Франция, Венеция, Бранденбург, Польша и Русское государство. Московское правительство придавало договору с Польшей 1686 г. большое значение. В связи с его заключением были объявлены щедрые пожалования служилым и посадским людям. Из текста указа о пожаловании служилых людей видно, что оно произошло в торжественной обстановке. Боярам, окольниковым, ближним и думным людям награды были объявлены в Грановитой палате, после того как вышли польские послы,¹ остальным чинам пожалования были «сказаны» в тот же день на Постельном крыльце.² Затем были разосланы грамоты в города. В Новгород грамота была отправлена 4 июня. Во вступитель-

¹ СГГид, IV, стр. 505.

² Там же, стр. 509.

ной части грамоты напоминаются условия Андрусовского перемирия, касающиеся оставления под властью Русского государства городов, завоеванных во время русско-польской войны, передачи некоторых из них Польше, а также условия владения пленными и трофейным имуществом, вывезенным в Россию. Подчеркнув, что, в соответствии с Андрусовским договором и соглашением о его продлении, города, пленные и трофейное имущество подлежали возврату Польше по истечении срока перемирия, грамота сообщает о состоявшихся в Москве переговорах с польскими послами и о заключении вечного мира с Польшей. Далее излагаются некоторые условия заключенного договора: признание польским королем нового царского титула, обязательства польского правительства относительно свободного исповедания православия и защиты православной церкви в Польше от притеснений, отказ от всех притязаний на возврат из России пленных и трофейного имущества и уступка в вечное владение Русского государства городов, занятых во время русско-польской войны, в том числе и Киева. После этого объявляется благодарность и награды лично П. В. Шереметеву, служилым и посадским людям. Затем следует предписание отслужить молебен и «сказать» новгородцам царскую милость. Указывая порядок объявления пожалований, грамота дает содержание речей, с которыми воевода должен обратиться к награждаемым, причем предусматривает особое обращение к служилым чинам, особое — к посадским людям и особое — к стрельцам. В этих обращениях отмечаются заслуги награждаемых и перечисляются царские милости, которыми они пожалованы. Пожалования перечислены, кроме текста самой грамоты, также и в приложенном к ней документе, который назван «росписью».

Анализ этих пожалований приводит к мысли, что московское правительство соблюдало разницу между «чинами» Русского государства. Опираясь на правящий класс — дворянство, правительство награждает представителей этого класса наиболее щедро, причем «пожалования» строго соотносятся с положением служилых людей. Высшие разряды служилых людей — московские чины — награждаются более значительными прибавками и к поместному и к денежному окладу. Служилая мелкота получала небольшие прибавки. При переводе части поместья в вотчину была сохранена единая пропорция для всех разрядов служилых людей — 20% поместных земель переводилось в вотчину.

Сопоставление текста грамоты, посланной Шереметеву, с текстом трактата, заключенного с Польшей 6 мая 1686 г.,³ и с текстом указа о пожаловании бояр, окольных и прочих служилых людей за заслуги их в войне с Польшей,⁴ показывает, что эти два документа были использованы при составлении грамоты, посылаемой в Новгород. Целые части грамоты почти дословно, а местами и дословно, переписаны из трактата и указа. Вместе с тем, грамота существенно от них отличается. Содержание договора с Польшей передано в грамоте далеко не полно. В ней ничего не сказано о заключении союза с Польшей против Турции и о принятых русским правительством обязательствах относительно открытия военных действий против Турции в 1687 г. Точно так же опущены пункты договора, касающиеся торговых отношений, и др. С другой стороны, некоторые вопросы изложены в грамоте, отправленной Шереметеву, гораздо подробнее, чем в тексте договора о вечном

³ ПСЗ, т. II, стр. 770—786, № 1186.

⁴ Там же, стр. 786—793, № 1187.

мире. В грамоте значительно подробнее перечислены города, присоединенные к Русскому государству. Сличение списка городов, данного грамотой, с текстом указа о пожаловании служилых людей, показывает, что он перенесен в грамоту из указа. Из указа же в грамоту перенесена вступительная часть, но сообщение о заключении договора изложено по тексту самого договора. Точно так же из договора включены в грамоту пункты о правах православия в Польше. В грамоте более подробно, чем в указе, освещено признание польским королем царского титула. Что касается части указа, в которой устанавливаются размеры придач к поместьям и денежным окладам для различных разрядов служилых людей, то она в переработанном виде дана в приложении к грамоте. В этом приложении перечислены придачи к окладам только тех разрядов служилых людей, которые были в Новгороде. Высшие чины, чины, ведаемые в дворцовых приказах, и некоторые другие, названные в указе, в росписи, приложенной к грамоте, отсутствуют. Остальные части грамоты являются оригинальными, не перенесенными из других документов. Они говорят о действиях, относящихся специально к Новгороду и городам новгородского разряда, а также лично к П. В. Шереметеву. Таковы те части грамоты, в которых объявляются награды самому Шереметеву, предписывается устройство молебствия по случаю заключения договора, указывается порядок объявления царских милостей, излагается содержание обращения к стрельцам и обращения к посадским людям. Последний раздел грамоты является особенно важным, поскольку в нем отражены факты, неизвестные из других источников и для суждения о которых грамота служит первоисточником и притом пока единственным. Текст грамоты заставляет предполагать, что специального указа о пожаловании посадских людей, подобного указу о пожаловании служилых людей, объявленному в Грановитой палате и на Постельном крыльце, не было. Грамота упоминает об этих указах, но не излагает подробно их содержания, ограничиваясь ссылкой на выборки из них, включенные в приложенную к грамоте роспись. Вместе с тем грамота указывает на размер части земли, переводимой из поместья в вотчину у новгородских дворян и детей боярских. Названными указами о пожаловании служилых людей переводом земли из поместья в вотчину были пожалованы только высшие и московские чины, на городовое же дворянство и детей боярских эта милость не распространялась. Новгородские городовые служилые люди явились в данном отношении исключением, и потому грамота указала установленный для них размер дачи земли в вотчину. Что касается пожалований посадским людям, то грамота не ссылается на указ, а говорит: «торговых и посадских людей пожаловали мы великие государи... и писано о том в сей же нашей великих государей грамоте ниже сего» (л. 96). И действительно, грамота подробно перечисляет пожалования посадским и «купецким» людям разных статей (на л. 97 об.—98). Лично П. В. Шереметев был пожалован переводом в вотчину 500 четей и придачей к денежному окладу 100 руб. Он действительно участвовал в русско-польской войне 1654—1667 гг. В начале войны он, будучи стольником, командовал ертаульным полком главных сил,⁵ затем служил головой у стольников.⁶ В конце 1656 г. ему было пожаловано боярство.⁷ В 1658 г. он участвовал в виленских переговорах с польскими послами,⁸ в последние годы войны находился

⁵ А. Барсуков. Род Шереметевых. Кн. IV, СПб., 1884, стр. 73, 76, 85—87, 90.

⁶ Там же, стр. 171.

⁷ Там же, стр. 335.

⁸ Там же, стр. 413—418, 429—431; кн. V, СПб., 1888, стр. 238.

на воеводстве в Севске⁹ и в Киеве.¹⁰ Тем не менее, награда, полученная Шереметевым, не являлась наградой, персонально установленной для него. Он получил пожалование в вотчину и придачу к окладу в размерах, определенных указом от 26 апреля 1686 г. для всех бояр.

Пожалования служилых людей по случаю установления вечного мира с Польшей заключались в передаче в вотчину известной части поместья служилого человека, фактически находившегося в его владении, и в придаче к его поместному и денежному окладам. Размер участка земли, жалуемого из поместья в вотчину, и размер увеличения поместного и денежного окладов зависели от чина служилого человека и определялись особой шкалой, приведенной в указе и грамоте. Такое пожалование не было чем-либо новым. Перевод поместья в вотчину и придачи к поместным и денежным окладам в награду за службу делались и раньше. Из ряда подобного рода пожалований назовем раздачу поместной земли в вотчину в начале XVII в. за московское осадное сидение при царе Василии в 1610 г.¹¹ Можно затем указать пожалование поместья в вотчину служилым людям, бывшим в походах 1654—1656 гг. во время русско-польской войны за Украину и Белоруссию,¹² а также пожалования, объявленные после заключения Андрусовского договора. Таковы же пожалование вотчинами участников русско-турецкой войны при заключении мирного договора с Крымом и Турцией в 1681 г.,¹³ награждение переводом поместной земли в вотчину служилых людей, приехавших по вызову и без вызова в Троице-Сергиев монастырь для защиты царей Ивана и Петра во время стрелецких волнений 1682 г.¹⁴ Были и другие случаи подобных пожалований.¹⁵

Если пожалование вотчиной за службу не было редким явлением, то награждение придачей к поместному и денежному окладу практиковалось еще чаще. Так, например, известны пожалования придачей к поместным и денежным окладам за осадные сидения в начале XVII в.¹⁶ Члены Земского Собора 1648 г. были награждены придачей 100 четей к поместному и 5 рублей к денежному окладу;¹⁷ в 1676 г. состоялся указ о придачах к поместным и денежным окладам дворянам и детям боярским Севского полка за службы на Украине.¹⁸ В 1678 г. получили поместные и денежные придачи участники Чигиринских боев;¹⁹ были также придачи во время русско-польской войны (1654—1667) и ряд других случаев.²⁰ Таким образом, формы пожалования служилых людей в 1686 г. были обычными.

⁹ Там же, кн. VI, СПб., 1892, стр. 173—174, 177—186, 199—200, 215, 245—249, 257, 260, 297, 299—313, 326—331, 334—338.

¹⁰ Там же, стр. 346—350, 394—430, 476—477, 480—484.

¹¹ А. Лаппо-Данилевский, Выслуженные вотчины в Московском государстве XVI—XVII вв. «Историческое обозрение», 1891, т. III, стр. 113.

¹² ПСЗ, т. II, стр. 13, № 631, стр. 33—34, № 640; т. I, стр. 670, № 400.

¹³ ПСЗ, т. II, стр. 304—306, № 863.

¹⁴ СГГД, ч. IV, стр. 465—469, № 155, ПСЗ, т. II, стр. 472—475, № 961.

¹⁵ ПСЗ, т. I, стр. 877, № 512.

¹⁶ А. Лаппо-Данилевский, Выслуженные вотчины в Московском государстве XVI—XVII вв. «Историческое обозрение», 1891, т. III, стр. 110.

¹⁷ В. Сторожев, Указная книга Поместного приказа. Опись документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ, т. VI, стр. 141.

¹⁸ ПСЗ, т. II, стр. 73—75, № 658.

¹⁹ Там же, стр. 181—183, № 739.

²⁰ ПСЗ, т. I, стр. 166—167, № 8; стр. 169, № 11; стр. 365—367, № 160; стр. 447, № 222; стр. 503, № 264; стр. 723, № 415; стр. 724, № 416; стр. 826, № 456; стр. 876, № 511; стр. 992—994, № 588; т. II, стр. 80, № 671; стр. 97—98, № 684; стр. 178—179, № 732; стр. 219, № 776; стр. 304—306, № 863; стр. 492, № 986; стр. 617—619, № 1075; стр. 823—897, № 1258.

Наше внимание привлекает самый факт пожалования. Прежде всего оно является сильно запоздалым, вследствие чего награждаемые получили вотчины и придачи не только за свои личные заслуги, но и за отцовские и дедовские. В указе, объявленном на Постельном крыльце, в обращении к служилым людям сказано: «Великие государи... вас... за службы дедов и отцов ваших и за ваши... в прошедшую войну в коруне Польской и в княжестве Литовском жалуют своим государским жалованьем». ²¹ То же повторено и в грамоте, посланной в Новгород (л. 95—95 об.). Нельзя не отметить также, что участники русско-польской войны уже были награждены сейчас же по окончании ее, о чем мы уже имели случай упомянуть. Следовательно, награждение 1686 г. было повторным. Эти наблюдения приводят нас к заключению, что пожалования 1686 г. не были наградами за реальную службу и что им была лишь придана форма награждения. На самом деле пожалования 1686 г. имели другое назначение, скорее всего они являлись субсидией для предстоявших далеких и тяжелых походов в Крым. Не случайно в записной книге Новгородского стола, вслед за текстом грамоты от 4 июня, следует приказание ратным людям Новгородского разряда «к государевой службе строитца и во всем быть на готове». Грамота об этом датирована 16 июля 1686 г. ²² Таким образом, грамота с объявлением пожалований отделена от грамоты с приказом о сборах в поход сроком менее чем в полтора месяца. Пожалования, сделанные в 1686 г., должны были поднять боевую готовность служилых людей, улучшая их материальную обеспеченность и поощряя к усердной службе похвалой и посулами дальнейших наград. Весьма скоро после рассылки в города грамот с объявлением царских милостей последовал и общий указ, предписывавший служилым людям готовиться к походу против крымского хана. Указ этот состоялся 3 сентября. ²³

В пожалованиях служилых людей — новгородцев мы отметили еще один момент: пожалование переводом земли из поместья в вотчину, которое не распространялось на дворян и детей боярских других городов. Это указывает на особое положение новгородцев. Действительно, они были более взысканы царскими милостями, чем служилые люди других городов. В грамоте от 4 июня 1686 г., отправленной в Новгород, имеется отметка о посылке таких же грамот и в другие города, в ней сказано, что грамоты посланы «против того ж, только не писаны в сих похвалы» (л. 100 об.).

Некоторые преимущества, оказанные новгородцам, объясняются тем, что они представляли один из наиболее надежных отрядов, на которые опиралось самодержавие. Во время событий 1682 г. новгородцы всех чинов — стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы, новгородские помещики и вотчинники, новгородцы-дворяне и дети боярские всех пятин, новокрещены и конные казаки проявили особую готовность к активным действиям против стрельцов: «Уведав на Москве смутное время,... приходили в Нове городе в Приказную палату и били челом... великим государем, а боярину и воеводе Ивану Васильевичу Бутурлину говорили со слезами, что они для спасения их государского многолетнего здравия в Троицкой Сергиев монастырь или где они великие государи укажут, идтить готовы». За это они были пожалованы придачей земли из поместий в вотчину по 5 четвертей со 100 четвертей оклада. ²⁴

²¹ ПСЗ, т. II, стр. 789, № 1187.

²² ЦГАДА. Разряд. Книга Новгородского стола № 31, л. 102—103.

²³ ПСЗ, т. II, стр. 812, № 1205.

²⁴ ПСЗ, т. II, стр. 721—722, № 1155.

Таким образом, на новгородцев был распространен указ от 25 октября 1682 г. о пожалованиях служилым людям, фактически приехавшим в Троице-Сергиев монастырь на защиту царей.²⁵ При награждении новгородцев было особо подчеркнуто, что «иных городов дворяном и детем боярским то не в образец», так как де новгородские служилые люди приходили к воеводе и просили «со слезами» отправить их в Троице-Сергиев монастырь «за многие дни» до посылки в Новгород государственной грамоты.²⁶ Действительно, на служилых людей других городов, даже входивших в число городов Новгородского разряда, пожалование распространено не было. Последнее видно из памяти относительно применения этого указа, посланной Разрядом в Поместный приказ 31 марта 1685 г.²⁷

Особый интерес представляют пожалования 1686 г. новгородским посадским людям. Основанием для награждения посадских и «купецких» людей было объявлено исправное внесение ими в казну пошлин и налогов. Этим они создавали средства, необходимые для ведения войны. Как указывает грамота, казна получала деньги на жалованье ратным людям от «денежных поборов», которые посадские люди платили, «не жалея пожитков своих». За это для них устанавливался новый повышенный оклад денежного жалованья. Кроме того, им предоставлялись льготы в торговле вообще, а также в торговле на Архангелогородской ярмарке ближайшего года, в частности. Льгота заключалась в установлении пониженных ставок таможенных пошлин. Что касается льгот в платеже пошлин и даже освобождения от уплаты недоимки по этим платежам торговых людей, то они были явлением обычным. Укажем для примера освобождение от уплаты недоимок, которым были пожалованы гости и купецкие люди гостиной и суконной сотен в 1681 г. по случаю заключения перемирия с Турцией и Крымом.²⁸ Совершенно новым для нас фактом является наличие у посадских людей окладов денежного жалованья.

Московское самодержавие опиралось не только на дворянство. Оно постоянно искало опоры в социальной верхушке посада.

Дворянство несло «государеву службу» — военную и гражданскую. Повинности посадского населения состояли главным образом в пополнении государственной казны. Основная масса прямых налогов падала именно на посадское население. С его торгов и промыслов поступали и таможенные сборы, составлявшие видную статью в московском бюджете. В состав посадского тягла входили, кроме платежей, еще и службы, главным образом хозяйственные и финансовые, — обслуживание казенных предприятий и торговых операций казны, сбор таможенной пошлины и питейной прибыли и т. п. Эти «службы» в какой-то мере приближали положение торговых людей к положению людей служилых. В конце XVII в. правительство делает и следующий шаг, назначая денежные оклады посадским и торговым людям за их службу. Как и при награждении служилых людей, оклады посадским людям соотносятся с их экономическим и социальным положением. Посадская верхушка — «лучшие» посадские люди — получают наиболее высокий оклад. Размеры оклада понижаются при переходе к другим категориям посадских людей — «средним и молодым».

Насколько нам известно, в исторической литературе указаний на существование окладов денежного жалования у посадских людей не

²⁵ Указ от 25 октября 1682 г. ПСЗ, т. II, стр. 472—475, № 961.

²⁶ ПСЗ, т. II, стр. 721, № 1155.

²⁷ ЦГАДА. Разряд. Стб. Новг. ст. № 330, л. 211—213.

²⁸ ПСЗ, т. II, стр. 309, № 864.

встречается. На первый взгляд, награждение денежным жалованием посадских людей за внесение ими средств на денежное жалование служилых людей представляется мерой, лишенной смысла. Между тем, текст грамоты не оставляет никаких сомнений в том, что посадские и купецкие люди имели установленные и притом дифференцированные оклады денежного жалования. Грамота об этих окладах гворит дважды (на л. 96 и на л. 97 об.). Самая сущность пожалования заключалась не в установлении окладов, а в их повышении. Посадским людям по случаю заключения вечного мира с Польшей велено было «оклады учинить перед прежним с прибавкою» (л. 98). Грамотой от 4 июня новые оклады были установлены для посадских лучших людей в сумме 10 рублей, для посадских средней статьи — 8 рублей и для меньшей статьи — 7 рублей. Очевидно, оклады существовали и раньше, но были меньших размеров. Несомненно, пожалование новгородских посадских людей новыми окладами денежного жалования тесно связано с установлением вновь поместных окладов и подтверждением уже существовавших окладов денежного жалования московским гостям. Указ об этом состоялся 17 января 1687 г. и также связывал пожалование с заключением договора о вечном мире с Польшей. Им были установлены следующие статьи окладов для московских гостей:

Поместный оклад 750 четвертей — денежный оклад 85 руб.					
»	»	700	»	»	80
»	»	650	»	»	75

Кроме того, гостю Ивану Юрьеву был учинен особый оклад — поместный в 900 четвертей и денежный в 90 рублей.

Обращает внимание, что, говоря об установлении денежных окладов гостям, указ ссылается на уложение и на пожалование в связи с перемирием с Турцией и Крымом: в указе сказано, что гостям велено учинить оклады «денежные и с прежними, что им написаны указною статьею в Уложение и что во 189 году им же гостям учинены за перемирие с Турским салтаном и Крымским ханом». ²⁹ Между тем, ни в Уложении, ни в указе от 3 мая 1681 г. об окладах гостей мы ничего не находим. Возможно, что указ от 17 января 1687 г. имеет в виду не Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г., а какое-то другое; равным образом, возможно существование помимо общего указа о пожалованиях в связи с заключением перемирия с Турцией и Крымом, еще особого одновременного указа о пожалованиях гостям.

В указе об установлении московским гостям поместных и денежных окладов имеются слова, проливающие свет на действительный смысл этой меры. Основанием для пожалования гостей указ называет не только то, что они денежные подати «в мимошедшие военные времена на жалованье ратным людям, не жалея пожитков своих, давали из торговых своих промыслов, пошлины платили», но и «многия их службы». ³⁰

В Московском государстве сбор пошлин и разного рода налогов, заведывание некоторыми казенными заведениями и промыслами были возложены на посадских людей и входили в их тягло. Во время войны службы эти значительно увеличивались в связи с увеличением числа и размера общих и специальных сборов. Кроме того, во время войны для посадских людей прибавлялась еще служба непосредственно в армии, так как они привлекались к организации снабжения войск и к работе по хозяйственному обслуживанию их. Посадские выборные вер-

²⁹ Там же, стр. 846, № 1233.

³⁰ ПСЗ, т. II, стр. 846, № 1233.

ные люди, целовальники, наряду с подьячими и приказными людьми, принимали, хранили и доставляли хлебные и другие запасы; посадских тяглецов посылали в войска хлебниками, харчевниками, квасниками и т. п.; они работали как мастеровые, в соответствии со своей специальностью, ремонтируя и изготовляя оружие и разного рода военное имущество. Кроме того, посадские люди несли гарнизонную службу — стояли на караулах, ходили собирать «вести» и т. д.

Рост территории и населения Московского государства, развитие государственного хозяйства увеличили тяжесть административно-финансовой работы посадских людей. За несколько лет до установления поместных окладов для гостей правительство нашло необходимым принять меры для внесения порядка в организацию службы посадских людей с целью более равномерного распределения ее тяжести. Указом от 11 декабря 1681 г. было предписано «разобрать и расписать и изровнять» службы гостей и посадских людей, причем устанавливалось, что гости должны служить в шестой год, а «гостинные и суконные и дворцовых и кадашевцам и конюшенных слобод и черных сотен и всех городов посадским людем и дворцовых больших сел и слобод крестьяном» — в восьмой, девятый или десятый год. Для работы по уравнению служб посадских людей должны были быть собраны представители гостей сотен, слобод, посадок и дворцовых сел, из которых бывают люди «у таможенных и кабацких сборов». Приказы должны были выделить для этой работы подьячих, земские и волостные старосты прислать окладные книги и сведения о числе людей по статьям о том, по скольку человек бывает в год во всяких службах, и другие необходимые данные.³¹ В качестве примера ведомостей о службах посадских людей, составлявшихся на местах в связи с этим требованием можно указать роспись псковичей выборных людей, несших службу в 1681 г. Необходимо отметить, что среди разного рода обязанностей, возложенных на псковичей, роспись упоминает службу у зелейных палат и у сбора стрелецких денег.³²

Еще более, чем службы в области государственного хозяйства и финансов, стала к концу XVII в. тяжела служба посадских людей в войсках. Войны происходили на далеких театрах военных действий. Посадский человек, попадавший в армию, надолго отрывался от своего дома и промысла. Самое обслуживание армии чрезвычайно усложнилось, так как численность армии возросла, причем основную массу войск составляли части, находившиеся на полном снабжении государства продовольствием, деньгами, оружием и боеприпасами, инженерным и хозяйственным имуществом. Те же причины, которые заставляли казну принимать на себя снабжение ратных людей хлебом и оружием и выдавать им денежное жалование, должны были побудить взять на себя обеспечение посадского человека, несущего службу.

Подобно тому, как служилого человека, являвшегося в полк конным, людным и оружным, со своими людьми в кошу, постепенно заменял рейтар, солдат, драгун, получавший жалованье и вооруженный казенным оружием, так же и посадского человека, питающегося от своего промысла, должен был сменить в войсках человек, служащий по снабжению и получающий за эту службу жалование. Грамота от 4 июня 1686 г. не дает указаний о порядке выплаты денежного жалования посадским людям. Вероятно, оно выдавалось только тем людям, которые служили, и только на время службы. Такой порядок существовал для

³¹ Там же, стр. 366, № 899.

³² Роспись служилым выборным людям во Пскове 1681 года. Сообщил И. Кушняков. «Москвитянин», 1853, XV, стр. 51—52.

значительных масс служилых людей и, надо думать, был установлен и для посадских. С окончанием службы служилый человек возвращался из армии кормиться в свое поместье, а посадский — к своему промыслу. Мы не располагаем сведениями о том, были ли введены оклады денежного жалования для посадских во всем государстве, или эта мера распространялась только на города Новгородского разряда. Некоторым указанием на то, что оклады денежного жалования не были установлены в городах, находившихся вне ведения Новгородского разряда, служит надпись на указе о пожаловании служилых людей, объявленном 26 апреля 1686 г. Надпись эта гласит: «Да такова ж сказка дана в Иноземской приказ и в Приказ Большия казны, велено из тех приказов сказать иноземцам генералам и полковникам и всяких чинов начальным людям, и гостям и гостинной и суконной сотне и всяких чинов торговым людям». ³³ Текст, к которому относится приведенная надпись, содержит объявление о заключении вечного мира с Польшей и о награждении служилых людей; о награждении посадских людей он умалчивает. Все это приводит к заключению, что «торговые люди всяких чинов» не только не были пожалованы по случаю заключения мира, но не удостоились и особого обращенного к ним указа с объявлением о мире. Награждены были только посадские люди городов Новгородского разряда, и награда им опубликована не общим приказом, а грамотами, посланными в эти города. Во всяком случае Новгородский полк был наиболее удаленным от тех мест, где Московское государство вело войны во второй половине XVII века, если не считать русско-шведскую войну 1656—1658 гг. Достаточно указать, что сборным пунктом для ратных людей Новгородского полка в 1687 г. был назначен город Сумы. ³⁴ В связи с этим служба людей Новгородского полка была наиболее тяжелая, безусловно требующая помощи со стороны государства для ее несения, что и могло быть причиной установления денежного жалования новгородским посадским людям на время пребывания их на службе.

Увеличение окладов новгородским посадским людям в 1686 г., как и придача к окладам служилых людей являлись одной из мер в цепи мероприятий по подготовке войны против Турции и Крыма.

Грамота П. В. Шереметеву от 4 июня 1686 г. предусматривала особое обращение к стрельцам, однако пожалование их по случаю заключения вечного мира ограничивалось объявлением похвалы; никаких реальных благ, подобных благам, полученным служилыми людьми других чинов и людьми посадскими, стрельцы не получили. Недавние выступления московских стрельцов скомпрометировали стрелецкое войско в глазах правительства. Стрельцам не доверяли, опасались их как войска, наклонного к «мятежу». При таких обстоятельствах «милостивое похваление» царей, объявленное стрельцам, само по себе являлось большой наградой; ее удостоились только новгородские стрельцы. В грамотах, разосланных в другие города, как мы уже отмечали, похвалы писано не было.

Основной вывод, какой можно сделать из награждения новгородских служилых и посадских людей, сводится к следующему. Правительство готовится к новой серьезной войне. Оно хочет, чтобы основная его социальная и политическая опора — дворянство — оказалась подготовленной к будущему походу. Отсюда — пожалования, усиливающие и укрепляющие материальную базу дворянства. Но правительство заинтересовано и в службе посадских людей в предстоящей войне.

³³ СГГД, ч. IV, стр. 509, № 174.

³⁴ ЦГАДА. Разряд. Книга Московского стола, № 131, л. 39 об.

Вот почему им тоже дается ряд льгот и преимуществ, укрепляющих их материальное положение.

Наблюдается также некоторое срастание посадской верхушки со служилым классом. Она отбывает «государеву службу» и получает «государево жалованье». Эти явления очень ярко скажутся в XVIII в. Публикуемая грамота показывает, что их корни уходят в XVII в.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1686 г. июня 4.—Грамота царей Ивана и Петра Алексеевичей и царевны Софьи Алексеевны в Новгород боярину и воеводам Петру Васильевичу Шереметеву с товарищами о заключении вечного мира с Польшей и пожаловании, в связи с этим, новгородских служилых, посадских и купецких людей, а также самого Шереметева.

л. 90 Таковы великих государей грамоты посланы о вечном миру с Полским королем.

1. От великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великие государыни благоверные царевны и великие княжны Софии Алексеевны всеа великия и малыя и белыя России самодержцев в нашу отчину в Великий Новгород боярину нашему и воеводам Петру Васильевичу Шереметеву с товарищи.

В прошлом во 175-м году у отца нашего, великих государей, блаженныя и вечно-достоинныя памяти у великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича (т.) учинено было с Полским Яном Казимером королем перемирье на тринадцать лет и на шесть месяцев. А потом у брата нашего великих государей, блаженныя ж памяти великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича (т.) //

л. 90 об. учинено было с Полским же Яном Третьим королем перемирье ж на другую на тринадцать же лет и на шесть месяцев. И в те перемирные лета уступили они, великие государи, их царское величество в сторону короля Полского и Речи Посполитой городов: Полоцк, Витепск, Диноборк, Лютик, Резицу, Велиж, Невль, Собеж со всеми уездами и землями. Да с теми ж городами дано в Полскую сторону в два перемирья денежной казны четыреста тысяч рублей. А Смоленск с пригородки и Черкаские городы оставлены были в стороне нашего царского величества толко на те ж перемирные лета, на время, такж и город Киев по первому перемирью удержан был в державе нашего царского величества толко на два года, а по выхождении дву лет договорено ево отдать королю ж Полскому и Речи Посполитой. И на том отец

л. 91 великих государей, блаженныя память // великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович (т.) и брат наш, великих государей, блаженныя ж памяти великий государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич (т.) пред святым евангелием трижды свое царское обещание учинили, что Киев отдать королю Полскому. И те перемирные лета ныне выходили. А что в тое прошедшую войну с королевством Полским и княжеством Литовским наши, великих государей, будучие в Польше и в Литве ратные люди поймали в полон и вывели в Росийские государства Полского и Литовского народу мужеска и женска полу шляхецкого и служилого чину и мещан и пашенных крестьян многие сот тысячи, также и костелных всяких утварей и украшеней и колоколов, и из городов и на боях пушек и всяких воинских орудей в те времена взяли, и то все, по тем же вышепомянутым

л. 91 об. перемирным договором, // оставлено было в стороне нашего царского величества толко на те перемирные лета; а по выхождении

перемирных лет, то все отдать было в сторону короля ж Полского и Речи Посполитой. И в нынешнем во 194-м году, милостию всемогущаго в Троице славимаго бога и предстательством надежды христианские пресвятые богородицы и всех святых молитвами, а нашим, великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великой государыни благоверной царевны и великой княжны Софии Алексеевны, (т.) и всего нашего государского дому счастием, будучи при нашем великих государей нашего царского величества дворе в царствующем великом граде Москве, Польского короля великие и полномочные послы Хриштоф Гримультовский воевода Познанский и канцлер великого княжества Литовского князь Марцыян Огинский с товарищи с нашими, царского величества, ближними бояры царственные большие печати и государственных // великих посолских л. 92 дел со оберегателем з ближним боярином и намесником Новгородским со князем Васильем Васильевичем Голицыным, з ближним боярином и намесником Вяцким з Борисом Петровичем Шереметевым, з ближним боярином и намесником Суздальским с Ываном Васильевичем Бутурлиным, з ближним окольным и намесником Шацким с Петром Дмитриевичем Скуратовым, з ближним окольным и намесником Муромским с Ываном Ивановичем Чаадаевым да з думным дьяком с Емельяном Игнатьевым сыном Украинцовым с товарищи, будучи в ответе о вечном миру и о святом покое, имели многие розговоры и трудности. И на тех розговорах о вечном миру и о святом покое согласно поговорили и постановили и утвердили, что между нами, великими государями, нашим царским величеством, и королевском величеством вечному миру и покою христианскому и обновленной и постоянной и утвержденной дружбе и доброй верности быть навеки непорушимо. И по тому договору уступили и написали // нам, великим государем, нашему царскому величеству многие прибылые славные у всех христианских государей титла, то есть нас, великих государей, писать в титлах пресветлейшими и державнейшими великими государями. Да они ж уступили писатися нам великим государем вечно Киевскими и Черниговскими и Смоленскими великими государями. Да по тем же договором быть вечно королевскому величеству святым церквам божним и епископьям Луцкой, Галицкой, Перемышльской, Львовской, Белороссийской, и при них монастырям архимандриям Виленской, Минской, Полоцкой, Оршанской и иным игуменствам и братствам, в которых обреталось и ныне обретается во всей коруне Польской и великом княжестве Литовском употреблении благочестивой грекороссийской веры всем живущим людем никакова утеснения и к вере римской и к унее принуждения не чинить и чинить не велеть, но по давным правам во всяких свободах и в вольностях церковных блюсти. А благосло // вение и рукоположение и постановление всем духовным принимать, которые ни есть в Польше и в Литве во благочестии, в богоспасаемом граде Киеве от преосвященного Киевского митрополита по духовному их чину и обыкновению безо всякого препинания и вредительства. Да королевское ж величество Полской и вся Речь Посполитая тем вечным миром в сторону нашего царского величества к Российскому царствию вечно уступили и отдали города: Смоленск, Дорогобуж, Белую, Рословль с уездами и со всеми к тем городом принадлежащим землями и угодья, как в прошедшие перемирные лета те города и земли в стороне нашего царского величества во владении и в державе были. Так же и з другие стороны в нашу царского величества сторону к Российскому царствию отдали королевское величество и Речь Посполитая города ж вечно: Чернигов, Стародуб, Почеп, Новгород Северской,

Глухов, Батуриин, Нежин, Переяславль, Гадичь, Полтаву и к ним // належашие города — к Переяславлю: Воронков, Барыш Поле, Барышевку, Гельмязов, Пешаное, Золотоношу, Домонтов, Крапивну, Ирыклеев, Боровлю, Воршицу, к Нежину и к Батурину и к Глухову: Королевец, Воронеж, Конотоп, Борзну, Носовку, Босан, Король, Кобыжну, Козарь, Ольшевку, Воткову, Девицу, Березну, Всеволож, Волотковичи, Иван городище, Бахмач, Новые Млины, к Стародубу и к Почепу и к Новугородку Северскому: Млины, к Чернигову: Седнев, Слободик, Любечь, Макашин, Мену, Сосницу, к Полтаве: Будищу, Старой Сенжаров, Голтву, Монжелевку, Булыклевку, Новой Сенжаров, Кобыляк, Белик, Соколку, Кишенку, Переволочну, Арель, Кременчюк, Остапьев, Белоцерковку, Яреск, Шишак, Бороновку, Жигимонтов, Красное поле да Миргород и к нему належашие: Хомуец, Хорол, Горошин, Чигирин, Дуброва, Жолкой да город Лубны и к нему належашие: Лукомль,

л. 94 Снятин, Сенча, Чернухи, Куринку, Попрятин, Журавку, // Варву, Серебренное, Иваницу да город Прилуки, а к нему приналежащие места: Ичню, Монастырище, Красное, Глинеск, Костентиновку, Корибутов, Городище, Смелое, к Гадичю: Зинков, Опошно, Роман и всю Малую Росию с войским Запорожским и со всем служилым и купецким и пашенным народом. И на той стороне реки Днепра богоспасаемый град Киев з городами с Стайками, с Трепольем, с Васильковым, с Вышъгородом и с местечкою Демидовкою всякого чина с людьми и со всеми к ним приналежащими землями и угоды, так же и вниз рекою Днепром от Киева до Кадака и тот город Кадак и Запорожской кош город Сечо и даже до Черного лесу и до Черного ж моря со всеми землями и реками и речками и со всякими приналежащими угоды, чем владели исстари запорожцы, которые все те вышеписанные города и земли и войско Запорожское и весь Малороссийской народ в нашу царского величества преславную и пременитую державу вечно оставатися быти

94 имеет неподвижно. А что в прошедшую войну // нашего царского величества всяких чинов ратные люди Полского и Литовского народа шляхты и войсковых всякого чину людей и мещан и пашенных крестьян пленом поимали и в Росийское в наше, великих государей, государства вывезли и костелных утварей и украшеней и колоколов и пушек и всяких воинских припасов взяли, и тому всему вышепомянному мужеска и женска полу шляхте и мещаном и пашенным крестьяном, которые ныне у бояр наших и у околничих и у думных и у ближних и у всяких чинов ратных людей в поместьях и в вотчинах поселены во крестьяня и в задворные люди и во дворех в холопстве, сим вечным мирным договором поставлено и укреплено, остатца в нашем царского величества Росийском государствии вечно ж, и впредь тому всему быти забвенну и непамятну. И теми договорными записями нашего царского

95 величества // и Речи Посполитой с великими и полномочными послы розменились.

И мая в 3-м числе мы великие государи, наше царское величество, о той всемирной радости с отцем нашим государевым и богомольцем с великим господином святейшим Иоакимом, патриархом Московским и всеа Росии, и с митрополиты и со всем освященным собором в нашем царствующем великом граде Москве молебствовали. И пожаловали мы великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевичь, Петр Алексеевичь и великая государыня благоверная царица и великая княжна София Алексеевна (т.) для постановления того вечного миру, милусердую о нашем государском синклите и о ратных и всякого чину людех, бояр наших и кравчих, и окольничих, и думных людей, и генера-

лов, и стольников и стряпчих, и дворян Московских, и дьяков, и жильцов и городских дворян и детей боярских и всякого чину служилых людей за службы дедов // и отцов их и за их, которые службы и ратоборство и мужественное ополчение и храбство показали и крови и смерти в прошедшую войну в коруне Полской и в княжестве Литовском не щедя голов своих принимали, велели для того святого покою дать нашего великих государей жалованья ис поместей их в вотчину и к денежным их, а иным чином и к помесным их окладом учинить придачи по указным статьям. И та наша великих государей милость бояром и кравчим и окольным и думным и ближним людям при нас великих государей объявлена. А тебя боярина нашего и воеводу Петра Васильевича за твои службы жалуем милостиво похваляем; и пожаловали мы великие государи нашим великих государей жалованьем за твои службы велели тебе боярину нашему и воеводе дать ис поместья твоего в вотчину пятьсот четьи, к денежному твоему окладу придачи сто рублев. А Московского чину // и всяких чинов ратным и служилым и приказным людям по нашему, великих государей, указу в царствующем граде Москве сказано на Постелном крыльце, а каких чинов ратным людям и почему помесного и денежного окладу к прежним их окладом учинить и ис поместья их в вотчину дать велено, и тому статьи под сею нашею, великих государей, грамотою за дьячьею приписью. Так же торговых и посадских людей пожаловали мы, великие государи, за помощь, которую они в денежных зборех на ратных людей и в полковых подъемах чинили, велели учинить вновь денежные оклады и в пощлинах льготу. И писано о том в сей же нашей великих государей грамоте ниже сего.

И как к вам ся наша, великих государей, грамота придет, и ты б боярин наш и воевода Петр Васильевич, видя к себе нашу великих государей милость, и впредь нам, великим государем, служил и наше, великих государей, повеление во всем исполнял со всяким усердием. // И поговоря з богомольцем нашим преосвященным Корнилием митрополитом Новгородским и Великолуцким, чтоб он был в соборную церковь; и архимандритом и игуменом и протопопу и священником и всем церковным причетником и градским служилым и жилецким всяких чинов людям велели ж быть в соборную ж церковь. И в соборной и по приходским церквам и в монастырех о нашем, великих государей, о многолетнем здравии и о мире и покое и о тишине и о благоденствии велели петь молебное пение з звоном. А после молебного пения стольником нашим и стряпчим и дворяном Московским и жильцом и начальным людям, Новгородским помещиком и вотчинником, и новгородцом городовым дворяном и детем боярским, и всяких чинов ратным и жилецким людям велели быти к приказной избе и велели сказать им, что мы, великие государи, жалуем их, стольников наших и стряпчих и дворян Московских и жильцов // и начальных людей и копейщиков и рейтар, и городских дворян и детей боярских и всяких чинов наших государевых ратных и жилецких людей, велели им о том вечном миру сказать, чтоб им всем то было ведомо. И за вышеписанные их ратных всяких чинов людей храбрые и явные и отменные службы и крепкое и мужественное в коруне Польской и в княжестве Литовском промыслы и поиски храбростью своею и мужеством чинили и нашему, великих государей, имени к чести и всему Московскому государству на хвалу по всем окресным государствам славно показали, жалуем их милостиво похваляем. Да их же Московских чинов и начальных людей и городских дворян и детей боярских и копейщиков и рейтар и салдат, которые из дворян и из детей боярских в той службе, пожаловали

- мы, великие государи, нашим великих государей жалованьем, велели им к прежним их окладом учинить придачи по указным статьям, какovy
- л. 97 об. под сею нашею, великих государей, // грамотою. Да им же ис поместей их в вотчину дать с окладов их со ста четьи по дватцети четьи, и на те их вотчины дать им наши, великих государей, жалованные грамоты, чтоб те их службы впредь детям и внучатом и сродником их были явны и впредь будущим родом на память. А новгородцов посадцких и купецких людей, что они в те мимошедшие военные времена наше, великих государей, повеление исполняли и на оборону святыя церкви и всего государства на жалованье нашим государевым ратным людем, не жалея пожитков своих, давали всякие денежные поборы, а с торговых своих промыслов платили пошлыны по торговому уставу с товаров по десяти денег с рубля, а с соли по три алтына по две деньги с рубля, и за то мы, великие государи, жалуем их милостиво похваляем. И пожаловали их посадцких людей велели им нашего //, великих государей, жалованья денежные оклады учинить перед прежним с прибавкою: лучшим людем по десяти рублей, средней статье по осми рублей, меньшей по семи рублей, да с них же с торговых их промыслов таможенные пошлыны на Москве и в городех перед прежним пошлынным взятьем с убавкою со всяких товаров по осми денег, а с соли по три алтына с рубля впредь сентября с 1-го числа 195-го сентября по 1 число 196-го году, а впредь со 196-го году с торговых своих промыслов платить им пошлыны по прежнему нашему, великих государей, указу. А у города Архангелского на ярмонке с вещей и не с вещей товаров, которые в нынешнем во 194-м году начнетца, а совершитца во 195-м году, пошлыны взять с убавкою ж против сего нашего, великих государей, указу по розчоту. А новгородским стрелцом, пятидесятником и десятником и рядовым велели сказать, что в прошлых годех деды
- л. 98 об. и отцы их и они сами //, будучи на наших великих государей, службах в полках з бояры нашими и воеводы в розных местех отцу нашему, великих государей, блаженные памяти великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю (т.) и брату нашему, великих государей, блаженные ж памяти великому государю царю и великому князю Федору Алексеевичю (т.) и нам великим государем служили и на полевых боях с Полскими и с Литовскими и иных земель с людьми билися, стояли во ополчении храбро и мужественно, и многих неприятских людей побивали, и теми своими многими и храбрыми службами нам, великим государем, к чести во окресные государства славу показали. И за те их службы мы, великие государи, жалуем их, пятидесятников, и десятников, и рядовых, всех милостиво похваляем. И они
- л. 99 б все, видя // такое милосердие божие, что его святою милостию христианская кровь уталилась, и учинилось нынешним вечном миром покой, и нашу великих государей к себе премногую милость и жалованье, воздали хвалу и благодарение господу богу и его матери пресвятой богородице и угодником его святым, и нам, великим государем, они Московских и иных всяких чинов ратные люди, и впредь служили со всяким усердием, и за те свои службы и за усердное раденье ожидали к себе наше, великих государей, милости и жалованья свыше прежнего. А посадцкие и купецкие потому ж на нашу государскую милость были надежны, а что усердие их в податях в нежелении пожитков своих у нас, великих государей, незабвенно, и они б о том были радостны и ожидали себе нашего государского милостивого призрения и впредь. А учиня о всем по сему нашему, великих государей, указу о том к нам, великим государем, писали, а отписку велели подать в Розряде думному нашему дияку // Василью Григорьевичю Семенову с товарищи.

Писан на Москве лета 7194-го июня в 4 день.

2. В нынешнем во 194-м году великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна (т.) для нынешняго вечного миру и покою с королем Полским пожаловали Московских и всяких чинов людей своим великих государей жалованьем велели им к прежним их окладом учинить придачи по сей росписи.

Стольников и стряпчим и дворяном Московским и началным людем и жилцом:

Помесного окладу по 200 четьи, денег по 20 рублей // да ис поместья л. 100
их дать в вотчину со 100 четьи по 20 четьи.

Городовым дворяном и детем боярским и рейтаром:

Выборным —

поместного по 150 четьи, денег по 12 рублей.

Дворовым —

по 120 четьи, денег по 10 рублей.

Городовым —

по 100 четьи, денег по 8 рублей.

А ис поместей их в вотчину со 100 четьи по 20 четьи.

Украинных городов детем боярским и казаком верстанным и полковым по 50 четьи, денег по 5 рублей.

А иных нижних чинов, которые помесными и денежными оклады верстаны, помесного по 50 четьи, денег по 3 рубля // л. 100
об.

Таковы великих государей грамоты посланы

В Великий Новгород

Во Псков. С стряпчим с Ываном Евсеевым сыном Бехтеевым

А во Ржеву Володимерову, и в Зубцов, и в Торопец, и на Луки Великие, во Тверь, в Торжок, в Старицу против того ж, толко не писаны в сих похвалы.

Грамота П. В. Шереметеву от 4 июня 1686 г. известна нам в современной ей копии. Она извлечена из фондов Центрального государственного архива древних актов. Грамота находится там в книге Новгородского стола Разрядного приказа 1685—1686 гг., значащейся по архивной описи под № 31. Книга эта, форматом в лист писчей бумаги, переплетена, находится в хорошей сохранности. В ней 115 нумерованных листов. На 1 листе книга имеет заголовок: «Книга записная воевод и всяких дел Новгородского стола нынешнего 194-году». Содержание ее обычное для записных книг: список воевод и приказных людей, росписи служилых людей, боеприпасов и разного рода имущества в полку и городах Новгородского разряда, копии указов и грамот, посланных в города Новгородского разряда. Публикуемая грамота записана в книге на лл. 90—100 об.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ СССР

Н. Я. Иванов. Из истории разгрома корниловщины	3
П. Г. Софинов. Роль южных районов в снабжении Советской республики продовольствием летом 1918 года	39
С. М. Драбкина. Крах продовольственной политики германских империалистов на Украине (февраль — июль 1918 года)	69
Н. А. Казакова. Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV веке . . .	111
А. Г. Маньков. Движение и география хлебных цен в Русском государстве XVI века	132
Н. Н. Улащик. Из истории рескрипта 20 ноября 1857 года	164

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

И. С. Бак. А. Я. Поленов (Философские, общественно-политические и экономические взгляды)	182
--	-----

ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

<u>С. С. Гадзяцкий.</u> Пожалования новгородским служилым и посадским людям в связи с заключением договора с Польшей в 1686 году	203
--	-----

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *Ц. М. Подгоренская*
Технический редактор *М. Л. Темерлин*
Корректор *В. К. Гарди*

*

РИСО АН СССР № 3451, А-01409. Издат. № 843
Тип. заказ № 1397. Подп. и печ. 10/1 1949 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. Печ. л. 13³/₈. Уч.-изд. л. 19,5
Тираж 4000.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР.
Москва, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
37	23 св.	„быковские	„быховские
37	24 св.	г. Быкова	г. Быхова
37	27 св.	„Быковские	„Быховские
82	13 св.	вывоз	ввоз
82	14 св.	ввоз	вывоз
92	1 св.	Д С. М рабкииа	С. М. Драбкина
117	1 сн.	34	44
161	Табл. 8, гр. 1-я 7 сн.	1573	1576
171	22 сн.	<i>предполагается</i>	<i>предлагается</i>
178	2 сн.	podda stwa	poddañsiwa